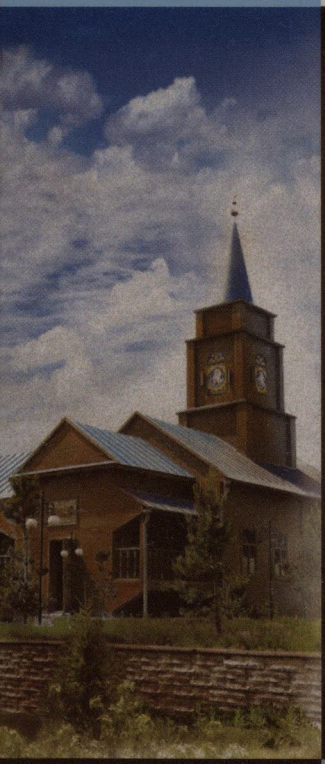
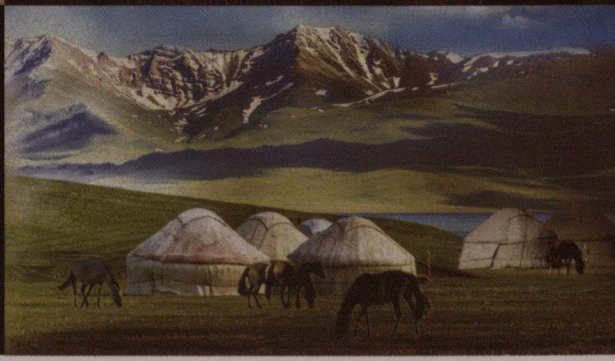
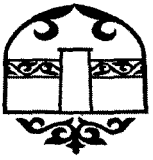
КУНАНБАЙ



Ерлан Сыдыков



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2015

(1815)

Ерлан Сыдыков

КУНАНБАЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 821.512.122(092)
ББК 83.3(5Каз)-8
С 95

знак информационной продукции 16+

ISBN 978-5-235-04346-6

© Сыдыков Е. Б., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кунанбай Ускенбаев (Оскенбаев)(1804–1885) больше известен в наше время как отец великого казахского поэта и мыслителя Абая Кунанбаева (1845–1904), чем как своеобычная, исключительная личность в казахской истории. Между тем в XIX веке авторитет Кунанбая-кажи*, как уважительно именовали в народе патриарха рода Тобыкты, в традиционном казахском обществе был очень высок, его известность простиралась до самых отдаленных уголков степи. Абай в глазах соплеменников предпочитал оставаться в тени высокого образа своего отца, хотя уже при жизни снискал большое признание у многих ценителей поэзии как оригинальный поэт, реформатор языка и стиля. Благодаря просветительским усилиям русских друзей Абая его имя знали и за пределами Казахстана. Но широкого распространения в родной казахской степи стихи Абая не нашли. И дело было не в каких-то особенностях его поэзии, вызывавшей непонимание или неприятие, и даже не в отсутствии в степи печатных средств массовой информации. Лишь в 1889 году в газете «Дала уалаяты», издававшейся в Омске, были опубликованы два стихотворения Абая – единственные прижизненные публикации поэта (да и то под именем Кокбая, его ученика).

Уже после смерти поэта, в 1909 году был издан первый сборник стихов Абая, однако он по-прежнему был чтим лишь в среде казахских интеллектуалов, оставаясь малоизвестным в народе, ибо поэт не вписывался ни в одну из устоявшихся в веках категорий творцов казахской фольклорно-поэтической культуры – жырау, акынов, салов,

* Кажи (хаджи) – почетное звание мусульманина, совершившего хадж (паломничество) в Мекку.

сери. Не сильно помогала и легендарная устная традиция запоминания и распространения в народе сочинений степных творцов, поскольку Абай, строго говоря, не входил в структуру традиционной казахской поэзии, и нужно было время, чтобы произведения реформатора казахской поэзии, облеченные в письменную форму, дошли до массового читателя.

А вот личность Кунанбая отпечаталась в памяти народа с отчетливостью классического образа предводителя, сродни великим древним каганам тюрок. Даже спустя десятилетия после ухода кажи из жизни в казахском обществе хранились воспоминания об уникальном стиле его правления и в качестве главы рода, и на посту ага-султана (старшего султана) Каркаралинского округа, и в должности бия – судьи в народной судебной системе. Он снискал уважение не только постоянным, можно сказать, неустанным вниманием к нуждам сородичей и требовательностью, повышенной строгостью по отношению к ним – качествами, оцениваемыми в кочевой среде по самым высоким меркам ввиду их насущной необходимости в экстремальных условиях жизни в степи. Подобные черты были органично присущи лишь отдельным, поистине редкостным индивидуумам, которых выдвигала сама национальная среда, – редкостным, потому что правитель в кочевом обществе помимо сильного характера должен был обладать даром убеждения, интуицией, красноречием, знать психологию народа, обычаи, традиции, законы, как принятые в казахском обществе, так и привносимые внешним управлением. Но еще он должен быть носителем и хранителем суммы знаний, накопленных тысячелетним опытом предков-кочевников, обитавших в степи. А это подразумевает не только владение практическими навыками кочевого скотоводства – основного способа хозяйствования – для осуществления грамотного и эффективного управления, но и глубокое проникновение в суть культурно-исторического ядра тюркского мира. В него входят высочайшие морально-этические нормы, бытующие в среде степных кочевников с незапамятных времен, а также духовно-нравственные традиции, берущие начало в веровании в бога Тенгри, возникшем у тюрков в глубокой древности, и продолженные в исламе.

Таким универсальным национальным лидером и был Кунанбай. Как бий и глава рода он считал своим долгом передавать сородичам опыт жизни в суровых условиях открытого степного пространства, лишенного защищен-

ных от природных стихий стационарных строений, какими обзавелись в ходе эволюции земледельческие народы. Тюркская кочевая цивилизация тысячелетиями проявляла устойчивость именно благодаря навыкам выживания в степи. Знания передавались изустно из поколения в поколение, а конкретно – от одного носителя народной мудрости к следующему. И каждый из них обязан был доносить эти сведения до всех сородичей, не оставляя без внимания даже самого незадачливого члена общества, прививая чувство солидарности и взаимовыручки: если терпит нужду одна семья, помочь ей обязан весь род.

Добиться понимания в общине было непросто, но это в полной мере удавалось Кунанбаю. Он был воплощением подлинной власти в традиционном казахском обществе, которая не исполняла регулярной надзирающей или полицейской функции – это излишне и просто неуместно в кочевой среде. Власть в степи – это сплав справедливости и знаний, за которыми и шел к Кунанбаю народ, чтобы напитаться многовековой мудрости. Он олицетворял саму казахскую историю.

Но сверх того, сущностная причина глубокого и неизменного уважения народа к Кунанбаю состояла в том, что кроме перечисленных качеств он обладал поистине народным характером, что более всего отражалось в его решениях и деяниях. Он был достаточно жестким руководителем, суровым не только с виду, но и на деле. Примеров крутых действий с его стороны по отношению к нарушителям правил и устоев предостаточно – многие из них сохранились в народной памяти в виде легенд. Однако своеобразная, в определенном смысле абсолютная справедливость, неизменно присутствовавшая в решениях, поступках, делах и парадоксальным образом соседствующая с ней доброта окупали всё. Его указания, даже самые строгие, принимались безоговорочно. Сохранилось много историй, когда он вроде бы наказывал отступников, однако на деле получалось, что кажи спасал, наставлял, поучал людей, направляя на праведный – в его, конечно, понимании – путь. Он всегда сам шел на помощь сородичам. И выходило, что даже в формате традиционной, достаточно суровой, а для постороннего взгляда архаичной и бессистемной родо-племенной власти он был человеком добра. Кунанбай стремился привить людям умение трудиться и жить в ограниченных рамках степного хозяйства, по сути автаркического, прекрасно зная, насколько жестоки бывают условия жизни в

степи, где в летний зной или в лютые морозы человек не должен оставаться один, а значит, родственные узы, взаимопомощь, готовность выручить попавшего в беду не должны быть случайными чувствами, но обязаны присутствовать постоянно, неуклонно, безоговорочно.

Вот почему он был для казахов средоточием их мировидения. Под внешней суровостью от него исходил свет доброты, который помогал людям одолевать тяготы жизни. Неспроста многочисленные изречения Кунанбая, на которые он не скупился и при большом стечении людей, и в личных беседах, запоминались народом и расходились на цитаты в устной форме.

Однако позже, уже в XX веке, отношение к Кунанбаю в обществе существенно изменилось в связи с выходом в свет романа-эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая», который обрел огромную популярность. Четыре тома этого произведения были изданы с 1942 по 1956 год, сразу переведены на русский язык, а впоследствии и еще на 30 языков народов мира. Роман принес заслуженную славу автору. Что очень важно, благодаря роману получил мировую известность Абай, справедливо признанный национальным эталоном мудрости, классиком казахской литературы. Его стихи, горячо любимые и почитаемые в казахской среде, переведены с тех пор на десятки других языков. А философские размышления («Книга слов») по сей день воспринимаются как нравственные основоположения бытия казахов, сущностное истолкование духа нации.

Значение романа «Путь Абая» для казахской культуры трудно переоценить. Книгу по праву называют сокровищницей казахского языка. Великолепный стиль Мухтара Ауэзова все же недооценен в иноязычной сфере в силу неизбежных трудностей перевода, однако и в переводных вариантах роман вызывает восхищение читателей. Именно это художественное произведение, можно сказать, впервые широко и популярно представило миру казахский народ и, как никакое другое, способствовало его интеграции в мировую культуру. Поэтому заслуга Ауэзова не только в том, что он явил миру гений Абая. Не будет преувеличением сказать, что через его роман человечеству открылся самобытный мир казахского кочевья.

Вместе с тем в художественном произведении возник «новый» Кунанбай, которого автор наделил крайне отрицательными чертами. Писатель мастерски создал символический образ алчного и жестокого «степного феодала», не

проявляющего заботы о своем народе, – эта благородная функция всецело отдана сыну. Причина, по которой Ауэзов вынужден был демонизировать образ отца Абая, более чем серьезна. Он просто не мог без риска для романа живописать благородного родоправителя. Советская власть в ту пору всех зажиточных степняков, а тем более глав родов, причисляла к баям-феодалам, которые были объявлены классовыми врагами. Положительного главу рода, заботящегося о народе, каковым в действительности был Кунанбай, идеологические работники не допустили бы до читателя, и роман, вероятно, пошел бы «под нож». И тогда гораздо труднее был бы путь Абая к читателям, иной стала бы стезя самого Мухтара Омархановича и, возможно, судьба литературного казахского языка. То есть цена решения по Кунанбаю была предельно высокой.

Можно представить, как терзался и мучился Ауэзов. В процессе работы над романом он не менее четырех раз писал «научную биографию» Абая, и всякий раз Кунанбай представал в ней в новом свете. Самый ранний ее вариант был подготовлен в 1924–1927 годах, а опубликован в 1933 году. В нем кажи показан вдумчивым, терпеливым человеком, настоящим законником, справедливым родоправителем. Ауэзов сразу попал под огонь критики казахских литературных адептов большевизма и в последующих научных работах уже писал об отце Абая только как о жестоком феодале, «видном члене господствующего класса». Таким Кунанбай изображен и в романе.

Мухтар Ауэзов знал, что другого пути нет. Еще в 1930 году он был арестован по обвинению в связи с организацией казахских писателей «Алка» (существовавшей только на бумаге), а на деле – за поддержку в первые послереволюционные годы правительства Алаш-Орды, стремившегося к созданию суверенного казахского государства. Писатель был обвинен в буржуазном национализме и провел два с половиной тяжелых года в тюрьме. Выйдя из заточения, он опубликовал письмо с признанием идеологических ошибок в литературном творчестве и отказом от некоторых ранних рассказов и пьес. Впоследствии он писал: «В 1932 г., решительно осудив свои идейные и творческие заблуждения, я начал работать по-новому как советский писатель, драматург, прозаик, как исследователь истории казахской литературы, как педагог и лектор в казахских вузах». Это была стандартная для тоталитарного режима процедура «покаяния». Тем не менее позже Ауэзову не раз припоминали ала-

шординское прошлое, и угроза нового ареста нависала над ним дамокловым мечом.

Вот почему писатель вынужден был создать в книге «Путь Абая» столь непригляный образ Кунанбая. Кажи предстал в ней классовым врагом, к которому нет уважения со стороны положительных героев романа, включая четырех его жен. Даже мать Кунанбая Зере жестко осуждает сына: «Не знает он жалости, не знает!» Сквозной идеей через роман проходит тема конфликта отца и сына – Кунанбая и Абая, которая закрепилась затем в научных изданиях. Например, в третьем томе «Истории Казахской ССР» (1979) речь идет о реальной личности, но перед нами предстает литературный персонаж Кунанбай: «Насильно втянутый волей отца в тягостные дела родовых распрей, Абай долгое время жил в большом разладе с отцом. Он не мог мириться с несправедливостью и жестокостью отца и часто шел вразрез с его интересами, вынося беспристрастные решения. Кунанбаю было ненавистно поведение сына – и то, что друзей и советников он искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. Между властным отцом и правдивым, непокорным сыном происходили серьезные стычки, готовые вылиться в разрыв».

В реальности никакого категоричного, принципиального антагонизма, конечно, не было. Известные ныне воспоминания родных и близких Абая – его сына Турагула, верного ученика Кокбая, племянника Какитая, его сына Архама, Ахата (правнука Кунанбая и сына Шакарима), других знавших кажи людей, – не содержат сведений о каких-либо необратимых противоречиях или серьезных конфликтах между Кунанбаем и Абаем. Напротив, мемуары свидетельствуют о высоком уважении и любви Абая к отцу и постоянном сочувственном внимании отца к сыну. Родных Кунанбая можно заподозрить в необъективности, но и Мухтар Ауэзов, который не был его прямым родственником, в исследовательских работах пишет о кажи подчеркнуто уважительно и не приводит данных о разногласиях с сыном – их попросту не было, как не было и описанной в романе открытой неприязни со стороны жен и матери, а были только любовь и уважение. Ссыльный поляк Адольф Янушкевич, работавший в Пограничном управлении сибирскими киргизами, оставил заметки о Кунанбае как об авторитетном и грамотном родоправителе, поразившем собеседника неисчерпаемыми познаниями о традиционном укладе жизни кочевых казахов.

Негатив существует только в романе, где он допустим по жанру. Нужно согласиться с Алексеем Толстым: «Исторический роман не может писаться в виде хроники, в виде истории. Это совершенно никому не нужные вещи. Нужна прежде всего, как и во всяком художественном полотне, – композиция, архитектоника произведения». Вот и «Путь Абая» изобилует (и это допустимо) вымышленными персонажами, свободным толкованием дат и событий, произвольным поведением реальных лиц, введенных в повествование, – всё это способствует решению главной задачи произведения, усиливая достоверность художественного отображения прошлого. Но в таком случае книгу нельзя воспринимать как исторический источник, а именно это произошло с творением Ауэзова: в силу выдающихся художественных достоинств роман стали принимать за достоверный биографический труд. Это эффект так называемой «художественной правды» (термин советской эпохи – оксюморон, строго говоря).

В итоге всё сказанное о Кунанбае в романе стало считаться подлинной историей. И уже не только литературный образ нес символические мрачные черты. Кунанбай-кажи, реальный деятель казахской истории XIX века, весьма почитаемый в обществе в свое время, стал повсеместно и всеми восприниматься как злодей. Например, в статье «Обогнавший время», напечатанной к 125-летнему юбилею Абая, содержится следующая характеристика: «В то время жил на приграничных землях обширной, растущей Российской империи маленький царек, глава кочевого рода Тобыкты. Звали царька Кунанбаем. Властный и жестокий, как все феодалы, Кунанбай умело и ловко правил своими соплеменниками. Где лестью, а где и силой держал он в страхе и покорности свой род, приумножая табуны и богатства свои. Разумеется, Кунанбай нажил много врагов среди своих соперников, таких же, как он, баев. Больше он ничем не отличался от подобных себе царьков» (В. Дробышев).

Схожих умозаключений о Кунанбае много. Все они возникли исключительно в результате чтения романа Ауэзова. Никто не задумывался, например, о том, как такой злодей мог вырастить и воспитать гуманиста, выдающегося поэта и философа Абая. Или о том, как могли терпеть несносного предводителя весьма независимые и свободолюбивые казахи.

В некотором смысле Ауэзов не сильно погрешил против истины, когда выделил и усилил определенные черты

характера Кунанбая. В целях художественной типизации он акцентировал внимание читателей на отдельных отрицательных поступках и делах кажи, вынеся за скобки позитивные факторы, предопределившие исторический масштаб его личности. Но даже в таком предельно рациональном подходе порой в романе неожиданно вспыхивают, как прозрение, потаенные суждения о поистине метафизической мудрости родоправителя. Вот пример:

«Каратай – опытный скакун. Он знает, где мчаться, где идти шагом. Может быть, он и прав, – начал Кунанбай, – но мне кажется, из любого достоинства человека могут вырасти и его пороки. Настойчивость и упорство я считаю самыми лучшими качествами человека. И если я за что взялся, я держусь крепко. Возможно, из этого порой рождаются и мои ошибки... – И он замолчал, сильно побледнев. – Человек – раб божий. А мало ли недостатков бывает у раба? – продолжал Кунанбай спокойнее, чем вначале. И Абай вдруг почувствовал, что отец – большой человек. Пусть косвенно, но он признал себя неправым. Он не похож на Байдалы, который легко обвиняет других, но с трудом признается в своей ошибке. Слова отца – не пустое красноречие: в них таятся глубокие мысли. Душу Кунанбая не просто познать, – так в извилистых складках горы трудно найти дорогу...»

Без таких позитивных примеров в романе Ауэзов обойтись не мог, и они есть. Но автор романа сделал все, чтобы привлекательные черты образа Кунанбая не повлияли на заданный регламент: книжный кажи должен быть однозначно отрицательным.

Таким образом, романный образ, надо признать, сильно упростился в сравнении с реальным. Стал линейным, ожидаемым, лишенным ярких красок. Кунанбай в действительности не был злобным, сумрачным, вечно недовольным «феодалом». Да, в жизни он был человеком серьезным, но еще был ответственным, надежным, обязательным, всегда готовым к принятию трудных решений, чувствующим свой долг перед людьми. Жил полной жизнью, любил общение, ценил юмор, был приветлив с собеседниками, говорил ясно и доходчиво. Всегда меткий на слово, порой был ироничен, остер на язык – настоящий мастер устного слова, неизменно вызывавший восхищение слушателей. И отказывать такому неординарному человеку в реальной биографии, которую он, несомненно, заслуживает, нет никаких оснований.

Вниманию читателей предлагается книга о жизни и деятельности Кунанбая Ускенбаева, главы рода, настоящего казаха. В нашем представлении Кунанбай – символ отстоящей далеко от нас степной конно-кочевой цивилизации. Пришло время рассказать о нем – не персонаже великого романа, а о реальной личности. Без вовлечения биографии такого заметного исторического деятеля в процесс формирования национальной культурной матрицы нельзя считать достоверной историю страны, ибо биография каждой знаковой личности – достояние нации.

Есть удивительные качества, которые выделяют Кунанбая среди массы его современников. В его мыслях, желаниях, деятельности, свершениях, ошибках и несомненных достижениях отразились ключевые события эпохи, необратимо повлиявшие на судьбу казахского народа. Его жизнь вмещает, по сути, историю всего XIX века не только потому, что он вышел из народа и занял, не имея благородного происхождения, должность старшего султана огромного по территории округа. Но еще и потому, что он жил чаяниями народа, был всегда рядом с ним не столько по долгу главы рода, сколько по велению сердца, которое и есть дух самого народа.

Глава первая

С ИМЕНЕМ ВЕЛИКОГО ХАНА

Кунанбай Ускенбаев родился в 1804 году и происходил из рода Тобыкты (подрод Ыргызбай) племени Аргын Среднего жуза*.

Точное указание родовой принадлежности чревычайно важно в мире казахского кочевья. Суть не столько в том, что знание родословной («шежире» по-казахски) в прошлом заменяло обитателям степи паспорт. В кочевом обществе было принято устанавливать статус человека на основании родословной, которая по традиции, равно как и по культурной парадигме, не имела широкого письменного распространения, – информация хранилась, излагалась и передавалась из поколения в поколение в основном устно. Незнакомца в первую очередь расспрашивали о родовых корнях, выясняли степень именитости его родных. Политика отношений в обществе заметно модулировалась родоплеменной иерархией. Знатность индивида определялась прежде всего прославленностью предков. И напротив, непримечательная биография сородичей не позволяла человеку претендовать на высокое положение в обществе.

Удивительно, но эта традиция во многом жива и поныне. В среде казахов сохраняется обостренное отношение к шежире, а ведь в современном обществе, казалось бы, доминируют иные ценности. Но традиция есть традиция, хотя сегодня неугасающий, временами весьма напряженный интерес к родословной продиктован отнюдь не стремлением подчеркнуть знатность происхождения, что было, несомненно, важно в прежней кочевой жизни и малосущественно теперь. Живой интерес к шежире допускает мысль

* Ж у з – исторически сложившееся объединение казахских родов. Существовало три жуза: Старший жуз, Средний жуз и Младший жуз.

о неких глубинных смыслах, определяющих значение того фактора, который оказался устойчивым во времени и которым, в сущности, регламентировалось мировоззрение человека в традиционном казахском обществе. Речь идет о духовных истоках, о той опоре, что помогает жить, о стержне, уходящем в глубины истории, освещенной светом бытия. Для казаха шежире и есть собственно древо жизни.

Многое в мире кочевья, опосредованном стихией природы, своеобразной системой власти и специфическим способом хозяйствования, может показаться зыбким и неустойчивым. Только наличие прочной опоры в мироощущении, которая становилась для степняка его собственным стержнем, могло придать цельность его существованию. Разумеется, у казахов была вера в Бога. Но многотысячелетнее культурно-историческое доминирование тюркских традиций возвело в ранг духовной опоры именно шежире – честь и славу предков. Познание, осмысление, осознание родовой принадлежности несло спасение душе кочевника, добавляя устойчивость миропониманию, прочность существованию, надежду на счастье и благополучие.

Смысл шежире шире простой родовой идентификации. Это понимали ханы, султаны, члены ханского совета и видные представители традиционного казахского общества – главы племен, родов, знаменитые эпические певцы-жырау и в особенности бии – просвещенные личности, к которым степняки обращались как к авторитетным лицам, наделенным правом вершить суд. В прямом смысле бии и были народными судьями, получившими соответствующий статус от общества в результате безупречной судебной практики. Отправление бием правосудия должно было быть справедливым по самым широким меркам. В противном случае к нему просто переставали обращаться за решением споров и тяжб.

Однако по-настоящему народный бий должен был не только знать традиционное право и честно выносить судебный вердикт. К нему обращались за решением самого широкого круга вопросов – политического, исторического, религиозного, нравственного, морального характера. Блестящее знание шежире подразумевалось само собой. Соответственно, бием мог быть и султан, и глава рода, и выходец из народа. Главное, он должен быть подлинным носителем знаний.

Таким бием и был Кунанбай. Естественно, он прекрасно знал шежире не только своего рода, но и всех казахских

племен и родов, что засвидетельствовал его внук Шакарим Кудайбердыев (1858–1931) в знаменитой книге «Родословная тюрков, киргиз-казахов и их ханов» (1911). С детских лет Шакарим, будущий философ и поэт, внимал деду, слушая исторические предания, составляющие структурный каркас любого шежире, запоминал династийные ряды имен. Позже заносил их по памяти на бумагу, а затем сверял написанное с дедом-кажи. И это не было простым интеллектуальным развлечением или некой подготовкой к занятию должности бия. Уже в юности Шакарим мыслил создать историческую книгу, на что его подвигли, несомненно, и Кунанбай, и Абай — непосредственный учитель Шакарима, по его собственному признанию. Основные сведения для книги давал, конечно, дед-кажи.

Ссылок на Кунанбая у Шакарима много. Например, в главе «Родословной», посвященной племени Аргын, он писал об одной из версий происхождения этнонима, связанной с неким Аргын-ага, наместником чингизидов в Хорасане: «Если аргыны (аргинуты), известные среди тюркских народов мира, могут быть потомками вообще древних аргынов, то аргыны нашего Среднего жуза – потомки именно этого Аргын-ага. К тому же имя его точно соответствует имени казахского первопредка аргынов. И мой дед, покойный Кунанбай-кажи, тоже упоминал хана по имени Аргын-ага».

Конечно, сведения о происхождении и истории рода Тобыкты Шакарим тоже черпал в первую очередь из рассказов, воспоминаний, повествований деда Кунанбая, восторгаясь поистине энциклопедической его памятью – неиссякаемым источником достоверных исторических данных. За достоверность приходится ручаться опять же традициями. Поскольку письменная культура по многим причинам (главная из которых – специфика быта кочевья) не прижилась еще в кочевом обществе, устное слово имело абсолютное значение. Слово было аргументом в спорах, словом решались тяжбы за территории, и лишь когда исчерпывалось слово, казахи брались за копья. Вес устного слова был настолько велик, что произносящий речь нес ответственность за каждую содержащуюся в ней информацию. Обман или искажение фактов были недопустимы. Пустых болтунов не уважали, а мастеров слова превозносили. Яркая устная речь почиталась за доблесть. А уж Кунанбай говорил так, что его можно было слушать часами. И история рода Тобыкты в его устах обретала эпические черты.

С давних времен родовыми землями тобыктинцев были долины, предгорья и окрестности горного массива Чингистау в западной части казахской степи (территория бывшей Семипалатинской, ныне Восточно-Казахстанской области). Веками обитали здесь предки и сородичи Кунанбая. Аулы кочевали на привольных степных просторах, перевитых множеством рек и небольших речушек. Летом тобыктинцы селились на жайляу – летних пастбищах в горах и предгорьях с богатой растительностью. Зимой возвращались на родовые стоянки в широких долинах среди холмов. Казалось, Чингистау – самая настоящая земля обетованная для степняка.

Это был вообще «золотой век» казахов, время, когда, по образному выражению, популярному в народе, жаворонки вили гнезда на спинах овец. Три больших казахских жуза занимали всю степь от Алтая до Волги, не испытывая до второй половины XVII века особого внешнего давления, лишь решая внутриполитические проблемы, изредка возникавшие в отношениях между отдельными родами.

Но затем в судьбе казахов случилась трагедия национального масштаба. Началось джунгарское нашествие, навсегда изменившее привычное независимое, свободное состояние казахского общества. Казахи уже никогда не возвращались к жизни полноценной кочевой вольницы. Даже избавившись не без помощи соседей – Китая и России – от джунгарского владычества, они неизменно оставались под чужим протекторатом: разделенные на жузы, подчиненные внешнему управлению и лишь мечтавшие о возрождении независимого государства.

Много бед, страданий, лишений пережил в ту пору народ Тобыкты, и все их Кунанбай связывал с захватом джунгарами (ойратами) большей части казахской степи, в том числе родовых земель тобыктинцев. Вторжение джунгар началось еще в первой половине XVII века. Закаленные в боях с манчжурами Цинской империи, превосходившие казахов в вооружении и военной организации, джунгары, постоянно теснимые с востока маньчжурами, в течение полувека заняли почти всю казахскую степь, дойдя на западе до Жаика (Урала) и Едиля (Волги), а на юге до границ Хивинского и Бухарского ханств. В результате к 1680 году появились новые государственные образования, именуемые в историографии Джунгарским ханством в Центральной Азии и Калмыцким ханством в Поволжье. Казахи оказались вытесненными на территорию Младшего жуза (северо-

запад) и в регион Яссы (Туркестана). Весь Восточный и Северный Казахстан, большая часть Центрального, а также Жетысу (Семиречье) на юге на многие десятилетия стали землями джунгар или калмаков, как называли их казахи.

Шакарим писал со слов Кунанбая в «Родословной»: «Около 1690 года умер Аз-Тауке, и на его место заступил Болат-хан. В его правление исконные земли казахов и были захвачены калмаками. В эту пору происходили жестокие бои, и когда, наконец, в 1723 году казахи и калмаки сошлись в большом сражении, военачальник калмаков Цеван Рабдан уничтожил много казахов, обратив остальных в бегство. Оборванные, голодные люди добрались до какого-то озера, попадали на его берегу. И тогда один аксакал сказал: "Дети мои, как не забывает человек выпавшие на его долю мгновения счастья, так и мы должны запомнить огромное горе, постигшее нас. Пусть наши мучения запомнятся под названием: 'Брели, пока не побелели пятки, упали без сил у озера Алкаколь' "». Под этим названием – «Актабан шубырынды, Алкакол сулама», в традиционном русском переводе «годы великого бедствия» — и запечатлелось в памяти казахов трагическое пятилетие, когда стоял вопрос о самом существовании народа.

О тех трагических событиях Шакарим пишет скупо. Некоторые современные казахские исследователи считают, что джунгары на самом деле не уничтожали массово казахов, а просто отнимали скот, обращали людей в рабов или изгоняли с родовых мест. В любом случае положение было тяжелым. Без скота, основного средства существования, казахи были обречены на нищету и гибель. По словам Шакарима, «в эти годы бедствия Старший жуз откочевал к Бухаре и Ташкенту, Средний жуз – к рекам Есиль, Нура и Сарысу. Кыпчаки пошли еще дальше – к Аральскому морю и Белому морю (имеется в виду Каспий. – *Е. С.*). Башкиры и вместе с ним Младший жуз – алшины – ушли на северо-запад... По словам Аристова, в год Великого бедствия роды Старшего жуза – канлы и дулат – оказались в подчинении калмаков. Дольше всех сражался с калмаками наш Средний жуз. Перед тем как разойтись по трем жузам, казахи поклялись вновь объединиться, собравшись с силами, чтобы вернуть свои исконные земли, захваченные калмаками».

Почему казахи потерпели сокрушительное поражение в противостоянии с джунгарами? У Кунанбая имелся на этот счет обстоятельный ответ, включавший историю народа не только с момента образования Казахского ханст-

ва в середине XV века, но с эпохи Чингисхана и даже более ранних времен. Казалось, ему было ведомо все, что таилось под спудом времени, в глубинах старины. Историю он излагал всем желавшим слушать – чаще всего поздно вечером в юрте в окружении благодарных слушателей, родственников и гостей. В их числе были дети, и Абай старался не пропускать «лекции» почитаемого им отца. Повзрослев, к слушателям присоединились внуки, включая Шакарима.

Рассказывая о Чингисхане, Кунанбай устремлял взор поверх голов присутствующих, словно видя сквозь убранство юрты окружающие горы Чингистау (горы Чингиса) в непоколебимой уверенности, что свое название они получили от имени Потрясателя Вселенной. Что ж, название реки Хан в этой местности, как и горных вершин Орда и Хан вроде бы говорят о том же.

Шакарим воспроизвел версию Кунанбая в «Родословной»: «По старинным преданиям казахов, история этих мест такова. Когда-то Чингисхан, подчинив всех татаро-монголов, был избран Великим ханом, и именно здесь, у подножия Чингизских гор, подвластные ему беки-родоначальники посадили его на белую кошму и, подняв над собой, вознесли на гору, что стоит на востоке от реки Караул. От Старшего жуза там был уйсун Майкы-бий, про которого говорили: "В корень каждого слова зри, их источник Майкы-бий". От Среднего жуза приехал Сенгел-бий из рода коныpат. Тогда и одарил их Чингисхан знаками отличия, назначив каждому свой клич, птицу, дерево и тамгу... Настоящее имя Чингисхана было Темучин. Избранный Великим ханом, он получил имя Чингис. Значение его: очень крепкий, большой. По его имени и были названы эти горы... По словам Абулгази, прежнее название этих гор – Найман куре».

Бытование версии подтверждает современник Кунанбая генерал-майор Семен Броневский, имевший непосредственное отношение к утверждению в казахской степи российской власти. В книге «О киргиз-кайсаках Средней Орды», изданной в 1830 году, он писал: «Горы Чингизские-Тау лежат в Киргизской* степи, против крепости Семипо-

* Здесь и далее в цитатах из источников того времени казахи чаще всего называются киргизами по ошибочной привычке, оставшейся от первых русских описателей казахского общества. На самом деле имя «казах» (казак), означающее «свободный», «вольный», с давних пор было самоназванием тюркских кочевников Великой степи. Киргизами их называли джунгары, путая с соседним тюркским народом;

латинской; в 280 верстах от оной они составляют довольно великой каменистой ряд; в него проникнуть можно только двумя трудными ущельями. Там ныне обитает Табуклинская волость. Киргизцы уверяют, что Чингиз-Хан будто бы доходил обыкновенно своими кочевками до них, и тем сообщил им свое название».

Предание не противоречит фактам. Еще в 1219 году Чингисхан прошел мимо этих мест на запад, занятый войной с хорезмшахом Мухаммедом. Завоевав Среднюю Азию, Чингисхан вторгся в Северный Иран. Дальнейшее движение монгольского экспедиционного корпуса, возглавляемого Джэбе и Субэдэем, вывело его через Кавказ в южнорусские степи. Спустя шесть лет, возвращаясь из этого похода, великий хан вполне мог устроить ставку в Чингистау, поскольку его путь на восток проходил между озерами Балхаш и Алаколь, а там и до Чингистау, как говорится, рукой подать. Большинство воинов монгольской армии были тюркоязычными и должны были знать от местных жителей, что Чингистау – самое удобное в этих краях, благоприятное для отдыха и охоты место, богатое пастбищами, дичью, прохладными межгорными долинами.

Сын Кунанбая Халиулла Ускенбаев (1849–1870), младший брат Абая, был весьма образованным молодым человеком. Получил начальное образование в Омском кадетском корпусе, затем окончил Александровское военное училище в Москве. Полный амбициозных планов на жизнь, занимался научными исследованиями, собирал казахский фольклор, легенды. Переводил тексты с русского на казахский язык. Он рано ушел из жизни, и уже после смерти его литературные произведения печатались в периодических изданиях. Например, в «Московской иллюстративной газете» (№274 за 1892 год) была опубликована работа «Киргизское предание», в которой Халиулла писал: «Горы Чингиз-тау отделяются долиной от стоящих групп Орда, Догалан и Чунай. Почти посередине горного Чингиз-тау возвышается отдельная гора под именем “Кхан”. Об этих местах сохранилось у кайсаков следующее предание. В один из своих завоевательных походов, после покорения Кюрхана (Каракитайского) Темучин остановился у гор Чингиз-тау. Кайсаки решили принять его подданство. С этой целью они снарядили посольство, во главе которого стоял почтенный

в русской дореволюционной историографии казахов часто именовали «киргиз-кайсаками», а киргизов – «кара-киргизами».

бий Майкы. Он со своими спутниками застал Темучина в ставке и поднес ему подарки. Это была двенадцатая народность, подчинившаяся Темучину. Тогда баксы присказал, что он покорит многие народы и что он должен поэтому называться "Чингиз-хан", то есть великий хан, владетель мира. Темучин решил здесь же (на этой горе) переменить свое имя. Представители всех двенадцати племен, подчиненных Чингизхану, выбили на вершине горы Кхан по одному столбу, на них сделали подмостки, на которых устроили белый Шатер. Все бии во главе с Майкы внесли Темучина на гору на белой расшитой кошме, держась за концы, усадили в приготовленном Шатре. Во время этой торжественной церемонии народ и бии выкрикивали: "Чингиз-хан", "Чингиз-хан". С тех пор гора, на которой Темучин был провозглашен, есть Чингиз-тау».

Древняя тюркская традиция, согласно которой новоизбранного хана поднимали на белой кошме и возносили на гору, изложена достаточно убедительно. Однако по многим известным источникам Темучин был провозглашен великим ханом еще в 1206 году на курултае у истоков реки Онон, где ему был дан титул «Чингисхан», который стал широко известным именем. Вряд ли поэтому его еще раз поднимали на кошме в Чингистау – может, просто чествовали с соответствующими возгласами и приветствиями, отложившимися в памяти народа.

Тем не менее легенда, изложенная Халиуллой, несет определенную достоверную информацию, которую подтверждают слова самого Кунанбая. Их и зафиксировал Шакарим. Возможно, Халиулла воспроизвел легенду из того же источника. Во всяком случае, есть еще одно важное свидетельство, удостоверяющее подлинность мнения Кунанбая. Его дал поляк Адольф Янушкевич, сосланный в Сибирь за участие в Польском восстании 1830—1831 годов, а затем служивший в Пограничном управлении сибирскими киргизами. В 1846 году он разъезжал по степи сначала в составе экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Вишневским, а затем в составе комиссии по переписи населения и пересчету скота в Аягузском и Каркаралинском округах. В этом путешествии у него была возможность беседовать с Кунанбаем на самые разные темы. Умный, любопытный, впечатлительный поляк, весьма тонкий наблюдатель с хорошим пером, вел записи, известные по книге «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» (перевод Фаины Ивановны Стекловой),

составленной на основе его текстов. Есть у него такая запись, датированная 10 августа 1846 года: «Кунанбай рассказывает, что Тобыкты был сыном Аргына. О Чингисхане, или, как он говорит, Чингискане, утверждает, что здесь у него были зимние кочевья, и в доказательство приводит то, что в одном дне хорошей езды отсюда есть гора Хан-Чингис, или Канн-Чингис, на которой еще его дед видел торчащие, а он сам – уже обвалившиеся восемь сосновых балок, которые, как говорит легенда, несли на себе ту таинственную комнатку, где страшный разрушитель перед каждым походом творил молитвы».

Янушкевич повторил эту версию в записи от 15 августа: «Властелин Азии... оставил после себя на горе Хан-Чингис только остатки восьми гнилых балок от высокой башни, на вершину которой восходил для обдумывания своих будущих завоеваний, и там, закрывшись на семь или восемь дней, молился и совещался – неизвестно, с богом или сатаной, – идти или не идти на войну против какого-либо народа. История, может быть... посмеется над аутентичностью моих чингисхановых балок; но я, побывавший в римских пещерах, где старый Нума встречался с молодой нимфой Эгерией для политических совещаний, и верящий в правдивость этого поэтического предания, всем сердцем верю и словам киргизского бая Кунанбая, который недавно рассказывал мне об этой башне».

О чем еще рассказывал сородичам и приезжим исследователям Кунанбай? Конечно, о достославном прошлом, память о котором всегда служила казахам опорой в любой политической ситуации, складывающейся в степи. Анализ достижений великих предков помогал прийти к верным умозаключениям о текущих событиях. Кунанбай говорил о дальних предках аргынов, о правителях Золотой Орды, о том, как ханы Жанибек и Керей объединили в середине XV века племена, вышедшие из Узбекского улуса, дав начало истории Казахского ханства. Рассказывал и о Касым-хане, сумевшем превратить многоплеменное ханство в единое государство, о его сыне Хакназаре, а также о Есим-хане, территориальные завоевания и дипломатические успехи которых предопределили современные пределы огромного по территории казахского государства.

Подбираясь к более близкой истории противостояния с джунгарами, Кунанбай особо подчеркивал роль хана Абылая (Аблая), который вернул величие казахскому народу, навсегда сплотив его под знаменем свободы, независимо от

того, какие внешние силы приходили в степь и осуществляли над ней административное управление.

Кунанбай имел все основания обращаться к истории, поскольку она содержала немало примеров успешного отражения внешней агрессии. Однако ему приходилось с горечью признавать, что перед джунгарами казахам устоять не удалось. Причина поражения, настоящего национального бедствия, в общем-то ясна. Долгие годы благоденствия привели к ослаблению межродовых, межплеменных связей в казахском обществе. Как любое тюркское государство, Казахское ханство в мирное время представляло собой мозаичное хозяйство, разбросанное по огромной территории Великой степи. Внутриполитические проблемы в государстве кочевников, которое было, по сути, союзом племен, решались путем согласования вопросов между родами и более крупными объединениями – племенами. Они не конкурировали за территории, строго подчиненные юрисдикции трех жузов. Племена занимались хозяйством, можно сказать, в федеративном режиме.

Родовое устройство казахского общества не предполагало создания и содержания в мирное время регулярной армии, не говоря о присутствии таких репрессивных структур, как полиция или тюрьмы, – в них не было нужды в силу кочевого образа жизни и скотоводства как основного способа хозяйствования. Народ объединялся в сплоченную армию только перед лицом внешней военной угрозы. На сборы уходило определенное время, но в прошлом ханам удавалось вовремя собирать в кулак разрозненные родовые воинские формирования. Однако в случае джунгарской агрессии казахи оказались под ударом более организованной, хорошо обученной, лучше вооруженной армии неприятеля. И даже когда отдельные отряды успевали объединиться в межродовые воинские соединения, они терпели поражения.

Понадобилось много времени, чтобы в первой трети XVIII века сформировалось общеказахское ополчение, которое под предводительством хана Абулхаира смогло одержать ряд побед над джунгарами, в том числе в знаменитой Аныракайской битве в 1729 году.

Свое эпическое повествование Кунанбай обычно завершал рассказом о знаменитых родоначальниках прошлого. «В 1723 году, в год Великого бедствия, когда Средний жуз дошел до Есиля, Нуры, Сарысу, наш род Тобыкты ушел в сторону Оренбурга в леса под Орском, – так записывал

Шакарим речь деда-кажи. – Прослышав о том, что Младший жуз, продвинувшийся еще дальше, принимает русское подданство, напуганные тобыктинцы вновь откочевали, теперь уже к берегам рек Иргиз и Тургай. Родившиеся на той земле прадеды наши в четвертом колене – Ыргызбай и Тургай – были названы по наименованиям рек. Оттуда тобыктинцы под предводительством батыра Мамая дошли до нынешних мест – до Кокен Орды и гор Догалан».

Глава вторая

ДОРОГА ПРЕДКОВ К ДОМУ

Что знал о предках тобыктинцев Кунанбай? В определенном смысле всё! Лучше его родословную – шежире – большого рода Тобыкты с его делением на ветви, подроды, отделы, каждый из которых был самостоятельной, сплоченной группой близких родственников, не знал в пору его верховенства, наверное, никто. А он не только знал, но излагал ее всем желающим слушать, излагал в подробностях, со всеми тонкостями, с обширными комментариями. Кажи был хорошо осведомлен и о родословиях многих соседних – и не только соседних — казахских родов.

Сохранились ли какие-то сведения об этих его познаниях? Безусловно. И не только в памяти сородичей, не только в практике устной трансляции родословных конструкций от одного поколения следующему. Потому что был Шакарим – внук Кунанбая от его сына Кудайберды. Будущий философ и поэт, Шакарим с юных лет с увлечением слушал проникновенные истории деда, записывал их, а позже дополнял новыми знаниями, извлеченными из трудов восточных авторов прошлых веков и из книг российских исследователей, которые много лет изучал внимательно и системно. В результате «лекции» Кунанбая, прочитанные внуку в течение продолжительного времени как по случаю, так и по его просьбе, когда Шакарим уже вел расспросы целенаправленно, воплотились в «Родословную тюрков, киргиз-казахов и их ханов», изданную в 1911 году в Оренбурге тиражом тысяча экземпляров.

Тексты Шакарима – один из впечатляющих примеров нетленности степной устной историографии. История казахов веками хранилась ее носителями в устной форме, передаваясь из поколения в поколение практически без потери информации. Искажения были недопустимы! Све-

дения Кунанбая, зафиксированные Шакаримом письменно и дополненные сообщениями других источников, почти дословно совпадают с более поздними записями устных преданий и с информацией ряда не столь уж многочисленных нарративных источников, сохранившихся в письменных сводах соседних народов. Более того, они дополняют друг друга. Сегодня ученые убеждены, что восстанавливать историю кочевых родов, племен, народов можно только с привлечением устной историографии, которая прежде считалась недостоверной.

Возвращение рода Тобыкты в Чингистау после ухода джунгар из казахской степи во второй половине XVIII века было связано, как не раз говорил Кунанбай, с нежеланием тобыктинцев оставаться ни в Младшем жузе (Северо-Западный Казахстан), правители которого признали протекторат России, ни на территории Среднего жуза в Сарыарке (Центральный Казахстан), которая тоже могла в скором времени оказаться под властью Российской империи. Стремление вернуться на родные земли в Чингистау было неодолимым. Мечта о прежней кочевой свободе без какой-либо чуждой власти все еще владела умами многих казахов.

Шакарим писал: «В то время и Средний жуз поворотился в сторону русских. Узнав об этом, бий Караменде из тобыктинского рода Дадан обратился в стихах к нашему бию Кенгирбаю:

Покинув Сырдарью, пришли на Ор*,
Разбиты, стерты ноги с давних пор.
Но здесь я вижу новые препоны
Нам на беду. Опять терпеть позор?

Эй, Кенгирбай, давай уйдем отсюда,
Навьючим в дальний путь своих верблюдов,
К народу мусульманскому вернемся,
Там, за рекой, с родной земли сойдемся».

Караменде призывал Кенгирбая, на тот момент предводителя тобыктинцев, вернуться в Чингистау, на исконные родовые земли. Долго уговаривать не пришлось. Хотя возвращение могло быть сопряжено с трудностями, связанными со столкновениями интересов соседних племен, Кен-

* Ор (Орь) – река в Казахстане и России, впадает в реку Урал (Жайык).

гирбай принял решение направиться всем родом на земли, покинутые более ста лет назад. Переход был осуществлен, как сказано выше, под водительством известного батыра Мамая. Шакарим пишет: «Вот этот самый батыр Мамай и привел род Тобыкты из орских лесов к подножию Чингизских гор».

Еще из «Родословной»: «Когда тобыктинцы пришли на свои земли, в предгорьях Чингистау уже кочевали оказавшиеся здесь раньше матайцы из племени Найман, прогнавшие отсюда калмаков. Уаки* стояли у берегов Иртыша. Матайцы, полагая, что тобыктинцы истощены дальней перекочевкой, стали нападать и отбирать у них скот. Но в решимости вернуть свои исконные аргынские земли тобыктинцы схватились с матайцами, прогнали их и утвердились в Чингистау. Однако пока они были заняты борьбой, уаки захватили пастбища на Кокене. Бий Кенгирбай, собрав своих людей, прогнал уаков и расположился в местности Тас уйген (Каменная насыпь). Уаки, так и не сумев вытеснить тобыктинцев с Кокена, призвали на помощь соседей – русских казаков, чтобы совместно напасть на аул Кенгирбая. Тогда Кенгирбай передал им такие слова: "Я послал сообщение именитым людям аргынов. Пусть аргыны и уаки сами придут к согласию, решат миром, кому где кочевать, чтобы покончить с раздором", – и тем предотвратил нападение. А ночью, составив из камней в разных местах фигуры в виде людей, он откочевал. Наутро уаки, увидев на холме толпу людей, решили, что тобыктинцы обманули их и успели собрать войско. Послали разведчика. Тот вернулся с известием, что это всего лишь камни. В конце концов тобыктинцы остались хозяевами Чингистау».

Понятно, что в последнем случае хитрость с каменным войском позволила Кенгирбаю выиграть время и отойти без потерь. Вполне оправданный маневр, поскольку, как замечает Шакарим, тобыктинцы в итоге добились своего.

Итак, заслуга в возвращении Чингистау роду Тобыкты принадлежит бию Кенгирбаю (1735–1825). Однако нужно отдать должное и известному батыру Мамаю. По преданию, именно он, как военный предводитель, привел тобыктинцев с берегов Сырдарьи к горам Чингистау. Прах батыра Мамая покоится в Туркестане, а один из подродов тобыктинцев носит его имя – Мамай.

---

* Уак, Найман – племена, входящие в число шести племен (Аргын, Найман, Кыпчак, Коныpат, Керей, Уак), составляющих Средний жуз казахов. Матай – род племени Найман.

Уместно пояснить, что в традиционном казахском обществе батыры (богатыри, смельчаки), или профессиональные воины, занимали свое особое место. Наряду с ханами, султанами, главами родов, биями и жырау батыры составляли костяк кочевого общества. Именно они играли главную роль в народном ополчении в момент противостояния внешней агрессии. Это были военные лидеры, их имена запоминались в народе, им посвящались эпические поэмы. Батыром мог стать любой жигит, совершивший геройский поступок. Им мог быть и хан, и султан. Звание батыра нельзя было нажить как какое-то богатство, его можно было обрести только в бою. Оно не передавалось по наследству и уходило вместе с его носителем.

У каждого рода были свои батыры. Был признанным батыром и Кунанбай, однако его заслуги в качестве бия и главы рода постепенно затмили славу батыра, добытую им в молодые годы. Люди привыкли видеть в нем прежде всего выдающегося предводителя. Батыр, однако, остается батыром всегда. Кунанбай даже в зрелые годы никогда не отказывался от батырской стези. Но умом политика понимал, что время батыров безвозвратно уходит в прошлое. В наступившую эпоху гораздо важнее решать проблемы мирным путем, вести народ к единству, сохранить его целостность перед лицом подступающих угроз...

Описанный Шакаримом со слов Кунанбая межродовой, а по большому счету и межплеменной конфликт, возникший при перекочевке рода Тобыкты в Чингистау, по сути репатриации, был частью довольно сложной и чувствительной процедуры возвращения казахских родов на прежние, хоженные веками тропы и пастбищные угодья. После ста лет отсутствия на них признанных хозяев могли возникать разногласия, но, в конце концов, все встало на свои места. Те же найманы ушли на свои родовые земли восточнее Чингистау до хребта Тарбагатай и озера Зайсан. Уаки заняли земли западнее и южнее Чингистау. К тому времени джунгары были повсеместно вытеснены из казахской степи. Многие из них растворились в казахском обществе. Для казахов было знакомым делом брать в жены ойратских женщин, но и перехода в казахские аулы целых ойратских семей тоже нельзя исключать. Со временем они становились частью казахского общества.

Гибель Джунгарского ханства была трагичной. После смерти знаменитого хунтайджи Галдан-Церена в 1745 году в Джунгарии началась череда внутренних междоусобиц,

вызванных борьбой за ханский престол. С 1755 года маньчжурский император Цяньлун усилил военный натиск на джунгар. Казахи попали в сферу влияния маньчжур. Под давлением Цяньлуна султан Абылай, будущий хан, получил грамоту о принятии казахов в китайское подданство. С осени 1757 года казахи превратились в союзников Китая в борьбе против джунгар, которые стали в большом числе попадать в плен к казахам. К 1758 году территория Джунгарского ханства была окружена двумя экспедиционными маньчжурскими армиями. Считается, что в результате карательных операций погибла большая часть населения Джунгарии, причем удар был направлен в основном на мирное население – женщин, детей, стариков. Джунгарское ханство было полностью уничтожено.

Однако даже после окончательного изгнания джунгар из степи казахи не обрели прежней вольной, свободной кочевой государственности. Казахское ханство, конечно, было подлинным государством, возможно, не в привычном для оседлых – городских и земледельческих – культур понимании. Отсутствие таких признаков государства, как аппарат принуждения и наказания, как постоянно действующая налоговая система, только в догматических концепциях может считаться основанием для исключения кочевых обществ из типологии государств. Казахское государство обладало огромной территорией со строго определенными границами, наличие которых проявлялось тотчас при их нарушении. Приграничные аулы немедленно встречали пришельцев и разбирались, по какому вопросу гости пожаловали в степные пределы.

Но во второй половине XVIII века границы Казахского ханства затрещали по швам. На юге, на территории Старшего жуза, расширяло свои владения Кокандское ханство. Пространство от Сырдарьи до Каспийского моря занимало Хивинское ханство. На востоке территориальные притязания выдвигал Китай. С севера все активнее надвигалась Российская империя. Противостоять всем угрозам казахам было не по силам. Национальному единству угрожала реальная опасность, казахский этнос мог распасться на части.

В этой ситуации решающим стало продвижение в степь Российской империи. И это был еще неплохой исход, ибо гнет Кокандского ханства на юге приносил все большие страдания населению Старшего жуза.

Постепенный переход Младшего жуза в российское подданство начался еще в первой половине XVIII века.

Присяга группы султанов и старшин Младшего и Среднего жузов в 1740 году обеспечила присоединение к России части Среднего жуза. Основные племена и роды северо-восточной и центральной частей казахской степи вошли в состав империи позже, в 1820–1840-х годах. Сложная ситуация сохранялась на юге, в Жетысу или Семиречье, которое оставалось под властью Коканда. Претензии на эту территорию предъявляли Китай, как победитель и правопреемник Джунгарии, и Россия, которой присягнули на подданство отдельные правители Старшего жуза.

Случилось так, что XIX век, в котором жил и предводительствовал в степи Кунанбай, стал временем самых решительных перемен в государственном устройстве казахского общества. Он прошел под знаком утверждения власти Российской империи. В результате ко второй половине столетия вся казахская степь оказалась под российским управлением, которое в определенном ракурсе можно рассматривать как завоевание. Благом было то, что на исконной территории проживания казахов установилась единая власть, и народу уже не грозил распад на части под властью разных иноземных првителей.

Кочевое общество всегда адаптировалось, и довольно быстро, к новой системе власти, если она не меняла условия жизни, способ хозяйствования – скотоводство, если сохранялись обычаи, традиции, родовые земли. «Начинается прямое подчинение казахов русским. В 1824 году в степи образуются отдельные округи, после этого первые пять лет казахи были свободны от налогов, затем стали платить из ста голов одну. Наконец, с объявлением указа 1868 года, окончательно потеряли свою свободу и подчинились русским законам», – писал Шакарим в «Родословной» про эту эпоху. И здесь же пояснял: «Наши казахи всегда были кочевым народом, проводящим жизнь на коне. Они презирали оседлую жизнь и говорили: “Чем быть городом, лучше быть могилой”, “Кто начнет копать арык, тот умрет от голода”. Считали, что пища мужчины в степи, на воле, восхваляли барымту*, называя себя народом, живущим переменчивым казакованием».

О казаковании, то есть вольной жизни в степи, а также о смысле слова «казах» писал в дневниках и Адольф Януш-

---

* Барымта – насильственный угон чужого скота с целью восстановления нарушенного права. Обычно барымта являлась актом принуждения, санкционированным судом биев. В противном случае это был акт самоуправства, разбоя.

кевич, приводя рассказ Кунанбая о том, как некие вольные люди грабили хивинцев: «Когда они стали кочевьем над берегами трех речек, владетель Хивы, желая их как следует побить, вышел против них сам с большими силами. Шайка, прослышав об этом намерении, выслала несколько своих самых умных и речистых биев, которые, одетые в лучшие одежды, двинулись навстречу разгневанному монарху. Когда тот подъехал, они сошли с коней и приветствовали его такими красивыми словами, и так долго, и так выразительно они ораторствовали, что хивинец, захваченный их красноречием и мудростью, закричал: "А! Так вы не каззаи, а казаки!" (вы не баламуты, не разбойники, а хорошие люди, ибо казак означает – сильный, смельчак; когда кто-нибудь себя башковито проявит, говорят: а! казак!). Отсюда и пошло название казаков. А поскольку он их нашел кочующими над тремя реками, то сказал: "А, это вы три Орды: большая, средняя, малая!" Отсюда и три названия Орд... Позднее начали продвигаться все дальше, долго кочевали в Тургаях. Но когда расплодились, стало им тесно, они захватывали разные стороны степи, выживая из нее калмыков. Дед Кунанбая также прикочевал из Тургая. Уйсун, Аргын и Алчин были зачинателями трех Орд, как их начальники. Но Уйсун шел от трех рек через Ташкент и задержался в Жетысу» (10 августа 1846 года).

Здесь же Янушкевич дает подробности родословной рода Тобыкты такими, какими их запомнил (не без ошибок) со слов Кунанбая: «Пример разветвления киргизских родов можно видеть в здешних волостях. Например, в Кучук-Тобыктинской есть род кучук, у него два раздела – айдос и кайдос. Первый имеет разветвления: 1) менис, 2) иргизбай, 3) топай, 4) торпай, 5) джезыге; от кайдоса: 1) боканчи, 2) джунгубул, 3) бурсак».

Более точен Шакарим, который сообщал, что у его предка Олжая было три сына: Айдос, Кайдос, Жигитек.

От старшей жены Жигитека – два сына: Кенгирбай и Сенгирбай. Бий Кенгирбай прославился как глава рода, возвративший тобыктинцам Чингистау. В народе его уважительно именовали: Кабекен. Родичи звали просто: Би-ата.

От Кайдоса – Бокенши, Борсак.

От Айдоса, старшего сына Олжая – четыре сына: Ыргызбай (имя дано по месту рождения у реки Иргиз), Торгай, Топай, Котибак.

«Вышеупомянутый Ыргызбай – наш предок в четвертом колене, был сподвижником хана Абылая, – писал Ша-

карим в «Родословной». – У него было четверо сыновей – Оскенбай, Осер, Мырзатай, Жортар. После упомянутого Кенгирбая бием был избран Оскенбай. Единственным сыном от его старшей жены был наш дед – покойный Кунанбай-кажи. От старшей жены Кунанбая также единственным сыном был мой покойный отец Кудайберды».

По свидетельству Кунанбая, авторитетного хранителя родословной рода, Ыргызбай (1744–1784), отец Ускенбая (Оскенбая) (1778–1850) был лидером рода Тобыкты наравне с Кенгирбаем. У них были особые отношения. Биата считал Ыргызбая не просто младшим братом, но соратником, сподвижником, близким по духу человеком. В молодости Кенгирбай воспитывал, обучал Ыргызбая делу управления родом, сделал его спутником во всех начинаниях, боевых предприятиях, случавшихся из-за барымты, а иногда и по более серьезным причинам. И Ыргызбай, выделявшийся статью и богатырским сложением, проявлял героизм в вооруженных стычках с оппонентами. Известно, что он ходил в боевые походы против джунгар со знаменитым батыром Ер Жанибеком* (1714–1792), который был одно время главой племени Керей, проявляя в кровавых битвах отменные бойцовские качества. Восхищенный воинской доблестью Ыргызбая в деле защиты народа, Ер Жанибек отдал ему в жены Ермек, дочь своего брата Есиргемис-батыра, причем без калыма. По преданию, Ер Жанибек так объяснял свое решение: «Полагаю, смешение благородных кровей породит героев».

В мирной жизни помимо прочих талантов Ыргызбай обладал славой борца. Уже в молодые годы он побеждал знаменитых атлетов. Состязания обычно происходили либо на тое – празднике по поводу выдачи невесты или рождения ребенка, либо на асе – годовых поминках по именитому члену общества, на которых давали большое угощение гостям и устраивали спортивные мероприятия.

Особенно прославился Ыргызбай победой на борцовском состязании в Ташкенте на асе, организованном в честь изгнания кокандского бека, где он победил всех соперников. Тогда же среди казахских родов распространилась легенда о некоем «палуане из коныр аула», то есть о борце из обычного, простого (коныр) аула. Считается, что этим палуаном и был Ыргызбай.

Итак, у него было четверо сыновей. Среди них Ускен-

* Ер – здесь приставка. По-казахски ер означает «герой».

бай считался особенным – это признавали не только родные, не только сам Ыргызбай. Все сородичи отмечали очевидную харизму его сына. По преданию, он с юных лет был основательным, серьезным молодым человеком, мог подолгу предаваться раздумьям, пребывая в расслабленном, отрешенном состоянии. Когда однажды занемогла мать Ермек и родные стали загружать поручениями Ускенбая, стараясь не беспокоить старшего, Мырзатая, знаменитый батыр Жанибек сказал родственникам: «Вы, оказывается, ничего в людях не понимаете. Правильнее использовать Мырзатая. Ускенбай, сидя на одном месте, вбирает в себя мудрость всех четырех сторон света».

Ни больше ни меньше – такое впечатление производил молодой человек. Недаром Кенгирбай после смерти Ыргызбая поставил на его место главой рода именно Ускенбая. Более того, стареющий Би-ата назначил Ускенбая вместо себя верховным бием всего рода Тобыкты.

Из этого краткого обзора родословия понятно, что все предки Кунанбая были людьми, участвовавшими в управлении родом.

Ыргызбай скончался в возрасте сорока лет. По преданию, бий Кенгирбай тяжело переживал кончину младшего брата, ученика, друга, считая его непоправимую смерть преждевременной. После похорон он долго не желал выходить из мазара* покойного, обращаясь к его духу: «Ты был добрым человеком, Всевышний послушает тебя. Попроси его не оставлять меня здесь, пока я совсем не состарился, не выжил из ума. Пусть разрешит тебе взять меня с собой!»

Это не стенания, как можно думать, отчаявшегося человека. Это, в общем-то, часто встречавшийся в жизни кочевого общества пример духовного единения близких людей, которое помогало находить мотивацию и силы для продвижения по жизни во имя общего блага. Так и Абай скорбел на могиле своего отца Кунанбая, посвятив ему знаковые, примечательные стихи. Так и Шакарим в начале XX века горько переживал смерть любимого человека, творческого и духовного наставника, и писал одно за другим стихотворения, посвященные учителю – цикл стихов под общим названием «То, что говорил себе после того, как ушел Абай».

Имя Ыргызбая стало наименованием подрода, из кото-

---

* Мазар – сооружение, возведенное над захоронением уважаемого человека.

рого вышли такие выдающиеся личности, как Кунанбай, Абай, Шакарим. Всё в соответствии с обычной практикой кочевого родо-племенного общества, где родам и подродам давались имена славных предков – батыров, биев, глав родов.

Итак, Кенгирбай дал свое бата* Ускенбаю, племяннику, провозгласив его главой рода.

С самого начала своего правления Ускенбай объявил войну взяточничеству. Он категорически отказался от сложившейся в административной системе практики взяток, измучившей народ. Сам не брал и других наказывал за мздоимство. Был неподкупным бием с широкими полномочиями, подобающими главе рода. В народе сохранилась поговорка: «Если честны твои дела, иди к Ускенбаю, нечестны – иди к Ералы». Видимо, с бием Ералы можно было договориться... А еще Ускенбай был яростным врагом распространявшейся тогда моды на курение табака. Ввел полный на него запрет, грозил отрезать нос любому нарушителю в Чингистау. В народе даже после его ухода из жизни сохранилась присказка: «Чтоб тебе Ускенбай нос отрезал!» – уже безотносительно вида нарушения, не только курения.

Как глава рода, Ускенбай много времени проводил в гуще народа, решая постоянно возникавшие проблемы, периодически организовывая и проводя родовые и межродовые съезды. Пользовался непререкаемым авторитетом. Часто его приглашали соседние роды, чтобы он уладил, на правах нейтрального судьи, земельные или имущественные споры.

После включения в первой четверти XIX века территории Чингистау в состав России, Ускенбай, как и многие другие родоправители, в том числе его родственники, состоял на службе Российской империи. Есть, например, такое архивное свидетельство на его брата Жортара: «Кучук-тобыктинской волости Жортар Иргизбаев старшина произведен в это звание за преданность к Российскому престолу командиром отдельного Сибирьского корпуса генерал-лейтенантом Глазенаром 24 марта 1818 года, №118»**.

Про самого Ускенбая аналогичный документ гласит: «Ускенбай Иргизбаев произведен звание старшины за пре-

---

* Бата – по-казахски благословение; напутствие, благое пожелание.

** Пунктуация здесь и далее приводится по текстам архивных документов.

данность Российскому правительству. Представил – исполняющего должность линейный начальник Броневского, 16 октября 1826 года, № 250» («Ведомость о старшинах-казахах»).

За усердную службу Ускенбай был отмечен российской властью. В рапорте Каркаралинского внешнего окружного приказа от 14 марта 1828 года омскому областному начальнику В. И. де Сент-Лорану в числе 53 биев и старшин, «коих приказ признает заслуживающими особых награждений соответственно предписанию Его превосходительства», по Тобуклинской волости проходит «Ускенбай Иргызбаев. Известен по усердию и приверженности к российскому правительству. Представляется к кафтану». Подпись: «Старший султан подполковник Турсун Чингысов».

Остальных биев и старшин, всех без исключения, тоже представили к кафтану – была такая почетная награда у российской власти.

Глава третья

БЛАГОСЛОВЕНИЕ КЕНГИРБАЯ

По родовым преданиям, которыми с высокой степенью достоверности, не раз подтвержденной исследователями, пользовались в традиционном кочевом обществе, у Ускенбая было пять жен.

Большое число жен у зажиточных казахов объясняется не только приверженностью шариату, по которому мусульманину разрешается иметь до четырех жен. Существовало еще аменгерство (левират – европейский аналог) – брачный обычай в родовом обществе, по которому вдова была обязана вступить вторично в брак с ближайшим родственником умершего мужа, в первую очередь с кем-то из его братьев. Таким путем обеспечивалось продолжение и расширение рода: дети умершего не уходили из семьи вслед за вдовой. Да и имущество (скот, принадлежащий семье) оставалось в родовом владении. Как бы то ни было, у Ускенбая от пяти жен было десять сыновей.

Зере (1785–1873), старшая жена Ускенбая («байбише» по-казахски), родила сыновей Кунанбая и Куттымухамбета, а также дочь Тайбалу. Куттымухамбет умер мальчиком от болезни. Тайбала еще девочкой обучалась у муллы. Она читала и писала в арабской графике, что считалось по тем временам хорошим образованием. Была выдана замуж

за человека по имени Сулейман из рода Токабай племени Найман, а после его смерти стала женой его брата Сакау. Позднее она получила у токабаев уважительное имя Молдаапа, как мусульмански образованный человек. Кунанбай очень любил Тайбалу и при первой возможности интересовался ее положением у найманов, а при случае обязательно навещал.

Его сводных братьев звали Жакып, Майбасар, Шубар, Елеусиз, Толуберды, Солтанбек, Бейсенби, Кенжебай.

Настоящее имя Зере – Токбала. Происходит она из подрода Койгельды рода Матай племени Найман. У казахов есть поговорка, по некоторым причинам выделяющая определенные роды внутри племен: «Если ты Аргын, так будь алтайцем, если Найман – будь матайцем, Алшин – будь адайцем, если нет – ну и Бог с тобой». Во всяком случае, можно задуматься о некоем особом статусе рода Матай.

Известно, что отца Токбалы звали Бектемир, а родного брата – Жанали. Ей дали в детстве второе имя Зере* за серьгу на кончике носа от сглаза. Возможно, в таком виде украшение не слишком красило девочку, но это имело меньше значения, чем беспокойство за ее здоровье. Детская смертность была тогда частым явлением. В народе считалось, что во всем повинны злые духи. У казахов было принято давать детям вторые имена именно из желания отвести от них злых духов, проще говоря, отдалить их от подлинного имени, обманное прозвище этому должно было способствовать. Серьга играла ту же роль, выполняя задачу «отвлечения» призраков.

Во все времена Зере характеризовали одними и теми же эпитетами, роднившими ее с небом и луной. Она была честной, простосердечной женщиной доброго нрава с невероятной, вселенской любовью к родным и близким и оставалась такой всю свою жизнь. Любила сына, нянчила и обожала внуков, вложив в сердце каждого частицу своей небесной доброты.

Как-то Зере увидела вещий сон, когда была беременна Кунанбаем. Из череды причудливых картин, явившихся во сне, она хорошо запомнила лишь ту, в которой Ускенбай вертел в пальцах золотой альчик**, и это показалось ей хорошим предзнаменованием. Она рассказала о сне домочад-

---

* Зере – серьга, продеваемая в ноздрю.

** Альчик (асык) – надпяточная кость барана, использовалась кочевниками для игр и гадания.

цам. И стар и млад в один голос твердили, что золотой альчик в руке Ускенбая – к рождению необыкновенного сына.

По истечении положенного срока вьюжной ночью в зимнем домике на берегу речки Хан у подножия Чингистау на свет появился крупный ребенок, которому уважаемые старцы аула по обычаю трижды дунули в ухо, загадывая неведомые никому, кроме них самих, желания, связанные с будущим мальчика. Затем его нарекли Кунанбаем.

Как и полагается юному члену традиционного кочевого общества, Кунанбай провел детство на родине, в Чингистау. Он не пускался, конечно, в дальние странствия со взрослыми, но совершал обязательные сезонные перекочевки вместе с семьей, познавая таким путем мир. Ребенок с детских лет имел возможность окунуться и в быт, и в природу, которая вот она – за последней юртой аула.

Передвижения с места на место у казахов диктовались единым для всех способом хозяйствования – кочевым скотоводством. Оно оказалось наиболее эффективным и потому сохранившимся в веках и тысячелетиях способом использования засушливых степных просторов. Кочевничество, в сущности, вросло в живую ткань природы, превратилось в ее органичную часть.

Каждая культура создает свои формы бытия, наилучшим образом соответствующие занятой ею экологической нише. Возможно, в наибольшей степени это справедливо по отношению к степной культуре, существование которой почти целиком зависело от среды обитания, природных условий, успешной адаптации к географической среде и оптимального использования скудных ресурсов степной зоны.

Скоту нужна трава. Подчищая выпасы, скот движется вперед на новые пространства, богатые травой. Повернуть назад невозможно, ведь позади трава вырастет только через год. Потому скот всегда шел вперед за новой травой, а люди шли за скотом. Вот и двигались казахи по кругу: весной выходили из зимовок и гнали отары и табуны на летние пастбища – жайляу, а по осени возвращались по новым маршрутам на зимовья – кыстау. И передвижения казахов, которые воспринимались прибывающими в степь людьми – российскими и европейскими исследователями, русскими солдатами и переселенцами, путешественниками и религиозными проповедниками – как бесцельный и беспорядочный перегон скота с места на место, были на самом деле точно выверенными, жизненно необходимыми, зара-

нее оговоренными в сообществе скотоводов процедурами. Если не переходить по весне на жайляу и по осени на кыстау, то разрушится вся система подвижного скотоводства и скота просто не станет, а это для казаха – смерть.

Обычно внутри родов каждой весной оговаривалось, какими маршрутами пойдут нынче подроды и семьи, чтобы на одно пастбище не претендовало сразу несколько сообществ. Конфликты за выпасы могли привести к тяжбам, а те – к последующей барымте как форме восстановления справедливости, которую можно посчитать и местью. Надо сказать, что барымта никогда не была обыкновенной кражей скота. Существовала она, как говорится, испокон веков, и служила наиболее активным способом решения споров. Барымта у казахов назначалась судом биев, если обидчик отказывался возместить ущерб потерпевшему. Угнанный скот выступал в качестве залога. Часто в степи начинал бушевать пожар страстей. Чтобы такого не случилось, было важно определиться заранее с направлениями движения кочевий.

Внутри родов маршруты передвижения на новые пастбища устанавливали коллегиально главы родов и бии. Реже вопрос решался единолично: если лидер безупречен, ему доверяют, в него верят и ему делегируют право принятия решений. В любом случае допускалось обсуждение вариантов всеми взрослыми мужчинами.

В роду Тобыкты распределением пастбищных лугов, мест стоянок и маршрутов сезонного передвижения аулов подродов со скотом многие годы занимался Кунанбай. Еще в молодости, едва получив в отсутствие отца возможность управлять кочевками родственных семей, он настолько удовлетворительно решал сложные проблемы, что быстро заслужил право замещать в исполнении этой функции Ускенбая, главу рода.

Откуда у Кунанбая взялись такие способности? Безусловно, основа правильного принятия решений – это отличное знание местности, природы, состояния хозяйства не только у ближних родственников, но и у соседей. Такие знания могло дать только участие с детства в перекочевках, помноженное на природный талант настоящего исследователя, восприимчивого ко всему новому, обладающего великолепной памятью и способностью к анализу событий и фактов.

Действительно, кочевой опыт приобретался Кунанбаем чуть ли не с самого рождения. Ибо уже в первый год жизни

он пустился в путь на жайляу вместе с родными. И детство его прошло не в одном определенном месте, а в разнообразных местах степи, на ее необъятных просторах, на тех стоянках, куда приходило кочевье.

О местности, в которой родился и рос Кунанбай, можно судить по рассказу наблюдательного Адольфа Янушкевича. Он писал в дневнике: «С утра разошлись тучки и заблистало солнце. Мы ожили. Наши толмачи и казаки поехали в Аягуз, отправил с ними свои письма. Ходил в окрестные горы: ах, какая же пустыня! Все Чингистауские горы безлесны, из зверей больше всего лис и волков, и хотя они причиняют значительные убытки, киргизы на них капканы не ставят из боязни, как бы не покалечилась какая-нибудь скотина. Сурков нет, последний град побил множество мышей: те, что не поторопились удрать в норы, погибли.

Речки в Чингистауских горах текут в юго-западном направлении к Балхашу: Баканас, Калкатты, Коксала, Тайузень, Кур, Джайна; в северо-восточном направлении, то есть к Иртышу: Чаган, Доспол, Токрау, Байгара, Бокончи, Егизбалапан, Караул, Такыр, Мукур, Кундузды, Кос, Чар, Чет. В этих горах кочуют сиванцы* и тобыктинские киргизы» (9 августа 1846 года).

Вот в этом краю и обитал род Тобыкты. Точно назвать место рождения Кунанбая сложно, поскольку зимних стоянок у каждого из кочевых аулов было несколько, они часто менялись, да и маршруты кочевий обновлялись постоянно. По согласованию между родами и подродами, а то и в результате споров, столкновений, выгодные пастбищные угодья, богатые травами, могли переходить от одного семейства к другому в течение краткого времени. Краткого, конечно, в историческом измерении. Но большую часть года казахи не думали о конфликтах, жили в благоденствии, наслаждаясь покоем на благословенных жайляу летом и в хорошо защищенных от снега и холода утепленных юртах или в глинобитных домах зимой.

Именно в такой благостной среде и рос маленький Кунанбай. Его воспитанием занималась мать Зере, энергичная, умная, целеустремленная и стойкая женщина, на которой держался, как в любой казахской семье, домашний быт. По воспоминаниям людей, заставших ее в пожилом возрасте, когда у нее на воспитании был уже Абай, сын Ку-

---

* Сиванцы – искаж. сыбанцы, сыбаны – члены рода Сыбан племени Найман.

нанбая, Зере обладала мягким характером, не могла обидеть никого из окружающих.

По легенде, сохранившейся в устном изложении, родители решили получить напутствие-благословение (бата по-казахски) малышу Кунанбаю от бия Кенгирбая, знаменитого патриарха рода Тобыкты. Традиция получения бата от почитаемых старцев коренится в глубокой древности. Без такого напутствия кочевье никогда не трогалось в путь, воины не выходили в боевой поход, и даже торжественная трапеза не начиналась без бата. Считалось, что любое начинание, включая жизненный путь человека, освященное напутствием уважаемого человека, обречено на успех. Обычай этот соблюдается в казахском обществе по сей день.

Ускенбай считал, что важно получить бата именно от Кенгирбая, слывшего в роду святым человеком, и тогда у Кунанбая будет долгая и счастливая жизнь. Глава семейства заколол ягненка, приготовил подношение и отправил Зере вместе с шестилетним Кунанбаем в соседний аул к Кенгирбаю.

К тому времени Би-ата, как именовали Кенгирбая близкие, исполнилось 75 лет. В этом почтенном возрасте он жил в собственном мире сакральных представлений о сущности бытия, в котором уживались все его сородичи, животные-покровители людей и духи предков – аруахи*. Погруженный в размышления об одиночестве человека в этом мире, он не всегда бывал учтив с близкими, уверенными в святости Би-ата и мирившимися с его метафизическими причудами. И когда он отказался принять Зере с сыном, она покорно вернулась домой.

Ускенбай призадумался. Отказ дать благословение сулил неприятности в жизни. Поэтому спустя полгода Зере повторила визит к старцу. Но Би-ата опять не дал бата.

Меж тем Ускенбай довольно часто сам наведывался к Кенгирбаю, расспрашивал о здоровье, рассказывал о делах, советовался по щепетильным вопросам внутриродового управления. Осторожно присматривался к старцу, пытаясь понять причины отказа. Но о благословении Кунанбаю не говорил ни слова.

И вот в третий раз, спустя год, Зере пришла с сыном к Би-ата все с той же просьбой. Знаменитый патриарх и на этот раз ответил отказом.

---

* Аруах – дух святочтимого предка, к которому, по древней тюркской (тенгрианской) традиции, обращались за помощью и благословением казахи.

Зере заплакала от отчаяния.

– Хожу как проклятая, а он все не дает бата! – говорила она в сердцах за стеной юрты Би-ата.

Стенания ее тронули сердобольную Кокы, старшую жену Кенгирбая.

– Третий раз приходит, – сказала она мужу. – Ты бы поднялся, дал бата.

Би-ата оторвал голову от подушки.

– Пойди-ка наружу, – сказал он жене, – посмотри, нет ли кого кругом.

Кокы выглянула за дверь юрты.

– Никого нет, кроме Зере с сыном. А кто тебе нужен?

– Пай-пай, как бы чего ни случилось, – пробормотал старец, поднимаясь с ложа. – Ладно, позови их, – приказал он жене.

Поднявшись на ноги, Кенгирбай повернулся в сторону Зере и мальчика. И внезапно произнес долгожданное благословение: «Пусть не тронут беды его потомков до девятого колена!»

Больше от него, в принципе, ничего не требовалось. Оставалось только провести, согласно ритуалу, ладонями по лицу. Но, произнеся пожелание, Би-ата неожиданно вывернул ладони и провел по лицу их тыльной стороной. Так дают терс-бата – неправильное бата, благословение-перевертыш. У казахов такое благословение отнюдь не считается за благо.

По другой версии предания, дошедшей до наших дней, Би-ата вовсе не давал мальчику терс-бата. Провел, как обычно, ладонями по лицу и просто протянул их тыльными сторонами к Кунанбаю, как бы передавая ему все потаенные смыслы благословения.

Как бы то ни было, Зере мало что поняла.

– О, Создатель, он дал терс-бата! – причитала она в испуге, возвращаясь с сыном домой.

– Ушла вся в слезах. С чего ты вздумал изобразить терс-бата? – возмутилась Кокы.

Святейший вздохнул задумчиво:

– Три года ждал я своих детей, высматривая, когда же придут за благословением. Ни один не пришел. Если буду раздавать бата невесткам и их детям, мне нечего будет сказать прямым потомкам. Выйди-ка, посмотри, кто идет следом за ними.

Кокы глянула в дверной проем.

– За Зере с сыном то ли собака, то ли волк, в общем, две какие-то серые тени, – безучастно сообщила она.

– У меня было четыре волка-оберега, – сказал Би-ата, – это уходят двое из них.

Жена нимало не удивилась мистическим ощущениям мужа, словно говорил он о реальных существах, а не о мифологических животных-покровителях, к коим относятся волки, чьи золоченые головы много тысячелетий венчали боевые знамена древних тюрков, гуннов, саков.

Когда Зере с сыном вернулись домой, их встретил Ускенбай.

– Дал благословение? – спросил он.

– Дал терс-бата, – отвечала расстроенная Зере.

– Каким образом?

– Сказал: «Пусть до девятого поколения никто не посмеет поколебать ваше положение». И сделал вот так – Зере изобразила жест Кенгирбая.

Ускенбай рассмеялся. Он сразу разгадал смысл благословения.

– Это не терс-бата, это настоящий бата, – сказал он. – Так Би-ата просто водит за нос злых духов.

Ускенбай немедля провел той (праздник) для сородичей с традиционными скачками в честь удачного, как он считал, визита Зере с сыном к Би-ата – настолько сильна была вера в чудодейственную силу благопожелания святого человека. Каждый казах в сущностном смысле – метафизик, беспрестанно размышляющий о жизни, ищущий ответы на вечные вопросы, касающиеся первооснов бытия. К тому, конечно, располагал образ жизни на природе, на необъятных просторах земли, в огромном пространстве степи, под вечно синим небом, так близко к Вселенной. Кочевой человек всегда шел от этого целого, задаваясь вопросами о первопричинах бытия, и только затем приходя к пониманию сущего, мира вещей. Отсюда – почтение сородичей к мудрствованиям Кенгирбая, внимание и уважение к его отрешенности от суеты жизни и вера в магическую силу его пророчеств и благословений.

Много лет спустя Кунанбай, уже взрослый, состоятельный человек, со словами: «Есть у меня долг перед этим старцем», – соорудил над могилой Би-ата кумбез (мавзолей) на вырученные от продажи скота средства.

А в детстве история с бата Кенгирбая не слишком взволновала малыша Кунанбая. Это был лишь небольшой эпизод в жизни кочевников, насыщенной не столько громкими событиями, сколько постоянным общением членов сообщества, которое как бы создавало густую, напряжен-

ную атмосферу присутствия человека на всем пространстве степи, в любое мгновение жизни. И Кунанбай чувствовал ее каждой клеточкой тела, жадно впитывал расширяющимся сознанием, усваивая детским умом такой огромный объем информации, который, наверное, не осилил бы взрослый человек в наше время.

Едва научившись ходить и носиться с детворой, он уже не отставал от отца, знатного родоправителя, и, находясь рядом с ним, вслушивался в речи множества людей, стараясь понять, что желает и чего добивается тот или иной человек. Витиеватые их изречения особенно увлекали мальчика, и он повторял их про себя, надежно укладывая в памяти их значение. Родные говорили потом, что он с десяти лет отличался большой восприимчивостью, находчивостью и расторопностью — короче говоря, был умным мальчиком. Вместе с тем уже тогда окружающие замечали в его характере требовательность – он всегда стремился добиваться своего.

Усвоение нового было стремительным. Читать Кунанбай научился довольно оригинальным способом. Шакарим лаконично сообщает в «Родословной»: «Покойный кажи родился в пору, когда народ наш был сильно неграмотен. Научившись мало-мальски читать, он тайком от отца Оскенбая брал присланные ему, как бию, письма из разных уголков степи, сличал их, и так, занимаясь самообразованием, научился читать книги на тюркском языке». Под тюркским Шакарим разумеет, конечно, казахский язык. Поскольку тексты в то время писались в арабской графике, сами казахи привыкли называть такой вариант тюркским письмом.

Ахат Кудайбердиев (1900–1984), сын Шакарима, оставил в воспоминаниях довольно обширные суждения о Кунанбае, в том числе о его детских годах. Впечатления отложились, конечно, из рассказов Шакарима, ибо сам Ахат прадеда, естественно, не видел.

«С детских лет Кунанбай был очень рассудительным, сообразительным мальчиком, схватывающим все на лету, запоминающим то, что однажды увидел или прочитал, – писал в воспоминаниях Ахат. – Как только он начал осознавать мир, стал садиться рядом с отцом, слушал много рассказов о событиях, случаях в управлении родом, сохранял в памяти поучительные казахские слова, пословицы и поговорки, афоризмы и изречения, сказы о батырах, эпические сказания, исторические повествования. С юности имел склонность к ораторскому искусству. В сознании Ку-

нанбая довольно рано занял место вопрос о том, как разрешать долговые споры людей. Хотя он много раз задавал этот вопрос отцу, другим личностям, полного и внятного ответа не получал. Его отец Ускенбай, служивший народу, излагал здравые мысли: нужно быть честным, чистым, не поступаться совестью, честью, человечностью.

Кунанбай и в истории искал ответы на вопросы о том, каких людей уважает и любит народ, кому выражает любовь и признательность. Уяснил, что любят превосходных балуанов-борцов, батыров с горячим сердцем, героев-защитников родной земли, а также тех, кто ведет народ к вершинам знаний и мастерства. Как бы то ни было, он пришел к мысли о том, что тот, кто трудится во благо родной земли и своего народа, тот отдаст свой долг людям и заслужит имя честного человека. Кунанбай понял, что, не добившись признательности народа, нельзя считать себя достойным человеком. "От множества просьб будет озеро, без озера будет каменистая пустыня", "У честного бия родственников нет, у родившегося бием честности нет", "Честность – печать человечности, нечестность – печать скверны", "Кто не с большинством, тот останется непогребенным", "Толпа потушит пожар, коварство пожар раздует", "У народа учись, от бессовестного отворотись", "Не твори мошенничество, от мошенника отворотится вера", "Бог чист, будь чистым и ты", "Слабого поддержи, кроткого защити". Такие пословицы и поговорки Кунанбай вживил себе в сознание, они не сходили у него с языка».

Возможно, в этом тексте больше Ахата, нежели его прадеда Кунанбая, но он дает представление о юном Кунанбае, чувствительном, умном, честолюбивом, целеустремленном и благородном молодом человеке. Весьма благостный образ в реальности сильно модулировался жестким характером и порой откровенно жестокими деяниями, оправдание которым, конечно, было легко найти в ту эпоху.

Глава четвертая

СТЕЗЯ МОЛОДОГО БАТЫРА

Кунанбай рос видным юношей. В роду Тобыкты все понимали, предчувствовали и, пожалуй, просто знали и были уверены: это будущий предводитель. Позже старики говорили: «Его рождение – к ожиданиям народа. Появился на свет, чтобы трудиться на его благо».

Ахат Кудайбердиев оставил такой его портрет: «Кунанбай был стройным, хотя и полноватым, но очень высоким молодым человеком. Это был красавец со светлым лицом, большими глазами, прямым носом и открытым лбом. Он заражал молодостью, тело его было хорошо приспособлено к увлечению борьбой, острые глаза свидетельствовали о смелости, голова ему была дана для большого ума».

Про борьбу сказано неспроста. Увлечение борьбой, традиционными боевыми искусствами было следствием сложившегося у молодого человека представления о герое, батыре, предводителе. Только умелый и храбрый воин мог стать батыром. Только талантливый батыр мог стать военачальником в военное время, родоначальником в мирное время.

Кунанбай знал, кем будет. Еще в юношестве у него проявилась удивительная способность определять главное для себя направление развития. Можно было бы сказать, что это его качество предвосхитило одну из основных функций главы рода – намечать пути перекочевок подродов, аулов, семей. Однако, став взрослым, он уверенно указывал не только маршруты кочевий, но и главные пути развития для всего народа.

Во взрослых борцовских состязаниях он участвовал с пятнадцати лет. Обладая высоким ростом и мощной фигурой, всегда одолевал сверстников и соперников постарше. В итоге стал признанным мастером борьбы. Очевидно, пошел в деда Ыргызбая, знатного борца.

Тем не менее юноша понимал, что спортивные схватки не должны стать самоцелью. Не в борьбе как таковой дело – нужно было учиться брать верх во всем. А потому жажда победы была неутолимой.

В родовых преданиях сохранилась история о том, как в желании сразиться с известным борцом Сенгирбаем из подрода Котибак восемнадцатилетний Кунанбай предложил старшему по возрасту сопернику, к тому же сородичу, призовые независимо от того, кто выиграет. «Не будем разглашать, кто проиграл, а кто выиграл», – пообещал сопернику молодой человек. Схватка состоялась без зрителей. По ее окончании Сенгирбай забрал гарантированного призового коня и чапан. Никто так и не узнал, кто же все-таки победил. До конца жизни Кунанбай на вопросы любопытных отвечал: «Кто победил – сказать не могу. Если Сенгирбай умер, это не значит, что я должен нарушить слово».

О завершении борцовской карьеры он рассказывал род-

ным так: «На одном большом тое я участвовал в борцовском состязании найманов и тобыктинцев. Показалось, что одолею соперника быстро. Поторопился. И когда бросал его через себя, поскользнулся и оказался под ним. Понял, что борьба может приносить неожиданности. К тому же появились другие цели в жизни. Поэтому в двадцать лет прекратил бороться».

Другим увлечением молодости были традиционные боевые искусства. Без умения побеждать врага в настоящем бою, в сражении насмерть, не мог состояться батыр. Юный Кунанбай включился в конные и пешие тренировки жигитов с применением всех возможных, в том числе огнестрельных боевых средств. Хотя, по правде говоря, ружья у казахов даже в XIX веке были редкостью. Они привыкли биться на копьях, соилах (дубинах), пользовались саблями, луками со стрелами, топориками и кинжалами. Тому много свидетельств, например, в упомянутой книге Семена Броневского «О киргиз-кайсаках Средней Орды»: «Вооружение киргизцев состоит: из ружья с фитилем, сабли, лука со стрелами и айбалты, или топор длинной рукояти, особаго устроения с железным лезвием на оной; есть у некоторых кольчуги со шлемами и наручниками (панцыри), но все это в крайнем небрежении и неисправно, десятой разве из киргизцев имеет одно что либо, из показаннаго здесь оружия. Большая часть довольствуется длинными палками, с конца заостренными и обожженными, и плетями».

Постоянные тренировки позволили обрести уверенность во владении основными приемами ведения боя верхом. Кунанбай считался лучшим среди молодых жигитов метателем копья – у него была крепкая рука. Приняв участие в отражении набегов конокрадов, он почувствовал себя настоящим воином. В пору его молодости крупных войн казахи уже не вели, и все боевые действия происходили на уровне межродовых столкновений. Интересы понятны – борьба за лучшие пастбищные угодья, за земли, на которых кочевали предки. Часто случалось, что на одни и те же пастбища претендовали два соседних рода. И когда вопросы по какой-то причине не решались судом биев, в дело вступали жигиты, объединенные в родовую гвардию. Именно в ее составе можно было проявить батырство, то есть героизм. А иначе как завоевать авторитет лидера?

В традиционном кочевом обществе невозможно было стать предводителем, главой рода без того, чтобы явить геройство. Честолюбивому молодому человеку нужно было

обязательно совершить подвиг или эквивалентное ему деяние в мирное время. И он ступал на путь батырства, сущность которого описал выдающийся казахский батыр и поэт-жырау Махамбет (род Берш, Младший жуз):

Не снарядив второго коня,
Не отточив боевого копья,
Не озирая грозно края,
Грудью не встретив мороз и ветра,
Не затерев свой потник до дыр,
Ставший легким и тонким, как жир,
Курт* не отведав в течение дня,
Не сожалея, что сын, возмужав,
Стал независим, заветы храня,
В жестком седле не встречая восход,
Не перенесши безводный поход,
Перебиваясь без мяса весь год,
Не избегая семейных забот,
В зной полудневный коня не гоня,
В полночи злых холодов не кляня,
Спутав чепрак изнанкой цветной,
Спать не ложась под Полярной звездой,
С ясной не встанет пока головой,
Разве свершит свое дело герой?**

В военное время батыр возглавлял родовое ополчение, ведя его в бой в составе объединенной казахской армии. Как таковой регулярной армии у казахов не было. Но когда нужно было идти войной на врага или отражать внешнее нападение, ханы обращались к племенам, призывая батыров поднимать своих воинов. Вплоть до XIX века народное ополчение, возглавляемое батырами, было главной военной силой. Казахская поговорка гласит: женщина укрепляет единство семьи, батыр укрепляет единство народа.

Однако в XIX веке ситуация поменялась коренным образом. Традиционная ханская власть необратимо теряла свои позиции. На смену ей выдвигалась царская администрация.

Еще в 1740 году на съезде казахской знати в Оренбурге хан Среднего жуза Абильмамбет и султан Абылай, а также другие султаны и известные батыры присягнули на верность Российской империи. Они рассчитывали на ее поддержку в борьбе против джунгар. После разгрома мань-

* Курт – сушеный творог.
** Перевод Кайрата Жанабаева.

чжурами Джунгарского ханства Россия, несмотря на протесты Китая, оставила за собой Прииртышье и Алтай благодаря наличию хорошо вооруженных гарнизонов Иртышской и Колывано-Кузнецкой укрепленных линий. Считая теперь казахов Среднего жуза подданными России, император Павел I издал 23 июля 1798 года указ, согласно которому им разрешалось переходить на правый берег Иртыша и кочевать между Семипалатинской и Омской крепостями. Причем за перегон скота через десятиверстную прибрежную полосу взималась пошлина. За расселение на правобережье бралась арендная плата.

Решающим шагом в довольно неспешном освоении Россией казахской степи, в том числе родовых земель тобыктинцев, стало в 1803 году решение российского правительства разрешить купцам содержать вооруженные отряды в целях обеспечения безопасности прохождения караванов. По правде говоря, русские люди до этого вглубь степи вообще не хаживали, шли на контакты только на ее окраине. Но процесс пошел: купцы в самом деле стали активнее торговать с казахами, пригонявшими скот на обмен и продажу. Наиболее оживленная торговля завязалась в Петропавловске и Семипалатинске. Позже, к середине XIX века, стали популярными многочисленные и многолюдные ярмарки в разных концах степи.

А когда Кунанбай уже стал молодым человеком, под руководством генерал-губернатора Сибири Сперанского был разработан и утвержден в 1822 году ставший знаковым «Устав о сибирских киргизах». Документ обозначил новое государственное устройство казахского общества. А еще он опосредовал всю дальнейшую судьбу Кунанбая, предопределил его будущую политическую и общественную стезю, хотя он еще ничего об этом не знал.

Граф Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) прославился как законотворец, реформатор, смело пытавшийся на посту государственного секретаря при императоре Александре I заняться повышением грамотности и профессионального уровня чиновников. Вследствие чего не устоял против немедленно возникших дворцовых интриг, угодил в опалу и даже был отправлен в Пермь. Позже, в 1819 году, император поручил ему провести «ревизию Сибири». Прибыв в Иркутск, Сперанский быстро вник в местные проблемы с помощью провозглашенной им «гласности»: к нему можно было входить, что называется, без стука. В результате на основании его рапортов бы-

ли отстранены от занимаемых должностей предыдущий сибирский генерал-губернатор и два губернатора – томский и иркутский. 48 чиновников предстали перед судом, 681 человек обвинялся в противозаконных действиях, в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальников».

Между делом Сперанский, «выходец из низов», человек, несомненно, выдающихся способностей, занялся разработкой «Сибирского уложения» – проекта реформирования аппарата управления Сибири. Он ввел новшество: деление коренного населения по образу жизни на оседлое, кочевое и бродячее. В рамках этого проекта и был создан «Устав о сибирских киргизах». Речь в нем шла, конечно, не об этнических киргизах, а о казахах, причем казахах только Среднего жуза. Согласно «Уставу», институт ханской власти в степи подлежал полной ликвидации. Территория Среднего жуза объявлялась вошедшей в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром в Омске. Отныне она стала называться Областью сибирских киргизов*. Весь жуз был поделен на административные единицы – округа, которые делились на волости, а те, в свою очередь, на аулы.

Устав закрепил очередные достижения российской политики расширения границ. В течение десятилетий холодно и неумолимо, но с достаточной осторожностью империя присоединяла казахскую степь, оставляя часть власти за местной элитой, сознательно давая время привыкнуть к господству России. Хотя время нужно было и русским людям, которые всегда продвигались в неведомые края с трепетом первооткрывателей, в ожидании экзотики и внезапной опасности, о чем свидетельствует, например, сделанная десятилетия спустя известная запись в дневнике министра внутренних дел графа Петра Александровича Валуева: «Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает, почему и для чего. Между тем по телеграфу получено от ген. Крыжановского на основании настояний Черняева требование заарестовать все бухарские караваны, товары и пр. Министерства финансов и военное недоумевают. Есть нечто эротическое во всем, что у нас делается на отдаленной периферии империи. Амур, Уссура, теперь Ташкент» (20 июля 1865 года).

---

* Область сибирских киргизов – административно-территориальная единица Российской империи, существовавшая в 1854—1868 годах. В состав области входили Кокчетавский, Кушмурунский, Акмолинский, Баянаульский и Каркаралинский округа, населенные казахами Среднего жуза.

По сути «Устав о сибирских киргизах» объявлял об уничтожении национального государственного образования, много веков существовавшего на территории казахской степи. О форме казахской государственности российские реформаторы имели смутное представление, считая, что государством можно именовать только устройство, подобное российскому. Мало кто даже из самых образованных людей империи мог вникнуть в тонкости политической системы Казахского ханства, испытывавшего тяжелый кризис последние 150 лет. Однако существо дела было понято точно. Ядром общественных и политических отношений в степи была ханская власть, и ее надо было ликвидировать.

По Уставу ханов уже как бы не было, но почтение к султанам-чингизидам сохранялось. Руководство округом передавалось старшему султану, который должен был избираться каждые три года из султанов и только султанами, имел чин майора российской службы, пока пребывал в должности, и мог рассчитывать на дворянское звание через девять лет службы. Все султаны сохраняли наследственное султанское звание, но без права вмешательства в управление. Уголовные дела предполагалось рассматривать на основании законов Российской империи. А еще, согласно Уставу Сперанского, в казахской степи запрещалась продажа вина.

Вот почему в молодые годы у Кунанбая уже не было нужды в мобилизации казахского ополчения. Все внешнеполитические проблемы, пограничные споры должны были решать не ханы, султаны, бии и главы родов, как прежде, а российские политические учреждения, в первую очередь Пограничная комиссия, созданная вскоре после принятия «Устава о сибирских киргизах».

Время междоусобных войн и сражений с иноземными захватчиками ушло в прошлое. Единоборства с оружием в руках, казалось бы, остались в воспоминаниях. На первый план выступали управленческие таланты и дипломатия. Кунанбай это прекрасно понимал. Но всегда более эффективна та дипломатия, которая подкреплена силой, нежели та, что расцвечена одним лишь красноречием. Поэтому молодой человек все же преуспел на ратном поприще, пусть в локальных масштабах.

Он создал местное родовое ополчение из молодежи, возглавив жигитов, защитников сородичей, употребляя навыки профессионального владения холодным оружием,

знание тактических приемов защиты, отступления и нападения, основанное на блестящем умении ориентироваться в открытой степи.

Предприятие имело практическое значение. Ведь проблема защиты родного аула от нападения агрессивных соседей или неорганизованных конокрадов в этот переходный период стала необычайно актуальной. Мало того что боевой отряд всегда был нужен для законной барымты, которую поддерживал суд биев в случае несогласия с его вердиктом виновной стороны. Такое случалось, когда обиженный род не находил справедливости в форме примирительного соглашения. И тогда совершался законный (по обычному праву казахов) коллективный угон чужого скота. Причем такая барымта могла осуществляться и днем, часто с предварительным предупреждением владельца скота. В случае возмещения ущерба по суду биев угнанный скот возвращался в целости и сохранности.

Но сверх того, требовалась защита от незаконных действий. До окончательного утверждения в степи российской администрации с ее органами правопорядка и судебной системой было еще далеко. Русские люди здесь по-прежнему были в диковинку. А власть султанов (ханов уже не было) стремительно нивелировалась. Не все бии могли в такой ситуации удержать управление родом в своих руках. Многие жигиты-воины постепенно превращались в плохо управляемых, агрессивных деятелей, тоскующих о «золотом веке» казахов, о гармоничной системе традиционной кочевой вольницы. Участились нападения на соседей, незаконный угон скота, ссоры из-за выпасов. Отряд Кунанбая стал в это время настоящей опорой, защитой тобыктинцев.

В сущности, такие отряды всегда выполняли в казахском обществе функции защиты родового строя, точно так же, как в оседлых культурах любое государство опирается на легитимное физическое насилие. Родовое ополчение можно назвать аппаратом принуждения в кочевом государстве, не только защищающим его от внешних врагов, но и поддерживающим традиционную казахскую государственность.

Будущий родоправитель знал, что без участия в защите родовых ценностей невозможно добиться всеобщего уважения. Да и самого себя в противном случае не смог бы считать достойным лидерства. Из афоризмов Кунанбая, запомнившихся сородичами, на этот счет есть такие: «Без бата (благословения) не состоится герой, с бата он непо-

бедим», «С травою расцветает земля, с народом расцветает герой», «Что нужно герою – даст народ, плоды геройства достанутся людям».

Хотя, согласно политической ситуации, возможности участвовать в крупных сражениях, как в былые времена, у молодого Кунанбая уже не было, тем не менее боевые раны у него имелись. Они были получены в стычках с конокрадами-барымтачами и с отрядами соседних родов, обычно из племени Найман, покушавшихся на родовые выпасы или даже на имущество целых аулов, под которым в степи подразумевается в первую очередь скот. Считается, что одно из ранений сказалось на зрении батыра. Точных сведений о характере раны нет. Старики из аула Абая еще в начале XX века вспоминали, что левый глаз Кунанбая пострадал в годы молодости в одном из набегов на чужой скот, когда его хлестнули камчой по лицу. Понятно, что подобное нападение, скорее всего, было местью в веренице неутихавших столкновений соседствующих родов.

Другие старцы, знатоки прошлого, утверждали, что Кунанбай стал медленно слепнуть на один глаз после схватки с противником, когда острие копья задело его лицо. Сам он не любил распространяться о причинах повреждения глаза. Не говорил о них даже Адольфу Янушкевичу, с которым охотно делился иной информацией. В письме своему другу Густаву Зелинскому от 11 июня 1846 года, вошедшем позже в издание его дневника, поляк писал:

«Когда-то он был красивым мужчиной, нынче на его лице следы оспы, несколько лет назад чуть не унесшей его в могилу, как Мирабо. Во время вдохновенной речи он заставляет слушателей забыть о своем страшном обезображенном лице. Эти жестокие последствия страшной болезни всякий раз пробуждают в нем сладкие воспоминания о сочувствии земляков, которое может дать тебе доказательства его заслуг и значения.

– Толпы людей в отчаянии, – говорил он мне с волнением и гордостью, – днем и ночью окружали мою юрту, где среди невыносимых мук я боролся со смертью. Их слезы залили огонь, пожиравший меня, и вымолили у Аллаха возвращение меня к жизни.

Не таким ли сочувствием в одной из самых просвещенных стран Европы окружал народ последние минуты умирающего трибуна, что, как и Кунанбай, был его щитом против несправедливости и насилия богатых; этот народ, что оказался менее счастливым, чем нецивилизованный, не

сумев выплакать у бога жизни для своего защитника, в порыве благодарности создал для умершего пантеон».

Требуется комментарий. Оставим пока в стороне исключительно хвалебную, можно сказать, восторженную общую характеристику родоправителя, выданную впечатлительным поляком. Слова о защите Кунанбаем народа от «насилия богатых» тоже требуют раскрытия в более расширенном обозрении поступков и мирочувствования.

Остановимся на одной детали. Янушкевич заметил следы, произведенные оспой, причем перенесенной в далекой юности, но почему-то ничего не сказал о травме глаза, которую, возможно, приписал про себя последствиям той же болезни. Или она попросту осталась им незамеченной.

Можно понять Кунанбая, который никогда не давал разъяснений по поводу травмы, из-за которой акын Шоже позже стал называть его «кривым». Если ранение было результатом героического поведения в молодые годы во время схваток с недружественными соседями, то, как и в случае с Сенгирбаем, он, в соответствии с кодексом батырства, мог не тратить слова на объяснения. Предпочитал молчать. Смелости ему было не занимать, а значит, о личном можно и не говорить.

Но, скорее всего, слепоты вообще не было. Просто вероятная травма привлекла чрезмерное внимание автора романа «Путь Абая». Писатель Габдол Сланов, вспоминая беседу с Мухтаром Ауэзовым, состоявшуюся в 1942 году, поведал в 1976 году в журнале «Жазушы» («Писатель») о том, что разговор у них зашел о Чингисхане. Неожиданно Ауэзов воскликнул: «Как все же Субэдэй, знаменитый военачальник Чингисхана, похож на нашего Кунанбая! Надо же... Вон, на черногривом саврасом, покачиваясь, мчит во главе войска Субэдэй, подобный одноглазому великану. Матерый волк, ведущий за собой волчьи полчища. А ведь наш Кунанбай тоже в свое время возглавлял войско, совершал походы. И тот жестокий, и этот жестокий. И тот одноглазый, и этот одноглазый».

Лестное сравнение с грозным Субэдэем выглядит искусственным. Кунанбай все же не был таким же крупным полководцем, не водил войско в большие походы. Однако Ауэзову важно было обосновать образ «хищного феодала», созданный в романе. В книге ему удалось возвести физический изъян в олицетворение некоего всевидящего единственного ока степного деспотизма, жестокости, алчности и коварства. Но некоторые сомнения в корректности ис-

пользования увечья человека для художественного обобщения, видимо, остались.

Образ недремлющего ока – один из самых древних в тюркской мифопоэтике. Одноглазый великан (дэв) Тепегёз из тюркской мифологии – аналог злобного Полифема из «Одиссеи» Гомера. Однако казахи обычно используют этот образ в благих метафорах. Например, когда в 1884 году султан Сыздык, сын хана Кенесары, неожиданно нагрянул в гости к алатауским киргизам в надежде найти захоронение отца, казненного, как известно, в 1847 году манапами*, хозяева устроили той (праздник), чтобы принять султана с почетом. Пригласили известных в округе певцов, в том числе казахских. Среди приглашенных акынов** был 38-летний Жамбыл Жабаев. Он обратился к султану, возглавлявшему в свое время армию Кокандского ханства, с весьма почтительной песней, начинавшейся словами:

Приветствую вас! Высóко
Поднялись рядом с вами мы.
Вы – недремлющее око
Несравненного Кенесары...

Мухтар Ауэзов выделил увечье Кунанбая, посчитав его символическим отражением душевной ущербности. Напротив, Адольф Янушкевич не заметил слепоты, потому что видел перед собой благородного защитника народа, вдохновенные порывы которого не оставляли место суждениям и сплетням о его недугах.

Глава пятая

РОЖДЕНИЕ БИЯ

Каждый человек, осознающий себя полноправным членом общества, стремится – реже обдуманно, чаще безотчетно – доказать окружающим, особенно равным себе, что он не какой-нибудь заурядный индивид, то есть «как все», но – личность, несомненный творец, отличающийся от других, способный на великие свершения. Обычно это свойственно молодым людям, которым важно доказать собственную значимость себе, своему окружению и всему миру. С мечтой о подвиге рос и Кунанбай.

---

* Манап – родовой правитель у киргизов.

** Акын – поэт-импровизатор, певец.

Конечно, сначала юноше предстояло впитать в плоть и кровь систему убеждений, господствовавших в окружающем родовом обществе, идущих от далеких тюркских предков через многие поколения казахов. И только полностью восприняв опыт столетий, даже тысячелетий кочевничества, сумму духовных и этических канонов, он мог явить миру свой взгляд, твердый характер, неповторимую индивидуальность и незыблемое личное суждение.

Кунанбай быстро усвоил устоявшуюся в казахском обществе систему правил и этических норм. Элементы народной веры, транслирующие знание и опыт тюркских предков, хорошо сохранились в памяти народа благодаря всеобъемлющей преемственности, основанной на устных преданиях. Поэтому, впитывая услышанные от взрослых слова мудрости или даже обыденные выражения, сказанные отцом, матерью, другими домочадцами, он легко воспринимал и крепко запоминал многочисленные ограничения и запреты, которыми регламентировались быт, хозяйственные заботы, жизнь в семье и степном социуме. Постепенно у него сложилось стойкое представление о том, как должна быть исполнена судьба молодого человека, если он охвачен желанием служить людям.

Ничто в традициях не могло вызвать отторжения в душе Кунанбая. Ему нравилось в устоях и правилах всё. В родной среде традиции органично и легко прирастают к сущности человека. В автаркическом обществе, каким по сути было прежде Казахское ханство, традиция – важнейший механизм функционирования общности. И молодой человек следовал принципам и законам степной жизни с малых лет, уже в юности став, неожиданно для многих, подающим надежды носителем традиционных знаний, передаваемых из поколения в поколение изустно, от одной знаковой личности к другой. Слушая рассуждения отца, рассказываемые им истории, иногда присутствуя при обсуждении тяжб, которые Ускенбай решал как всеми уважаемый бий, вникая в его беседы и даже споры с соплеменниками, Кунанбай часто пробовал ставить себя на место отца, задаваясь вопросами: а как бы я решил этот спор, чью бы сторону принял? И терпеливо осмысливал аргументы бия, запоминая, на чем он основывался, вынося то или иное решение.

Постепенно непреложные духовные ценности народа, которые более всего оберегались и культивировались именно в практике биев, требовательно нормируемой окружающим обществом, незаметно заполнили его существо.

В юношеские годы они породили внутреннее благоговение перед священными законами предков, объемлющими всю человеческую деятельность в степи. Демоническое ощущение святости традиций, которое сродни самому глубокому религиозному чувству, он пронес через всю свою жизнь.

Существует легенда о том, как Кунанбай еще мальчишкой случайно оказался участником разбирательства в конфликте крупных родов. В объемистой поэме народного акына Толеу Кобдикова (1874–1954), посвященной знаменитому потомственному бию Актайлаку Байгараулы из рода Сыбан племени Найман, весьма художественно отображено, как четырнадцатилетний Кунанбай решительным тоном дает советы старшим на переговорах между родами Керей и Тобыкты, которые вели родовые авторитеты.

Нет никаких серьезных оснований принимать за реальный факт подобный рассказ, уместный только в художественной форме. Традиции не позволяли подросткам, какими бы талантами они ни обладали, участвовать в серьезных внутриродовых, а тем более межродовых или межплеменных дебатах. Смотреть и слушать им никто не мешал, напротив, это даже приветствовалось, а вот вступать в обсуждение было непозволительно. Никто не мог нарушить это правило. Прежде всех за соблюдением процедур на крупных мероприятиях должен был следить Ускенбай – как бий, как глава рода. Он бы осадил сына и строго наказал, если б тот посмел вмешаться в переговоры старших. Но такого, конечно, в действительности не было.

Разумно допустить, что Кунанбай все же ездил на эти важные переговоры вместе с отцом. Вряд ли Ускенбай упустил бы случай предоставить возможность подающему большие надежды сыну увидеть воочию выдающихся ораторов, услышать яркие речи таких биев, как Актайлак, Биболат, Бопы, Сотабай. Имена, которые часто доводилось слышать в разговорах старших, завораживали, и Кунанбай не упускал ни единого слова, сказанного ими, запоминая аргументы в спорах, доводы обвинения и защиты, ссылки на законы предков.

Память его действовала, говоря современным языком, как хороший компьютер. Он сразу и на всю жизнь запоминал большие объемы информации и быстро мыслил, опережая затем в принятии решений, причем весьма взвешенных и точных, а потому неожиданных и парадоксальных, гораздо более опытных сородичей. В спорах со сверстниками он не имел себе равных. Его аргументы не уступали до-

водам настоящих биев. И если в детские годы он мог запросто пустить в ход грубую силу, пользуясь превосходством в физическом развитии, то, повзрослев, перестал в отношениях с погодками полагаться на кулаки, предпочитая победы в словесных поединках, в которых он мог продемонстрировать свое первенство в ораторском искусстве.

Поначалу старшие с удивлением говорили, что Кунанбай рассуждает, как взрослый, причем характер его становится все более жестким. Потом привыкли и нередко обращались к нему по вопросам традиционного права, в которых он оказывался сведущ не хуже своего отца.

Отмечая про себя растущий интерес сына к разнообразным проблемам, Ускенбай безошибочно распознал в нем дар глубоко воспринимать феномены жизни, которые обычный человек впитывает в себя, не задумываясь о их происхождении. Он стал чаще обсуждать с сыном вопросы управления родом, планы перекочевок, варианты разрешения имущественных споров. Разбирал конкретные случаи, обычно по следам событий. По всем вопросам высказывал свои соображения, по сути, делился опытом. Предлагал вынести решение по какой-то проблеме, как бы спрашивая совета. На самом деле проверял познания сына, поправлял, наставлял. И всегда сдерживал, постоянно напоминая, что умный человек должен отстаивать свое мнение, но не быть при этом неуступчивым и неоправданно жестоким.

Ускенбай проводил довольно много времени в разъездах, участвуя в сборах и съездах аулов, решая на местах спорные вопросы. В последнее время он, уезжая, громко, чтобы слышали все, говорил Кунанбаю: «Остаешься за старшего вместо меня». Родичи понимали, что слова эти преследуют воспитательные цели, но старались поддержать юношу, обращаясь к нему, как к взрослому.

И вот однажды, когда ему было 18 лет, в отсутствие Ускенбая в аул прибыли сородичи со своим спорным делом. Кунанбай принял их как взрослый член семьи. Усадил в гостевой юрте и за разговором стал расспрашивать о сути дела. Тяжба была, можно сказать, традиционной – за выпасы, которые не поделили семьи двух соседних подродов. Кунанбай выслушал обе стороны и изложил собственное мнение, поразив гостей знанием истории местных земельных отношений – результат впитывания информации от отца и других знатоков земельного права в Чингистау.

– Если не возражаете, я мог бы вынести решение по вашему делу, – неожиданно предложил он.

Гости переглянулись, дивясь смелости юнца. Он успел произвести на них впечатление. Облик его располагал к себе: твердая, ясная речь, вид уверенного в себе человека, а главное – разумные, аргументированные суждения, на которые трудно было что-то возразить. И как бы из интереса к способностям юноши посетители согласились его выслушать.

Он коротко проанализировал доводы сторон, затем напомнил предысторию отношений подродов. Гости только кивали головами в знак согласия с излагаемыми положениями, изредка громко восклицая в особо примечательных местах повествования. Только после глубокого анализа молодой хозяин определил виновную сторону – все по науке традиционного кочевого уклада жизни, по неписаным правилам биев. Он объявил решение: пастбище остается у пользователя, но плата за пользование им – две лошади-трехлетки.

Поразмыслив и шумно обсудив меж собой речь молодого человека, стороны согласились с его решением и оставили в качестве вознаграждения, полагающегося бию, несколько овец. Тем самым они приняли вердикт Кунанбая, как настоящее решение судьи. Можно сказать, именно с этого момента началась его карьера бия.

Случай редкий, однако не уникальный. В традиционном обществе судьей-бием мог стать любой человек, отвечающий определенным требованиям, независимо от возраста. Что это были за требования? Бий обязан был знать в совершенстве нормы обычного права, историю казахов, прошлое своего рода и обязательно – тонкости взаимосвязей подродов и соседствующих родов, историю многочисленных земельных, имущественных, гражданских споров, включая семейные взаимоотношения, поскольку именно внутриродовые и межродовые конфликты, замешенные на родственных связях семей, составляли основную массу дел. Умение доступно и четко излагать мысли, а также ум, эрудиция, доброта – нелишние атрибуты. И еще бий должен быть честным. Бесчестный судья быстро терял статус бия, поскольку к нему переставали обращаться. Иные критерии (происхождение, опыт, возраст, социальный статус) не имели определяющего значения.

Чокан Валиханов (1835–1865), чингизид, разведчик, офицер русской армии, талантливый исследователь национальной истории и культуры, в «Записке о судебной реформе» (1864) писал: «Чтобы приобрести имя бия, нужно

было киргизу (казаху. – *Е. С.*) не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их делалось известным всем и каждому. Таким образом, звание бия было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем и звания своих отцов. Впрочем, из этого вовсе не следует думать, что звание биев было у киргиз когда-либо наследственным. Мы знаем много киргиз, отцы которых были известными биями, но которые сами не носят этого звания».

Так повелось издревле. В казахском обществе титул «бий» был не наследным или жалуемым, а обретенным, выслуженным званием. Законодательно бии не назначались и не избирались. Часто решающим оказывалось мнение действующих биев, аксакалов (старцев), иных уважаемых людей, первоначально оказывавших поддержку. Или же, как в случае с Кунанбаем, человек признавался в народе бием, если с первого же дела демонстрировал способности и необходимые навыки. Об этом писал и Чокан Валиханов: «Возведение в звание бия не обусловливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание». То есть гарантией правосудия служила безупречная профессиональная и нравственная репутация бия.

Итак, Кунанбай как бы стал бием – пока только начинающим. Стать признанным всеми, настоящим бием в исконном смысле этого слова ему еще предстояло. С давних пор в обществе оценивалась не только юридическая сторона деятельности бия, но и ее политическая составляющая. Лучшие бии почти всегда участвовали в управлении племенами и родами. Тенденция эта сохранилась при российской администрации. В многочисленных ведомостях окружных приказов к именам султанов, волостных управителей, аульных старшин добавлялось примечание: «Они же большей частью бии». С давних времен к родоправителям, как, например, к тому же Кенгирбаю, обращались не иначе как Кенгирбай-бий. Вожди носили это звание не в качестве почетной приставки к имени, а были реальными биями, в функции которых входило решение важных для всего рода общественно-политических задач.

Высокие качества традиционного казахского суда подмечали даже самые предвзятые российские наблюдатели, прибывавшие в степь отбывать воинскую или иную повинность среди дикого, варварского, по их представлениям, населения. Например, офицер Генерального штаба, оплота имперской разведки, подполковник М. И. Красовский в составленном им и опубликованном в 1868 году труде «Область сибирских киргизов» писал: «Такой простой, скорый, неотяготительный для населения и всегда действительный суд мог появиться среди полудикого народа потому, что при всех, порождаемых невежеством, недостатках киргизов, в них есть же и присущие всем людям добрые начала, тоже успевшие вылиться в форму священных для народа обычаев. На одном из таковых – на обычае изгонять из своего общества лжесвидетеля – строится все здание их суда... Трудно что-нибудь скрыть в степи, и ложно присягнувший в невинности обвиняемого рано или поздно будет уличен, а так как такой человек, по народному обычаю, лишается покровительства общества, другими словами – его имущество может быть разграблено безнаказанно, он сам убит, и проч., то из киргизов, из коих каждый всегда упорно запирается в соделанном им преступлении, ни один не решится на лжесвидетельство. Отсюда понятно принятое всеми джугунусами* обыкновение признавать киргиза вполне виновным, ежели он не имеет у себя ни одного поручителя, который если не во всем, то хотя бы в чем-нибудь его оправдал, – и потому дело никогда не тянется, суд никогда не откладывается в том случае, когда обвиняемый, запираясь, называет таких свидетелей, которые к суду не явились».

Ускенбай отнесся к инициативе сына, взявшего на себя в его отсутствие решение спорного вопроса, внешне сдержанно, однако в кругу родных и друзей не скрывал гордости. «Растет наследник наших дел. Будет хорошим бием», – говорил он не без удовольствия.

Отец понимал, что до уровня настоящего бия сыну еще далеко. Нужен опыт, нужна практика. И когда теперь к Ускенбаю приходили сородичи с мелкими тяжбами, он отсылал их к сыну: «Кунанбай справится не хуже меня». И сын справлялся отменно. Стараясь придерживаться наказов отца, судил не по годам сурово, но справедливо. Выносил решения по спорным вопросам, сообразуясь с обретенными

---

* Джугунус – суд, жюри, обсуждающее просьбу заявителя.

представлениями о правде, невзирая на то, кто перед ним – богач ли, знаменитость ли, или бедняк. Исходил только из сути разбираемого дела, придерживаясь вековечных степных законов и устоев. Поэтому в народе очень скоро его стали называть «мырза» (господин). Поначалу вроде бы шутливо, но постепенно все привыкли к его функциям и говорили: «Мырза Кунанбай», – уже без тени шутки, ибо слово «мырза» имеет переносный смысл – щедрый.

Кунанбай не имел еще личного скота, не был баем, то есть зажиточным человеком. Баем можно было считать Ускенбая, а сыну еще предстояло жениться, отделиться, по установленному порядку, своей семьей и нажить добро. Но при виде нуждающихся он немедленно делился тем, что было при нем здесь и сейчас. Голодным давал пищу со своего стола, нищим отдавал одежду. И никогда никому не отказывал в праведном суде, даже если просители не могли дать вознаграждение. Советы давал бескорыстно всем, кто обращался за помощью.

Когда Ускенбай, считая, что сыну пора обзаводиться своим хозяйством, выделил ему долю наследства, равную двенадцати лошадям, Кунанбай отдал всех годных к верховой езде коней из этого небольшого косяка безлошадным беднякам. Отец лишь покачал головой, узнав о безудержной щедрости сына. Сказал только, вздохнув: «Мырза, мырза...» И задумался, припоминая прожитую жизнь.

Кунанбая уже в молодости раздирало противоречие между неукротимым стремлением к истине, которое отражалось в судейской практике жесткой приверженностью правде, и неуемным желанием помочь ближнему – желанием, которое явно имело врожденный характер, обладало генетической природой, веками взращиваемой степной аристократией. Ускенбаю нетрудно было углядеть в сыне проступающую породу. Немного портила благородный облик ярость, в которую впадал Кунанбай, когда сталкивался с откровенной несправедливостью. Отец пресекал вспышки гнева, запрещал сыну вести себя жестоко по отношению к людям и надеялся, что с годами характер уравновесится рассудком.

Пребывание в открытой степи современному наблюдателю показалось бы, наверное, довольно однообразным, однако в прошлые века степь была населена гораздо плотнее. Несуетная и не столь интенсивная, как в городах, жизнь неумолимо подчинялась нескончаемым хозяйственным заботам. В свою очередь, хозяйство было подчинено

природным ритмам. В них многое предопределено, а потому непреложна опора на традиции. В такой ритмичной жизни трудно обнаружить драматические коллизии, событийные взрывы, трагические парадоксы. Они случались чаще в годы перемен и были редкими в периоды поступательного развития, влекущего к фундаментальным рефлексиям. Таким было время Кунанбая. Драмы в пору его юности, конечно, случались. Споры за земли между родами то и дело заканчивались кровавыми стычками. Но, в конце концов, они как-то решались в заведенном порядке, входя в такт с ритмами кочевья. В таком устоявшемся, привычном, во многом упорядоченном положении общества весьма заметной, выпуклой, значительной оказывалась роль биев, через которых проходили практически все серьезные темы. Жизнь в степи строилась вокруг них. И Кунанбай чувствовал это. В короткий срок он стал известной фигурой в роде Тобыкты. В 20 лет уже имел серьезную практику и даже приносил в семью доход.

Однажды отец усадил его напротив себя и положил перед ним увесистую рукописную книгу, написанную на арабском языке. Это был Коран.

– Дорогой, ты хорошо знаешь адат – обычное право казахов, – сказал Ускенбай. – Думаешь, познал все? Ошибаешься. Кроме адата есть шариат – мусульманское право. Все мы почитаем Аллаха, но мало кто в степи до сих пор доподлинно знает и чтит заповеди Корана. А ведь времена наступают другие. Вместе с русскими в степь идут мусульманские проповедники, строят мечети и медресе – школы для правоверных. Нужно знать законы шариата.

С этими словами Ускенбай вручил сыну священную книгу.

– Не знаю, где ты выучишь арабский, чтобы самому прочесть Коран. Езжай в город или найми муллу. Но пока не прочтешь и не изучишь его, не быть тебе ни бием, ни предводителем рода, ни главой семьи.

Ускенбай знал, о чем говорил. В XIX веке в казахскую степь широко входил ислам. Казалось бы, казахи издавна были мусульманами. Однако мусульманство в степи существенно модулировалось традициями. Первые мусульмане, действительно, утвердились на территории Казахстана еще в IX веке. Но большая часть тюркских племен, составивших впоследствии основу казахской нации, пришла в степь позже в составе монгольской армии (начало XIII века) и, по сути, размыла первую волну исламизации.

Правители улуса Джучи (старшего сына Чингисхана) по традиции были сторонниками старинной тюркской веры в Бога Тенгри. И когда хан Узбек, захватив в 1313 году при поддержке мусульман власть в Золотой Орде, поставил цель утвердить ислам в качестве государственной религии, лидеры ордынской аристократии воспротивились его планам. Узбек казнил 120 непокорных чингизидов и тысячи их сподвижников. Жестокость привела к тому, что ислам в степи так и не установился в чистом виде. Ислам признавали, но в жизни обходились без него. Даже после образования Казахского ханства в середине XV века казахи именовали себя мусульманами, но мало кто считал необходимым следовать нормам пяти столпов ислама, молиться и соблюдать пост. «Ни один батыр в степи не знал, что за птица Мухаммед», – писал Чокан Валиханов в 1856 году.

Сложившийся в средние века своеобразный степной (кочевой) вариант мусульманства, который сегодня ученые называют «народным», был Валиханову хорошо известен. Он писал: «Шаманство... у киргизов смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называется мусульманской, но [они] не знали Магомета, верили в Аллаха и в то же время в онгонов, приносили жертвы на гробницах мусульманским угодникам, верили в шаманов и уважали магометанских ходжей». То есть культ предков (аруахов) у казахов переплетался с исламизированным культом святых. Таким способом ислам адаптировался к местным условиям, тем более что он сохранял уважение к родственным связям.

В итоге в казахской степи до начала российского правления (фактически до 1822 года, когда был принят «Устав о сибирских киргизах») мусульманство не выходило за рамки «степного» варианта, в котором ислам не мог перебороть тенгрианских традиций, несмотря на проповеди ходжей и обаяние суфийских заповедей. Местные формы мусульманства представляли собой симбиоз ислама и домусульманских культов и значительно отличались от фундаментального ислама. Однако никаких особых неудобств жители степи из-за этого не испытывали.

Ситуация резко изменилась в первой половине XIX века, когда российское правительство, увлеченное идеей седентаризации кочевников, решило взять курс на ускоренную и всеобщую исламизацию, в ходе которой казахи должны были, по замыслу реформаторов, перейти к оседлому образу жизни. Чокан Валиханов в «Записке о судебной

реформе» персонифицировал эту политику: «Апостолом Магомета в Сибирской степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при окружных приказах».

Казахи легко восприняли нововведения, ибо считали себя мусульманами. «Всякий кайсак знает, что он последователь Магомета и что он мусульманин; быть может, он не понимает смысла этого слова, но все-таки оно составляет его гордость перед иноверцами», – замечал Валиханов в восемнадцатилетнем возрасте в рецензии на книгу Алексея Левшина, русского ученого XIX века. Позже он констатировал: «В короткое время, с открытия первых округов в 1822 году, ислам благодаря заботам правительства сделал чудовищный прогресс. В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе – школа; кто не содержит тридцатидневную уразу и пятивременный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей».

То, чего не смог сделать хан Узбек, легко сделала спустя шесть веков российская администрация. Регламентации ислама проникли в повседневную жизнь казахов. Тенденцию эту тонко прочувствовал Ускенбай, который не по слепой воле случая, но вполне обдуманно дал сыну вместе с наставлениями священную книгу.

И Кунанбай засел за арабский язык. Чтение Корана стало занятием на всю жизнь. Вера захватила все его существо.

Глава шестая

КОД СПРАВЕДЛИВОСТИ

Возмужание Кунанбая проходило в условиях суровой действительности. На состоянии всех членов рода Тобыкты отражались периодически возрождавшиеся ожесточенные споры с соседними родами, в основном из племени Найман, за обширные земли Чингистау, на право владения которыми конфликтующими сторонами выдвигались свои аргументы как исторического, так и эмпирического характера. Беда в том, что споры часто заканчивались кровавыми стычками.

Помимо этих внутренних распрей на жизни казахов Среднего жуза все сильнее влияла российская власть. Как обычно, приход империи в степь обосновывался мессианскими мотивами. Их излагал, например, Семен Богданович Броневский (1786–1858), исполнявший должность начальника Омской области. В письме от 24 февраля 1824 года

на имя султана Абулгазы Букеева он писал: «Намерение Его Императорского Величества устроить в степи окружное управление состоит единственно в том, чтобы в народе киргизском, обуреваемом внутренними раздорами и барантами, водворить тишину, спокойствие, пресечь хищничество и отнять всякие средства притеснять и обижать слабого сильным... Дабы Вы объявили подвластным Вам биям и киргизцам, чтобы они пребывали совершенно спокойны, оставаясь на теперешних местах кочевки, что мы несем к ним мир и тишину, идем к ним, как друзья, имеющие одно в предмете – быть их защитниками и доставить им покой жизни, доставить и случай быть господами своей собственности».

Замечательные идеи, но не везде в степи они встречали понимание. Особенно не нравилась казахам хозяйственная деятельность русских переселенцев, которые занялись землепашеством, получив у новой российской власти разрешение на освоение земель. Обычно ими оказывались излюбленные пастбищные угодья кочевников-скотоводов.

Одними из первых возмутились тобыктинцы. Известно, что уже в ноябре 1822 года Броневский, занимавший с 1814 года должность атамана Сибирского линейного казачьего войска, был командирован из Семипалатинска «в киргизскую степь для усмирения взбунтовавшейся Табуклинской волости». Беспорядки, которые подавлял Броневский, могли быть вызваны любой ссорой, вспыхнувшей в зоне контактов. О их характере можно судить по следующему примеру, приводимому тем же Броневским в книге «О киргиз-кайсаках Средней Орды»: «В 1820 году пять казаков и девятнадцать крестьян, из крепости Пресногорьковской, отправясь для рыбного промысла за 60 верст по линии, имели ночлег неподалеку от Караульской волости. Когда из обоза промышленников потерялось несколько лошадей и следы их вели к аулам, то Козаки, за требованием оных, поехали к старшине, – вокруг коего, как водится, собралось много Киргизцев, и когда один из Козаков сильно настаивал, то старшина до того разсвирепел, что тут же на месте заколол его ножом, – прочие тотчас были побиты; а дабы не подана была весть на линию, то и остальные 19 несчастных, обезоруженных крестьян, без жалости умерщвлены, и растерзанные брошены в озеро, а обоз и все имущество сожжено».

Экспедиция Броневского «окончательно покорила хищную Табуклинскую волость». Сам он писал в воспо-

минаниях: «Надо было видеть страх и смятение киргизцев, захваченных совершенно врасплох. Мужчины, женщины и дети вопили и бежали в горы прятаться под камнями... убийства и грабежа в юртах не было никакого... Виновники в моем присутствии без всякого ожесточения наказаны».

По особому представлению Сперанского Броневский в 1823 году был произведен в полковники и назначен первым начальником Омской области. По единодушному мнению российских исследователей, он много сделал для хозяйственного освоения степного края. В феврале 1824 года он был командирован в степь для открытия Каркаралинского внешнего округа и введения нового порядка управления. В Среднем жузе, в который входит и род Тобыкты, пора было проводить выборы старших султанов в округах после принятия «Устава о сибирских киргизах». Ранее Устав был переведен на казахский язык и разослан по аулам.

Еще в январе 1824 года молодой бий и старшина аула Кунанбай получил от российской администрации приглашение на выборы старшего султана округа в Каркаралинск, тогда небольшую крепость в центре казахской степи, преобразованную в казачью станицу. Кунанбай знал, что старшего султана по новому закону должны выбирать султаны, и поначалу не мог понять, зачем пригласили его. Но Ускенбай, который тоже был приглашен, велел ему ехать. И он поехал по заснеженной степи, взяв с собой в качестве помощника сородича Мырзахана, который с малых лет был ему другом, а теперь помогал во всех делах.

Надо сказать, в то время, да и значительно позже, казахи не особенно стремились участвовать в мероприятиях, организуемых имперской властью, представляя себе русских исключительно как угрозу своему свободному существованию. Впрочем, заблуждения были обоюдными. Что говорить, если даже в стандартном «Отчете по управлению Внешних округов киргизской степи за 1852 годъ» (Центральный государственный архив Республики Казахстан), составленном в Пограничном управлении сибирскими киргизами, содержатся как точные, так и поверхностные сведения: «Главный продукт у киргиз состоит в конском и бараньем мясе, из которого они приготовляют на зиму копченые казы или карты (колбасы), в летнее же время довольствуются кумысом, приготовляемым из кобыльего молока с закваскою коровьим или верблюжьим, из овечьего же и козьего молока делают айран (кислое молоко), катыкъ или каймак (сливки или сметана) и сыр – курт или иримчик,

который засушив на солнце в твердую массу небольшими шариками употребляют в пищу во время пути, разводя оный в воде или просто сухой. Промышленность киргизов состоит преимущественно в скотоводстве, звериной ловле и продаже и мене собственных своих изделий как то: армятчин, выделываемых из верблюжьей и бараньей шерсти, арканов и тесьмы из конского волоса, овчин из козьих и бараньих кож для армяков и шальваров. Бедныя киргизы, не имеющие средств к пропитанию, нанимаются в работы у киргиз же или русских за условную плату по увольнительным билетам от приказов. Отличительная черта киргиз состоит в следующем: они склонны к хищничеству, лукавы, хитры, ленивы, трусливы, честолюбивы и корыстолюбивы, мстительны только тогда, когда нанесена им обида сильная или нанесено большое оскорбление чести, киргизец готов разделаться с обидевшим в то же время, если предстоит к сему возможность. Впрочем, киргизы гостеприимны, радушны в особенности к странствующим и путешествующим, словоохотливы и любознательны».

Прибыв в Каркаралы (так казахи называли эту местность), Кунанбай обнаружил в числе участников мероприятия многих известных биев Среднего жуза. А когда российский чиновник, помощник Броневского, через толмача разъяснил собравшимся положения нового закона, все стало ясно. Старший султан действительно избирался одними султанами. Однако в каждом округе учреждался окружной Приказ, относительно которого в параграфе 20 «Устава о сибирских киргизах» сказано: «В Приказе под председательством старшего султана присутствуют: два российских заседателя, определяемых областным начальником, и два заседателя из почетных киргизов, по выбору». Параграф 36 дополнял: «Заседатели от киргизов в Приказе избираются биями и старшинами. Тот и другие утверждаются областным начальником».

Вот для чего понадобились бии и старшины — они должны были избрать заседателей. Причем по тому же Уставу бии отныне признавались законными судьями, хотя по-прежнему никем не назначались, а просто принимались народом. Параграф 17 гласил: «Для судных разбирательств в аулах и волостях нынешние почетные киргизы, называемые биями, удерживают свое значение и название».

Полковник Броневский опасался новых проявлений недовольства казахов, поэтому полагался в проведении мероприятия на местную знать, которая не отказала ему в со-

действии. Знатью считались султаны, потомки Чингисхана, составлявшие особую аристократию в казахском обществе; на казахском языке они именовались «торе». Именно торе должны были стать социальной опорой при новой российской власти. В последующие годы выборы в большинстве случаев оказывались формальностью, поскольку кандидатура на пост старшего султана согласовывалась заранее влиятельными лицами округа, обычно состоявшими в сговоре, с военным руководством области. Но на первых выборах борьба была нешуточной и вполне демократичной.

Съезд проходил в самом большом помещении станицы, в казарменной избе. Чингизиды, возжелавшие победить на выборах, стремились привлечь на свою сторону биев, представлявших народ.

– Поскольку это ханская должность, – втолковывали они биям, – ага-султаном должен стать кто-то из торе. В Приказе тоже должны быть торе.

Наслушавшись таких разговоров, неожиданно попросил слова молодой жигит, бий Кунанбай, сидевший с краю, во внешнем кругу, в соответствии с принятой в обществе иерархией. Согласно традиционному регламенту, молодые и менее знатные личности располагались дальше от центра, коим в данном случае являлся стол, за которым восседало окружное начальство.

– Я вот что хотел сказать, – начал Кунанбай. – Мы отныне вроде бы подчиняемся русскому царю. Прежнее ханство кануло в прошлое. Поэтому теперь ага-султан, я считаю, должен избираться из казахов, а не из одних только торе. Это должен быть человек, который будет сострадать казахам в нужде и горе, обеспечивать их потребности.

Характерный момент: Кунанбай, как повелось в степи, не считал чингизидов казахами. Торе, конечно, были самыми настоящими казахами. Как и все крупные кочевые этносы, казахи были союзом многих тюркских племен. Но чингизиды, отправляя ханскую власть, формально не входили в родоплеменную структуру, позиционируя себя как отдельное сословие, стоящее над всеми родами. В итоге в народе не считали потомков Чингисхана просто казахами, что, конечно, не совсем точно, если принять во внимание, что предки торе тоже происходили из тюркоязычных родов.

Слова Кунанбая задели за живое. Бии переговаривались между собой, некоторые, в их числе Ускенбай, многозначительно молчали. Громко говорили сторонники султанов, припоминая их заслуги.

– Потомки торе с древности возглавляли народ, должны возглавлять и сейчас! – воскликнул кто-то из них.

Кунанбай опять встал. Ему ничего не стоило привлечь общее внимание. Высокий ростом, он выделялся среди всех. Заговорил твердо и ясно, перекрывая шум голосов, который тотчас стих.

– Но почему ага-султан не может избираться из простых казахов? – вопрошал он. – Неужели нет среди них того, кто может возглавить общество, чтобы заботиться о людях? В народе говорят: «Пойдешь за торе, лишишься коня и будешь нести седло на себе». Столетиями казахи шли за торе, хватит таскать свое седло! Казахи, что хорошего вы видели от торе? Обучали ли они ваших детей, открывали им глаза на мир? Или справедливо властвовали, оберегая добродетель от зла? Или с вашего согласия привели всех к единству? Что они сделали, кроме того, что стравливали нас друг с другом, разжигали раздоры, лишая единства, делили по партиям, плодя ссоры и соперничество? Не пришла ли пора взять поводья в свои руки? Русский царь выборы ага-султана отдает в наше распоряжение. И вот что скажу: если у нас есть чувство достоинства и решимость, мы должны выбирать ага-султана из казахов!

– Эй, парень, у тебя еще волосы на голове не обсохли, – сказал, вставая со своего места, бий Сарыбай из рода Керей. – Как ты, молодой, смеешь идти против старших, против торе? Потомки тех, кто правил нами еще в древности, будут править и теперь, запомни это.

Сарыбай был немногим старше Кунанбая, но опытнее в межродовых делах и, как ему самому казалось, хорошо ориентировался в политике.

Опять поднялся шум. Полковник Броневский, поняв, наконец, через толмача, в чем проблема, вынужден был напомнить, что старший султан, согласно Уставу, избирается только из среды султанов, то есть торе. Следовательно, обсуждение вопроса, поднятого Кунанбаем, неуместно, о чем твердо заявил чиновник. Это было одно из первых столкновений интересов казахских предводителей разных уровней в новой системе власти, предложенной и внедряемой в степи российской администрацией. Подобные дискуссии возникали в разных уголках степи, но многие проблемы остались нерешенными и десятилетия спустя.

В этом контексте небезынтересен следующий анализ властной структуры в казахском обществе, установленной внешним российским управлением, содержащийся в труде

«Область сибирских киргизов», составленном М. И. Красовским в 1868 году: «Теперь всюду, рядом с официальным русским управлением известной части степи, существует свое, так сказать неофициальное, замедляющее или останавливающее действие поставленных правительством властей. Первое руководится точным смыслом русских постановлений, во многих случаях мало или совсем не приноровленных к понятиям киргиз, второе управляет народом на основании его обычаев. Столкновения, например, аульных старшин с окружными приказами, или с старшими султанами, или даже с еще низшею, правительственною же, инстанцией – волостными правителями, неизбежны, потому что первые знают только свои обычаи, последние же иногда должны приводить в исполнение русские законы, между тем те и другие выражают собой частицу одной и той же верховной власти. При существовании же такой разладицы в управлении, довольно мудрено надеяться на прочное водворение спокойствия в пограничной и еще недавно столь беспокойной стране, при помощи ныне существующего порядка. Точно так же трудно рассчитать и на то, чтобы хотя один из теперешних способов устройства разных частей степи мог вполне обеспечить развитие благосостояния местного населения».

В итоге, после всех дискуссий в Каркаралинском окружном приказе, 8 февраля 1824 года первым ага-султаном по Каркаралинскому округу был избран Турсын Чингисов, внук хана Букея, основателя и первого правителя Внутренней (Букеевской) орды Младшего жуза. Турсынторе тотчас получил звание подполковника. С. Б. Броневский писал в воспоминаниях: «Выдумывались предлоги отказательства, я находился уже в затруднении, но содействие знакомых мне султанов фамилии хана Букея, офицеров и чиновников, разосланных к разным лицам, вес в народе имеющим удалось совершить предприятие. Этот успех имел благотворное влияние на всю орду. Праздник, народу данный, на котором съедено до 20 лошадей, столько же быков и множество баранов, одушевлен был веселостию и благополучно кончился, а я возвратился в Омск. Окружной приказ и округ, названный Каркаралинским по горам этого названия в 25 верстах от гор Кентских».

Выборы действительно закончились тоем – праздником. На сей счет существовали прямые указания в «Уставе о сибирских киргизах». Параграф 46: «Приветствие старшему султану по выборе его киргизы должны делать с особен-

ными по их обычаю обрядами. То же наблюдают они при каждом возобновлении выборов, хотя бы и прежний султан оставался». Параграф 47: «Праздники делать ежегодно». Впоследствии некоторые старшие султаны и волостные управители пользовались этими положениями, устраивая выборы и праздники с обильным угощением на землях политических противников, чтобы те несли серьезные материальные убытки.

Праздничный ритуал казахи быстро привели в соответствие с традициями. Но стороннему наблюдателю он виделся в гротескном свете. Вот как, например, описывал сами выборы и последующие торжества, случившиеся, правда, в другом месте и в другое время, Адольф Янушкевич: «Несколько часов тому назад я был свидетелем выборов старшего султана Аягузского округа. После кратких совещаний султанов и ел билеуши*, проходивших под открытым небом в присутствии огромного множества людей, им стал тихий и бедный султан Булень... Киргизы, верные обычаям предков, соблюдавшимся некогда при выборах своего земляка ханом, в мгновение ока разодрали меж собой на память скромный халат нового президента волости, почетную утрату которого сразу же возместил пограничный начальник, пожаловав ему от имени правительства пунцовый халат, богато вышитый золотом. Но мне кажется, что ничто так не осчастливило и не польстило больше его гордости, не подняло в собственных глазах и глазах сородичей, как громогласный залп, которым в честь его триумфа грянули орудия аягузской крепости» (запись в дневнике от 12 июня 1846 года).

Возможно, и на выборах в Каркаралинске происходило нечто подобное. Традиции и обычаи казахов были одинаковы во всех концах степи независимо от родовых отличий.

После выборов к Кунанбаю, которого, вероятно, и имел в виду Броневский, когда говорил о тех, кто «выдумывал предлоги отказательства», подходили бии и султаны, выражая мнение о его выступлении. Молодой бий вежливо выслушивал собеседников, был серьезен и немногословен, но окружающие теперь внимательно прислушивались к каждому его слову.

Подошел и Ускенбай, не менее других впечатленный выступлением сына. Отец был предельно краток.

– Надеюсь, – сказал он, – ты знаешь, что делаешь...

---

* Ел билеуши – местная власть.

Кунанбай с Мырзаханом выехали домой на следующий день вместе с биями кереев, поскольку летние пастбища (жайляу) родов Тобыкты и Керей находились по соседству, и они направлялись в одну сторону. Когда путники достигли жайляу в тобыктинской местности Шакпак, кереи отделились и направились на свои земли. Они еще не успели пересечь ущелье, когда Кунанбай неожиданно сказал Мырзахану:

– Догони бия Сарыбая и приведи сюда. Скажи, что нужно поговорить.

Дожидаясь возвращения Мырзахана, Кунанбай смотал кругами длинную веревку – чембур («шылбыр» по-казахски), с помощью которой обычно привязывают или водят верховую лошадь. Другой конец веревки приторочил к седлу. Когда приблизился Сарыбай, тот самый бий, который на выборах выступил против него, Кунанбай неожиданно накинул на него чембур, резко сдернул с коня и поволок по земле. Протащив задыхающегося бия на некоторое расстояние, бросил его и вернулся к пораженному неожиданным поступком старшего товарища Мырзахану.

– Ничего с ним не случится, сейчас придет в себя, – сказал Кунанбай другу. – Отведи ему коня, помоги сесть в седло.

Мырзахан отвел лошадь хозяину. Сарыбай, действительно, пришел в себя, не без труда поднялся в седло, но тотчас бросился догонять Кунанбая.

– Стой! – закричал он, срывая с головы тымак – шапку. – Хочешь убить, так убей сразу, как мужчина! А нет, так веди себя по-человечески. Что у тебя за обида такая?

– Вы мне не сделали ничего плохого, – отвечал Кунанбай. – Просто нет у вас чести, нет казахской крови. Не думая о нуждах казахов, угождаете торе. Вот из-за этого я на вас в обиде за всех казахов. Считайте, что это не моя личная месть, это месть народа. Если вы народу враг, я выступаю против вас. Если вы за народ – так я тоже стою за честь народа.

– Да как ты можешь говорить такое, Кунанбай! Конечно, я за народ. Ну, хорошо, был неправ, допустил ошибку. Но нельзя же так набрасываться на меня. Я же никакой не враг!

– Вы теперь обязаны доказать это делом.

– Вот как? Ну, где-то, может, ты и прав... Ладно. Давай договоримся. Отныне буду там, где укажешь. Буду другом тебе на всю жизнь. Честное слово, прошу простить меня!

– Если аруахи простят, то и я прощаю, – отвечал Кунанбай. – Пусть все останется между нами.

Изумленный Мырзахан наблюдал, как бии, только что ссорившиеся, обнялись, не сходя с коней, и долго дружески разговаривали. Его удивление вызвано было, конечно, не тем, что Кунанбай ни с того ни с сего напал на бия. Подобные стычки не были редкостью в степи. Жестокие нравы той поры, когда соседние роды постоянно конфликтовали за выпасы, можно сказать, соответствовали многовековому образу жизни кочевников, опорой которой служила боевая подготовка степных всадников, привыкших решать проблемы в силовых противостояниях. Поэтому жигит всегда должен был быть готов к схватке.

Не показалась удивительной Мырзахану и быстрая перемена позиции Сарыбая. Несомненно, бий обладал умом и честью и в душе понимал, что, становясь по заведенному порядку на сторону торе, он игнорировал в определенном смысле интересы народа. Здесь Кунанбай был в чем-то прав, а Сарыбаю совсем не хотелось прослыть бием, который чужд интересам народа. Да и нешуточная сила молодого тобыктинца, несокрушимая готовность стоять за казахов вселяла веру в какую-то неясную, но, несомненно, твердую линию его жизни в будущем.

Больше всего Мырзахана поразила трансформация, которая произошла на его глазах с Кунанбаем. Да, он был лидером тобыктинской молодежи, подающим надежды бием, уже заслужил уважение сородичей, несмотря на молодые годы. Но та решимость и быстрота, с которой он обдумал и принял решение, а затем неожиданно совершил самосуд, тотчас напомнила Мырзахану о впечатлении, произведенном на всех монументальными словами о служении народу, сказанными Кунанбаем на выборах в Каркаралинске. В обоих случаях он мыслил и действовал абсолютно самостоятельно, следуя только собственному мнению, в то же время подчиняясь некоему традиционному, всеобщему закону разума, властвующему над всеми степняками. Именно поэтому в нем вдруг явственно проступила сила, присущая настоящему батыру, вождю, носителю высокого духа предков, который обязан с честью и достоинством отстаивать интересы народа ради сохранения единства. Такие лидеры всегда нужны в застоявшемся обществе, когда происходит переоценка ценностей, в особенности в эпоху перемен.

Принятие непростых, в чем-то опасных решений потребовало от Кунанбая напряжения всех сил, но совершен-

ные действия добавили ему уверенности в себе. Было видно, на каком подъеме он находился. Даже Мырзахан в этот момент ощутил некое воодушевление.

А Кунанбай и Сарыбай в самом деле подружились, причем в дальнейшем общались семьями и родами. Явление не такое уж необычное в казахском обществе того времени. Дружба их аулов была неизменной и длилась многие десятилетия, передаваясь потомкам из поколения в поколение уже после ухода из жизни ее зачинателей.

Стычка биев и вызывающее поведение Кунанбая не остались в тайне. В открытом пространстве степи мало что может укрыться от внимания ее жителей. Горячность и дерзость молодого человека нашли осуждение среди султанов, биев и родоправителей. Однако мотивы его поступка прояснял их с Сарыбаем спор на выборах старшего султана. Поэтому очень скоро имя Кунанбая стало весьма популярным в народе. С этого момента его уважали как радетеля судьбы и чести не только своего рода, но всех казахов. Некоторые потомки торе тоже стали его сторонниками, признав за ним ум и своеобразную честность.

Между тем выборы старших султанов прошли и в других округах Среднего жуза. Посредством выборов российская власть утвердилась в регионе законодательно и окончательно ликвидировала ханскую власть. Оценку новому политическому явлению в степи дал Адольф Янушкевич, слова которого интересны как мнение независимого наблюдателя: «На руинах ханской власти Россия создала в Средней орде власть старших султанов. Вообще-то весьма ограниченная такая власть в руках человека с головой и сердцем может, хоть это и не кажется на первый взгляд заметным, иметь определенное значение. Знаменитые родоначальники, гордые потомки ханов, стараются заполучить ее, как большую честь и ступень к возвышению. Но правительство строго наблюдает за тем, чтобы старшие султаны не забывали, что ханская власть кончилась и отошла в прошлое. В конечном счете хан был один, а сегодня Средняя орда имеет семерых старших султанов» (12 июня 1846 года).

Дальнейшие события показали, что выступление Кунанбая на собрании в Каркаралинске не было безосновательным, хотя на тот момент требовать избирать старшего султана не из султанов, то есть торе, было вроде бы бессмысленно, поскольку противоречило принятому «Уставу о сибирских киргизах». Однако к концу 1830-х годов обнаружилось, что этот документ не отвечал в нужной мере задачам

подчинения казахских земель. Поэтому в 1838 году было принято «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами». В нем, в частности, сказано: «Право быть избранным в старшие султаны предоставляется всем вообще султанам и лицам, пожалованным офицерскими чинами, ограничив впрочем число последних теми, которые прослужат не менее трех лет Заседателями Окружных Приказов или волостными управителями. В число же избирателей сверх лиц султанского происхождения допускаются все вообще имеющие офицерские чины, а ровно и те из почетных киргизов, которые прослужили в классных должностях, по выборам, девять лет, хотя они и не имели офицерских чинов».

По сути, российская администрация продолжала бороться уже с тенью ханской власти, значительно расширив круг претендентов на должность старшего султана. Им теперь могли стать не только султаны, чем и воспользовался впоследствии Кунанбай. Причем это был единственный случай избрания старшим султаном человека несултанского происхождения.

Глава седьмая

САМОСТОЯНИЕ РОДОПРАВИТЕЛЯ

Кунанбай женился, по меркам традиционного общества, достаточно поздно – в 22 года. Явление нетипичное для казахских семей, тем более зажиточных, в которых детей женили рано. Абая, например, сам Кунанбай женил в 15 лет. Объяснение одно – занятость молодого человека важными делами, конкретно – исполнением функций бия. Какое-то время ему удавалось уклоняться от бесед с родителями о женитьбе. Но однажды Ускенбай решил, что тянуть с этим делом нельзя.

Невеста, как водится в байской среде, давно была сосватана, калым, как полагается, уплачен. Ее звали Кунке (первое имя – Айбобек). Она была дочерью Аганаса, известного бия большого рода Теристанбалы племени Найман. Значит, брак был высокородным, что и требовалось по статусу семьи Ускенбая.

Бий Аганас считался умным, справедливым, добропорядочным, даже святым человеком. Отношения между сватами сложились как нельзя лучше. Ускенбай объявил, по казахской традиции, о родстве с Аганасом на «тысячу лет».

В первый же визит Кунанбая и Кунке в аул Аганаса растроганный глава семейства выделил дочери и зятю в полагающуюся долю хозяйства отделившейся молодой семьи сто баранов, шесть вьючных верблюдов, породистого жеребца, двенадцать дойных кобылиц, двух ездовых лошадей.

Конечно, Кунанбай как практикующий бий уже имел свой скот, но держал его в составе хозяйства отца. А вот с отары овец и небольшого косяка кобылиц, подаренных тестем, он начал наращивать личное поголовье, быстро его приумножив, создав в несколько лет большое хозяйство. Помог, вне всяких сомнений, Ускенбай, который не только обучал сына делу, но и советовал, кого взять в наемные работники, выделял в критические моменты скот из своего немалого поголовья.

Молодой человек оказался рачительным хозяином. Когда нужно, сам ходил за табуном, пас овец. Умело вел работу с людьми. Легко и быстро просчитывал экономику, заключал выгодные сделки. И уже к середине 1830-х годов считался состоятельным скотовладельцем.

У Кунанбая и Кунке в 1829 году родился сын, которого назвали Кудайберды. Судя по имени (смысловое соответствие – «дар Божий»), первенец был долгожданным. Кунанбай вынашивал планы создать большую семью, растить и воспитывать детей и уже мечтал дать им настоящее образование, которого в свое время не получил сам. Считается, что у них еще были дети Азимберды (1830) и Мендыбала (1834), хотя Азимберды, скорее всего, был приемным сыном. Однако все источники свидетельствуют о том, что у Кунке был только один сын Кудайберды. Видимо, поэтому она взяла в 1847 году на воспитание Ыскака, которого родила Улжан, вторая жена Кунанбая.

А бий Аганас сверх выделенного скота преподнес зятю еще и боевого гнедого скакуна по кличке Торшолак, который не терпел прикосновения камчи, но бесстрашно несся на врага, бросаясь в самую гущу схватки. Именно на этом гнедом жеребце Кунанбай участвовал в то время в межродовых баталиях. А они стали происходить в степи гораздо чаще, чем обычно, что случается только в период больших перемен в жизни кочевников.

Упразднение ханской власти в казахском обществе привело к усилению местнических настроений и возобновлению застарелых споров за пастбищные земли между соседними родами. Новая власть, провозгласившая верховенство российских законов, еще не располагала в степи

всеохватным аппаратом принуждения для реального претворения их в жизнь. Поэтому казавшиеся хаотичными и произвольными угоны скота (барымта), нападения аулов друг на друга в борьбе за земли, с которыми царская власть намеревалась покончить, на первых порах только участились. Русским колонистам было трудно понять, что внутренние конфликты издревле присущи межродовым отношениям. В ходе их разрешения определялся паритет в вопросах собственности на землю – основное достояние нации. Та же барымта была одним из легитимных способов решения споров, итог которым всегда вполне эффективно подводили традиционные суды биев.

Опора российской администрации на султанов и байскую верхушку пока только ухудшала ситуацию. Выбираемые старшие султаны, члены окружных приказов, волостные управители, аульные старшины, подчиняясь инстинктам сохранения рода и пользуясь фактическим отсутствием сильной центральной власти, каковой раньше была ханская власть, действовали, прежде всего, на пользу собственного рода, аула, своей семьи. Руководствуясь исключительно общинными соображениями, активные деятели какого-либо рода, заявляя права на определенные земли, чаще, чем прежде, стали совершать нападения на аулы нынешних их владельцев, разорять хозяйства, угонять скот.

На Чингистау, исконную территорию расселения рода Тобыкты, племени Аргын, засматривались в основном казахи племени Найман, которые в прошлом веке отвоевали эти земли у джунгар и потому считали себя вправе претендовать на владение ими. Они стали все чаще совершать нападения на тобыктинцев, тщательно планируя свои действия.

Ускенбай и Кунанбай принимали меры для защиты родовых земель в Чингистау, причем поднимали на борьбу жигитов всего рода Тобыкты. На шестом десятке лет Ускенбай уже не шел в сражение во главе сородичей. Вместо него вел их за собой Кунанбай. Был он к тому времени не только бием, но и старшиной (управляющим) в своем ауле, о чем есть запись в ведомости по волостям Каркаралинского округа от 11 марта 1832 года: «Тобуклинская волость, управляет по выбору народа султан Биралы Токов... Главные в сих родах старшины, они же большей частью и бии: Ускенбай Батенев, Кунанбай Ускенбаев, Бажей Иралин...» (всего 27 имен).

Столкновения с агрессивными соседями были ожесто-

ченными. Известно, например, что в 1834 году большой отряд найманов, возглавляемых решительным и хватким бием Серикбаем, осуществил дерзкое нападение в ночное время на тобыктинцев, совершив угон скота (барымту) прямо из аулов Ускенбая. Нападавшие устроили настоящий погром, разоряя хозяйство, захватывая в плен оказавших сопротивление жигитов. В схватке от удара копьем погиб приемный сын Ускенбая по имени Бостанбек. Зере воспитывала его вместе с Кунанбаем как родного; в романе-эпопее Мухтара Ауэзова она рассказывает об этом маленькому Абаю. По некоторым сведениям, тогда же погиб и Азмухамбет, племянник Ускенбая, сын его брата Мырзатая.

Кунанбай возглавил оборону, стремясь отбить захваченный найманами скот, но был ранен копьем батыра Казыбека, воспитанника Серикбая. Информация об этом ранении сохранилась в преданиях, в том числе в популярном в народе айтысе* акынов Биржана и Сара.

Рана была серьезной, копье попало в правую сторону груди. Кунанбая увезли в аул родов Анет и Карабатыр. Сородичи не отходили от его юрты, переживали, желая ему выздоровления.

– Я давно был бы мертв, если б не благие пожелания, мольбы родных, – говорил потом Кунанбай Шакариму. – Их молитвы услышал Бог, я остался жив. Долго лежал. С трудом вылечился, встал на ноги.

Посчитав свое выздоровление полностью заслугой народа, просившего за него перед Всевышним, он посчитал себя отныне и навек должником и обязанным служить своему роду.

Среди плененных жителей аулов Ускенбая, претерпевших много мучений от найманов, был акын Кожамжар, сложивший сказания о побоище и причиненных людям страданиях. В преданиях говорится и об ответных действиях тобыктинцев, которые, в частности, взяли в плен найманского батыра Кожамберды Жапалакова из рода Матай, которого даже пытали раскаленным железом и полтора года держали в оковах. В конце концов незадачливого батыра по жалобе тобыктинцев заключили в Аягузскую тюрьму.

Нужно сказать, что обращения тобыктинцев в русскую администрацию и все их жалобы, согласно архивным документам, подписывал в то время не султан Биралы Токов

---

* Айтыс – импровизированное состязание двух акынов, форма устной народной песенной поэзии.

и даже не Ускенбай, а старшина Кунанбай Ускенбаев. То есть он взял на себя негласное управление родом, которое в прежние времена осуществлял на правах главы рода его отец. Подписанные Кунанбаем жалобы на найманов шли не в Каркаралинский, а в Аягузский внешний приказ по месту локализации ответчиков. В Аягузском приказе было открыто дело, которое в итоге дошло до Омской областной канцелярии. Начальство через окружные приказы предупредило аульных старшин, что в конфликтующие волости будет отправлен военный отряд, если беспорядки не прекратятся. Народ еще помнил карательную экспедицию Броневского 1822 года. Столкновения найманов с тобыктинцами на какое-то время прекратились, но оставили в сердцах обитателей Чингистау незаживающие раны.

Проще всего объяснить жестокость в случившемся конфликте характером, природой казахов, что и делали российские наблюдатели того времени. Алексей Левшин (1797–1879), названный Чоканом Валихановым «Геродотом нашего народа», писал в изданной в 1832 году книге «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (глава «Нравы»): «Нет ничего ужаснее мщения киргиз-казаков и последствий оного. Сие пагубное свойство ввело между ними то опустошительное зло, которое, заняв место законного удовлетворения за обиду, лишило их истинной храбрости и заменило ее всегдашним стремлением к грабежу, которое истребляет, разоряет, развращает их и которому дают они название баранты... Непостоянство и ветреность киргизского народа, соединяясь с корыстолюбием, делают у него все связи непрочными и долго будут препятствовать введению посреди оного учреждений полезных».

Больше положительных качеств обнаружил у казахов Иоганн Готлиб Георги (1729–1802), участник экспедиции Палласа, впрочем, не слишком глубоко анализируя: «В сравнении с другими кочевыми народами наших стран живут киргизы очень хорошо. При необузданной своей вольности, и видя совершенную удобность нажить себе нужное для достаточного пропитания множество скота, не хочет никто из них быть у другого рабом или слугою, но желает, чтобы всяк поступал с ним так, как с своим братом, почему богатые люди никак не могут обойтись без невольников (язюрен), и чем больше у кого рабов, тем больше придают они великолепия, и тем лучше для его табунов. Знатным служат одни только невольники, да и у самого хана есть оных больше пятидесяти».

Вне пределов такой аналитики остаются контртезы, формируемые историей казахов, их нравственностью и моралью, неявно, но повелительно предписывающими подчиняться обычаям, традициям и законам, идущим из глубокой древности. Конфликты между соседями в родоплеменном обществе происходили регулярно. Споры за земли для выпаса скота в жизни номадов не утихали никогда. В историческом измерении эти споры приводили к глобальным миграционным процессам в древности, когда часть тюркоязычных племен, проигравших в борьбе за существование другим кочевым племенам, была вынуждена двигаться на запад в поисках новых земель, пригодных для скотоводства. Эти вытесненные из степи кочевые племена легко достигали Европы и Передней Азии, покоряли местные оседлые народы, привнося в их историческое развитие свою этнокультурную доминанту. Оставшиеся в степи племена продолжали жить по-прежнему, в традиционном режиме.

Поэтому в казахском обществе межродовые конфликты, порой бурные, кровавые, ничего принципиально не меняли ни в этических, ни в мировоззренческих, ни в духовных основах бытия. Проходило какое-то время, и соседи опять жили в мире, женили детей, общались на правах «сватов на тысячу лет», ездили друг к другу в гости, дружили семьями и целыми аулами. На поверхности в виде пены оставались следы жестоких столкновений, лишенных для постороннего человека рационального смысла, но на самом деле продиктованных унаследованными, врожденными родовыми инстинктами. Казахи обыкновенно не держали зла друг на друга, но, связанные традициями, родовой честью и вековечными законами, почти инстинктивно вставали на защиту рода и своей семьи при малейшей угрозе их существованию.

Традиции священны, родовые узы крепче любых нововведений. Слом вековечных устоев, начатый внешним российским управлением, вел только к ужесточению межплеменной борьбы, в основе которой всегда – забота о сохранении рода. Под угрозой потери традиционного способа существования, каким было подвижное скотоводство, казахи обостренно реагировали на любые покушения на родовые земли.

В эти трудные для тобыктинцев времена Кунанбай получил от сородичей право на фактическое управление родом, несмотря на то, что формально волостью до ее раз-

деления управлял султан Биралы Токов. В «Ведомости о волостях, вошедших в состав Каркаралинского округа» (март 1832 года) сказано: «Тобуклинская волость, управляет по выбору народа султан Биралы Токов, но начальством еще не утвержден». Должность главы рода тогда уже не входила в законную структуру управления казахским обществом, определенную «Уставом о сибирских киргизах». Но она по-прежнему существовала негласно в национальной среде и считалась самой весомой в традиционном социуме. Глава рода, так же как и бии, не избирался по выборам, а только признавался всем обществом по совокупности заслуг, и действовал, выражаясь терминами последующей эпохи, на общественных началах. Вожди подродов признали Кунанбая главой всего рода Тобыкты не только как потомственного бия, сына многолетнего главы рода Ускенбая, но и как разумного, уравновешенного человека с твердым характером. Его энергия, смелость, упорство в достижении цели в соединении с огромными познаниями в традиционном праве, законах жизни в степи, истории межродовых отношений сулили прочные, цельные действия и начинания в будущем. Однако многим при этом не нравилась требовательность Кунанбая, когда он требовал без промедления исполнять свои приказы и немедленно наказывал тех, кто отказывался подчиняться. Его крутой нрав ставил в тупик оппонентов. Он продавил на встрече с главами подродов признание себя главой рода Тобыкты. Единоличный, по сути авторитарный, стиль правления всегда был необходимым, ключевым звеном родового устройства традиционного казахского общества. На таких сильных, решительных личностях, как Кунанбай, беспощадных перед угрозой родовому строю, держалась казахская родовая идентичность.

Первым делом Кунанбай организовал переговоры с соседними родами найманов. Он понимал, что нужно сделать всё, чтобы нападения на аулы прекратились и не повторялись. Другого способа, кроме переговоров, не было. Договариваться должны были авторитетные бии. На первую встречу по предложению Кунанбая был направлен бий Догал из подрода Мамбетей, не состоявший формально старшиной, но весьма красноречивый и пользовавшийся доверием сородичей. Обладал острым умом, что в корне противоречило смыслу имени*.

---

* Догал (*каз.*) – неотточенный, затупленный предмет.

– Не отступай от своего, не отступай! – наставлял Кунанбай Догала. – Нельзя оставлять найманам долины рек Кундызды и Шет. Мы у них ничего не отбираем. Это земля наших предков, мы требуем вернуть исконные кочевья. Они заняли их, пока мы возвращались издалека.

От найманского рода Сыбан на встречу прибыл бий Кийсык, известный среди казахов человек. В рапорте Аягузского внешнего окружного приказа от 1843 года имеется такая справка: «Кийсык, сын Тезеков, старшина, 62 лет. Умен, раздражителен и самостоятелен. Богат. Муруновской волости, рода кенже. С 17 июня 1831 г. по выбору народа утвержден волостным управителем... Под судом не был, в преданности благонадежен». Позже, в 1844 году Кийсык Тезекулы стал первым ага-султаном Кокпектинского округа.

Встрече биев на реке Кундызды придавалось настолько большое значение, что ее содержание сохранилось в преданиях. В современных текстах народных преданий зафиксирован такой вариант диалога.

– Приветствую вас, бий! – начал разговор Догал как младший по возрасту. – Надо бы провести встречу так, чтобы ни перед Богом, ни перед народом не было стыдно, и мы не были ни в чем виноваты.

– Мы оба должны исправить ошибки, установить справедливость, – отвечал Кийсык.

– Найман – большой род, Тобыкты – маленький. Сначала нужно выслушать мнение большого, – предложил Догал.

Кийсык не заставил себя долго ждать и сразу перешел к обвинениям.

– Кто опять устраивает шум на этой земле? Тобыкты. Никак не насытитесь, даже насытившись, не останавливаетесь. Без смуты для вас еда не еда!

Догал в гневе встал с места: была задета честь рода.

– О милосердный Аллах! – заговорил бий, простирая руки, как он предполагал, в сторону Мекки. – И земля, и люди на ней – все в твоей власти. Вынеси им свое праведное решение, определи вину и достояние каждого. Прости и меня, если я сбился с пути!

Догал провел ладонями по лицу и обратился к собеседнику.

– Зачем мы еще спорим вдвоем? Господь всемогущ, разве ты не видишь, он вынес свое решение?

– Какое еще решение? – удивился Кийсык. – О чем оно?

– Его решение нам всем известно: пусть раздел пройдет по этой реке, где находимся мы. Восточная часть будет принадлежать роду Сыбан, западная – Тобыкты.

Апелляция к божественному откровению не впечатлила, а только вызвала раздражение Кийсыка. Он перешел на личности.

– Назвали тебя Догалом, так ты и есть тупой! – заговорил он со злостью. – Захватили весь Чингистау и теперь, не довольствуясь этим, хотите прибрать к рукам реки Кундызды и Шет. Разве не так?

Обиженный Догал тоже заговорил без обиняков.

– Именуемый Кийсыком, ты и мыслишь криво*. Местности вокруг Кундызды и Шет неотделимы от Чингистау. Это одни из восьми рек, текущих с его хребтов. Разве не меняющееся положение рек не есть знак, начертанный самим Богом? Если поставим в качестве метки камень, это будет бессмысленным решением. Правильно вести раздел по реке. Мы не собираемся захватывать земли найманов. Я защищаю землю, доставшуюся нам от предков-аргынов. Если не согласен с этим, так оставайся сам с собой!

Догал встал и ушел, уверенный в своей правоте.

Тем не менее бии так и не пришли к приемлемому решению, и Кунанбай объявил сородичам о необходимости обратиться к уездному начальству по вопросу раздела земель между родами соседних племен. Однако российская администрация успела уже установить раздел по реке Шет. Это решение не устраивало тобыктинцев: их родовые земли между реками Шет и Кундызды уходили к сыбанам.

Кунанбай отправил в Аягузский и Каркаралинский внешние приказы письма с просьбой прислать на место новую комиссию. Готовясь к приезду чиновников, он привлек сородичей к исполнению длительной акции, организацию которой он поручил бию Байиту из подрода Кокше. Отныне каждый день большая группа взрослых людей рано утром шла к старому каменному надгробию, называемому могилой Кошимбая, на спорной территории. Люди совершали поминальные обряды, читали молитвы. И теперь даже те, кто выходил на жайляу, организованно шли сначала всем кошем к этому месту на границе земель, поклоняясь предкам, обозначая тем самым постоянное присутствие здесь тобыктинцев.

Уездные чиновники из Каркаралинска, прибывшие

---

* Кийсык (*каз.*) – кривой.

для решения земельных споров, увидев это бдение у могил, стали расспрашивать о значении традиции. Сопровождающие лица, вероятно, выдвинутые Кунанбаем, поясняли так: «Эта местность издревле – земля рода Тобыкты. Под могильным сооружением – останки их предков. Если территория отойдет к сыбанам, некому будет читать молитвы, могилы предков останутся на чужой земле».

Проверив объяснения и убедившись, что они правдивы, чиновники отменили свое прежнее решение, утвердили вариант Догала и уехали. Долины рек Кундызды и Шет перешли к тобыктинцам. Вот теперь Догал мог считать себя победителем в споре с Кийсыком, что он, собственно, и делал до конца своих дней. Уже в почтенном возрасте Кунанбай, который всегда с уважением относился к Догалу, узнав, что он сильно болен, решил проведать его и вошел к нему со словами:

– Названный щедрым навсегда, брат мой старший, названный оратором, даже не произнося речей, мой брат, как здоровье твое?

– Если б не был щедрым, разве на ас отца твоего Ускенбая пожертвовал бы я двадцать два отборных иноходца? Если б не был оратором, разве смог бы я вернуть тобыктинцам от сыбанов Чингистау? – мгновенно ответствовал, согласно преданиям, бий Догал.

Это было последнее крупное дело в спорах с другими родами за владение просторами Чингистау, вожделенной мечты предков тобыктинцев. Отныне никто из соседей не оспаривал их право на эти земли. Конечно, конфликты при согласовании отдельных стоянок, пастбищ, жайляу, рек в дальнейшем случались, но происходили они между подродами, аулами и семьями внутри рода Тобыкты. И главной фигурой в этих согласованиях теперь выступал Кунанбай, который устанавливал и распределял маршруты перекочевок для всех членов рода.

Роман «Путь Абая» дает много информации о перекочевках, которыми распоряжался Кунанбай. Сведения вполне достоверные, поскольку Мухтар Ауэзов в работе над эпопеей пользовался точными данными, полученными от старожилов, расспросам которых автор посвятил немало времени. И в наше время хранители родовых преданий охотно рассказывают о деяниях родоправителя на этом поприще. Согласно одному из них, Кунанбай, собрав глав родов (точнее – подродов), держал такую речь (по книге Бекена Исабаева «Земля великих предков»):

– Роды Мырза, Жокен, Есим и Текебай, вы идете на Кундызды, Шет, Борли, Сарыкорык, берите земли на постоянное пользование. Роды Есим, Канай и Шония-батыра от рода Текебай я ставлю против рода Сыбан племени Найман, против торе Барака. Потомки Жуантаяка, вы со своими перекочевываете на реку Шаган, в Чингистау, к горам Бугылы, Машан. Те просторы сделайте своей прочной стоянкой. Ваших батыров ставлю против могучего рода Каракесек племени Аргын. Если будет так же, как племя Найман теснило роды Есим и Текебай, там есть роды Мырза и Бедей, они помогут. А подпирать вас будет большой род Кокше. Если каракесеки будут угрожать взятием Жуантаяку, за их спиной – сильный род Мамбетей. Что на это скажете?

Смысл решений Кунанбая понятен. Он торопился переместить аулы тобыктинцев ближе к границам родовых земель, чтобы на них больше не заглядывались соседи.

Глава рода продолжил речь, напоминая о традициях, обращаясь к духам предков.

– Когда наши отцы пришли с Мугоджар, на устах их были слова: «Земля предков – Чингистау». Народ и его батыры, помнящие об аруахах и о будущем ныне живущих, вам предстоит исполнить их заветы! Не думайте, что теперь будут тихо вести себя пускавшие нам кровь матайцы, дергавшие за бороду нашего предка Кенгирбая уаки. Мы все, а еще роды Санмурын, Байимбет, не упуская из виду великую реку Иртыш, всегда будем опережать их. Чингистау – опора Арки*, братья. Если мы – народ, то мы состоимся здесь. Возьмешь шире – найдешь нужду. Сжатый кулак лучше раскрытой ладони. Только прочность скалы, несгибаемая крепость нужны нам. Пришло время героям встать на страже, на границе родной земли. Охрана рода – дело не для всех, это настоящее дело для единиц, для лучших. Ошибочно думать, что если вас поставили на окраине, значит, отогнали подальше. Встав на границе, вы защищаете родную землю. Помните об этом, братья!

Был месяц ноябрь. Первыми, поднявшись всем народом, откочевали на Бугылы и Машан род Токтамыс, без возражений собравшийся за Кыдырбай-батыром, и многочисленный род Жуантаяк. За ними поднялись роды Есим,

---

* Имеется в виду Сарыарка – историческая часть Центрального Казахстана, очень древняя, подвергшаяся эрозии горная область, состоящая из выровненных возвышенностей и мелкосопочных низких гор.

Текебай, Мырза, Жокен, дойдя до Кундызды и Сарыкорыка.

И только на Кыдыре осталась небольшая часть подрода Жуантаяк во главе с батыром Базилем Толебайулы, известным своим сложным характером и неуступчивостью. После долгих раздумий Базиль, как рассказывают его потомки уже в наше время, сказал: «Я из Чингистау никуда не тороплюсь».

Кунанбай, который был младше Базиля, говорил помощникам: «Долго ли он продержится в одиночестве, отделившись от родных, считая, что можно общаться издалека?» И подождал пару лет. Прошло время. Базиль забыл дорогу к основной части подрода Жуантаяк, и несговорчивость батыра стала обращать на себя внимание. Кунанбаю это не нравилось, он опасался, что примеру Базиля последуют другие главы семей и станут возвращаться на прежние стоянки в центре Чингистау.

Дальнейшее характеризует жесткий стиль правления Кунанбая, который не пренебрегал методами насильственного воздействия, если того требовали обстоятельства. Сначала он стал оказывать давление на Базиля, урезая территорию его пастбищ. Затем у Майбасара, младшего брата Кунанбая (от младшей жены Ускенбая), пропала лошадь черной масти. Ее хозяин поднял шум. Кунанбай, который всегда защищал и прикрывал Майбасара, сказал:

– Эту лошадь никто, кроме Базиля, забрать не мог. Его рук дело. Позовите его ко мне!

Дважды помощники звали Базиля, он не пришел. Только на третий раз сел в седло и отправился к родоправителю. Привязал поводья у его дома, вошел в юрту.

– Так, Кунанбай, зачем вызвал меня? – сказал он.

Кунанбай промолчал. Немного постояв, Базиль повторил вопрос. В ответ – молчание. Базиль повернулся и ушел.

Задиристые сородичи бросились к хозяину:

– Мырза, что вы делаете? Базиль унизил нас. Почему молчите? Мы ведь готовы этого Базиля...

– Легко сказать! – прервал их Кунанбай. – Острие его клинка, можно сказать, выглядывает из его рукава. Стоит открыть рот да заговорить про коня, он тотчас явит свою силу. Ради одного стригунка умирать не собираюсь. Теперь у вас до Базиля не должно быть дела.

И пояснил удивленным помощникам:

– Уж слишком он выглядит печальным, даже измученным. Сколько ему осталось-то, кто знает...

Не прошло и года, как Базиль скоропостижно скончался.

На 40 дней Кунанбай пришел на его могилу и выразил соболезнование родным.

– Батыр безвременно ушел из жизни. Чем он болел? – спросил Кунанбай.

Байкулак, двенадцатилетний младший сын Базиля, ответил:

– Отец говорил, что про это знаете только вы.

Кунанбай ничего не понял. Начал расспрашивать мальчишку. Оказалось, в народе стали говорить, что Базиль, обидевшись на Кунанбая, в тоске выпил яд и умер. Байкулак услышал об этом от матери.

– Это не так, – сказал Кунанбай. – Твой отец был мужественным человеком. Я не тот, кто не признает достоинство батыра. Вот что, дорогой Байкулак, после того как проведете сорокадневные поминки, приходи ко мне.

Кунанбай принял понравившегося ему Байкулака. А когда тот повзрослел, дал должность, определил в управление подродом. Впоследствии и Абай придерживался завета отца помогать сыну Базиля, ни в чем не мешал Байкулаку, чтил его как старшего товарища. Его сына Ермагамбета сделал у себя бием, возвысил. На одном большом совете при бурных дебатах поставил его даже тобе бием, то есть верховным судьей.

Вот так Кунанбай управлял расширением мест проживания и защитой границ владений рода Тобыкты. В дальнейшем другие роды казахов уже не претендовали на Чингистау.

Глава восьмая

ВО БЛАГО РОДА И СЕМЬИ

В 28 лет Кунанбай женился во второй раз. Молодую жену звали Улжан (1810–1887). Ее отец Турпан был правнуком бия Бертыса из подрода Шаншар рода Каракесек племени Аргын Среднего жуза. Бертыс являлся сыном самого основателя рода Шаншара.

Мухтар Ауэзов в исследовательском труде про Абая в книге «Мысли разных лет» (1959) писал, что его мать Улжан оказалась сосватанной еще в юности за младшего брата Кунанбая Куттымухамбета, рано умершего. И по закону аменгерства ее должен был взять в жены брат умершего, что Кунанбай и сделал. Несмотря на очевидную достоверность этого факта (в сведениях о семье своего героя Ауэзов не

ошибался), некоторые исследователи предпочитают другую, более романтическую версию. Будто бы старшая жена Кунке сама сосватала мужу Улжан, предсказывая, что она родит ему великого сына – Абая. Верится с трудом. Кунке, конечно, мудрая, благородная женщина, такой и осталась в народной памяти. Но еще она была властной женщиной и вряд ли могла советовать мужу, кого взять в качестве второй жены, то есть своей соперницы.

Турагул Кунанбаев (1876–1934), сын Абая, называет в воспоминаниях «О моем отце Абае» (1924) прозаическую причину женитьбы: «Кажи был в возрасте, и для ухода за ним нужна была жена помоложе, и Кунанбай женился на Улжан и перешел жить в ее юрту». Здесь, конечно, требуется уточнение: Кунанбай стал кажи только после совершения хаджа в Мекку, а пока был вполне молодым и крепким мужчиной.

Улжан оказалась терпеливой, приветливой, к тому же остроумной женщиной. Речь ее блистала меткими, образными выражениями. Она была настоящим мастером слова, каким был и ее муж, а потом на этом поприще прославился Абай.

У нее родились сыновья Танирберды (Такежан) (1834—1906), Ибрагим (Абай) (1845—1904), Ыскак (1847—1901), Оспан (1852—1891), дочери Салима и Кунбала. Причем Ыскак воспитывался у Кунке, первой жены Кунанбая, которая после первенца Кудайберды больше не имела сыновей. При этом Кунке и Улжан делили один аул, в котором жил и Кунанбай.

Сыном обеих матерей считался и Абай, оттого старшие дали ему имя Телькара (по-казахски тель – сосунок, сосущий двух маток). Позже, когда Абай повзрослел, матушки продолжали называть его Телькара.

Считается, что Кунанбай был порою крут с детьми, Улжан же постоянно шутила с ними. В семье сохранилась легенда-сказ о том, как Абаю делали обрезание, довольно поздно, в восемь лет. Абай убежал с плачем: «Чем так страдать, Бог мог бы родить меня девчонкой». На что Улжан заметила: «Сынок, будешь девочкой, придется детей рожать. Так что сложнее?» – «Ах, вот в чем наше спасение!» – сказал Абай с облегчением.

С появлением второй семьи забот у Кунанбая прибавилось. Материальное обеспечение растущей семьи стало неотложной задачей. И он решал ее успешно, чему, вероятно, способствовал статус бия и родоправителя. Однако какого-то

злоупотребления общественным положением не требовалось. Конечно, он мог выбирать выгодные маршруты кочевания для своих табунов и стад. Но его подрод Ыргызбай, главенствующий в роде Тобыкты, издавна владел в Чингистау удобными стоянками близ рек и обширными пастбищами для скота, и особой нужды в отвоевании места под солнцем для семьи не требовалось. Нужно было только рационально распределять ресурсы между аулами своего подрода, с чем он справлялся легко. Организовать же производственный процесс в аулах своей семьи, распределить обязанности среди работников вообще не составляло особого труда.

Как бы то ни было, Кунанбай, обзаведясь большой семьей, быстро стал баем, то есть богачом, что еще больше укрепило его положение в роду Тобыкты и позволило оказывать постоянную поддержку ближним и дальним родственникам.

О его богатстве можно судить по архивным документам. Например, в декабре 1839 года в канцелярии Пограничного управления сибирскими киргизами, только что созданного в Омске в соответствии с новым «Положением об отдельном управлении сибирскими киргизами», было зарегистрировано прошение волостного старшины Кучук-Тобуклинской волости Кунанбая Ускенбаева в адрес исполняющего обязанности начальника Сибирской пограничной линии Ладыженского. Проситель писал: «Осенью прошлого 1837 года выдана въ замужество за султана Мурунъ-Найманской волости (Аягузского приказа), Умара Джанбубекова сестра моя родная Аниль, с приданым более нежели на одну тысячу лошадей; но весною 1838 года от болезни померла. По обыкновению нашему часть из этаго приданого за сестрою следует мне с родственниками взять обратно, однакож, по требованию нашему, Султан Джанбубеков, удерживая до сего у себя эту определенную Магометанскими и Киргизскими законами часть приданого, имеет не скрытное намерение удержать во все в единственную свою пользу. По сему я осмеливаюсь нижайше просить Ваше Высокоблагородие, чрез посредство Аягузского Приказа, приказать или особенными мерами побудить Султана Умара Джанбубекова рассчитаться со мною и родственниками моими миролюбиво и подлежащую с него въ возврат часть имения, взятого за сестрою, обратить нам бесприкословно; для расчетов же по этому я имею ему назначить, по общему согласию, место свидания. К сему прошению Старшина Ускумбаев тамгу приложил».

Омар Жанбубеков был, по-видимому, человеком не очень ответственным, о чем можно заключить из рапорта Аягузского внешнего окружного приказа от 24 апреля 1843 года: «Омар, сын Джанбубеков, султан, 30 лет. Расторопен, но ветрен и непостоянен. Недостаточен. Назаровской волости, рода Сары. Награжден не был. Под судом не был, преданности еще не доказал». С казахами султан Омар выстраивал отношения также не лучшим образом. Неспроста Кунанбай в прошении подозревал, что ответчик имеет в отношении подлежащего возврату скота «не скрытое намерение удержать в единственную свою пользу».

Михаил Васильевич Ладыженский (1802–1875), будущий генерал-лейтенант, награжденный орденом Святого Станислава 2-й степени за отличие, оказанное в 1839 году «в делах против восставших киргизов», немедленно распорядился удовлетворить просьбу заявителя: «Препроводить присемъ копию с просьбы Каркаралинского округа Кучук-Тобуклинской волости Старшины Кунанбая Ускумбаева на справедливость удержания Султаном Аягузского Округа Муруновской волости Умором Джанбубековым приданого оставшегося по смерти сестры Просителя, предписываю окружному приказу оказать Просителю должное удовлетворение, если не встретится к тому убедительных препятствий».

Ситуация, конечно, примечательна тем, как эффективно Кунанбай использовал бюрократический аппарат для достижения своих целей. Обычно подобную проблему решали бии, но в этом деле, видимо, не решили – ответчик все-таки султан, да еще с характером. Кунанбай, прагматичная личность, не упускал случая добиться справедливости синтетическим путем, раз уж окружные приказы являли собою реальную силу. Было ясно, что российская власть пришла в степь не только со своими указами, законами и положениями, но и с грозной армией, которая держалась на окраинах степи, но не оставляла никаких сомнений в своих возможностях.

И еще, наверное, ему, человеку несултанских кровей, было обидно терпеть пренебрежение со стороны султана-чингизида, кичившегося своей родословной.

Однако нам в этой истории главным образом интересен размер приданого, которое автор прошения (вместе с родственниками) выделил за сестру, – более тысячи голов лошадей, целый табун. Такое мог позволить себе только весьма богатый скотовладелец, каковым и был Кунанбай.

О количестве скота у него в то время, соответственно – о размерах его богатства, точных сведений нет. Сами казахи, по обыкновению, никогда не произносили вслух численность чего бы то ни было, чтобы не сглазить исчисляемое. Просто говорили, например: «О да! Он бай, у него многотысячные табуны». Но, конечно, сами хозяева подсчет вели. Про себя. Адольф Янушкевич, участвовавший в учете скота в Аягузском и Каркаралинском округах, замечал: «Удивила нас память одного киргиза, который диктовал более ста коров и ни разу не ошибся, что показала сверка с реестром последней ревизии».

Как бы то ни было, Кунанбай, очевидно, не стремился к неограниченному росту поголовья скота, но не из-за налогов, а просто прекрасно представляя себе влияние климатических условий и лимита пастбищ. Оптимальный размер табунов и стад диктовался многими факторами, прежде всего, экологическими, которые родоправитель просчитывал с компьютерной точностью.

Между тем он был известен в народе не только хозяйской расчетливостью, но и щедростью, в отличие от некоторых баев, о которых сложилась худая молва. Например, Янушкевич не без иронии писал, что Бексултан Агадаев, чингизид из Каракирей-Семизнаймановской волости, старший султан Аягузского окружного приказа с 1841 года, большой любитель пить чай у русских чиновников, не имел излишков продуктов: «Бексултан совершенно не пьет у себя, и хотя богач, имеющий до 500 юрт и 3000 коней, на которых никогда узды не было, он даже кобыл не доит, не пьет кумысу, довольствуясь айраном. Он и Конур-Кульджа (акмолинский султан) самые богатые в степи и самые скупые. Кони у Бексултана – голова к голове, стоят по 250 рублей. Богатство, составленное при помощи баранты» (запись в дневнике от 21 июня 1846 года).

Здесь прижимистость, скорее всего, – черта характера. Таких баев в степи всегда было достаточно.

А вот Кунанбая можно назвать человеком с крутым нравом, но только не скупым или жадным. Известно много историй о его решительных, даже жестоких действиях с применением силы, часто силы всего рода, то есть средств «легитимного физического насилия» (по Максу Веберу), если только он усматривал несправедливость или, что важнее, угрозу родовому, фактически национальному, устройству, его основам и правилам, завещанным предками. Жалоб на него в российскую администрацию набралось за всю

жизнь столько, что с последствиями некоторых из них пришлось разбираться Абаю уже после смерти отца.

Но не меньше известно случаев, превратившихся в легенды, о его великодушии и щедрости, опосредованных не жалостью, а какой-то неукротимой жаждой справедливости и безмерным состраданием к сородичам. Сам он любил повторять в кругу близких людей аят 195 суры 2 Корана: «Делайте пожертвования на пути Аллаха и не обрекайте себя на гибель. И творите добро, поскольку Аллах любит творящих добро».

В дальнейшей отечественной истории, тесно увязанной с принудительной седентаризацией, в сознание казахов перманентно вживлялась мысль, веками вызревавшая в оседлых – городских и земледельческих – культурах: мысль об отсталости, неэффективности, даже вредоносности родового сознания и родовых отношений, присущих традиционному казахскому обществу. Ее появление в оседлой среде понятно: столетиями и даже тысячелетиями земледельцы на большей части Евразийского континента подвергались нашествиям орд кочевников из степи, неизменно побеждавших любые армии Европы и Передней Азии. Они подчиняли города и страны, оседали на завоеванных землях, меняли облик и генофонд народов, которые затем всеми силами старались сохранить свою идентичность и вытравить из исторической памяти праформы и родо-племенные отпечатки, оставленные тюркоязычными кочевниками, которые были предками и казахов. То, что они несли передовые по своему времени достижения и в культуре, и в военном деле, не играло роли. На века о них сохранилось представление, как о дикарях, варварах, зафиксированное, например, Жан-Жаком Руссо («Опыт о происхождении языков»): «Три способа писать достаточно точно соответствуют трем различным состояниям, в которых, как мы считаем, люди могут собираться в народ. Рисование предметов подходит диким народам; знаки слов и предложений – варварским народам; алфавит – народам культурным... Дикарь является охотником, варвар – пастухом, культурный человек – землепашцем». О возможности существования алфавита и письменности у пратюрков Руссо ничего не знал.

Вместе с тем из всемирной истории известна необыкновенная устойчивость кочевого родового общества, спаянного солидарностью чувств и желаний всех его членов, носителей устоявшихся в веках непререкаемых и хорошо известных принципов. Казахи в родовом обществе отлича-

лись доброжелательностью, честностью, твердостью характера, что отмечали сторонние наблюдатели, прежде всего русские. Степняки никогда не знали рабства, жили деятельной жизнью, что не всегда замечали цивилизованные завоеватели, мечтавшие искоренить их основной способ хозяйствования – подвижное скотоводство. В казахских семьях непременно заботились о детях, стариках и женщинах. Весь род отвечал за вдов и сирот. Несомненно, существовала общность веры. Родовое сознание служило единству казахского общества, несмотря на первичную заботу о своем роде, своей семье. Потому что смысл заботы был понятен всем. Отстаивая интересы рода, каждый индивид считал святым достоянием единство всего казахского народа.

Словом, это было гармоничное общество, существовавшее в климатически сложных, но абсолютно экологичных природных условиях. Казахи были физически крепкими, самодостаточными людьми с хорошей генетикой и высокими моральными нормами, соблюдение которых строго отслеживала родо-племенная система.

Но все стало меняться с приходом российской власти, сломавшей в директивном порядке внутреннюю структуру общества. Самое неприятное – люди тотчас стали другими. Об этом говорил и Янушкевич: «Виктор утверждает, что простые киргизы, которые никогда никого из чужих не видели, гораздо лучше тех, которые, восприняв много чужого от соседей, отошли от своей давнишней простоты». Виктор Ивашкевич, руководитель комиссии по переписи населения и пересчету скота, тоже ссыльный поляк, друг Янушкевича, сосланный в Сибирь за организацию тайного общества «Черных братьев», много чего повидал в степи и пользовался огромным уважением у казахов за то, что при пересчете скота не требовал мзду и не приказывал казакам избивать людей, в отличие от своих предшественников. Про одного из них, некоего асессора В., по всей степи, том числе в Кучук-Тобуклинской волости, которую возглавлял Кунанбай, рассказывали ужасы. «Асессор – это страшное имя в здешних местах, -- писал Янушкевич. – Матери, желая утихомирить детей, стращают их асессором... При переписи он применял различные средства принуждения, запирал по нескольку десятков киргизов в юрте и держал там под стражей, пока они не стали сразу увеличивать цифры. Приказывал даже ставить в ряд девушек и считал их. Киргизы думали, что настал конец света или что их хотят брать в рекруты: маленьких мальчи-

шек прятали под тундук» (запись в дневнике от 8 августа 1846 года).

Революционный дух ссыльных поляков правил пером Янушкевича. Он не опасался писать правду: «Что за чиновники тут бывали! Настоящие грабители, барантачи! Много дел проходило через мои руки, я мог убедиться в том, что они тут вытворяли! Как мое сердце болело, когда я слушал рассказы о том, как проводились первые переписи, которые по-киргизски называются "сан", что также означает "кусок мяса". Почти каждый из этих проконсулов считал порученное ему дело только средством приобретения себе состояния. Прилетал, окруженный казаками, повергал в страх все окрестности и не брезговал никакими способами вымогательства. По его приказу табуны и отары стягивались в одно место, отстоящее от кочевий за 150 и больше верст. На дорогах оставались следы неожиданного похода: кобылы и коровы сбрасывали, верблюды, кони, овцы падали. Потом, при огромном сборище и давке, от недостатка корма и воды, падеж скота ежедневно увеличивался. Господин чиновник приказывал платить себе за то, что он не считал дохлых за живых. А сколько, кроме того, стоило содержать и угощать высокого гостя!.. При всяком случае – *ultima ratio** – была камча, падавшая на плечи не только простых киргизов, но и людей достойных, волостных управителей и старшин. Один из этих грозных чиновников получил даже титул "Камчамайор" и до сих пор слывет под этим именем» (23 августа 1846 года).

Было бы неточно думать, что султаны, неправедные волостные правители и старшины нахватались дурных привычек у таких «проконсулов» и стали притеснять народ. Дело не в подражании. Главным было то, что как только были ликвидированы основные элементы традиционного института власти, мгновенно ослабли моральные принципы родового общества. В новой административной системе, введенной царской властью, сразу расплодились взяточничество, чинопочитание, обман, воровство. Между казахскими родами, многочисленными подродами и семьями разрослись склоки, в которые втягивались окружные приказы и областные органы. Расцвело самодурство в семье. Барымтачи превратились из борцов за справедливость в обыкновенных разбойников. Число их стремительно росло. Нападения в степи на пастухов и табунщиков, угоны

* Ultima ratio (*лат.*)– последний довод.

скота, избиения и убийства участились. Разбоем занимались целые роды, стараясь, правда, делать это скрытно.

Кунанбай всеми силами пытался противостоять распаду традиционных родовых отношений, экстренно решая в своих аулах проблемы, погашая конфликты. Когда в роду Тобыкты случилась вооруженная стычка за землю между двумя подродами и был убит некий тобыктинец Жамантай, Кунанбай принял ответственность на себя. Он уплатил за виновных огромный кун*, то есть штраф, установленный судом биев в соответствии с обычным правом казахов. И взял к себе на воспитание оставшихся сиротами детей погибшего – Тезекбая, Кожекбая, Макыша, которых растил, как своих детей.

Спустя восемь лет после этого случая Янушкевич констатировал: «У беднейших киргизов, если умрет отец семьи, происходит так: оставшаяся с малыми детьми жена чаще всего приходит в полную нищету. А если еще и оспа или другая какая болезнь вкрадется в юрту, то без помощи и опоры вся семья вымирает до единого человека» (14 августа 1846 года). Кунанбай в такой ситуации не оставлял без внимания попавшую в беду семью, оказывал помощь, не дожидаясь поддержки других зажиточных сородичей. Ибо с детских лет усвоил сознанием, душою, сердцем заповедь предков: помогать обездоленным нужно без принуждения. А взрослым повторял аят 48 суры 2 Корана: «Страшитесь того дня, когда ни один человек не принесет пользы другому и когда не будет принято заступничество, когда нельзя будет откупиться и когда им не будет оказана поддержка».

Со временем осталось совсем мало таких баев, неизменно оказывавших помощь нуждавшимся. Напротив, обнажились неприглядные стороны жизни, немыслимые при прежней традиционной системе власти. Янушкевич, повествуя о буднях комиссии по переписи населения и пересчету скота, писал: «Множество жалоб приносят бедные киргизы на своих братьев или родственников, которые не только не оказывают им никакой помощи, но еще и притесняют как только могут». Причем по наблюдениям поляка выходило, что больше всего произвола люди терпели от самых родовитых соплеменников – султанов-чингизидов, которые к тому же спокойно шли на хитрость и подлог. Рассказывая о пребывании в ауле султана Кусбека Таукина, старшего султана Каркаралинского округа до Кунан-

* Кун – плата, выкуп за убийство или увечье. В этом случае ответчиком выступает весь род (или подрод) виновника.

бая, Янушкевич писал: «Вернувшись от Кушбека, мы начали перепись, на которую он приехал сам. Вот тут-то и выяснилось лучше всего, что такое киргизская аристократия! Каждый из них (а здешняя волость имеет их несколько десятков) старался уменьшить число своего скота и торговался из-за каждого барана. Какая при этом проволочка в ответах, какие ссылки на свидетельство то того, то другого! Ел билеуши молчал. Старший султан, спросив несколько раз, сколько было записано, а сколько показывает призванный, по родственным ли причинам, или потому, что султан не решался разрубить гордиев узел, после долгого молчания говорил: "Кудай биледы" (бог знает). Мы потратили несколько часов на запись у этого, как Виктор называл, паскудства. Нужно было все его хладнокровие, чтобы не выйти из границ терпения и не сказать им какой-нибудь глупости» (21 сентября 1846 года).

Хотя, конечно, не только султаны, но и все богачи стремились занизить численность скота, чтобы платить меньший ясак – натуральную подать, которая, по замыслу ее инициаторов, не должна быть обременительной. Параграф 134 «Устава о сибирских киргизах» гласил: «Сбирать с киргизов ежегодно ясак скотом со ста голов одну, с верблюдов ясак не собирается».

У Кунанбая проблем с налогами не было. Он грамотно выстраивал отношения с властью и неизменно числился «на хорошем счету», что было результатом рационального подхода к личным проблемам. А вот на общественном, общеродовом поприще дела обстояли не лучшим образом. Точнее, шли не так, как хотелось ему.

Несколькими годами ранее произошло событие, сильно расстроившее Кунанбая, постоянно стремившегося сохранить единство большого рода Тобыкты. Он знал, что всему роду грозит раскол, если произойдет деление на волости. Родство подродов при этом, несомненно, сохранится, но в каждой волости появится свой управитель, которого будет окружать своя «аристократия», а что они там натворят – это, по мнению Кунанбая, было одному Богу известно.

Он продолжал практиковать жесткий стиль управления, требуя повиноваться своим решениям и сурово наказывая ослушников. И был уверен, что отклонение от такого авторитарного метода или неподчинение ему приведет к окончательному распаду родовой идентичности, народ станет заниматься беззаконными делами, что, в принципе, уже происходило то там, то здесь.

И в этот момент лидеры крупного и влиятельного подрода Мамбетей, давно не терпевшие волевой стиль управления Кунанбая, как бы проявляя свободу воли, решив, что наступила самая подходящая ситуация, обратились в Каркаралинский окружной приказ с просьбой выделить в отдельную волость территорию их подрода. Пограничное управление очень быстро приняло решение о разделении Тобыктинской волости на две части – Кучук-Тобуклинскую волость (официальное написание; позже стали писать – Кучук-Тобыктинская, затем более точно – Кокше-Тобыктинская волость) и Мумбетей-Тобуклинскую волость (правильно – Мамбетей-Тобыктинская).

Тобыктинская волость была одной из самых крупных в Каркаралинском округе – 2978 кибиток (принятая терминология) по данным 1831 года. Разукрупнение волостей было не только на руку русской окружной администрации в смысле облегчения налогового контроля. Это еще и соответствовало основной цели «Устава о сибирских киргизах» – ликвидации ханской власти и любых намеков на ее восстановление где бы то ни было. Наличие множества мелких волостей со своими управителями, местными властителями, лишало, по мысли омских стратегов, возможности объединения родов с какими-либо нехорошими целями. А по мысли Кунанбая, это попросту грозило единству рода, а значит, и вообще традиционному образу жизни казахов. Поэтому он не собирался терять контроль над новой волостью, продолжая позиционировать себя как главу всего рода Тобыкты.

Зная деятельный характер Кунанбая, склонность его к контролю над распределением земель и решительным действиям в вопросах землепользования, вплоть до насильственных, если задеты интересы родовых традиций, можно предположить, что это неизбежно должно было привести к конфликтам. Он всегда надеялся на победу своих решений, полагаясь на авторитет бия и главы рода, зная, что может доказать правоту в любом суде биев, поскольку все решения, даже самые жестокие, он обосновывал традиционным правом казахов, а если надобно, мог привлечь и шариат. Сверх того, чувствовал себя уверенно в российских судах, отлично зная имперское законодательство.

После долгих размышлений, бесед с другими биями и старшинами он пришел к выводу не только о неотвратимости верховенства в степи в ближайшем будущем русских законов, но и о необходимости вхождения в новую

структуру управления, насколько это позволяло казахам имперское законодательство. Только таким образом, по мнению родоправителя, еще можно было сохранить в неприкосновенности родовые обычаи и правила, нормы морали и обычное право казахов, что дало бы возможность вернуть обществу прежнюю гармонию и устойчивость, отстоять независимость хотя бы во внутренней жизни родов. Поэтому не без оснований он внимательно изучал юридические документы империи, касающиеся жизни казахского общества, улучшая при этом знание русского языка. И вскоре стал отлично разбираться в российском законодательстве. Он наизусть знал основные положения важнейших актов, а также материалов, растолковывающих постановления, указы, законы. Вдобавок имел опыт работы с окружными приказами, не говоря уже о безупречном знании обычного права казахов и шариата. И теперь мог дать подробные консультации всем, кому в степи требовалась юридическая помощь.

К нему пришла слава законника. В его аул потянулись тобыктинцы, столкнувшиеся с необходимостью отстаивать свои интересы в российских судах. Кунанбай не отказывал никому, разъяснял права казахов, советовал, как следует поступать в той или иной ситуации, и не требовал за советы оплату. Точно так же поступал впоследствии Абай, когда исполнял функции бия.

Уместно привести наблюдение из дневника Янушкевича, сделанное не без юмора позже, но в той же среде: «Кунанбай – это ну просто машина для говорения, часы, которые только тогда не идут, когда не заведены. Как только проснется, пускает в ход свой язык и говорит неустанно, пока не заснет. Каждую минуту приходят к нему киргизы за советом, а он, как оракул, который вещает со своего треножника, часто подперев бока руками; на каждые три слова цитата из шариата, а память у него такая удивительная, что все указы и распоряжения правительства приводит, будто по книжке читает» (15 августа 1846 года).

Соответственно, его чаще, чем прежде, стали приглашать не только как бия, но фактически как адвоката, для разбора серьезных тяжб между родами. Вот несколько таких случаев, зафиксированных окружными приказами, согласно документам из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан.

В ноябре 1838 года старшина Кунанбай Ускенбаев публично участвовал в разрешении споров между родами Уак

и Тобыкты по поводу прав на кормовые луга в местности Кокен.

В 1840 году он выступил истцом в деле о барымте между родами найманов Садыр и Матай.

Затем, начиная с 1841 года, в течение нескольких лет Кунанбай представлял в судах империи интересы истцов-казахов, добивавшихся возвращения родам Сыбан, Тобыкты, Уак луговых земель в местностях Аркат и Алжан, где решили обосноваться торговцы-сарты* из Ташкента, Коканда и Бухары, разбогатевшие после удачных вояжей со своими торговыми караванами в Кашгар. Дело окончательно разрешилось позже, в 1846 году в Аягузе судом биев при участии чиновников Пограничной комиссии.

Но из тех же документов следует, что иски подавали и на самого Кунанбая. В качестве примера можно указать на жалобу военному губернатору, поданную в 1841 году от некоего аульного старшины Куандыка Карибаева. Дело разбиралось около двух лет. Случались и еще более затянутые дела, причем удача не всегда сопутствовала Кунанбаю. И доставалось ему именно тогда, когда он отстаивал интересы аульных казахов.

Так произошло, например, когда он пытался пресечь довольно неприятное явление, которое казахи называли продажей красного теленка. Защищая степняков, Кунанбай нажил недругов. Началось судебное дело против него, одно из самых долгих в его практике. Суть его в следующем. В то время в степи появились торговцы-перекупщики, которые предлагали скотоводам в кредит по десятку аршин тканей, чай, сахар, другие товары, необходимые в быту. В качестве оплаты они соглашались получить подросших телят из приплода следующего года. Как говорили казахи, «сватались» за красных телят, то есть за едва народившихся.

Однако коровы не всегда телились – бывало, что телята умирали. Вот тогда дело принимало плохой оборот. Считая себя обиженными, торговцы-ростовщики шли к Кунанбаю с требованием урезать в их пользу скот в подчиненных ему аулах. Но он отказывался быть их защитником, резко отвечая: «Правильно будет, если вообще перестанете давать товар за красного теленка. Вы этим сначала портите людей, потом превращаете их в нищих, забирая то, что у них осталось».

---

* Сартами в XIX веке казахи именовали оседлых узбеков и таджиков, проживавших среди кочевников. Однако сам термин имеет древнее происхождение, восходящее к сардам Ассирии и Малой Азии.

Он действовал решительно. Например, не пустил на территорию Каркаралинского округа некоего торговца Хайдарова из Ташкента, намеревавшегося предлагать в аулах свой товар за «красного теленка». Торговец пытался жаловаться властям, но не получилось. А вот другой делец, семипалатинский купец третьей гильдии по фамилии Антиктьев, известный угодничеством перед власть имущими, действовал нагло. Согласно его жалобе, он вроде бы пригласил в гости Кунанбая, когда тот оказался в городе. И будто бы, придя к нему домой, мырза накинулся на него с ругательствами. В архиве эта версия отражена в деле «Об оскорблении купца Антиктьева старшиной Кучук-Тобуклинской волости Ускенбаевым», заведенном в 1838 году.

В том же году Кунанбай подал встречную жалобу на Антиктьева в семипалатинскую полицию и в Каркаралинский окружной приказ, в которой написал, что купец сам набросился на него с руганью, размахивал дубинкой, отобрал у него вещи, говоря, что он мстит за противодействие меновой торговле «красными телятами». Чиновники завели дело «О нанесении обиды и побоев старшине Кунанбаю Ускенбаеву Семипалатинским третьей гильдии купцом Апсалямом Антиктьевым».

Вряд ли купцу с дубинкой удалось бы справиться со старшиной Ускенбаевым, опытным бойцом в единоборствах. Но, как видно, Кунанбай не отказывался и от такого рода заявлений, чтобы выиграть дело в имперском суде.

Однако, рассмотрев его жалобу 28 февраля 1839 года, Семипалатинская городская ратуша* своим решением оставила ее без удовлетворения. Несмотря на то, что Кунанбай первоначально намеревался биться с купцом до конца, он отказался от этого бесперспективного дела и не стал продвигать дальше свою жалобу. А вот Антиктьев 30 января 1840 года подал новое заявление в Каркаралинский приказ, в котором выставил решительное требование призвать к ответственности Кунанбая-мырзу и посадить его в тюрьму.

Дело тянулось долго и завершилось уже после избрания Кунанбая старшим султаном Каркаралинского округа. 22 октября 1848 года руководство Сибирской пограничной линии вынесло заключение №146, в котором было указано, что жалоба Антиктьева рассматривается законным ходом.

---

* Ратуши в России существовали с 1775 года до судебной реформы 1864 года как сословные судебные органы по «Учреждениям о губерниях».

Но в связи со вступлением Ускенбаева в должность старшего султана по выборам, с разрешения Правительствующего сената* дело было передано в Баянаульский окружной приказ. Только в декабре 1853 года Баянаульский приказ вынес окончательное решение: жалоба Антиктьева на Ускенбаева не подлежит удовлетворению. Так, спустя 15 лет после того как возникла тема «красного теленка», в деле была поставлена точка.

Эта история показывает, какой неповоротливой оказывалась российская бюрократия в казахской степи, как она затягивала и усложняла достаточно простые дела, что только разрушало родовое сознание и родовые отношения и толкало казахов на деструктивные действия.

Глава девятая

ОПАЛЕННЫЕ ХАНСКИМ ОГНЕМ

Несомненная принадлежность Кунанбая к категории баев, то есть богачей, сделала его в советские времена удобной мишенью для атак с классовых позиций. Исходная теоретическая конструкция – дихотомия «богач – бедняк». Богач – враг бедняка и вообще плохой человек, ибо в государстве социальной справедливости богатым быть нехорошо. Поэтому романный образ Кунанбая был наделен эпитетами «властный феодал», «чудовище со звериной жестокостью». Мухтар Ауэзов называл его в исследовательских работах «лютым правителем-феодалом». Приведем только одно из многочисленных однотипных суждений: «Умный, дальновидный, расчетливый политик в сложнейших перипетиях межродовой борьбы, умело разжигаемой и используемой им в своих интересах, направленных на укрепление личной власти и умножение своих богатств, Кунанбай олицетворяет собой вместе с тем всю алчность, неукротимую жестокость господствующего класса феодалов» (Л. М. Ауэзова, 1969).

С такой оценкой трудно согласиться. Хотя бы потому, что состояние Кунанбая, обеспечившее безбедное существование всем членам семьи, в какой-то момент вообще перестало быть для него самоцелью, да и никогда таковым, в

* Правительствующий сенат – высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи, подчиненный императору и назначаемый им.

сущности, не было. Бурные события, происходившие в степи, привели его к мысли о второстепенной роли богатства любого размера. Под ударом была иная ценность – человеческая жизнь. Новая парадигма Кунанбая выводила в центр его внимания народ как богоявленную целостность, за безопасность и благополучие которой нес ответственность лично он. А безопасность народа он видел только сквозь призму родовой целостности.

Борьбу за сохранение единства рода он рассматривал как основную свою задачу. Поэтому стремился участвовать во всех важных событиях не только своей волости, но и соседней Мамбетей-Тобыктинской волости, считая всех тобыктинцев единым, как прежде, до раздела волости, народом. В ответ мамбетейцы писали жалобы в окружной приказ. В Омске, в Пограничной комиссии даже завели дело «Споры Тобыктинской волости», но решительных мер принято не было.

Среди множества документов того времени, зарегистрированных областными и окружными канцеляриями, хранящихся ныне в архивах, привлекает внимание обращение от 18 декабря 1839 года Кунанбая Ускенбаева и Божея Ералина (Ералиулы) к исполняющему должность пограничного начальника над «сибирскими киргизами» Ладыженскому. Божей Ералиулы (1812–1853), партнер по этому прошению, – заметная личность в роду Тобыкты из подрода Жигитек, внук знаменитого бия Кенгирбая, один из ключевых персонажей как романа-эпопеи Мухтара Ауэзова, так и реальных коллизий жизни Кунанбая. В ту пору они еще были соратниками и единомышленниками.

Сотоварищи писали Ладыженскому (перевод с казахского варианта текста): «В 1831 году мы вошли в состав Каркаралинского округа. Уже в следующем году мы собрали лучших наших людей, чтобы влиять на народные массы, организовали работу по сбору и сдаче налогов. Постоянно призывали народ подчиняться вышестоящей власти, проявлять послушание. Во время выступлений мятежного султана Кенесары Касымова и его сообщников, случившихся в течение последних трех лет, наши казахи не оказывали им никакой помощи и не участвовали в их делах, потому что мы пришли к выводу о необходимости быть преданными России и служить ей. Мы с недоверием относимся к внутренним врагам Российского государства...»

В чем смысл этого верноподданнического письма? Во-первых, в нем есть конкретика: вожди тобыктинцев далее

по тексту просили подобающим образом оценить их усердие и представить к награде. Заседатель Пограничной комиссии К. Неговский в письме военному губернатору посчитал, что «оба эти старшины, в особенности Ускенбаев, достойны просимой награды и в поощрение на будущее время быть полезными в делах правительству, при исполнении которых они всегда способствуют проживающим в той волости русским чиновникам по особенной расположенности к Российскому престолу». Впоследствии, действительно, Кунанбай получил искомые почести и награды.

Во-вторых, Кунанбай в паре с Божеем сублимировал в письме тщательно продуманное отношение к внешнему управлению в казахской степи, не оставляя никаких сомнений не просто в своей лояльности к русской власти, но и в решимости служить внутри системы, задуманной и созданной российскими законодателями. Угоднические пассажи письма могли и не соответствовать подлинным чувствам как его авторов, так и стоящего за ними народа, однако подобный стиль вскоре стал общеупотребительным в этом жанре.

Как бы то ни было, отныне не следовало ожидать от Кунанбая каких-либо выражений недовольства внешним управлением, а тем более его участия в выступлениях против империи. Он предпочел бы заморозить отношения на существующем уровне, который допускал фактически сложившееся присутствие русских чиновников, военных и переселенцев в степных районах, в ареале кочевания казахских родов. Но при этом внутренняя жизнь казахского общества регламентировалась традиционными нормами, что позволило бы при удачном стечении обстоятельств восстановить и сохранить родовую систему и родовые отношения, пошатнувшиеся за последние десятилетия под влиянием российского администрирования и судопроизводства.

Наконец, в-третьих, в письме говорится о восстании Кенесары Касымова, которое вспыхнуло в степи на прилегающих к Чингистау землях, и об отношении к нему Кунанбая и жителей подчиненных ему аулов. Заявив о доверии царской власти, Кунанбай обязан был сказать и об отрицательном отношении к восстанию, что, несомненно, составило о нем благоприятное впечатление и способствовало в дальнейшем возвышению в аппарате управления.

Это не могло помешать ему ревностно и достаточно жестко отстаивать родовые порядки в национальной среде,

продолжать оказывать помощь нуждающимся, оказавшимся в беде людям. Известно, что он даже укрывал казахов из армии хана Кене, бежавших после разгрома восстания, но делал это скрытно и осторожно. Однако предположения некоторых современных исследователей о непосредственной поддержке им восставших лишены оснований. До сих пор не обнаружено ни одного документа в архивах, который свидетельствовал бы о его контактах с последним казахским ханом. Народные предания тоже молчат на этот счет. А уж молва сохранила бы в коллективной памяти народа и в устном творчестве информацию о мятежных порывах, если бы они были.

Впрочем, в сложившейся в первой половине XIX века непростой политической ситуации в казахской степи Кунанбай вряд ли мог сблизиться с Кенесары. Уж слишком разными они были фигурами. Оба были яркими, заметными личностями, выделявшимися в родовой среде своими решениями, поступками, страстными речами, желаниями и стремлениями, но были при этом настолько противоположными по выбору средств достижения целей, что можно говорить о различии в миропонимании. У каждого из них была своя правда. И отличать их приходится, прежде всего, по крови. Несмотря на высокородное происхождение из семьи потомственных родоправителей, Кунанбай был представителем «черной кости», в отличие от султана Кенесары, который был из «белой кости»*.

Внук знаменитого хана Абылая Кенесары Касымов (1802–1847) с младых ногтей был настроен против присутствия царской власти в степи. В его душе пылал ханский огонь. Но не тщеславное желание именоваться ханом двигало им. Он считал себя обязанным биться за налаженную в веках жизнь казахов, напоминая всем в воззваниях, что «при Абылае казахи жили свободно и мирно». Однако, в отличие от Кунанбая, окончательно определившего основной своей задачей мирное восстановление и сохранение родовой идентичности, Кенесары полагал, что главное – отстоять самостоятельность, если нужно с оружием в руках, а остальное восстановится само собой. Поэтому еще в молодости он категорически не принял «Устав о сибирских киргизах», упразднявший ханскую власть.

---

* В традиционном казахском обществе султаны-чингизиды (торе) составляли высшее сословие социальной иерархии – «ак суйек» (белую кость), а остальной народ именовался, соответственно, «кара суйек» (черная кость).

В вооруженной борьбе Кенесары участвовал с юных лет, сначала в отрядах отца, султана Касыма, затем в восстании, организованном его старшим братом Саржаном. После гибели отца и брата он возглавил борьбу за независимость казахского народа. Он выдвинул российской администрации решительные требования: прекратить сбор податей с местных жителей, уничтожить Актауское укрепление, Акмолинский диван (приказ) и все прочие военные сооружения. В одном из многочисленных обращений, адресованных царским властям, он писал: «Завещанные нашими предками Есил, Нура, Актау, Ортау, Каркаралы, Казалык, Жаркайн, Обоган, Тобыл, Кусмурун, Окият, Тозак до Урала – при нынешнем царе отобраны у нас и там построены укрепления. Теперь, с каждым днем захватывая наши земли, на них закладывают укрепления и этим доводят население до отчаяния. Это не только для нашей будущности, но и для сегодняшнего существования опасно».

Не получив ответа ни на одно письмо, Кенесары весной 1837 года повел в бой свои отряды в Акмолинском округе Среднего жуза. Первыми объектами атак стали военные крепости и казачьи пикеты в степи. Так началось восстание 1837–1847 годов, которое современные ученые трактуют как народно-освободительное движение.

Восставшим быстро удалось собрать для борьбы большие силы. На их сторону массами стали переходить казахи большей части Акмолинского округа, родины Кенесары. Недовольство царской властью было велико. Новые порядки, устанавливаемые ею через управляемых ими султанов, казались невыносимыми многим жителям степи. Неожиданно в конце 1837 года к восстанию присоединилась и почти половина волостей Каркаралинского округа. Вслед за ними в 1838 году к восставшим стали перекочевывать целыми аулами казахи из других округов. На всех действовала магия речей хана Кене, обещавшего освободить народ от власти русских.

Старший султан Каркаралинского округа Турсун Чингисов отправлял одно за другим панические письма начальнику Омской области Ивану Дмитриевичу Талызину с просьбой прислать на помощь вооруженные отряды. Он писал Талызину: «Казахи здешнего округа ушли к мятежному султану, на прежние места в округ никто не возвратился».

В числе волостей этого округа, не поддержавших восставших, была Кучук-Тобуклинская (Кокше-Тобыктин-

ская) волость, возглавляемая старшиной Кунанбаем Ускенбаевым. Поэтому вполне естественно, что он, как и Божей Ералиулы, позже заслужил поощрение властей.

Обеспокоенные и растерянные чиновники областной администрации, не ожидавшие такого массового движения, послали к каркаралинцам небольшой военный отряд, который должен был остановить коши, направлявшиеся к Кенесары, и заставить их вернуться на прежние места кочевания. Султанам и старшинам округа было передано воззвание областного начальника Талызина «К моим добрым каркаралинцам», выдержанное в совершенно непривычном увещевательном тоне. Вот его фрагмент: «Добрый же народ Каркаралинского округа да передаст всякие подобные глупые замыслы и внушения лишь непреложному презрению, – не расставайтесь со своими родными местами и не допустите себя до ужасного преступления».

Нам в этих событиях, разумеется, интересна позиция Кунанбая, который твердо отказался поддержать восставших, более того, сумел уговорить не срываться с мест жителей подчиненной ему волости. Объезжая аулы, он излагал свои соображения, идеи, планы, являя весь блеск своего ораторского искусства. Покоренные его речами не меньше, чем страстными призывами Кенесары, тобыктинские горячие головы, поначалу готовые включиться в вооруженную борьбу, в конце концов доверились своему предводителю.

Сегодня, в эпоху независимости, можно подумать, что они проявили малодушие, отказавшись поддержать поистине народный порыв против имперского засилья в степи. Ведь к восставшим присоединились отдельные роды всех трех казахских жузов. На начальном этапе восстания, самом успешном, Кенесары поддержали свыше 80 султанов, биев и старшин только из Среднего жуза. Временами его армия насчитывала до 20 тысяч человек. Всенародный порыв соответствовал узловым моментам казахской истории, когда перед лицом иноземного вторжения все казахские роды направляли воинов в общеказахское ополчение.

Однако Кунанбай не откликнулся на призывы Кенесары и не повел тобыктинцев на помощь к восставшим. Почему?

Подозревать его в робости или отсутствии твердой воли, конечно, не приходится. Всю сознательную жизнь он бесстрашно шел навстречу опасности и вел за собой соратников, если возникала угроза роду, семье, кому-то из близких. В бою он был неукротим, как и Кенесары.

Не было у него также никакой антипатии к личности султана, хотя именно ханское происхождение последнего так сильно отличало их друг от друга. Напротив, Кунанбай с огромным уважением относился к смелости и решительности Кенесары, жаждавшего бури, слома, переворота во имя сохранения традиций. Правда, оценивал его действия совершенно иначе, нежели сам мятежный султан и его сторонники.

И уж совсем неверно было бы полагать, что Кунанбай мыслил обрести определенные выгоды для себя или всего рода в отношениях с окружной или областной администрацией. Даже если он получил спустя время какие-то преференции, не ради них он отговаривал сородичей от участия в восстании. Ход его мыслей был иным. В отличие от Кенесары, который призывал сподвижников быть готовыми идти на смерть во имя сохранения независимости, Кунанбай категорически предостерегал сородичей от напрасных жертв. Глубоким рациональным умом он понимал, что после тяжелого для всего народа джунгарского нашествия в XVIII веке долго продержаться против русских войск в прямой вооруженной борьбе не удастся, какой бы высокий дух ни явили казахи в новой войне. Приход империи в степь неминуем, уж слишком велика ее сила.

В душе и Кенесары, вероятно, сознавал, что его поражение, скорее всего, неотвратимо. Но он верил, что ему удастся объединить, как в прежние века, казахские роды под ханской властью и повести их в сражение против захватчиков, невзирая на людские потери. Священные заветы великих предков имели для него абсолютное значение. «Кудай (Бог) простит, но предки не прощают», – говорили с древности тюрки, поклоняясь Богу Тенгри. Так что о смирении не могло быть и речи. Даже если не удастся отстоять всю родную землю, казахская степь велика, можно сохранить свободу и на части территории. Смерть для такого мироощущения – ничто.

Но Кунанбай считал, что он не имеет права жертвовать жизнями людей. Наступала новая эпоха. Жить в формате кочевого государства с открытыми границами уже не получалось никак. Проникновение в степь северных соседей, хорошо вооруженных, усвоивших раньше, чем номады, определенные технические новшества, стало неизбежным. Сохранить традиционную жизнь казахского кочевья можно было только в режиме сосуществования. Нужно идти на контакт и договариваться, сохраняя идущую из глубин ве-

ков чисто метафизическую субстанциональность. Такова была позиция Кунанбая.

Задачу сохранения жизней людей он ставил превыше всего. В суровых условиях бытования в открытой всем ветрам и бурям степи смерть и без того подстерегала скотоводов на каждом шагу. Цену жизни родоправитель знал, как никто другой в тобыктинском сообществе. Заботливое, бережное, даже отеческое отношение к членам рода, привычно маскируемое у него угрозой наказания и жесткой риторикой, породило удивительную, но исторически вполне знакомую в казахской среде парадигму, в сердцевину которой Кунанбай поместил народ как высшую ипостась, как последнюю ступень на пути к Богу. Среди его излюбленных афоризмов, навсегда оставшихся в народной памяти, есть такие: «Понравишься народу – понравишься и Богу», «Будешь уважать народ – станешь уважаемым и ты», «Без народа – ты без рук», «Человек с народом хорошеет».

Человеку одному трудно дотянуться до Бога. Но от народа до Бога, по сакральным представлениям Кунанбая, – одна ступень. Промыслив эти связи и отношения в модусах метафизики, присущей казахской философской мысли, в которой смыслы доносятся не словами или знаками, а потоками сознания из самых потаенных глубин души, он еще в молодые годы, когда Ускенбай ввел его в мир Корана, решил, что посвятит свою жизнь приобщению сородичей к исламу. И год за годом приближал их к Аллаху, постигая с ними в молитвах сущности бытия как длящиеся во времени атрибуты некоего бесконечного, учреждающего жизнь абсолютного первоначала бытия. Все это близко казахской душе, привычно поклонявшейся Богу Тенгри и аруахам – духам предков. И степняки приняли в сердце Аллаха.

Нет никаких сомнений в реальности мусульманства казахов того времени. Хотя, например, Адольф Янушкевич отмечал: «Заметно, что только киргизская аристократия отправляет мусульманские молитвы, но из них никто не понимает арабских выражений. Простые же киргизы не молятся» (запись в дневнике от 4 июля 1846 года). Это не столь существенно, поскольку поляк мог уловить лишь начало общего тренда XIX века – исламизации степняков с ведома российской администрации, которая только набирала обороты. Казахи в массе уже считали себя мусульманами, независимо от соблюдения или несоблюдения норм ислама, знания или незнания Корана. Об этом можно судить по другому пассажу из дневника: «Пограничный на-

чальник произносит несколько слов, обращенных к собравшимся, которые после перевода на киргизский язык драгомана возбуждают всеобщее восхищение. Когда шум улегся, мулла прочитал молитву, прося Аллаха, чтобы благословил яства и напитки, приготовленные для них; собравшиеся, подняв руки вверх, в торжественном молчании слушали молитву» (12 июня 1846 года).

Гораздо важнее исключительная набожность самого Кунанбая, которую наблюдательный Янушкевич тоже не преминул подметить: «Вечером ходили с Виктором на самую вершину Акбас-Тау. Оттуда открывается необозримая равнина, настоящее степное море. Мы заметили внизу киргизов, стоящих на коленях и возносивших свои молитвы Аллаху. Кунанбай со своими молился отдельно и один раз, выйдя вперед, долго держал руки вытянутыми к небу. Пестрые халаты, однообразные движения всей толпы и ко всему этому тишина пустыни произвели на нас большое впечатление» (17 августа 1846 года).

Безмерная забота о народе берет начало, несомненно, в традиции, идущей из прототюркской древности. И проявилась она у Кунанбая с младых лет. Вера лишь укрепила уважение к народу как к некоей божественной сущности, что отразилось в его философских афоризмах, донесенных до нас течением лет, ветрами перемен: «Пожелания народа – благодатное озеро», «Будешь уважать других – будут и тебя уважать», «Человек полнится народом», «Доверяя народу – растешь, ругая народ – себя хоронишь», «Кто верит народу – расцветет, кто бранит большинство – пропадет». Это лишь малая толика речений мастера слова, о широте мышления и высоком ораторском искусстве которого можно только догадываться, полагаясь на восхищение его современников, транспонированное в народных преданиях и в воспоминаниях потомков.

В этих кратких философемах вроде бы все ясно. Однако за простотой и кажущейся обыденностью мысли скрывается глубина, та самая субстанциональность, которая соединяет древние времена тюркской истории с современностью. Мы всегда должны быть готовы к тому, что в какой-то день к нам придут издалека наши предки и напомнят о себе. Многие тысячелетия назад они произносили те же самые речения, на которые не скупился Кунанбай. И внезапно душа прозревает то, что не несут слова, но доносят смыслы, всплывающие из неведомых далей. Неожиданно она ощущает бездонную глубину обобщений во всем

том, что можно назвать казахской душой, которую воплощал собой Кунанбай.

Так что подлинная забота о народе вызрела в нем только в результате напряженного мыслительного процесса, прозрения в сущность бытия, лишившего его успокоенности и любых мыслей о собственной обеспеченности. Он мог ошибаться в решениях и деяниях, и знал это, поскольку чувствовал, что стоит на краю бездны, в глубине которой чернеет опасная недостоверность. Но страха не было, ибо он мог полагаться на веру, на заветы предков и на народ. Решения его тверды, судьбою правит воля, жизнь идет своим чередом.

В рапорте Каркаралинского внешнего окружного приказа в Пограничное управление сибирскими киргизами от 13 августа 1842 года есть следующая справка (составлена в 1840 году): «Кунанбай, сын Ускенбаев, старшина, 36 лет. Весьма умен, справедлив и пользуется от народа особенным уважением и доверием. Очень богат. Кучук-Тобуклинской волости, рода кучук, отделения айдос. Аульный управитель. От командира Отдельного Сибирского корпуса за преданность к русскому правительству и нахождение при отряде в 1840 г., посланном против мятежного султана Кенесары, награжден коричневым суконным халатом, обложенным галуном, в июле 1840 г.».

В именном списке по Каркаралинскому округу более 60 таких справок на султанов, биев и старшин – сухих, сдержанных на похвалы. Их удостоился в полной мере, пожалуй, только Кунанбай. Кроме него из родовых предводителей мало кто отмечен «нахождением при отряде», посланном против Кенесары, который рассек огнем своего протеста казахскую степь с севера на юг, опалив даже южные горы.

Скорее всего, присутствие Кунанбая в отряде было номинальным, поскольку в многочисленных рапортах о военных действиях против мятежников его имя не упоминалось. Хотя приходится предполагать возможность связанных с этим приключений. Есть совершенно неожиданное свидетельство Мухтара Ауэзова о патриотическом порыве Кунанбая во время боевых действий. Содержится оно в предисловии писателя к первому полному собранию стихов Абая, изданному в Кызыл-Орде в 1933 году латиницей на казахском языке, где Ауэзов, в частности, писал: «Был у Кунанбая один случай, оставшийся в памяти народа. В документах русской администрации он проходит как

преследование Кенесары. Происходило ли это в то время, когда Кенесары, покинув Улытау, направлялся в Старший жуз, во всяком случае, в одном из его походов, согласно официальным донесениям, в отряд, преследовавший Кенесары, включили некоторых казахов. Кунанбай тогда был еще старшиной. Отряд настиг кош Кенесары. Рядом с кошем был он сам. Когда повстанцы собрались вместе, Кенесары сошел с коня и стал совершать намаз. В этот момент русские решили атаковать. Но Кунанбай заявил им, что во время намаза сражаться нельзя, и не позволил нападать. Затем Кунанбай незаметно собрал казахов, сопровождавших отряд, и договорился с ними не трогать Кенесары, не поступать с ним, как с врагом. Позже, во время боя, он отхлестал камчой батыра Тобета из рода Жуантаяк за то, что он погнался за каким-то жигитом из отряда Кенесары и хотел убить его копьем».

Такая история, конечно, соответствует противоречивой натуре Кунанбая, но верится в нее с трудом, поскольку хотя бы часть ее в реальности могла найти отражение в армейских донесениях и сильно повлияла бы на отношение властей к его личности. А оно осталось весьма благосклонным.

С другой стороны, Ауэзову в 1933 году не было необходимости править Кунанбаю биографию – «Путь Абая» еще не был создан. И он мог беспрепятственно описать этот эпизод. А мы можем отнести его на счет уважительного отношения к мятежному султану Кунанбая, который, несомненно, преклонялся в душе перед его мужеством, стойкостью и непоколебимостью. Хотя рациональным своим умом понимал бесперспективность борьбы.

Остается предположить неведение русской администрации относительно действий Кунанбая, как и осведомленность о них Кенесары. С султанами и биями, верно служившими царской власти, он поступал круто. К примеру, в начале 1838 года его отряд напал на аулы старшего султана Акмолинского внешнего окружного приказа Коныр-Кулжи Кудаймендина, угнав 12 тысяч лошадей – огромное состояние. А отряд его сестры, воительницы Бопай, сжег имение ханши Айганым, бабушки Чокана Валиханова и супруги султана Уали, полковника царской армии. Но владения Кунанбая, расположенные восточнее, в Чингистау, повстанцы не тронули. То ли оттого, что до них было далеко, то ли по причине осведомленности о его действиях в русском отряде.

В 1841 году на сборе казахской родовой знати и султа-

нов Кенесары Касымов был поднят на белой кошме и провозглашен ханом. В истории и памяти народной он так и остался ханом Кене, последним ханом казахов.

Но война войной, а жизнь в аулах шла своим чередом. Вернувшись в Чингистау, Кунанбай посвятил много времени семейным делам. Подрос первенец Кудайберды, и в 1843 году отец решил его женить. Естественно, заранее присмотрев невесту. Обитатели городов могут сколько угодно посмеиваться над обычаем казахов самим подыскивать жен своим детям, причем всегда из другого рода, иной местности, иногда с противоположного края степи. Однако традиция сватовства, уходящая корнями в глубокую историю, таила в себе многовековой жизненный опыт. Казахи издревле прекрасно знали, что потомство только улучшится, если в семью придет дочь другого племени. А еще межродовые браки, несомненно, способствовали единению нации.

Среди знати вопрос обычно решался без участия жениха и невесты. Бывали, конечно, досадные нестыковки – они входили в казахскую жизнь, ничего не убавляя в ней и нисколько не искажая ее.

Кунанбай отправил своих людей для сватовства к знакомым людям в местность Абыралы на северо-западе Чингистау. Здесь они обратились к Алдабергену Едильбайулы из рода Каракесек племени Аргын, подрод Байбори. Алдаберген был умным, честным, уравновешенным человеком среднего достатка. Именно благодаря честности снискал уважение народа, был авторитетным бием, затем старшиной и волостным управителем. Сумел дать приличное по тем временам образование детям. Его сын Толебай обладал высокими нравственными устоями и так же, как отец, имел немалый авторитет среди сородичей. Дочь Толебике знала грамоту и считалась, несмотря на молодость, искусной хозяйкой. Слухи о ее добродетельных качествах дошли и до тобыктинских земель. Именно Толебике была объектом внимания сватов.

Алдаберген не возражал против женитьбы. Однако, понимая, какие обязательства могут появиться после родства с таким известным в степи человеком, как Кунанбай, передал, что отдаст дочь, но у него есть два пожелания.

– Во-первых, – говорил Алдаберген, – расстояние между нашими аулами приличное. И если вдруг не сможем поздравить друг друга вовремя с радостным событием, то – без обид. Во-вторых, если в случае горя, смерти кого-то не сможем вовремя выразить соболезнование,

также не будем обижаться. Ежели по этим моментам сойдемся, я согласен.

Скромность пожеланий Алдабергена обманчива. На самом деле для казахов быть на общеродовых празднествах или, напротив, на поминках – святое дело. Отсутствие сватов на таких мероприятиях могло быть расценено как неуважение. И умный Алдаберген, зная, как непросто будет ему и его близким добираться, особенно зимой, по заснеженной степи, до аулов Чингистау, заранее оговаривал возможное отсутствие.

Кунанбай без промедления ответил, что принимает условия.

Так отец сосватал для молодого Кудайберды Толебике, мать будущего поэта и философа Шакарима. Жениху было четырнадцать лет, невеста – на год моложе.

Глава десятая

БУДНИ СООБЩЕСТВА

30 июля 1844 года Кунанбай Ускенбаев был утвержден волостным управителем Кучук-Тобуклинской волости. До этого он имел только должность старшины, хотя фактически возглавлял волость, поскольку вел все дела волостного управителя. Более того, в роду Тобыкты даже после деления его территории на различные волости, что привело к соперничеству между подродами, многие продолжали считать его главой всего рода – это был, по сути, неофициальный статус, сохранившийся как реликт прежней родовой структуры общества. И авторитет главы рода только возрос пять лет спустя после избрания старшим султаном Каркаралинского округа.

Но пока избрание волостным управителем означало, прежде всего, окончательное признание Кунанбая «своим» российской властью. Дело в том, что «Устав о сибирских киргизах» заложил в свое время важный нюанс в избирательную систему. Параграф 275 гласил: «Султаны над подведомственными им киргизами не имеют права ни владетеля, ни помещика, но суть только волостные правители, от высшего начальства с согласия народа постановленные». То есть волостные управители – «от высшего начальства поставленные». Народ мог только дать согласие на их назначение.

Процедура не изменилась и после принятия в 1838 году «Положения об отдельном управлении сибирскими кир-

гизами». Высшее начальство по-прежнему само решало, кого поставить в волость. С существенной поправкой. Теперь волостным мог быть избран не только султан: «В управители киргизских волостей избираются лица султанского происхождения, а также все имеющие офицерские чины, знаки отличия военного ордена, медали, почетные кафтаны, пожалованные при грамотах генерал-губернатора, и те из ордынцев, которые хотя не имеют никаких отличий, но пользуются особым уважением народа, в случае избрания их большинством голосов, определяются исправляющими должности управлений до того времени, когда приобретут знаки отличия, дающие право на утверждение их управителями».

Обладатель почетного кафтана Кунанбай Ускенбаев, к тому же несомненно пользующийся уважением народа, зарекомендовав себя благонадежным подданным империи, и был назначен (избран) волостным управителем.

29 июля (по старому стилю 10 августа) 1845 года у Улжан и Кунанбая родился сын, которого отец нарек исполненным святости именем Ибрагим, но оно вскоре отошло на второй план. Заботливая бабушка Зере, опасаясь, как бы беспокойный, подвижный малыш не ушибся, на каждом шагу говорила ему: «Абайла! Абайла!» («Осторожнее! Будь внимателен!») Так он и получил второе имя – Абай, с которым вошел в мировую историю как непревзойденный поэт, эталон мудрости земли казахской.

Еще в январе того же года Кунанбай, словно предчувствуя рождение сына с необычным, поистине божьим даром, неожиданно обратился в Каркаралинский внешний окружной приказ с оригинальной просьбой. Суть ее раскрывает рапорт окружного приказа в Пограничное управление сибирскими киргизами: «Управитель Кучук-Тобуклинской волости старшина Кунанбай Ускенбаев в рапортах от 3 января сего года изъявил желание, что он желая к общему благу и пользе киргиз управляемой им волости, устроит училище для занятия учением в грамоте по-русски и азиатски детей и своих, просит приказа разрешение с прикомандированием к нему русского учителя, знающего и азиатский перевод. О чем Каркаралинский окружной приказ имеет честь донести на благоусмотрение Пограничного управления. Старший султан Таукин. 12 января 1845 г. Каркаралинск» (проставлены подписи и печати старшего султана и заседателей окружного приказа).

В Омске тотчас открыли «Дело о разрешении управителю

Кучук-Тобуклинской волости Кунанбаю Ускенбаеву на строительство школы», что свидетельствовало о несомненной поддержке гуманитарной инициативы благонадежного подданного. И уже 16 февраля 1845 года в окружной приказ пришло письмо от начальника Пограничного управления следующего содержания: «Считаю весьма полезным намерение волостного управителя старшины Кунанбая Ускенбаева открыть школу в своей волости, чтобы учить грамоте детей на русском и азиатском языках и давать уроки. Он пишет, что в его распоряжении нет человека, хорошо знающего и по-русски и по-азиатски, и что для этой цели он определенно не возьмет учителя от русских. Это стало известно в начале этого месяца от старшины Ускенбаева. Так пусть для обучения детей грамоте он сам найдет такого человека. А если не получится, пусть издаст распоряжение, чтобы кто-то из толмачей Кучук-Тобуклинской волости, свободный от работы, учил детей бесплатно».

После получения одобрения вышестоящего начальства Кунанбай приступил к формированию школы для детей, выделив для нее жилое строение на осеннем стане в местности Ескитам (Старый дом), которая была удобна для летних пастбищ, а также для выпаса скота осенью. Соответственно, школа могла действовать в летне-осенний период.

Первого муллу, которого Кунанбай взял учителем, звали Сармолда. Следующим учителем стал Габитхан Габдыназарулы. Оба знали арабский язык. Год за годом они учили грамоте детей из окрестных аулов, но основное внимание, конечно, уделяли сыновьям и внукам Кунанбая – Кудайберды, Танирберды, Абаю, Ыскаку, Оспану, Халиулле, Шакариму, детям братьев Кунанбая, например, в Ескитаме учился Ахметжан, сын Майбасара. Потомки родоправителя особенно выделяли учителя Габитхана, о котором тепло отзывались в воспоминаниях. До самой перекочевки на зимние стоянки мулла и дети жили в школе в Ескитаме.

Кунанбай видел школу, безусловно, мусульманской. Другой концепции у него не было, да и не могло быть. Его собственное исламское самообразование подошло к поворотному моменту, когда он поднялся в религиозных познаниях над основной массой сородичей, часто остававшихся на эмоциональном, интуитивном уровне восприятия ислама, но не на просвещенном, интеллектуальном. В обрядах и в быту им хватало привычной веры в Бога Тенгри и в аруахов – духов предков. А он уже ощущал потребность в определенной институционализации веры, и в этот момент

решающее влияние на него оказали учителя школы Ескитама.

И Сармолда, и Габитхан прошли, конечно, экзамен, учиненный им Кунанбаем. Но мырза быстро понял, что не экзаменовать надо подкованных в исламских знаниях учителей, а самому учиться у них. И стал проводить с муллами вечера в мудреных беседах. Всё интересовало Кунанбая: и основы веры, о которых он уже имел представление, и то, насколько глубоко они охватывают человеческие познания и убеждения. Интересовало его и то, как жили пророки, их посланнические миссии и те права, которыми они были наделены Аллахом. Мырза молча принял утверждение, что это были правдивые посланники, и потому не следует искать у них изъянов и допускать в их адрес замечания. Словом, он жадно интересовался всеми религиозными знаниями, основанными на откровениях Аллаха, ниспосланных пророкам. И сам при этом чувствовал себя похожим на пророка.

Создание школы в подчиненной ему волости еще больше укрепило высокое мнение руководства о Кунанбае. Подобные инициативы не только воспринимались как подтверждение лояльности и преданности российской власти, но и служили оправданием мессианских устремлений, с которыми русские люди всегда шли к соседним народам и присоединяли к империи новые земли – неважно, мирным или военным путем. Они несли с собой обновленный абсолютизм и высокое, как надеялись, просвещение. Поэтому открытие в степи местной аристократией школ, как и медицинских пунктов (до больниц было еще далеко), в первой половине XIX века имело политическое значение. Информация о каждом таком случае попадала в общероссийские газеты, а в степи распространялась традиционным устным способом, не менее надежным, чем телеграф.

Считается, что первую школу для казахских детей в 1841 году открыл в Букеевской орде хан Жангир (1801–1845), правнук хана Абулхаира. Царская власть высоко ценила его просветительские порывы (Жангир еще организовал вакцинацию против оспы), которые все же не компенсировали неумелого управления, приведшего в Младшем жузе в 1836—1838 годах к восстанию под водительством Исатая и Махамбета.

Так же благожелательно было поддержано начинание Кунанбая. Присутствовал ли карьерный расчет в проекте создания школы? Несомненно. Такой прагматичный чело-

век, как он, не мог не понимать возможных выгод: не зря ведь он обращался к властям за разрешением открыть школу. Однако это фактор второго порядка. Прежде всего он мыслил дать детям образование – то, чего был лишен сам.

Вообще, порой казалось, что он одержим заботой о детях, ибо никогда не забывал ни о своих отпрысках, ни о чадах других семейств рода. Легче всего объяснить эту страсть повышенной чувствительностью казахов к проблеме продолжения рода, как, впрочем, всех кочевников-скотоводов в экстремальных условиях жизни в степи. Отсюда – особенное отношение к мальчикам, которых выделяли среди детей как будущих кормильцев, хозяев семей, воинов, вождей.

Но Кунанбай никогда не отделял девочек от мальчиков, хотя даже в шежире не принято указывать женские имена – родословные у казахов выстраиваются по мужской линии, конечно, потому, что девочки должны были выйти замуж и уйти в семьи других родов. О его отношении к девочкам, женщинам в семье говорит пример с младшей сестрой Тайбалой, о которой Кунанбай заботился с юных лет. Не забывал о ней и тогда, когда она вышла замуж за Сулеймана из рода Токабай племени Найман. Прожили они недолго. Сулейман умер, оставив после себя единственного сына Аске, который вырос умным и уважаемым жигитом, прожил долгую жизнь, приумножив свой род. А Тайбала по обычаю не оставалась долго вдовой, ее выдали за брата умершего мужа Сакау (Мухамеджана).

Кунанбай скучал по Тайбале и однажды затребовал от токабаев по причине, имевшей законное обоснование, вместо нее малыша на воспитание. По версии Ахата, сына Шакарима, мырза выставил претензии по конкретному поводу. Вроде бы Сакау, не дождавшись от Тайбалы потомства, взял вторую жену, которая родила ему двоих детей. Обо всем этом вроде бы не известили родных Тайбалы. И когда Кунанбай навестил ее, оказавшись по случаю на землях найманов, возмущению его не было предела: разве можно брать токал (младшую жену) без согласия родственников старшей жены?

Он тотчас известил родовых биев найманов о непозволительном нарушении обычая. Те призадумались. Согласились уплатить штраф.

– Мне скот не нужен, – заявил Кунанбай. – Если что-то возьму, то одного из детей Сакау на воспитание.

– Как же так, дадим ребенка, в народе скажут, что от-

дали в рабство, – рассуждали местные старейшины. – Но и огорчать уважаемого дальнего родственника никак нельзя.

Решили посоветоваться с Тайбалой, которую весьма почитали в роду Токабай.

– Он всегда стоит на своем, – сказала она биям. – Сам твердо держит слово, выполняет обещанное. Если его обидеть, повернется и уйдет навсегда. Поэтому надо отдать мальчика, если хотите сохранить отношения.

Так у Кунанбая появился еще один воспитанник по имени Шибай, которому в новой семье дали имя Ызгутты, что в переводе на русский язык означает «благословен твой приход». Мырза растил его как собственного сына, привязался к нему и очень полюбил. Повзрослев, Ызгутты Кунанбаев (1835–1902) вел в его аулах финансовые и имущественные дела, а позже сопровождал приемного отца в хадж в Мекку.

14 июня 1846 года Кунанбай Ускенбаев был произведен в чин хорунжего. Это первое офицерское звание, которое полагалось волостному управителю, проявившему усердие по службе. Одновременно с приказом о присвоении воинского звания он получил предписание немедленно прибыть в сопровождении своих вооруженных людей в Аягуз для участия в числе других предводителей казахского общества в мероприятиях, организованных пограничным начальником Области сибирских киргизов генерал-майором Вишневским. Звание хорунжего обязывало – отказ от участия в этом походе был недопустим.

Информацию о цели экспедиции Вишневского в казахскую степь можно для начала почерпнуть из дневниковых записей Адольфа Янушкевича: «В ожидании пограничного начальника, с которым мы поедем к границам Большой орды для заключения политических соглашений, а может, и дальше – для изгнания из ее владений султана Кенесары, играющего по меньшей мере роль нового Югурты*, мы тем временем проводим наши дни в самом настоящем римском *far niente***» (31 мая 1846 года). Немного позже: «Ныне в результате последнего посольства правительство, склоняясь, наконец, к всеобщему желанию уйсунов, дало приказ пограничному начальнику поехать на конгресс при Аксу, принять в подданство весь край, обещая создать в нем ад-

---

* *Югурта* (160–104 до н.э.) – царь Нумидии с 117 года до н.э.; вел войну с римлянами.

** Far niente (*исп.*) – безделье.

министрацию наподобие Средней орды... На днях мы ожидаем сюда генерала Вишневского, в эскорте которого мы промаршируем на этот конгресс» (7 июня 1846 года).

Тень мятежного хана Кене продолжала витать над степью. Ранее, стремясь вытеснить войско Кенесары из пределов Младшего и Среднего жузов, русские отряды возвели укрепления Иргиз и Тургай. Это вынудило хана Кене откочевать в Семиречье. Однако в середине апреля 1846 года ряд влиятельных лиц Старшего жуза обратились к генерал-губернатору Западной Сибири, командиру отдельного Сибирского корпуса Петру Дмитриевичу Горчакову с просьбой о принятии их в российское подданство. Это был чувствительный удар по Кенесары, поскольку среди просителей были прямые его родственники по линии хана Абылая, на поддержку которых он рассчитывал. Янушкевич, как и все вокруг, был осведомлен о его устремлениях и весьма скептически оценивал положение хана Кене: «В марте, в то самое время, когда посольство уйсунов находилось в Омске и договаривалось о своей будущей судьбе, наш псевдо-Абд-эль-Кадер* – султан Кенесары, измученный многолетним бродяжничеством по голодным окраинам Малой и Средней орды и еще более голодным пескам Кара-Кумов и Бетпак-Далы, постоянно преследуемый отрядами войск, направленных против него с оренбургской и сибирской линий, окончательно утратив надежду получить в вечную, как он того домогался, собственность Алатауские горы, переправился с вооруженным отрядом своих единомышленников по льду через Или и, ворвавшись в Семиречье, разослал прокламацию, призывающую уйсунов отказаться от сношений с Россией и признать его ханом» (7 июня 1846 года).

И теперь Пограничное управление сибирскими киргизами решило провести в долине реки Лепсы большое мероприятие, названное важно Лепсинским конгрессом, на которое был вызван и Кунанбай. О подготовке к конгрессу узнаем опять от Янушкевича: «Мы, основываясь на давнишнем и разумном изречении "*si vis pacem, para bellum*"**, стягиваем казаков с кокбектынских, аягузских и каркаралинских пикетов, готовим конную артиллерию, табуны коней, верблюдов, юрты, живность, вызываем из этих трех округов старших султанов, чтобы они с вооруженными от-

* *Абд аль-Кадир* (1808–1883) – арабский эмир, борец за независимость Алжира, национальный герой, полководец, богослов-суфий, ученый, оратор и поэт.

** Si vis pacem, para bellum (*лат.*) – хочешь мира, готовься к войне.

рядами своих киргизов поспешили соединиться с нашим отрядом, который под личным руководством пограничного начальника пойдет на берега Лепсы. Став с этими силами на теперешней границе Российского государства, мы не только сможем показать киргизам во всем блеске его мощь, придать большой вес дипломатии во время конгресса; но даже импонировать самому Кенесары и, если потребуют того обстоятельства, вышвырнуть его за последнюю из семи рек» (10 июня 1846 года).

В Аягузе, по пути на конгресс, Янушкевич познакомился с Кунанбаем. Поляк очень живо описал обстановку – в этом он большой мастер: «Тихий, скромный Аягуз, дождавшись такого знаменитого гостя, каким является начальник Средней орды киргизов, сейчас весь в необычайном движении и выглядит, как новобрачная в день свадьбы... Здесь сановники, гражданские и военные разных родов оружия, не знающие целый год тисков узких мундиров, – в новенькой, с иголочки, форме, с застежками, сверкающими на солнце, в незахватанных шапках или блестящих касках, парадируют по крепостной площади; там – киргизская аристократия, разряженная в самые богатые халаты или манлыки с золотыми или серебряными драконами, в чамбарах, вышитых кармазиновым шелком разнообразным орнаментом, цветами и зигзагами, в остроконечных, подобных сахарной голове шапках, важными шагами прохаживается среди массы народа, сидящего на земле, возле групп лошадей, равнодушно глядящего на всю эту толпу, на эту пышность» (11 июня 1846 года).

Здесь, в Аягузе, видимо по случаю, ввиду присутствия всех заинтересованных сторон, состоялось завершение упомянутого выше дела относительно земель, занятых сартами на территории родов Тобыкты, Сыбан и Уак. Кунанбай был в этом деле одним из главных биев, а Янушкевич находился в числе организаторов заседания. Он и поведал подробности: «Тем временем квартира наша все еще как в осаде, а внутри тесно, как на лондонском рауте. В течение двух последних дней у нас совершенно не было ни минуты покоя, потому что по приказу пограничного начальника суд биев, этот импровизированный степной ареопаг, в присутствии Виктора разбирал важное дело между ташкентцами и бухарцами, с одной стороны, и киргизами, с другой стороны. Несколько ташкентцев и бухарцев (*vulgo** на-

* Vulgo (*лат.*) – в просторечии.

зываемых у киргизов сартами), поселившихся для торговли более сорока лет тому назад в Семипалатинске, пасли в киргизских степях небольшие табуны своих коней и верблюдов, составляющих караваны. А так как степь большая и широкая, как океан, то киргизы, не жалея травы, "которую Аллах каждый год сеет", не запрещали этих пастбищ своим единоверцам. Но когда в более поздние времена эти пришельцы, увеличившиеся до нескольких сотен, покрыли своими табунами значительное пространство степи и не только стеснили киргизские кочевки, особенно зимние, что очень важно, но еще и по праву «давности лет» присвоили себе урочища Аркат и Альджан, занимающие около 60 кв. верст, действительные владельцы этих последних, справедливо разгневанные на жадность ворвавшихся, начали ставить преграды, так что не раз доходило меж ними до кровавых стычек» (11 июня 1846 года).

Многолетний спор, неоднократно привлекавший внимание областного начальства, был окончательно разрешен после двухдневных разбирательств и множества речей биев, среди которых выделялся Кунанбай.

Янушкевич письменно зафиксировал в своем ироническом стиле устное решение суда биев:

«1. Народ сартов с сегодняшнего дня и до скончания веков имеет свободное и безоговорочное право кочевать летом и зимой со своими стадами в урочищах Аркат и Альджан.

2. За это право народ сартов обязуется до скончания веков ежегодно выплачивать киргизскому народу Средней орды дань, складывающуюся из ста бухарских даб, которые при посредничестве ел билеуши будут розданы между джатаками Кучук-Тобыктинской и Джанбубек-Сиванской волостей, кочующих на упомянутых землях с незапамятных времен.

3. Мир, согласие и добрая гармония будут длиться во веки веков между двумя народами.

Кратко и коряво».

Общение с предводителями казахских родов позволило Янушкевичу выделить для себя объекты особого интереса: «Это ташкентско-бухарско-киргизское дело дало мне возможность узнать двух мужей, имеющих большое значение среди своих соплеменников, которые как две звезды первой величины светят всем племенам степи». Поляк имел в виду Кунанбая и султана Барака, образы которых живописал в дневнике яркими красками: «Белая кость (султаны)

рядом с Бараком кажется скорее серой, чем белой, а все баи (богачи) недостойны развязать ремешок на обуви Кунанбая».

Янушкевич не зря ставил эти фигуры рядом. Оба героя, возглавляя большие соседствующие роды Тобыкты и Сыбан двух племен – Аргын и Найман Среднего жуза, хорошо знали друг друга, достаточно плодотворно общались, обсуждали при встрече проблемы и пути их решения. Они определенно оказывали влияние друг на друга, во всяком случае, мнение Барака оказалось позже решающим в резонансном деле Кодара, решение по которому принимал лично Кунанбай.

Султан Барак (1811–1862), правивший родом Сыбан племени Найман, по должности старший султан Аягузского округа, заслужил у поляка не меньше восторженных эпитетов, нежели Кунанбай: «Барак – потомок ханов, ведущий свой род от Чингисхана. Он еще в цвете лет, это человек величественной осанки, с благородными чертами лица и необычайной силы. Щедрая природа наделила этого степного Геркулеса рядом с выдающимися умственными способностями и сильным характером, и неустрашимым мужеством. Он был воспитан в рыцарских обычаях, как сын барона феодальной эпохи: никто метче его не стрелял из лука, никто быстрее его не укрощал дикого жеребца, не поднимал огромнее камня... Нынче в связи с изменением обстоятельств в стране он припрятал свои громы и молнии, почивает на лаврах. С беркутом на руке гоняется за волком, лисой или стадом летучих сайг, но достаточно взглянуть на него, чтобы убедиться, что чингисханская кровь не заснула в его жилах, а скромной власти ел билеуши и даже расшитого золотом пунцового халата далеко не достаточно, чтобы удовлетворить гордость батыра найманов».

И все же к Кунанбаю у Янушкевича сложилось особое отношение, конечно, благодаря тому, что им довелось в то лето провести вместе много времени. Но странным образом получилось так, что, восторгаясь физической силой и своеобразным аристократизмом чингизида Барака, поляк гораздо меньше внимания уделял бросающейся в глаза решительности Кунанбая, твердости и силе его характера. А говорил о нем в основном как о гармоничной, интеллектуально и духовно развитой личности, обладающей несомненными качествами лидера и задатками правителя:

«Немногим старше султана Барака бий Кунанбай, это тоже большая знаменитость в степи. Сын простого киргиза,

одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые. Облеченный доверием сильного рода Тобыкты, избранный на должность волостного управителя, исполняет ее с редкостным умением и энергией, а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головой» (11 июня 1846 года).

Что касается малопочтенного слова «плебей», Янушкевич, очевидно, хотел подчеркнуть «простое», несултанское происхождение родоправителя. В Казахском ханстве, как и во всех государствах распавшейся Золотой Орды сохранялась традиция престолонаследия по линии чингизидов. Кунанбай не был султаном, и при ханской власти путь наверх ему был заказан. Зато теперь он имел перспективы, и Янушкевич прекрасно это понимал.

Интересно, что в советское время позитивное мнение российско-польского чиновника не могло быть принято. Поэтому появлялись такие комментарии к его текстам: «Подобные рассуждения о Кунанбае как защитнике народа, народном трибуне, основанные лишь на собственных высказываниях Кунанбая о своей особе и представляющие типичное самовосхваление спесивого феодала, не могут быть приняты, ибо Янушкевич, находясь в ауле Кунанбая проездом, не имел возможности воспринимать увиденное во всей его действительной полноте и сложности» (Л. М. Ауэзова, 1969).

Фактические основания этого заключения неточны. Янушкевич общался с Кунанбаем почти каждый день с первой встречи в Аягузе 10 июня 1846 года, потом по пути на Лепсы и в ходе конгресса, затем очень обстоятельно – во время проведения переписи населения и пересчета скота в роду Тобыкты с 6 по 19 августа. Можно смело сказать, что встречались они довольно часто и не только «в ауле Кунанбая проездом». Причем происходили встречи не обязательно тет-а-тет, а в присутствии других людей, которые выражали почтение Кунанбаю без какого-либо принуждения. И попробовал бы «спесивый феодал» заниматься самовосхвалением, принимая посетителей или выступая на суде биев в присутствии султанов, старшин, других уважаемых особ!

Вмиг лишился бы статуса бия, да и в волостных вряд ли долго продержался.

Янушкевич, неплохо понимавший к тому времени казахский язык, внимательно вслушивался в речи родоправителя, записывал заинтересовавшую его информацию, задавал вопросы, получал обстоятельные ответы, которые воспроизводил в дневнике. Причем расспрашивал не только о быте казахов или о тонкостях скотоводческого ремесла, хотя об этом тоже было интересно послушать хорошего хозяйственника. Поляк живо интересовался казахской историей, Чингисханом, Золотой ордой. Мечтал найти в казахских степях легендарную столицу Монгольской империи Каракорум, о которой вычитал в книге монаха-минорита Гильома Рубрука, побывавшего в Каракоруме в 1254 году.

Превосходный знаток национальной истории, Кунанбай, в сущности, не столько излагал поляку легенды о Чингистау, о государствах древности в степи или о происхождении ханов, батыров, родов и племен, сколько читал самые настоящие лекции по этногенезу казахского народа. Причем строил их на достоверной историографической базе, столетиями бережно хранимой в преданиях фактически без искажений такими же, как он, носителями и трансляторами исторических знаний. К изумлению собеседника, он свободно и самобытно мыслил о пороках и добродетелях человеческих, о воспитании детей, о вере, рождении и смерти, органично погружаясь в философские суждения. Это всегда было свойственно казахской душе, поэтичной в онтическом мире и метафизически цельной в космическом пространстве степи, о чем уже имел представление Янушкевич, встречая ее проявления в самых разных формах, например, в потрясшем его искусстве акынов. Там же, в Аягузе, где он познакомился с Кунанбаем, ему довелось стать свидетелем айтыса – поэтического состязания акынов, поэтов-импровизаторов и одновременно певцов, подыгрывающих себе на домре.

Случился айтыс 12 июня 1846 года на празднестве, посвященном избранию старшего султана Аягузского внешнего окружного приказа, которым стал упоминавшийся выше во фрагменте дневника Янушкевича султан Болен Шанхаев. Сначала один из акынов спел импровизацию в честь присутствовавшего джендерала*, пожелав ему успе-

* Джендерал – искаж. «генерал»; так казахи именовали начальника Пограничной комиссии.

хов в борьбе против мятежников. «После этого комплимента, мастерски связанного со злободневностью, – писал Янушкевич, – молодой Орынбай (имя нашего уленши*) выступил с прославлением старшего султана Буленя, каркаралинского оратора Кунанбая и поочередно отдал дань своего преклонения перед каждым из знаменитых членов собрания».

Но больше всего похвал от акына досталось султану Бараку, который «сорвался со своего места, сбросил халат и, метнув им в поэта, сказал:

– Должен тебе верблюда и скакуна!

Подражая щедрости Барака, только в меньшем размере, каждый в меру похвал и кадила, кто только получил их, желая не желая, но должен был воздать ему. В мгновение ока деньги, халаты и кони (эти последние, разумеется, в посулах) посыпались со всех сторон на голову поэта вместо лавров, а громогласные возгласы удовлетворения потрясли шаткие стены нашего здания».

В соревнование вступил второй акын. Комментарий Янушкевича: «Началась борьба. Немая тишина вновь объяла юрту. Как на Олимпийских играх, два поэта боролись друг с другом. Едва один выстрелит строфой, другой немедля отстреливается; первый смело нападал, второй мастерски защищался; страсть у обоих все возрастала и разжигала острую борьбу. Это была захватывающая картина».

Были в восторге все, в том числе Янушкевич, которому не всегда было понятно содержание речей акынов: «Дальнейшая импровизация осталась для меня темной, как ночь, аллегорией и, к несчастью, лилась так быстро, такой безумной рекой, что никто не мог зачерпнуть из нее ни капельки».

Для поляка важны были смыслы, которые воспринимала открытая песне душа: «На этом закончилась их борьба. И все это ведь, думал я, слышу я своими ушами в степи, среди народа, который мир считает диким и варварским! Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда и не слышали о Демосфене и Цицероне; а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами, ибо песни их так много говорят моей душе и сердцу. И это дикие варвары? И это

* Уленши – искаж. «оленши» – певец.

народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого иного будущего?! О нет! Воистину! Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские степи, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз».

Глава одиннадцатая

СТЕПЬ И КОНГРЕСС

В середине июня 1846 года экспедиция генерал-майора Николая Францевича Вишневского, пограничного начальника в Области сибирских киргизов, была готова выступить из Аягуза на Лепсы. В своем дневнике Янушкевич живописно представляет сборы, предшествовавшие выезду большого русского чиновника в степь. Грунт гудит под копытами коней многочисленных биев, аульных старшин и простых казахов, прибывающих ежедневно из отдаленных урочищ. В близкой долине резвятся несколько сотен лошадей из наймановских табун, которых скоро оседлают. Рядом с этими еще не укрощенными скакунами тихо пасутся жирные бараны, «предназначенные для угощения за счет правительства большого количества гостей во время байги, происходящей ежегодно во время пребывания пограничного начальника в столице округа». Под вьюки и провиант экспедиции пригнали верблюдов. Тут же отряд казаков и артиллерия, готовые к походу. Эта жанровая картина Янушкевича находит свое лирическое завершение: «А над всем этим – яркое солнце и сорокаградусная жара! Но воздух так чист, так легок, так здоров, что я вдыхаю его с настоящим наслаждением».

13 июня сообщество тронулось в путь. В авангарде – проводники из местных казахов, казачья сотня, одно орудие и, как писал Янушкевич, «кокбектинские киргизы под руководством Кийсык-Тана, часть, вооруженная винтовками, айбалтами и луками». За ними – генерал в сопровождении офицеров и знатных казахов, среди которых и Кунанбай. Позади группами шли остальные участники экспедиции. В арьергарде – обоз.

Вишневский в пути подолгу разговаривал с Кунанбаем о самом разном. Генерала увлекал рассудительный, глубо-

комысленный стиль речи тобыктинского управителя. И он не только обращался к нему за советом в политических делах родового сообщества, в чем Кунанбай разбирался несомненно, хотя отвечал неспешно, тщательно обдумывая мысль, опасаясь, видимо, дать неточную справку или рекомендацию. Генералу, ценившему в себе и в людях взвешенность в суждениях, это только нравилось. Но еще Вишневский задавал вопросы по истории родов этого края и генеалогии правителей. А потом неожиданно переходил на обсуждение насущных хозяйственных вопросов, вплоть до бытовых тем. Кунанбай и здесь не задерживался с ответом.

Во всяком случае, боевой генерал явно отдавал предпочтение общению с мудрым и вдумчивым носителем энциклопедических знаний, каковым предстал Кунанбай, нежели с таким горячим и ярким богатырем, как султан Барак.

Бросается в глаза определенная эволюция, произошедшая в облике Кунанбая, в его личности как лидера, вождя. Она стала особенно заметной именно в этом походе. Безусловно, он оставался воином, прирожденным защитником семьи, рода, Отечества. Однако трансформация жизни требовала иных способностей от правителя. Защита рода в складывающихся обстоятельствах, когда доминация российского присутствия в степи грозила стать абсолютной, зависела не только от боевых качеств главы рода, но и от степени его влияния в определенных кругах русской власти. А здесь нужно было включать совершенно иные умения, нежели те, которые с удовольствием демонстрировал султан Барак. Вот почему и в глазах Янушкевича Кунанбай представал интеллектуалом и мыслителем, хотя все сородичи помнили его как могучего предводителя и батыра, яростного в бою, неуступчивого на переговорах, решительного и безошибочного в принятии решений. Но здесь, в экспедиции генерала, он выглядел значительно скромнее, как воин, возможно, сдерживая боевые порывы. Зато выделялся мудростью, здравомыслием, познаниями.

После нескольких дней пути под палящим солнцем мимо озера Алаколь путники приблизились к предгорьям Алатау. Янушкевич вспоминает, что дорога стала сложнее, подъем в горы давался с трудом, пришлось переправляться и через реки, пока наконец не достигли Лепсы «в тополином венке и первые яблони в цвету...». Генерал поинтересовался у Кунанбая, как ему нравится вид Алатау. Последовал ответ: «Великий Боже! Как ты устроил! На горе люди

умирают от мороза, внизу сохнут от жары!» Поляк здесь приводит и другое мнение Кунанбая о горах Алатау, высказанное генералу: «Все красиво, все есть, что нужно для коня и скота, но к чему все это, когда оно чужое и так много змей?» (18 июня 1846 года).

В последнем суждении – мысли человека степи, не всегда понятные генералу, но сильно интересовавшие его своей метафоричностью, которую он всякий раз пытался разгадать. Иногда Вишневский обращался за помощью к Янушкевичу, и тот пояснял, о чем говорит под палящим солнцем один из лучших златоустов степи.

Путники спустились в долину Ойжайляу, владения султана Болена Шанхаева, и разбили лагерь. Здесь уместно вспомнить слова потрясения и восхищения, содержащиеся в записках Янушкевича, посвященных описанию этой долины. Красноречива авторская фигура речи, когда он, не найдя слов для передачи впечатлений от наблюдаемой им несравненной природной красоты, признается, что «если бы даже я пешком пришел сюда из Омска, и тогда я не пожалел бы о затраченном труде». Воскликнув, что нет ни одного короля в мире, который живет в такой романтической стороне, Янушкевич дает панорамную картину окружающего его великолепия гор, лесов и долин: «Над нами горы, покрытые пихтой, березой, тополями; в ущельях яблони, джигида, иргай, разные кусты с ягодами. По-над этими горами – более высокие с хвойным лесом, а над ними возвышаются еще одни, в облаках, где царит вечная зима. Перед нами Лепса, журчащая по камням несколькими руслами. Всюду трава по колено. Кони, верблюды, коровы на холмах. Рай земной: ах, почему я не могу больше о нем писать!»

Формальная цель экспедиции Вишневского заключалась в проведении переписи населения родов, принявших российское подданство, и пересчете скота. Именно этим занималась комиссия Виктора Ивашкевича, выехавшая в степь гораздо раньше пограничного начальника. Однако все в экспедиции, да и вне ее, понимали, что сегодня главная задача – изгнать из Старшего жуза Кенесары (если получится). Но сил-то у экспедиции значительно меньше, чем у мятежников, даже если учесть возможности артиллерии, судя по донесениям о положении восставших. А значит, нужно договариваться с родами Старшего жуза. Вот почему понадобилось проведение Лепсинского конгресса.

В предстоящем мероприятии генерал-майор Вишневский особенно рассчитывал на двух наиболее авторитет-

ных, по мнению многих, фигур Среднего жуза – Кунанбая Ускенбаева и султана Барака, старшего султана Аягузского округа, учрежденного еще в 1831 году на стыке Среднего и Старшего жузов. Именно они в первую очередь могли повлиять на решение колеблющихся в своем выборе глав родов Старшего жуза. А решение необходимо вынести по двум вопросам: о неподчинении Кенесары и о принятии всем вместе подданства России. И Кунанбай, и Барак отлично осознали свою роль еще тогда, когда им предложили, точнее, когда от них настоятельно потребовали принять участие в экспедиции. Поэтому они не обольщались насчет того, кто будет получать награды от генерала.

Вишневский знал через лояльных биев Старшего жуза, что Кенесары испытывал трудности в обеспечении продовольствием аулов, следовавших за ним. Нужны большие пастбища для выпаса скота, а он вынужден был кочевать в низовьях Или, до западных берегов Балхаша, скудных на кормовые травы. Кенесары пытался договориться с местными султанами, но уже столкнулся с их противодействием. Среди них выделялись влиятельные султаны Сюк Абылаев (Суюк Аблайханов) и Али Адилов (тоже потомок хана Абылая), которые неоднократно выражали готовность оказывать услуги империи. Вот им и предполагалось воздать почести на мероприятии.

Считается, что Лепсинский конгресс, который казахи именовали на свой лад курылтаем*, открылся 23 июня 1846 года и длился две недели. Может показаться, что «конгрессмены» просто проводили дни в приятных беседах и отдыхе. «Жизнь, которую мы тут ведем: юрта, отдаленность от населенных мест – все это как-то сближает людей, все рады бывать друг с другом, хотя бы для того, чтобы поговорить о красоте окружающей нас природы», – писал Янушкевич.

Действительно, Вишневский принимал местных султанов и биев не каждый день. Иногда просто дожидался известий о Кенесары. Собирал их и Янушкевич: «Ночью беседовал с Бараком; он рассказывал, что Кенесары обо всем знает, что ушел якобы в горы и до него восемь дней пути, а силы его увеличились» (26 июня). Или еще: «Мулла Сюка, старец, башкирский беглец, утверждает, что Кенесары собрал до 17 тысяч и ему ничего с таким отрядом не сделаешь, тем более что он находится в очень гористой местности» (29 июня).

---

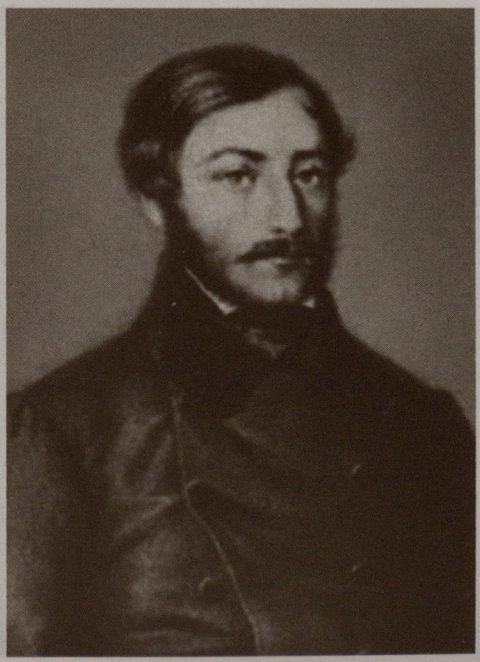
* Курылтай – всенародный съезд казахской знати для решения важных вопросов.

Портрет Кунанбая Ускенбаева. *Художник Н. Утепбаев. 2018 г.*

Родина Кунанбая — Чингистау. *Кадр из кинофильма «Кунанбай»*

Казахский аул. *Рисунок из журнала «Всемирная иллюстрация». 1875 г.*

М. М. Сперанский, выдающийся чиновник и юрист Российской империи, сибирский генерал-губернатор, автор и вдохновитель «Устава о сибирских киргизах» 1822 года. *Художник А. Г. Варнек. 1824 г.*



Ссыльный поляк Адольф Янушкевич, работавший в Пограничном управлении и создавший в своем дневнике яркий образ Кунанбая

Каркаралинская мечеть, возведенная Кунанбаем

Внутреннее убранство мечети

Допрос Кунанбая царскими следователями. *Кадр из кинофильма «Кунанбай»*

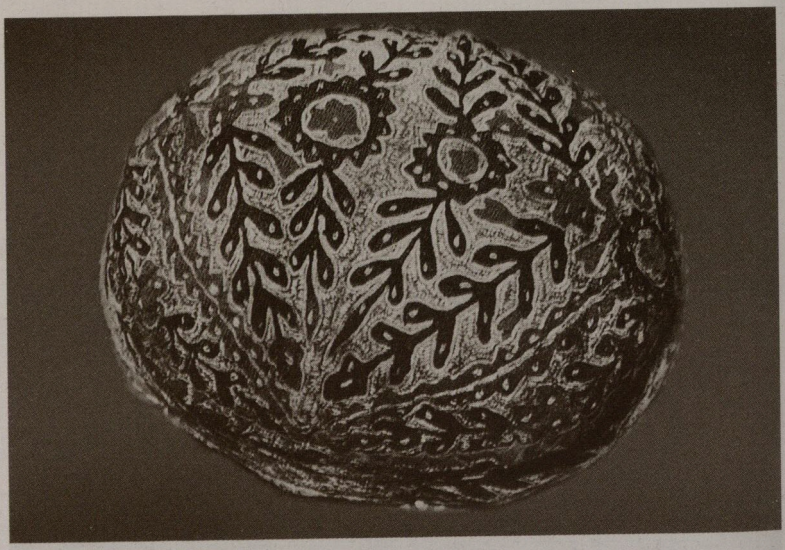
А. О. Дюгамель, генерал-губернатор Западной Сибири в 1861—1866 годах. Способствовал освобождению Кунанбая из ссылки

Чингис Валиханов, старший султан Кокшетауского округа, оказавший поддержку ссыльному Кунанбаю

Сын Чингиса — выдающийся ученый и просветитель Чокан Валиханов

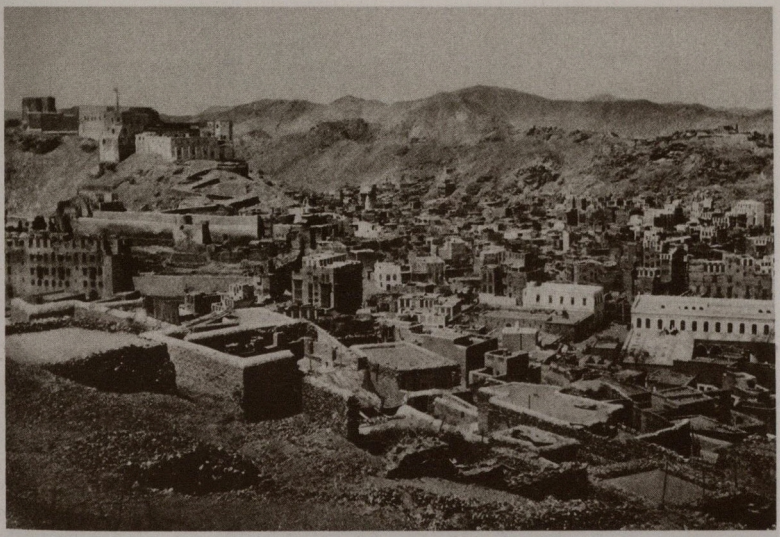
Мечеть Тинибая в городе Семей

Двухминаретная мечеть в Семее



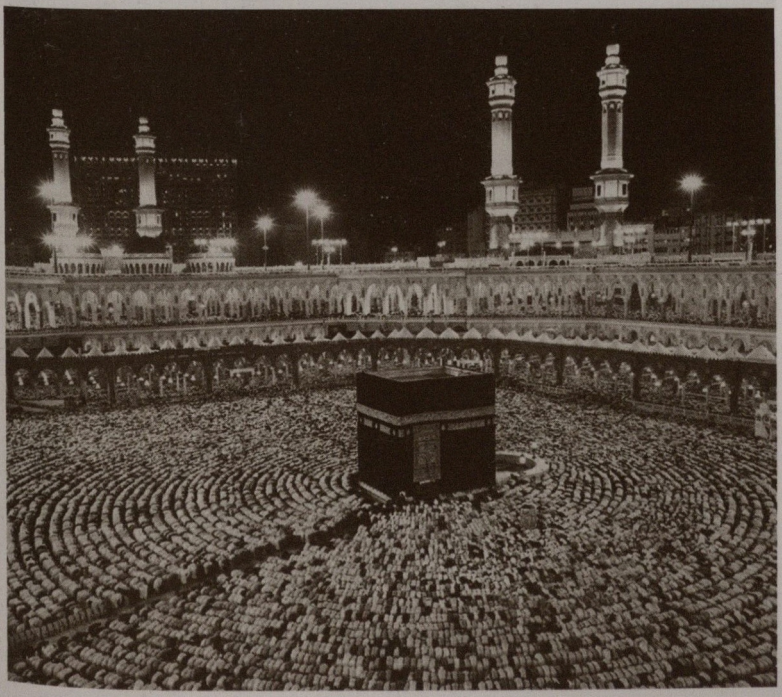
Шапка Кунанбая, сохраненная его потомками

Казахские султаны и русские чиновники. *1870-е гг.*

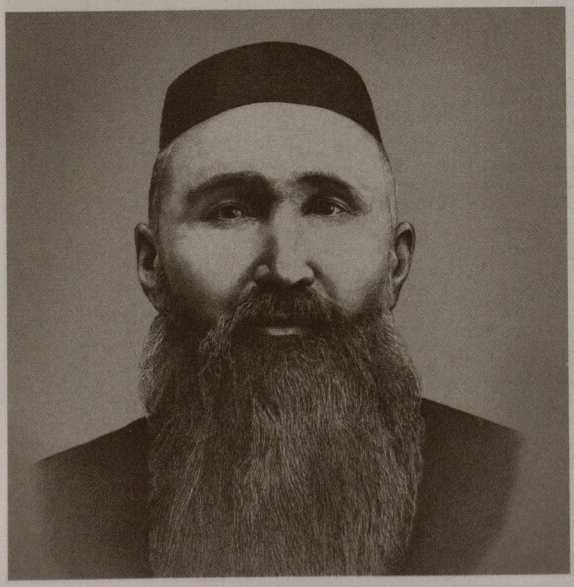


Мекка во времена паломничества Кунанбая

Священная Кааба, которую Кунанбай посетил в 1875 году



Сын Кунанбая
Абай



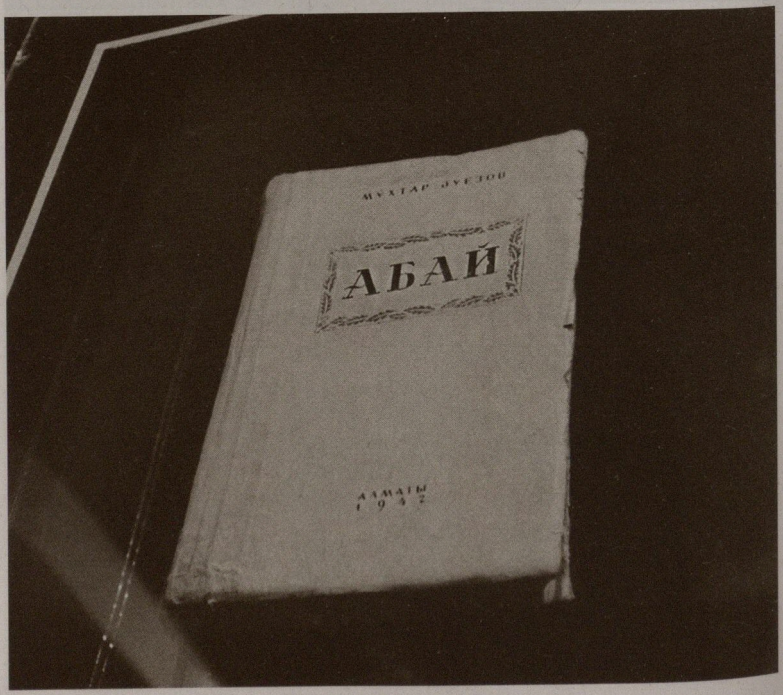
Племянник
Кунанбая
Шакарим
Кудайбердиев

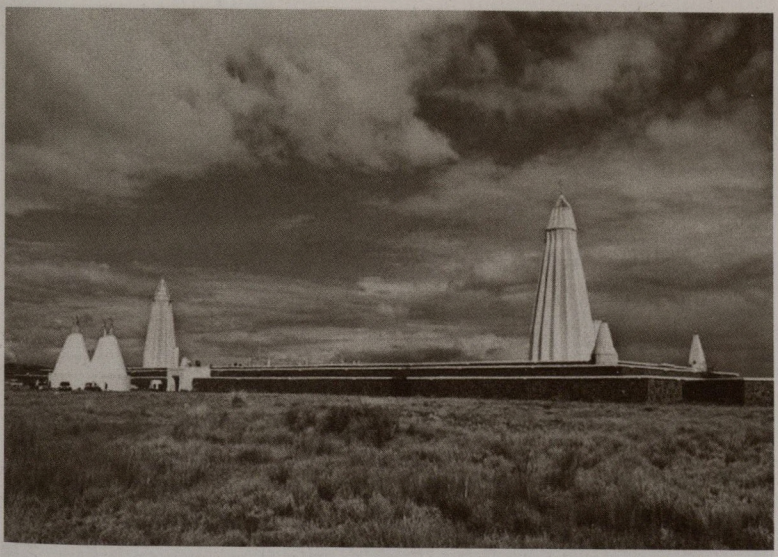
Некрополь в Акшокы — место захоронения Кунанбая

«Колодец Кунанбая» в урочище Жидебай

Мухтар Ауэзов

Первое издание
первой части
романа-эпопеи
«Путь Абая»
на казахском языке.
1942 г.





Мемориал Абая и Шакарима в Жидебае

Памятник Кунанбаю и Абаю в Каркаралинске, открытый в 2019 году

В фильме «Кунанбай» (*2015 г.*), ставшем заметным явлением казахстанского кино, главную роль исполнил актер и режиссер Досхан Жолжаксынов

Мать Кунанбая Зере на свадьбе сына. *Кадр из кинофильма «Кунанбай»*

Казнь Кодара и Камки за прелюбодеяние по приказу Кунанбая. *Кадр из кинофильма «Кунанбай»*

Совет старейшин рода Тобыкты. *Кадр из кинофильма «Кунанбай»*

Памятник Кунанбаю в селе Караул. *Скульптор Н. Калиев*

Однако на самом деле переговоры с местной знатью проходили напряженно. В них участвовал Кунанбай, но он старался не быть фигурой первого плана. Вступал в разговор только тогда, когда обращались непосредственно к нему.

Генерал Вишневский показал себя хорошим дипломатом, осторожным политиком. И только 3 июля на курылтае состоялась основная запланированная церемония, согласия на участие в которой Вишневский добился от всех основных фигурантов конгресса. Янушкевич писал: «Прибыло 800 конных киргизов Средней орды и около 150 – Большой орды. Их посадили друг против друга, а посредине на ковре муллу. Наконец приехал Виктор с Али, человеком лет 60, но еще достаточно крепким. Потом приветствия генералу. В соответствующем месте беседы генерал покинул собрание. После совершения молитвы (которую прервал Кунанбай, а за ним наши, поскольку не было упоминания о Средней орде) киргизы Большой орды присягнули на верность России. Когда генерал приказал прочитать патент на военное звание для Али и надел ему медаль, загремели трубы и было произведено шесть выстрелов из орудия. Генерал поздравил киргизов с присоединением к России и пожелал жить между собой в дружбе, составляя единый народ. После этой церемонии генерал увел к себе Али, с которым беседовал 2 часа, а весь народ разошелся по своим наметам и ближайшим юртам. Такой пестроты и разнообразия одежд и шапок я еще никогда не видел».

В тот же день персонами Старшего жуза был подписан заготовленный еще до открытия конгресса, и в итоге датированный десятидневной давностью, соответствующий документ, сохранившийся в архивах Пограничного управления сибирских киргизов. Вот его содержание: «1846 года июня 23 дня, мы нижепоименованные султаны и бии Большой орды родов: дулатовского, абдановского, сивановского, чапрашевского и джалаирского, приложили свои печати и тамги в том, что по единодушном совещании нашем обще с старшими султанами Каркаралинского, Аягузского и Кокбектинского округов, в присутствии состоящего в должности пограничного начальника сибирских киргизов г. генерал-майора и Кавалера Вишневского мы положили с непоколебимой твердостию: мятежного султана Кенесару Касымова и его приверженцев, пришедших на наши места, как нарушителя общественного спокойствия, считать врагом нашим, не иметь с ним никаких сношений, и, чтобы

как он, Кенесара, так и его приверженцы, не находились на занимаемых нами местах; если же теперь, а равно и по удалении его от нас, заметим или услышим о враждебном его предприятии против киргиз Средней орды и особенно близлежащих округов, то обязуемся тотчас извещать их для предупреждения злодейских покушений мятежника».

Из этого документа можно понять, каким большим авторитетом как среди казахов, так и у российской администрации пользовался Кунанбай. Конкретно о нем не говорится, но его присутствие, всего лишь волостного управителя, среди таких чинов, как старшие султаны округов, султаны и бии известных родов, при решении важнейших вопросов, определявших судьбу не только Старшего жуза, но и всего казахского народа, свидетельствует о весомости его слова и, конечно, обозначает перспективы должностного роста. Он, как мечтал в юности, стал личностью, способной на великие свершения ради народа.

4 июля Янушкевич записал, что в этот день было заключено соглашение между казахами Старшего и Среднего жузов, «чтобы жили между собой в мире и согласии». Записал он и речь на большом совете султана Али Адилова, выразившего общее приподнятое, несколько возбужденное, состояние «конгрессменов»: «Мы происходим от Аблая, и Кенесары родился от одной из его жен и является нашим кровным, но нам хорошо известен его характер; это голодный волк, который и сейчас, если бы пришел к нам, ограбил сто аулов. Можем ли мы его любить и держаться с ним вместе? Нет! Ручаюсь за себя и за свой народ, что мы с ним не соединимся. Но в то же время никто из нас не поднимет на него руку. Аллах отверг его. Он, бродяга, и так наказан и найдет в конце концов человека, который убьет его. Но мы, что нам до него?! Вчера мы присягнули на верность, и эту присягу мы не считаем шуткой. Однако, что она означает? То, что мы обязались быть верными России, но не сражаться со своим кровным родственником. Царь дает мне власть над моим народом или над Кенесары? Я отвечаю только за своих, а не за него».

О чем этот монолог? Да о том, что султаны Старшего жуза, так же, как до этого Кунанбай (как и другие управители Среднего жуза), присягая на верность империи, что считалось многими неизбежной мерой, и отказываясь от общения с Кенесары, тем не менее были уверены, что не имеют права поднимать руку на последнего казахского хана. Это было делом чести не только единокровных султанов, но и

таких вышедших из народа лидеров, как Кунанбай. Старинная казахская поговорка гласит: хана может убить только хан. А такого для Кенесары уже не было.

Вывод Янушкевича: «Одним словом, пришли к тому, что помощи против Кенесары они не обещают, но поручились, что с ним не соединятся, а он, увидев это, должен будет уйти от них. Стало быть, мир, и вся наша экспедиция окончилась без кровопролития».

Заключительное действо состоялось 5 июля. Вишневскому было важно завершить экспедицию торжественными мероприятиями, чтобы утвердить успех российской власти в представлении всего казахского общества.

Утром был парад – точнее, как писал Янушкевич, смотр киргизского войска. Заметив, что задолго до его начала недалеко от юрты генерала занял свое место «бий, наш баши, вооруженный с головы до ног, со своим знаменем, который все время держал в вытянутой руке палаш, и на замечания со стороны о преждевременности его вахты отвечал:"Умру, а не сойду"». Далее Янушкевич переходит к довольно подробному описанию парадного действа: «Наконец, когда все собрались, вышел генерал, и перед ним прошли боевые порядки каждой волости под предводительством своих султанов. Их приветствовали трубы. После короткой речи генерала и краткой клятвы в готовности к бою с их стороны на площадь влетело несколько сот всадников, ими командовал одетый по-парадному султан Барак, который на закрытии маневров выстрелил из своей винтовки, извинившись перед генералом, так как у них такой обычай. Кунанбай сиял из-под зонтика. Сюк стоял при генерале. Когда генерал дал бию позолоченную табакерку, тот отблагодарил его молитвой за него и за царя».

Заметим в скобках, что советские литературные критики смело купировали цитаты, если была возможность обнаружить отрицательные черты личности Кунанбая. В одной из статей Ш. К. Сатпаевой сделано небольшое сокращение в приведенном отрывке: «Кунанбай сиял из-под зонтика, когда генерал дал бию позолоченную табакерку, тот отблагодарил его молитвой за него и за царя». Сюк (Суюк) выпал, и за царя как бы молился не он, а Кунанбай. Характерно положение Кунанбая: он просто стоял при параде, как уважаемый господин, на почетном месте, под зонтом. Улыбался, «сиял». Пользовался репутацией мудрого советника, расчетливого политика.

А султан Барак, как юнец, носился среди трехсот всад-

ников, явно вызывая симпатии Янушкевича: «Это дикое войско возглавлял известный киргизский батыр султан Барак, муж, своей фигурой и лицом напоминающий старых гетманов Запорожья. С его жилистой шеи никто не сумел бы снести головы! Цельный, словно вытесанный из гранита, он уже в 17 лет поднимал огромный камень, лежащий на могиле его предка, а сейчас, в 35 лет, одной рукой двигает пушку вместе с колесами».

Ближе к вечеру, после того как спала жара, состоялась байга*, которая традиционно входит у казахов в перечень праздничных акций. Тысячи казахов, по рассказу Янушкевича, заняли холмы, между которыми должны были пройти скачки. Знать восседала в юртах: «В главной юрте, выстланной коврами и живописными текеметами**, сидела кругом аристократия Средней и Большой орды. После молитвы, сотворенной 80-летним муллой, началось угощение».

Поляк для контраста описал, как угощался простой народ: «Из отдельной юрты, наполненной, право, почти доверху грудами конского и иного мяса, двадцать киргизов, босых, наполовину нагих, с медного цвета лицами и грудью, разносили для народа еду, от которой в мгновение ока оставались только кости... Крик и шум здесь невозможно описать; там – наоборот, почетное собрание султанов и биев; словно сенаторы Древнего Рима, сидели они с подобающим своему возрасту и значению в народе достоинством».

Затем пошли на байгу. Дали старт двадцати скакунам. Они ушли за холмы. Разворот – в десяти верстах. Вскоре кони и всадники понеслись обратно к финишу: «Наконец у отметки останавливается взмыленный скакун, и всеобщий крик присуждает пальму первенства счастливому обладателю скакуна – султану Кушбеку, который сразу же получает первый приз. Султан Булень, бии Тана и Кунанбай, кони которых вслед за первым достигли финиша, должны утешаться призами меньшей ценности».

Надо полагать, Кунанбай не огорчился малому призу. Главное – байга проведена, соблюдена традиция. Осталось ощущение полноты бытия.

6 июля приезжие стали разъезжаться по домам.

В целом Кунанбай остался доволен тем, что увидел.

---

* Байга (байге) – один из древнейших видов конных скачек по пересеченной местности на длинную дистанцию у многих тюркских народов.

** Текемет – большая кошма с узорами. (*Прим. А. Янушкевича.*)

Был рад своему участию в решении важных вопросов, а особенно – общению с правителями казахских родов, тому, как сложно, напряженно и сильно они мыслили, глубоко обосновывая принимаемые решения. И это – общество, которое русские наблюдатели беспрестанно называли отсталым. Кунанбаю приходилось слышать это как непререкаемую истину, намеками или явно выражаемую всеми чиновниками, с которыми приходилось иметь дело. Не были исключением и деликатные поляки Виктор Ивашкевич и Адольф Янушкевич, которые искренне радовались, обнаружив у какого-нибудь степняка проявление большого ума. Это чисто человеческое свойство представителей любой культуры, получившей на каком-то историческом этапе опережающее развитие. И сегодня им кажется, что так было всегда, отсталость – вечная и бесконечная. Отсюда – теории интеллектуалов о варварстве и дикости традиционного общества: традиция – это постоянство, а значит, в кочевом обществе развития нет.

Есть развитие и еще какое! Просто оно осуществлялось именно в формате традиций, в сфере совершенно иного типа мышления. Кунанбай весь путь домой, в Чингистау, вспоминал не стандартные речения генерала, излагавшего одни только требования, подкрепленные присутствием пушек и казаков, а слова и облеченные в них богатые мысли лучших представителей казахских родов, собравшихся на курултае.

Но еще для Кунанбая было важно другое наблюдение, которое он вывез с собой с Лепсы. Родоправитель понял, что не один он мыслил будущее казахской степи в неизбежном развитии с Россией. Султаны и бии Старшего жуза согласились принять подданство не из страха перед Кенесары. Напротив, многие из них поддерживали его на первых порах восстания. Да и сам мятежный хан до сих пор ни разу не применил силу против казахов Семиречья. И если бы царская власть показала себя не способной утвердиться в степи, они тотчас признали бы Кенесары казахским ханом и тогда вместе с ним обсуждали главные вопросы – о будущем и о судьбе казахов. А именно это в первую очередь заботило всех глав родов, вопреки некоторым поверхностным наблюдениям Янушкевича, видевшего в султанах и биях только занятых собой и личным благосостоянием особ, хотя и выделял среди них отдельных умных личностей, с которыми мог вести беседы он или генерал.

Во всяком случае, с Кенесары можно было договари-

ваться о правах на землю и разговаривать о судьбе, а вот с генералом про судьбу не поговоришь. Он, как и все русские военачальники, не терпел ультиматумов, которыми засыпал мятежный хан Пограничную комиссию, а потому рассуждал только на языке силы. Причем сила зиждилась не на одних лишь казачьих отрядах, с которыми Вишневский прибыл на Лепсы. В готовности стояли казаки аягузского окружного пристава сотника Нюхалова, а также со стороны Каратала отряды сотника Абакумова. Хотя и этих сил вряд ли хватило бы, чтобы разбить мятежников. Но казахи знали, какими военными силами обладала империя на границе со степью. И прекрасно понимали, что отказ от принятия российского подданства грозил в будущем печальными последствиями для казахских родов. Они могли подвергнуться гонениям не меньшим, чем те, на которые ныне обрек себя Кенесары.

Кунанбай осознал это одним из первых, хотя не был в числе тех родоправителей, которые истово клялись в верности империи, разделяя ее мессианские порывы, служившие обоснованием экспансии в степь. Его лояльность была все же более сдержанной, рассудочной и расчетливой.

Надо сказать, что основную функцию – вытеснение Кенесары с территории Старшего жуза – Лепсинский конгресс все же выполнил, но не сразу. Какое-то время хан Кене еще пробовал проникнуть в Жетысу, о чем можно судить по текстам Янушкевича: «Приехал к нам Суходалимов и привез весть о том, что после нашего отъезда над Лепсой появился Кенесары» (27 июля 1846 года). Еще: «Утром почтарь с Лепсы привез весточку о Кенесары. Он стоит между Коксу и Караталом. Прибыв туда, велел сразу дать ему базарлык в 2000 баранов и пригрозил, что если не дадут добровольно – будет плохо» (1 августа 1846 года).

Но решение султанов и биев не оказывать помощи мятежникам существенно ослабило позиции хана. Казалось бы, военное преимущество оставалось на его стороне. У него был опыт, накопленный в кровопролитных сражениях с казачьими отрядами и некоторыми сторонниками империи. Конечно, участники конгресса, взяв на себя обязательства считать его врагом и «не иметь с ним никаких сношений», стали избегать любых контактов с Кенесары. Но часть родов, кочевавших от Балхаша до Каратау, все еще почитали его как хана, законного правителя степи. Не теряя оптимизма, он дал распоряжение своим подданным

заняться хлебопашеством, когда его аулы стали испытывать перебои в снабжении хлебом.

Надеясь в какой-то момент закрепиться на юге, он собирал с местных аулов ясак, часть сборов отправлял наместнику Туркестана. Раз за разом посылал гонцов в Средний жуз, уговаривая знакомые ему роды перекочевать к нему «во избежание царского ига». Писал, что он «ни в каком отношении не имеет горестей и печалей и находится в совершенном благоденствии в кругу нашего правления». Однако положение было уже не столь радужным.

До Кенесары дошла информация о возможном объединении русских отрядов с силами верных империи султанов. Дело в том, что к этому моменту генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков сформировал новые отряды для борьбы с мятежниками. Начальником одного из отрядов он назначил Ивана Карбышева, имевшего опыт борьбы с восставшими аулами Кенесары еще в Среднем жузе. Это была плохая новость для хана. Кольцо окружения сжималось.

Он в последний раз попытался установить доверительные отношения с маньчжуро-цинскими властями, надеясь уйти при случае в Восточный Туркестан. С этой целью хан двинулся кочевьем вверх по реке Или – об этом движении упоминал Янушкевич. Отсюда он отправил посольство в китайскую Кульджу во главе с султаном Худайменды Саржановым. Янушкевич писал: «Я слышал от наших толмачей, а им это говорил Кунанбай, что Кенесары, который также является потомком Аблая, снарядил в этом году из 200 киргизов посольство в Кульджу, напоминая, в силу каких-то давнишних договоров с китайским правительством, что нужно выделить ему места, занимаемые когда-то Аблай-ханом. Тамошние власти приняли его посольство хорошо, послали Кенесары богатые дары, но дело о местах предоставили решать правительству в Пекине» (18 августа 1846 года).

По-видимому, Кунанбай имел в виду известные в казахской среде того времени предания о переговорах и переписке в середине XVIII века между ханом Абылаем и цинским богдыханом Цяньлуном. Возможно, оговаривались какие-то условия взаимопомощи.

Однако спустя месяц послы Кенесары вернулись из Китая без положительного результата. Поэтому хан уже не строил иллюзий относительно ухода в Китай. Он вынужден был откочевать обратно.

В сентябре 1846 года Кенесары укрылся на труднодоступном полуострове Камал в устье Или. Полуостров состоял из старого русла и рукавов Или, упирался в Балхаш, был окружен множеством болотистых речек и широким заливом, в длину достигал 70 верст и представлял собой естественную, почти неприступную крепость. К тому моменту у него было 10 тысяч воинов. Семь хивинских оружейников готовили для его армии оружие, учили пользоваться пушками.

Хан Кене стал готовиться к новому, последнему этапу своей войны.

Глава двенадцатая

МЕТАФИЗИКА РОДОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С членами комиссии по переписи населения и учету скота Кунанбай увиделся уже в августе, когда поляки в сопровождении казаков охраны, продолжая работу поочередно в волостях Среднего жуза, добрались до Чингистау, о чем Янушкевич не забыл сделать запись в дневнике: «Березы над рекой Баканас, по горам карагайники... Вскоре мы встретили первые стада тобыктинских овец, а после девяти часов езды легкой рысью мы остановились в урочище Курдын-бойы у волостного управителя тобыктинцев Кунанбая Ускенбаева... Здесь мы застали трех толмачей и четырех казаков» (6 августа 1846 года).

У Кунанбая на реке Кур поляки работали две недели, составляя списки населения и подсчитывая имущество (иначе говоря, скот), подлежащее налогообложению. Янушкевич жаловался, что пересчет скота шел плохо: «Повсюду крик на асессора В., который насолил киргизам во время предыдущей переписи... Когда мы сказали собравшимся в волости, что у них скота больше записано, чем они нам показывают, один из присутствующих закричал: “Куда бы мы этот скот поместили, если бы его имели? Почему Асессор не приказал нам построить загородку для такого количества, которое внесено в реестр?”».

Исправляя злоупотребления предыдущего учетчика, которого все именовали по роду занятий Асессором, поляки тратили много времени. Янушкевич привел такой пример: «Не веря какому-то киргизу, который имеет только одного коня, Асессор обругал и пригрозил ему. Старшина, желая отвести угрозу, сказал, что у него девять коней. Асес-

сор на том основании, что если указано девять, то может быть и девяносто, прибавил нуль».

Работа шла весь день. Все же Адольф старался в минуты отдыха общаться с Кунанбаем. Между прочим, он оставил наблюдение о маленьком Абае, которому исполнился год: «Кунанбай таким способом лечит своего ребенка, страдающего сейчас страшными болями в желудке: зарезал черную козу и, намазав ее жиром голубой поясок, обвязывает им живот; жир этот втирается также в тело. На мой вопрос, почему не позовет какого-нибудь баксы, отвечал, что не очень верит в их лекарства» (8 августа).

Янушкевич не представлял, конечно, что присутствует при лечении будущего светила поэзии, не меньшего таланта, чем его кумир и товарищ Адам Мицкевич, а то проявил бы к малышу больше интереса. Может, покачал бы на руках, чтобы утишить боль.

Беседуя с родоправителем, Адольф слушал его рассказы о былом, старинные предания и легенды, окунался в историю, сопрягая ее с ликами природы благодатного края. В письме брату он писал: «Уже Тарбагатайские горы показались мне карликами в сравнении с Ала-Тау, сегодня Чингистауские рядом с Тарбагатайскими выглядят, как бараны, поставленные рядом с верблюдами. Но если первые захватили меня своим величием и разнообразным богатством своей щедрой природы, если вторые поражают путешественника своей дикой красотой, то последние для меня тоже имеют свою, не менее чарующую, прелесть. Ведь к ним навеки приковано имя Чингисхана. И это одно, особенно в моих глазах, поднимает их вершины и окружает лучистым венцом какой-то таинственной силы и величия... Не думай, однако, что киргизы совсем ничего не слышали о Чингисхане. Наоборот, все, словно сговорившись, утверждают, что тут его зимние кочевья, а султаны, киргизская аристократия, в ряду своих предков-ханов с гордостью называют имя мощного владыки Азии» (7 августа).

Много преданий, а по сути подлинных историй, рассказал ему Кунанбай: о происхождении казахов, о Чингисхане, о предках рода Тобыкты, об истории его дальних перекочевок. Поведал и о генеалогии казахских султанов.

Вскоре перепись завершилась. Поляки насчитали в волости Кунанбая 1853 юрты, населения – 8 тысяч человек, коней – 22 тысячи, крупного рогатого скота – 2 тысячи, баранов – 155 тысяч. Учетчики вместе с Кунанбаем отправи-

лись в родственную Мамбетей-Тобыктинскую волость, которая образовалась после раздела Тобыктинской.

Из-за сильной жары переезд оказался нелегким. Подробности зафиксировал Янушкевич: «Выехали в 3 часа пополудни. Сопровождал нас Кунанбай с отрядом киргизов. Кунанбай ехал улаживать какие-то дела с мумбетей-тобыктинцами. Была такая жара, что Виктор, проехав три версты на лошади, спрятался в наш дилижанс, я еле удерживался на коне, которого все время кусали мошки. С Кунанбаем случился солнечный удар, и если бы не Викторовский уксус, который на его бритый лоб и непривычный к нему нос подействовал немедленно, – остался бы он в степи. Виктор взял его с собой в арбу (так киргизы называют наш возок) и счастливо довез до первых аулов мумбетей-тобыктинцев. Приехав сюда вечером, мы с удивлением обнаружили семь юрт, приготовленных для нас. Причиной такого пышного приема был какой-то киргиз, который прибежал перед нашим приездом и сказал, что едет Виктор, а с ним много русских. Ночь была такая теплая, что мы спали под одним одеялом, без всяких дополнительных прикрытий» (12 августа).

На следующий день путники двинулись дальше, к горе Акбас-Тау, в аул управителя волости тридцатилетнего Шалгымбая Биралина. Днями ранее он приезжал в аул Кунанбая, и острый на слово Янушкевич дал ему нелестную характеристику: «Приехал волостной управитель Мумбетей-Тобыктинской волости султан Шалгымбай, молодой человек, имеющий, как видно, маловато шариков в голове и небольшой у своих авторитет, а в остальном – *bon infant**».

Справедливости ради надобно заметить, что позднее Шалгымбай Биралин был три срока старшим султаном Каркаралинского внешнего округа, так что с «шариками в голове» у него, видимо, было не так плохо. Насчет невысокого авторитета вопрос тоже спорный, и связан он с сильным влиянием в волости родовых авторитетов, с чем как раз боролся по-своему Кунанбай.

Комиссию встречал сам Шалгымбай в окружении «местной аристократии», по выражению Адольфа Янушкевича. Хозяин провел поляков к красивой юрте с дверями, обтянутыми красным сукном. Кунанбаю и его людям отдельную юрту не выделили, но этого Янушкевич поначалу не заметил.

Переписчики приступили к работе и опять столкну-

---

* Bon infant (*фр.*) – добрый малый.

лись с негативными последствиями деятельности Асессора: «Снова следы работы нашего предшественника, который при переписи одинаково не жалел ни пера, ни камчи. Одному киргизу, призывающему сейчас в свидетели всю волость, что у него ничего нет, Виктор показал реестр и сказал: "Как же ты ничего не имеешь, когда тут стоит 80 штук?" – "У меня было не 80, а все 400, только когда ты еще не родился, – вздыхая ответил киргиз. – Сегодня у меня только пес, мой товарищ, и этот посох, на который я опираюсь"».

Янушкевич был занят работой, а потому не видел, как Кунанбай встречался с некоторыми местными деятелями, подолгу беседовал, сидя в юрте то у одного сородича, то у другого. Тем не менее дать довольно точную оценку местным жителям, несмотря на занятость, наблюдательному поляку не составило труда: «Здешняя волость сильно отличается от Кучук-Тобыктинской. Там, если кто солжет, Кунанбай скажет слово и замкнет ему рот; когда мы ели, все выходили, кроме него; тут же молодой Шалгымбай такого авторитета не имеет, и все, нужны они или не нужны, толпятся в нашей юрте. Много меж ними в дорогих украшенных тибетских халатах; видно, что здесь больше зажиточных, чем у кучуков, особенно аягузских. Лень и привычка к безделью достигает особенной силы. Мы заметили одного муллу, человека, имеющего жену, детей, хозяйство, который с утра до ночи сидит у нас, даже ничего не говоря, хотя мы его записали в первый же день. Постоянная теснота, несмотря на отвернутый тундук, открытые двери и поднятые войлоки, создала такую духоту и невыносимые запахи, что нам плохо сделалось. Мы вынуждены были попросить наших гостей, оставив только служилую аристократию, а нужных впускать по одному» (15 августа).

Интересное наблюдение, которое дает некоторое представление о стиле правления Кунанбая, несмотря на достаточно узкий угол обзора, который был в распоряжении Янушкевича. Естественно, он упускал многое, занятый работой, и не мог охватить взором все стороны жизни казахов. Но то, что увидел, понял верно.

Кунанбай в своей волости упрямо и неумолимо гнул жесткую линию, самолично распределяя аулам земли под выпасы, ежегодно составляя им маршруты кочевания. Следил, чтобы домохозяйства не оставались без ресурсов, но и не позволял народу пребывать в безделье. Учил, подгонял, помогал. Был крут с сородичами, недовольных было много,

но и порядок у него в волости был отменный, что сразу оценил Янушкевич. Поляк не анализировал глубоко методы управления Кунанбая, но легко понять, что они были основаны на единоначалии и сильной власти – на том, что предопределено традициями и было насущно необходимо в непростое время, когда родовая структура кочевого общества оказалась перед угрозой разрушения.

Другое дело, что не всегда казахи хотели жить под властью строгого и требовательного правителя. Вот и теперь многие не могли понять серьезность ситуации и значимость умного и решительного лидера, способного заглянуть за горизонт и вести за собой род. Те же мамбетейцы, а вместе с ними и аулы некоторых других тобыктинских подродов ушли в свое время из-под власти Кунанбая, обособившись в отдельную волость. Возможно, они рассчитывали стать богаче, полагая, что собственная волость – это своя власть, а значит – независимые источники доходов.

Но порядка в новой волости не стало больше. Волостной управитель не имел власти над зажиточными казахами и во всем подчинялся их воле. Естественно, после отделения волости поголовье скота само собой вырасти не могло. Необходимо было сохранить традиционные отношения в родовой структуре, ибо ничего нового взамен еще не пришло. А без единоначалия в роду конфликты были неизбежны.

Между тем Янушкевич иронично писал: «Кунанбай ведет некоторым образом двойную игру: выдал нам много богатых киргизов, которые поукрывали своих лошадок и баранов. Дали бы они ему перцу, если бы узнали, кто нам помог открыть правду, или, точнее, приблизиться к правде».

Этот факт дал основание советским критикам обвинять «лютого феодала» Кунанбая в коварстве и лицемерии. Но важны конкретные обстоятельства. Янушкевич ничего не знал об укоренившейся привычке Кунанбая вникать во все дела соседней волости на правах главы рода Тобыкты, и сородичи не могли отказать ему не столько из уважения, сколько чувствуя себя связанными кровными узами со всеми остальными подродами, которые признавали верховенство Кунанбая. В нем жила неистребимая тяга к сохранению единства тобыктинцев, он жаждал уберечь род от всех существующих и грядущих опасностей и бед. Эта рефлексия заставляла его вмешиваться в жизнь всех подродов, включая мамбетейцев, требовать от них жить по законам традиционного родового устройства, не допускать нарушения вековечных норм.

Он шел к жителям Мамбетей-Тобыктинской волости в несокрушимой уверенности прирожденного родоправителя, что идет спасать от распада в их лице весь казахский народ, примерно так же, как Россия шла в степь спасать казахов от барымты и «вредоносных» перекочевок, чем оправдывала военную экспансию. В том и другом случае присутствовала системная ошибка. Фундаментальная сущность явлений оказалась более несокрушимой, нежели добродетельная логика спасения. И вредные, с точки зрения колонистов, кочевые привычки остались у степняков в крови, и казахи не пропали как народ, несмотря на то, что Кунанбай не до конца выполнил свою программу. Хотя, возможно, именно усилия таких личностей, как он, сохранили казахский народ как сложную родо-племенную общность, скрепленную единым языком, одной территорией, универсальными традициями и общим для всех способом хозяйствования – кочевым скотоводством.

Но последующие тяжелые события оказались неминуемыми в обоих случаях. Спустя 86 лет, уже при советской власти, насильственная седентаризация (перевод на оседлость) привела к голоду и гибели миллионов казахов. А настойчивые усилия Кунанбая по консолидации рода привели к конфликтам местного масштаба – серьезной внутриродовой вражде.

Он неуклонно стремился утвердить единство всех тобыктинцев, пусть в метафизическом формате, когда родовая идентичность реализуется в когнитивном регламенте, питаемом историей племен и родов, а также волей и интеллектом главы рода. Кунанбай считал себя обязанным добиваться приемлемых решений путем переговоров с главами подродов. С этим и направлялся в соседнюю волость. Конечно, всякий раз на таких встречах речь шла не о сакральной сущности родовой культуры, не о метафизической платформе рода – все это было понятно без слов, а о конкретных претензиях того или иного аула или какого-либо подрода на вполне определенные земли для выпаса скота. Остальные, более частные вопросы успешно решали традиционные суды биев. Но регулирование земельных отношений родоправитель по традиции, идущей из глубины веков, считал своим исключительным правом.

Решения исполнялись трудно. Давление Кунанбая на сородичей не нравилось им настолько, что волостной управитель Шалгымбай Биралин уже успел весной 1846 года подать в окружной приказ жалобу на «самоуправство» Ку-

нанбая, и там завели дело, известное по архивным данным как «Жалоба Чалгимбая». Предстояло разбирательство, и Кунанбай приехал в соседнюю волость, воспользовавшись возможностью сопровождать комиссию Ивашкевича, чтобы прояснить намерения истцов. Чинить препятствия его приезду жалобщики не могли, не имели на это права по степным законам. Просто вредили по мелочам. Это заметил и Янушкевич.

«Между мумбетей и кучук-тобыктинцами чувствуется какая-то неприязнь, исключающая даже правила гостеприимства, предписанные Кораном. Приехавшие с Кунанбаем должны ночевать во дворе, где допоздна громко беседуют у костра. Их даже куском баранины не угостили. Кунанбай должен был купить барана, чтобы они могли пообедать. Когда они ели, местные приходили к ним посмотреть, как едят, а те их бранили, укоряя в низости, говоря: "Приходите к нам, посмотрите, пожалеем ли мы вам кусок мяса?"

Правила гостеприимства киргизы соблюдают по следующим причинам: к какому-то пророку, по имени Ибрагим, пришел голодный гость, а он его прогнал. Бог явился Ибрагиму и сказал: если его не накормишь, будешь проклят. Испуганный пророк побежал вслед за гостем и умолял вернуться, обещая везти его хоть на верблюде, хоть на своей спине, только бы он принял от него пищу и дал ему возможность этим загладить свою вину. Но гость не хотел воротиться и пошел дальше. Когда мы напомнили эту легенду Шалгымбаю, он объяснил свое негостеприимство к кучук-тобыктинцам тем, что сейчас у него полна юрта родственников и ему даже не хватает кошмы, чтобы подостлать им. Объяснение неплохое, если бы соседи кучуки не вынуждены были покупать к обеду барана» (15 августа).

У казахов накормить человека, зашедшего в аул, и дать ему кров испокон веков считалось святой обязанностью, смысл которой объясняется самим существованием людей в бескрайней степи, которая быстро обезлюдела бы, если бы не было традиции взаимопомощи. Хозяин обязан зарезать последнего барана, лишь бы накормить оказавшихся в ауле людей. Оставить их голодными да еще ночующими на голой земле – это прямое оскорбление. В такой ситуации подозревать Кунанбая в том, что он из коварства выдавал учетчикам деятелей соседней волости, укрывавших скот, несерьезно. Им двигали более сильные чувства, и его честность в ином случае, возможно, не стремилась бы так быстро вырваться наружу.

Вообще, он всегда исходил из конкретных обстоятельств. Решение о наказании принимал мгновенно, если установлена вина. Не был мягкотелым. Не опускался до заискиваний, неуместной доброты, которая часто могла только навредить человеку, живущему в открытом пространстве степи, где ему необходимо владеть навыками выживания в суровых природных условиях. Казах должен уметь преодолевать трудности. Поэтому Кунанбай предпочитал просвещать, наставлять, учить. Хотя всегда бывал щедр, если требовалось поддержать традиции или оказать экстренную помощь терпящим бедствие. В иной ситуации не щадил сородичей, требуя исполнения своих указаний и приказов.

Конечно, идеальным гуманистом он не был. Имел недостатки, которые могла компенсировать только его страстная тяга к справедливости, могло оправдать только яростное стремление сохранить и спасти свой род, Чингистау, а с ними и всех казахов, всю казахскую землю. Поэтому он даже не обращал внимания на свои слабости, над которыми подтрунивал Янушкевич.

Например, Виктору Ивашкевичу, как старшему чиновнику, пришлось как-то разбирать в ауле мамбетейцев спор двух святых ходжей, практиковавших на одной территории. Каждый святоша считал противника шарлатаном и требовал изгнать его из волости. Победил более опытный ходжа из Ташкента. Янушкевич писал: «Спрашивал Кунанбая и некоторых других расторопных киргизов, правда ли, что старый ходжа отнял у одного киргиза способность говорить. Отвечали, что действительно так. Киргиза того зовут Айтпай, и он живет в ауле Шалгымбая».

Кунанбай рассказал поляку, что Айтпай обманул в чем-то ходжу, и тот попросил Аллаха, чтобы он скрутил ему язык. На следующий день Айтпай онемел. «Я спрашивал, почему он не возвратит речи Айтпаю? "Потому что зол на него и хочет его примерно наказать", – отвечал Кунанбай. Несмотря на всю свою разумность, он, очевидно, боится ходжи и верит в его таинственную силу. Виктор уверял его, что это невозможно, чтобы Бог давал власть человеку по своему усмотрению чинить зло другим. Но это ни к чему не привело, он все время повторял, что ходжа при помощи своих святых может сделать всё, что хочет. Как же этого рода людям не иметь влияния на общественное мнение!» – восклицал Янушкевич.

Трудно ставить что-то в вину Кунанбаю в этом эпизоде. Вспомним историю: даже Чингисхан боялся колдовства

своего шамана Кокочу и потворствовал ему так, что тот достиг опасного могущества, и Потрясателю Вселенной в конце концов пришлось найти в себе мужество ликвидировать злосчастного шамана. А что говорить о Кунанбае? Как ему не верить в силу святых ходжей, которые в степи называли себя посланниками аруахов – духов предков. «Бог простит, аруахи не прощают», – говаривал Кунанбай. И жил в готовности вести с великими предками серьезный и трудный разговор о судьбе, если вдруг они придут издалека. Хотя знал, что такой момент наступит, скорее всего, нескоро, ближе к концу пути.

18 августа поляки двинулись в другие волости. Кунанбай простился с ними и вернулся в свою волость, где тоже назревали непростые земельные проблемы. Еще летом Божей Ералин, знатный тобыктинец, прямой потомок бия Кенгирбая и глава подрода Жигитек, одно время выступавший соратником Кунанбая в его начинаниях, неожиданно подал на него жалобу в окружной приказ и далее – в Пограничную комиссию. Якобы Кунанбай совершил нападение на аул Божея и разграбил его. Приходится писать слово «якобы», потому что достоверных доказательств податели подобного рода жалоб чаще всего не приводили, а надеялись единственно на показания заранее подготовленных «свидетелей».

Дело, конечно, имело подоплеку. Божей, как станет ясно из дальнейших событий, замыслил путь во власть и теперь хотел сместить оппонента с поста волостного управителя, чтобы занять его самому. Прекрасно понимая эти скрытые намерения и стремясь опередить события, Кунанбай пригласил встретиться с глазу на глаз, но Божей отказался приезжать в аул соперника. Тогда Кунанбай предложил другое место встречи – в Абыралы, в ауле своего друга и ровесника бия Буркитбая, потомка одного из сыновей Бошана из рода Каракесек. На сей раз Божей согласился: бий слыл справедливым человеком и хлебосольным хозяином.

Буркитбай приветствовал прибывших почти одновременно гостей.

– Погоди приглашать в дом, – сказал Кунанбай, сходя с коня. – Покажи-ка своего черного пса, берущего волков.

– Охотно покажу. Смотрите, вот он, – отвечал хозяин.

Знаменитый пес лежал недвижно поодаль, положив морду на вытянутые лапы. Кунанбай осторожно обошел собаку кругом. Пес только проводил его глазами и помахал хвостом, точно приветствуя знакомца.

Заметив миролюбие волкодава, Божей тоже решил обойти его вокруг. Но стоило ему приблизиться, как пес грозно зарычал и прижал уши, демонстрируя угрозу.

– Буркитбай, – изумился Кунанбай, – чего это он меня подпустил, даже поздоровался, а на Божея вдруг зарычал?

– Э-э, что тут непонятного? Ты у нас особенный среди людей, он – особенный среди собак. А двое особенных разве будут кидаться друг на друга? – засмеялся Буркитбай.

Кунанбай оценил юмор друга, но Божей помрачнел. Тем не менее переговоры прошли успешно. Соперники составили и подписали заявление о том, что рассчитались друг с другом и претензий не имеют. Проставили печати и отправили заявление в окружной приказ.

Авторитет Кунанбая, его власть, сакральные знания, красноречие, употребляемое для увещеваний и проповедей, имели в совокупности такую силу, что Божей не посмел в тот момент перечить родоправителю.

Забавно, что четыре года спустя, в 1850 году, Виктор Ивашкевич уже в роли следователя Пограничной комиссии установил, что печать Божея на этом заявлении «несходственная с подлинной печатью Иралина, очевидно, документ был подделан Кунанбаем Ускенбаевым для прекращения невыгодного для него дела». Прав ли Ивашкевич в своих подозрениях, установить трудно. Нельзя забывать, что среди казахов в то время считалось за доблесть обставить хоть в чем-то русскую власть.

Между тем жители Мамбетей-Тобыктинской волости в следующем, 1847 году подали в Каркаралинский окружной приказ очередную коллективную жалобу на Кунанбая. В Пограничной комиссии завели дело «О потраве К. Ускенбаева».

Областная и окружные администрации были завалены подобными делами. Казахи быстро усвоили метод жалоб в борьбе против неугодного властителя или серьезного соперника в новой системе власти. Нужно было только добиться рассмотрения дела в российском суде, минуя суд биев, которых трудно обмануть надуманными причинами. А в суде империи возможны варианты. Главное – вплести в обвинение политику. Позднее этот принцип был обоснован в Указе императора Николая I от 22 июня 1854 года о распространении на жителей степи общих законов Российской империи: «Уголовными преступлениями в отношении к сибирским киргизам считаются: измена, убийство, разбой, баранта, возбуждение своих соплеменников про-

тив правительства, явное неповиновение установленным властям, преступления по должности, подделка и умышленный перевод фальшивых государственных кредитных бумаг, и монеты, поджог и принятие ложной присяги по делам, судимым на основании общих российских законов за сии преступления, а также за преступления и проступки, учиненные киргизами не в местах кочевья их, а в городах и селениях — они приговариваются к наказаниям по общим законам империи». В остальных случаях, «учиненных в местах кочевья», действовал только суд биев.

Конечно, в тот период обращение в российскую администрацию было новшеством, на которое требовалась определенная решимость, ибо жалоба давала степняку ощущение власти – то, в чем он был ограничен всю жизнь нормами традиционного общества. Каждая жалоба несла оправдание жизни, придавая ей значительность и содержательность. Оттого и письма в окружную администрацию часто содержали преувеличения и откровенные вымыслы.

Кунанбай, имея определенный опыт, старался не реагировать на такие придуманные на ровном месте претензии встречными исками, зная, что доказать непричастность, равно как и причастность, к потраве лугов (иначе – выпасу на них скота) или пропаже какой-нибудь лошади сложно. Чиновники вызывали в окружной приказ одного за другим свидетелей, потерпевших, обвиняемых, которые преодолевали по степи сотни километров, чтобы дать показания. Редко когда такой суд, в отличие от суда биев, мог быстро установить истину, которая для любого уважающего себя бия становилась очевидной в несравненно более короткий срок.

Поэтому Кунанбай просто делал свое дело, продолжая линию на соблюдение норм жизни родового общества, на сохранение единства рода. По-настоящему тяжелые времена были еще впереди. На землях тобыктинцев дело еще не дошло до серьезных стычек, но объем жалоб свидетельствовал о неприятной тенденции, начисто отсутствовавшей в прежней родовой системе управления. Можно говорить не только о кризисе родового устройства казахского общества, но и о деформации образа жизни кочевого человека как результате определенной ментальной деструкции, явленной одновременно с ломкой прежних чисто родовых земельных отношений.

Комиссия по переписи работала в степи до 10 октября 1846 года, а затем вернулась в Омск, где Адольф Янушкевич

привел в порядок дневниковые записи. Они интересны не только свежими, живыми впечатлениями и откровенными, неожиданными мыслями, которые можно встретить лишь в дневниках или эпистолярном наследии. Тексты Янушкевича – редкостное по тем временам письменное отражение личного общения российского чиновника с казахами в течение длительного времени. Известные труды Ивана Андреева, Алексея Левшина, Семена Броневского, Михаила Красовского, других наблюдателей представляют собой по большей части исследования той или иной стороны жизни народа, его истории, культуры. Янушкевич же писал не научный труд, а историю своей судьбы – ссыльного поляка, живущего и работающего среди казахов. Писал о себе, о том, что видел, а получилось жизнеописание казахского народа.

«Я все больше убеждаюсь в том, что у киргизов большие умственные способности. Что за легкость речи! Как умеет каждый объяснить свое дело и мастерски отбивать доводы противника! Даже у детей разум развивается очень быстро. Сегодня, когда я был занят работой, один мальчонка, сын здешнего богатея, все время сидел около меня и заглядывал в книгу. Мне было любопытно, чем все это кончится. Наконец он попросил у меня перо и написал что-то по-татарски для доказательства, что и он умеет писать. Он был очень счастлив моей похвалой его мастерства, да нажил я себе беду: с тех пор он еще сильнее стал опираться о мою кровать, толкая меня под локоть и, как лис в курятник, совать свой монгольский носик в мое писание. Узнал от него, что на днях он приведет себе жену. Что же было поделать с таким ученым и женатым мальчиком, пользующимся всеми правами избалованного ребенка?» (23 августа 1846 года).

Писано с любовью, которую Адольф не скрывал: «Я, видимо, помаленьку превращаюсь в киргиза, и юрта становится для меня обычным жилищем. В Каркаралах не мог спать; здесь на свежем воздухе спал отменно. Окрестности пустынны, высокая трава, невдалеке руины недавно сожженного пикета» (16 сентября).

Это правда, что поляк видел много забавного с позиций европейской культуры и даже неприятного вообще для любой культуры. Но некоторые явления стали для него откровением: «Около нашей юрты никогда нет стражи, кроме голодных псов, никто в нее ночью не заглядывает. На протяжении стольких месяцев у нас ничего не пропало – ни на грош. Словом, несмотря на свои недостатки, происхо-

дящие частью от недостатка просвещения, частью от религии, засоренной предрассудками и суевериями, этот народ не хуже, чем любой другой. Наши низшие классы в сравнении с киргизами выглядели бы гораздо хуже» (29 августа).

Что же, за такое сравнение следует ценить золотое перо Янушкевича.

Дневниковые записи завершаются небольшим эпизодом, в котором собеседники говорят о Кунанбае. Старший султан Кусбек Таукин в разговоре о султане Старшего жуза Али сказал, что ему все же не нравится, что он жует табак. На что Виктор Ивашкевич, которого казахи именовали полковником, с серьезным видом заметил: «В алкоране написано, что нельзя класть табак в уста, ибо ими выговаривается слово "Аллах"». Далее – запись Янушкевича: «А киргизам и невдомек, что Магомет еще ничего не знал о табаке, все они вместе с Кушбеком закричали: "Хай! Хай! Какой умный!" А кто-то еще добавил: "Недаром Кунанбай говорил, а он известно какой мудрый: хоть я и колкий, но с полковником – дело трудное, как отзовусь, так он меня и срежет, поэтому лучше молчать"» (9 октября).

Вот так казахи всегда вспоминали в разговорах Кунанбая, когда требовалась ссылка на мудрость, рассудительность и благоразумие.

Между тем весной 1847 года случилось событие, потрясшее степь. Был убит Кенесары Касымов, последний чингизид, провозглашенный казахами ханом. После принятия на Лепсинском конгрессе султанами Старшего жуза российского подданства и подписания ими обязательства не оказывать помощь восставшим, Кенесары, лишенный опоры на казахской земле, решил занять территорию по другую сторону Алатау и усилить свое войско киргизскими отрядами. Но первые же стычки показали решимость соседей не подчиняться ему. Потомки древних киргизов, известных в истории своим непримиримым нравом, отказались платить налоги Кенесары, не говоря о военной поддержке. Намерения хана Кене сражаться и против Кокандского ханства, союзниками которого были киргизские манапы, и против Российской империи, с которой они вели мирные переговоры, шли вразрез с их интересами.

К весне 1847 года киргизам, обеспокоенным агрессивностью Кенесары, удалось объединить силы и собрать войско, численностью в несколько раз превосходившее его десятитысячную армию. Решающее сражение произошло во второй половине апреля в местечке Майтобе, недалеко от

современного Токмака. Гористая местность не позволила казахам организовать огонь легких пушек. Их испытанная в битвах на степных просторах конница не смогла развернуться в ущелье. В результате после трех дней боев Кенесары вместе с десятками султанов попал в плен.

Несколько дней хана Кене держали закованным в цепи. Победители сначала казнили султанов, которых «живыми варили в котле», у многих «отрезывали руки и ноги», согласно отчетам русских офицеров.

Казнь самого Кенесары свершилась в ауле Жамбы — мятежному хану отрубили голову. «За истребление сего мятежника» киргизские манапы Ормон, Жантай и брат последнего Калыгул были щедро награждены русским правительством.

Глава тринадцатая

У ОСНОВАНИЯ МЕЧЕТИ

Постоянство присутствия в степи неизменно оборачивается заботой о родных и близких. Это, пожалуй, врожденное качество казаха, свойство натуры, скол застывшей в вечности традиции.

Кунанбай всегда внимательно следил за положением родственников и помогал, в случае необходимости, решительными действиями, чему есть свидетельства не только изустные, но и документальные. Например, в Центральном государственном архиве Казахстана хранится письмо из Каркаралинского окружного приказа в Пограничное управление за подписью секретаря Ясенко, начинающееся словами: «По просьбе волостного управителя Каркаралинского округа Ускенбаева о неотдаче брату его Чорторову киргизом Уразгуловым жены Ульжан».

Речь идет, разумеется, не о супруге самого Кунанбая Улжан, а о жене его брата, судьбу которой проясняет содержание письма: «Поданное мне волостным управителем Каркаралинского округа Кунанбаем Ускенбаевым прошение о неотдаче родному брату его Кузубаю Чорторову, киргизом Уразгуловым жены Ульжан... которая после пяти лет замужества поехала в одно время с подарками на свидание к отцу своему Донгелекову, а сей последний не известно его по какому случаю остановив у себя, не отпустил ее к мужу и вероятно опасаясь последствия своего поступка скочевал из волости в Каратаев [Каратау] к султану Кенеса-

ры и находился довольное время, а как известно ныне, что киргизец Донгелек с сыном своим Джумабаем прикочевал с Каратаев и находится в Киреевских волостях около аулов подполковника Туртубека Коченова». Кунанбай, конечно, постарался помочь брату. Хотя нам неведомо, почему жена Кузубая не захотела возвращаться к нему — не отец же держал ее силком!

Между тем семья самого Кунанбая росла. В 1848 году он ввел в нее третью свою жену, юную красавицу Айгыз (1834–1906). Дочь тобыктинца Бекена из подрода Жуантаяк и его отдела Карабатыр от рождения имела имя Айнур, но потом, как водится у казахов, ей дали второе имя Айгыз (Дочь Луны или Луноликая Красавица), не сильно, впрочем, разнившееся от первого. И дети у нее и Кунанбая были очень красивыми – дочь Камшат (1850 г. р.), сыновья Халиулла (1849–1870) и Смагул (1852–1931).

А еще раньше, весной 1847 года у Улжан родился сын Ыскак, третий после Такежана и Абая.

Глава семьи мыслил большое будущее для сыновей. Поэтому рождение детей напоминало о проблеме образования. Да, он постоянно заботился о школе в Ескитаме, где наряду с аульными детьми уже обучились грамоте повзрослевшие Кудайберды и Такежан. Но он также понимал, что самодеятельная школа может дать только начальное мусульманское образование, а этого было катастрофически мало.

Взоры его обращались за пределы Чингистау, падали на учебные заведения Семипалатинска, он даже подумывал про обучение детей в России, хотя воображаемые тенета иной веры, чуждой жизни несколько охлаждали порывы и мечты.

Между тем всеобъемлющее сознание родоправителя вело его от частной задачи воспитания детей к общей проблеме сохранения родового единства. Несокрушимое стремление восстановить нарушенный баланс в родовой системе сходилось с давним желанием поставить мусульманское просвещение на институциональную, как сейчас сказали бы, основу. Не одну только свою семью мечтал охватить обучением Кунанбай, но весь казахский народ.

И тогда родилась идея построить мечеть, пока только для рода Тобыкты, нет, шире – для казахов всего Каркаралинского округа, в котором он имел вес. Кунанбай знал, что при мечети должно быть медресе – учебное заведение, выполняющее функции школы и духовной семинарии, с жи-

лыми помещениями для учеников. Такой ансамбль как раз и будет лучше всего служить целям просвещения. И строить его надо в центре округа, в Каркаралинске. Здесь все больше появлялось переселенцев, и не только русских – татары, узбеки, другие торговые люди строили дома по окраинам поселка.

Весной 1848 года купец Варнава Ботов из Ялуторовской слободы Тобольской губернии стал скупать у казахов скот в урочище Куянды (ныне Коянды) в 50 километрах от Каркаралинска. Так он положил начало ярмарке, которая первоначально называлась Ботовской, но осталась в истории как знаменитая Куяндинская ярмарка. Нетрудно было предугадать расширение торговых связей и приток новых людей в регион. Действительно, с годами на ярмарку прибывало все больше торговцев из Сибири, Урала, Средней Азии, Западного Китая. Поэтому многих должно было заинтересовать возведение в окружном центре мечети с учебными заведениями, естественно, мусульманского образца – другого пока не предвиделось.

Строительство потребует значительных средств – Кунанбай наскоро прикинул вероятные расходы. Получалось, что его собственных денег недостаточно для строительства мечети и медресе, не говоря о жилых помещениях для служителей. Между тем он твердо решил, что будет вкладывать в проект прежде всего свои сбережения. Среди знаменитых поговорок Кунанбая, сохранившихся в преданиях, была и такая: «Скот жертвую от души, но душу пожертвую лишь ради чести». Однако в случае с мечетью помимо личных пожертвований следовало привлекать сторонние вклады.

Летом 1847 года Кунанбай отправился в аул султана Кусбека Таукина, ага-султана Каркаралинского внешнего округа, где изложил свой план. Таукин тотчас поддержал идею строительства мечети, сразу поняв выгоды для округа и для себя. Оба знали, что российская администрация поддерживает, хотя и неофициально, исламизацию казахского населения. Еще в 1788 году императрица Екатерина II подписала именной указ об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе, и с той поры российское мусульманство не давало повода усомниться в своей лояльности к имперской власти. Такого же эффекта можно было ожидать от мусульманизации степного края.

Поэтому проект Кунанбая сулил одобрение власти. Да и сам он, конечно, рассчитывал поднять еще выше свой авторитет в чиновничьей среде, явно нацеливаясь на продви-

жение в аппарате управления. То есть как бы уже наметил себя в соперники майору Таукину, который об этих замыслах, возможно, и догадывался, но не сильно беспокоился относительно прочности своего положения. Султан Кусбек был на хорошем счету у русской администрации, несмотря на известные жалобы соотечественников на его самоуправство. Шло второе трехлетие его правления округом. В 1830 году он «во время бытности с депутацией в С.-Петербурге у высочайшего двора был пожалован золотой медалью на аннинской ленте», как записано в периодически запрашиваемой Пограничной комиссией справке окружного приказа за 1850 год. Имел он и более весомые заслуги.

Но у Кунанбая были свои виды на управление округом. В соответствии с давно промысленной им концепцией развития ему следовало занять самую высокую должность в новой структуре власти, чтобы наиболее эффективно отстаивать интересы семьи, рода и, выше, интересы всего народа. А таковой для казахов была должность старшего султана.

По инициативе Кунанбая 5 сентября 1847 года в Каркаралинске состоялось собрание волостных управителей, старшин и биев округа под председательством ага-султана Таукина, на котором обсуждалась возможность возведения мечети. Уже в наше время потомки Кусбека Таукина высказали мнение, что именно он был автором идеи создания мечети, поскольку во всех документах первыми стояли его подпись и печать, а уж после – подпись Кунанбая, который возглавил дело значительно позже, когда стал старшим султаном вместо Таукина.

Было бы несправедливо лишать потомков права чтить предка. Но обратимся к фактам.

На собрании в окружном приказе Кунанбай блистал красноречием. Он произнес заранее продуманную речь с многочисленными ссылками на казахскую историю и цитатами из Корана, которую он завершил чтением аята 143 суры 2: «Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины, чтобы вы свидетельствовали обо всем человечестве, а Посланник свидетельствовал о вас самих. Мы назначили киблу, к которой ты поворачивался лицом прежде, только для того, чтобы отличить тех, кто последует за Посланником, от тех, кто поворачивается вспять. Это оказалось тяжело для всех, кроме тех, кого Аллах повел прямым путем. Аллах никогда не даст пропасть вашей вере. Воистину, Аллах сострадателен и милосерден к людям».

Как записано в решении собрания, речь Кунанбая произвела на публику большое впечатление. Именно он высказал предложение построить в Каркаралинске мечеть. Идея была одобрена всеми присутствующими.

Казахи традиционно считали себя мусульманами, но мало кто серьезно владел религиозными знаниями, довольствуясь обрядовыми элементами, обретенными в течение жизни. Об этом в то время писал Чокан Валиханов, то же самое отмечали российские наблюдатели. Например, в «Отчете по управлению внешних округов киргизской степи за 1852 год» имеются такие строки: «Некоторые из киргиз преимущественно богатых и значительных обучают детей своих татарской грамоте для приготовления муллами к своим приходам или письмоводителями при волостных султанах. В отношении к вере киргизы принадлежат к племени мусульман и исповедуют в ровной степени с ними закон магометанского исламизма, но по закоренелости их нравов и суеверий очень немногие из них полно понимают правила своей религии, прочие же остаются еще в большом невежестве».

Так что известие о возможном появлении мечети в Каркаралинске с приглашенными муллами вселило в сердца степняков надежды на подлинное мусульманское просвещение, о котором многим оставалось только мечтать.

Толмач тотчас составил на русском языке протокол собрания, который Кунанбай и султан Кусбек до этого предварительно обсуждали между собой. В частности, было постановлено «сделать распоряжение о приглашении народа к пожертвованию на воздвижение мечети» и завести прошнурованную книгу для записи поступлений средств от народа.

Открытым пока остался вопрос о точном месте строительства мечети. Обсуждались несколько вариантов, которые решили представить на рассмотрение канцелярии Пограничной комиссии. В этот момент подал голос русский заседатель окружного приказа, чиновник, который обычно не вмешивался в вопросы внутренней жизни казахов. Он напомнил, что согласно «Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами» (1838) необходимо сначала установить, подавались ли ранее аналогичные просьбы о постройке мечети в Каркаралинске и «на таковую было ли от высшего начальства дозволение и план на постройку» (цитата из текста решения собрания).

На это предводители общества во главе с Таукиным за-

верили, что никаких обращений в генерал-губернаторство относительно возведения мечети до сих пор не было. «В таком случае, – сказал чиновник, – на строительство большого сооружения требуется сначала получить положительное заключение специального инженера».

Кунанбай, как признанный законник, еще пояснил участникам собрания, что в решении, по сути, содержится лишь просьба дать разрешение на строительство. А юридическую силу оно обретет только после получения согласия генерал-губернатора Западной Сибири и соответствующего распоряжения начальника Пограничного управления сибирских киргизов.

На том и остановились. Кусбек Таукин, Кунанбай Ускенбаев и «другие почетные служащие» подписали отдельный акт, который отправили в Пограничную комиссию. А в окончательном варианте решения обязали Кунанбая организовать сбор средств от «доброходателей, чтобы сия сумма по собрании вперед до разрешения постройки» хранилась в окружном приказе. Причем договорились позже заслушать его отчет и одновременно вызвали из Омска специалиста.

Через месяц в Каркаралинск прибыл полевой инженер в чине капитана, который утвердил место строительства и здесь же разработал «проектный чертеж мухамедданской мечети», согласовав его с членами окружного приказа, прежде всего с Кунанбаем, которого все представляли как главного инициатора мероприятия. Инженер подтвердил, что он является лишь техническим исполнителем, и написал в заключении, оставленном в окружном приказе, о намерении «испросить разрешения Его сиятельства для удовлетворения обращения». Имелся в виду пограничный начальник Николай Францевич Вишневский. В донесении емук от 18 октября 1847 года сей инженер писал: «Имею честь почтительнейше просить Вашего разрешения дозволить киргизам выстроить таковую мечеть...»

Генерал-майор Вишневский тотчас поддержал инициативу предводителей Каркаралинского округа и переправил документы генерал-губернатору Западной Сибири, генералу от инфантерии П. Д. Горчакову. Тот, не затягивая, дал 22 октября ответ пограничному начальнику: «Утвердив представленный Вашим превосходительством ко мне от 18 октября 1847 г. план предлагаемой мечети и, препровождая при сем оный, покорнейше прошу Вас позволить киргизам Каркаралинского округа произвести эту постройку вне укрепления». Уже 27 октября генерал-майор Вишневский, следуя заведен-

ному бюрократическому порядку, повелел Каркаралинскому приказу уточнить место строительства «с учетом мнения старшего султана Таукина и прочих почетных киргиз» и предоставить ему окончательное решение.

По этой причине в начале ноября «почетные киргизы» опять собрались в Каркаралинске. Выбрали новое место для строительства, как и требовалось, на некотором удалении от гарнизонных сооружений, ближе к домам местных жителей. Отправили соответствующее решение в Омск, которое поступило в Пограничную комиссию 28 ноября. А уже в декабре то же казахское сообщество заслушало отчет Кунанбая о поступлении средств на строительство мечети, которых, как выяснилось, пока набралось немного. Тем не менее все согласились, что финансирование проекта, как и предполагалось изначально, должно осуществляться на добровольные пожертвования. Кунанбай попросил для регистрации пожертвований в специально заведенной книге выбрать других доверенных лиц из числа проживающих в Каркаралинске, поскольку ему приходилось подолгу отсутствовать в своей волости. Таковыми новыми доверенными лицами были выбраны местные жители Каржаубай Иткарин и Саргыз Догалов.

Возникла также идея попросить у русского начальства рабочих на стройку из числа солдат Каркаралинской воинской части, поскольку сами казахи опыта подобного строительства не имели.

Эти решения были письменно зафиксированы в акте, который подписали султаны Кусбек Таукин, Шалгымбай Биралин, Тауке Букеев, волостные управители Кунанбай Ускенбаев, Таттимбет Казангапов и другие, всего 17 человек.

15 декабря в Пограничную комиссию на имя генерал-майора Вишневского было отправлено письмо окружного приказа, содержавшее упомянутую просьбу: «Невозможно ли будет употребить для постройки мечети» солдат местной воинской части «за положенную по законам плату, или какую назначат по условию...».

Несмотря на существовавшую бюрократическую волокиту, просьба была удовлетворена довольно быстро. 16 марта 1848 года в отдел строительства Пограничной комиссии поступила запрошенная ранее справка от русского чиновника, заседателя Каркаралинского окружного приказа, который подтвердил просьбу инициаторов строительства мечети: «По сообщению от 17 февраля старшего сул-

тана, майора Таукина и волостного Кучук-Тобуклинской волости, хорунжего Ускенбаева Высокая власть поддержала их желание построить мечеть в Каркаралинске и разрешила начинать строительство. Мы намерены этой весной начать строительные работы. Но в Каркаралинске нет свободных людей для привлечения к такому делу. Нельзя ли в связи с этим привлечь солдат из Каркаралинской роты к строительству мечети? Мы бы платили за труд по закону или приняли какие-либо другие условия».

Уже 29 марта 1848 года начальник штаба отдельного Сибирского корпуса генерал-майор Аполлон Аполлонович Жемчужников сообщил Вишневскому об удовлетворении генерал-губернатором Горчаковым просьбы окружного приказа относительно привлечения на строительство мечети солдат: «По поводу запроса от имени Вашего высокопревосходительства от 22 марта за №227, разрешаю использовать в строительстве тамошней мечети солдат нижних чинов Каркаралинской роты, чтобы они занимались постройкою в свободное от службы время и за условленную плату».

То есть вроде бы все шло замечательно. Однако в 1848 году строительство мечети так и не началось. Не началось оно, к удивлению омских чиновников, контролировавших исполнение распоряжений администрации, и в следующем году. Но они не стали поднимать особого шума, потому что летом 1849 года в Каркаралинском округе должны были состояться выборы старшего султана, и все внимание оказалось приковано к ним.

А ведь именно предстоящие выборы стали причиной задержки начала строительства мечети. Неожиданно за год до выборов участились серьезные разбирательства по жалобам на неблаговидные дела старшего султана Таукина, и ему стало не до строительства.

В принципе, заслуги его перед империей были настолько очевидными, что никакие жалобы не могли поколебать его статус и авторитет. В «Формулярном списке о службе старшего султана Каркаралинского внешнего окружного приказа майора султана Кушпека Таукина» от 1861 года, в частности, указано: «Согласно выбору утвержден старшим султаном Каркаралинского округа – 1843 г., июль 26. За попечение к отрядам, командированным для преследования мятежных киргизов, снабжение их всем нужным, за усердие и распорядительность при принятии в волостях мер осторожности, устройством вооруженных партий кир-

гизов, г. генерал-губернатором Западной Сибири князем Горчаковым объявлена полная благодарность – 1846 г., декабря 10».

Мало кто другой из предводителей местного общества мог похвастать такой услужливостью, доставлявшей известные почести и привилегии. В самой казахской среде султан Кусбек имел определенный авторитет, но своеобразный, продиктованный, конечно, султанским происхождением. Он был старшим сыном султана Тауке, сына знаменитого хана Букея, основателя Букеевской орды, потомка хана Абулхаира.

Тем не менее омская администрация вынуждена была реагировать на жалобы в его адрес. Следствие по ним было начато еще в 1846 году. Однако всерьез за Таукина взялись после ряда новых жалоб в 1848 году. О них писал в своей справке от 18 августа 1849 года заседатель Каркаралинского окружного приказа Сухомлинов, который по пунктам перечислял нарушения. В частности, старший султан Таукин обвинялся в «отнятии скота» у некоего казаха Байганова. Далее, Таукин знал о фактах «противозаконного сбора» дополнительной кибиточной повинности неким волостным управителем Бегайдаром Курмановым, но не сообщил об этом в Пограничную комиссию. Также было установлено потворство старшим султаном незаконному сбору по 300 рублей ассигнациями с каждой волости для подношения пограничному начальнику Н. Ф. Вишневскому – очень неприятное дело. А еще Таукин оказался замешанным в деле о «противозаконных действиях» заседателя своего окружного приказа Янова. Наконец, после того как некий султан Чингис, житель Каркаралинского округа, ограбил мещанина Воронкова, приказчика купца Гласкова, Кусбек Таукин «решительным определением начальника Пограничного управления» от 4 декабря 1847 года был «оставлен по сему делу в подозрении».

В числе обвинителей фигурировал волостной управитель Алшинбай Тленшин, и это было серьезно. Вполне возможно, именно мнение Алшинбая оказалось решающим в судьбе ага-султана Кусбека.

Многолетний волостной управитель Айбике-Шаншаровской волости Каркаралинского округа Алшинбай Тленшин был сыном Тленши, известного бия подрода Шаншар рода Каракесек племени Аргын, и внуком знаменитого бия Казыбека. Он пользовался большой известностью и определенным уважением в казахском об-

ществе, да и в русском тоже. Правда, поначалу о нем сложилось иное мнение, которое нашло отражение в рапорте окружного приказа: «Алчинбай, сын Тленчин, старшина, 46 лет. Грубого характера. Посредственного состояния. Чанчаровской волости, рода ксывдыбек, отделения казыбек» (1842 год). Но позже ему давали весьма благосклонные характеристики: «Алчимбай Тленчин, бий. Поведения хорошего. Богат. Был заседателем, а ныне волостной управитель. Во время нахождения в депутации в 1830 г. у высочайшего двора пожалован чином поручика 24 октября того же года, а в 1838 г. – серебряной медалью на аннинской ленте» (1849 год; подписано заседателем Дабшинским). И еще: «Хорошей нравственности, умственность хорошая. Богат» (1850 год – эта характеристика была подписана уже старшим султаном Ускенбаевым).

Пикантность ситуации состояла в том, что именно в те годы Кунанбай породнился с Алшинбаем, сосватав, по обычаю казахских баев, малолетнего сына Абая за Дильду, дочь Алшинбая, заплатив полагающийся калым.

Это был многообещающий союз двух знатных людей племени Аргын. И действительно, впоследствии Кунанбай не раз говорил с благодарностью о дружбе с Алшинбаем, который немедля оказывал, когда требовалось, необходимую помощь.

Впрочем, и Абай, женившись позже, в 1860 году, на семнадцатилетней Дильде, не сторонился тестя. Хотя отношения у них складывались своеобразно – ведь и характеры были непростыми. Предания сохранили историю о том, как молодой Абай в первый раз приехал к тестю как гость. По обычаю, в такой ситуации зятю полагался дар, и ближе к его отъезду Алшинбай послал спросить, что он желал бы получить в подарок. Абай, не теряясь, передал, что готов забрать косяк кобылиц с белолобым жеребцом. Опешивший Алшинбай, не в силах проявить требуемую щедрость, сказал: «Пусть примет бата – мое благословение, и довольно». На что Абай ответил коротко: «У меня дома есть свой старик, торгующий благословениями». И уехал, изобразив обиду. Старик – это, конечно, Кунанбай.

Благодаря своему уживчивому характеру и незаурядному уму, Алшинбай мог решить многие вопросы через русскую администрацию. О казахском суде биев речи нет – здесь свои законы, устоявшиеся в веках. Алшинбай с Кунанбаем сами были превосходными биями, одними из лучших знатоков традиционного права у аргынов, являясь

истинными защитниками родового устройства, традиционных родовых отношений.

Что не поделил Алшинбай с Кусбеком, доподлинно не известно. Жалобы в русскую администрацию обыкновенно содержали какие-либо косвенные причины, иногда надуманные. В любом случае конфликт был. И Алшинбай, надо полагать, задумал сместить Кусбека с должности ага-султана. Конечно, задумку эту реализовывал не он один. Участвовал ли Кунанбай в давлении на Кусбека Таукина, был ли в сговоре с Алшинбаем – трудно сказать. Но, учитывая последующие события, можно заключить, что он готовился включиться в борьбу за кресло старшего султана.

Между Кусбеком и Кунанбаем возникло соперничество, которое и остановило строительство мечети на неопределенный срок.

Несомненно, Кунанбай рассматривался омской администрацией как желательный кандидат в старшие султаны Каркаралинского округа. Участник Лепсинского конгресса 1846 года, поддержавший миссию генерал-майора Вишневского по противодействию Кенесары и организации присоединения казахов Старшего жуза к России, он считался человеком, безусловно лояльным царской власти. Очень богатый, как по меркам степного общества, так и по оценкам русских наблюдателей, он был известен гуманитарными инициативами – открытием школы у себя в волости, стремлением построить мечеть в окружном центре. Более того, как знаменитый бий, блестящий оратор, успешный волостной управитель, он снискал уважение среди казахов, хотя и вступал в частые конфликты с подчиненными аулами, которые сопровождались жалобами недовольных, но какой правитель в ту пору избежал этой напасти?

А вот репутация Кусбека Таукина оказалась сильно подпорченной чередой обвинений в превышении полномочий и ненадлежащем исполнении обязательств старшего султана. Все же он решил избираться вновь, надеясь на прежние связи с руководством.

15 апреля 1849 года исполняющий обязанности начальника Пограничной комиссии полковник Ефим Антонович Клейст, пришедший на смену генерал-майору Вишневскому, издал приказ, в котором объявил о намерении направиться в степь для ознакомления со всеми подчиненными ему округами с обязательными визитами в окружные приказы для проверки состояния делопроизводства.

Еще раньше в Каркаралинский окружной приказ по-

ступило предписание из Омска, касающееся приезда Клейста, с извещением о том, что «при бытности он должен произвести выбор старшего султана». Выборы были назначены на июль 1849 года, причем кандидатуры на должность старшего султана уже утверждены в Пограничной комиссии. Это были действующий старший султан майор Кусбек Таукин и волостной управитель Кучук-Тобуклинской волости хорунжий Кунанбай Ускенбаев.

Предписание содержало подробные инструкции, касающиеся подготовки к выборам. Основное внимание уделялось составу избирателей, подбор которых вроде бы должен соответствовать «Уставу о сибирских киргизах» (1822 г.) и «Положению об отдельном управлении сибирскими киргизами» (1838 г.). Согласно последнему документу, «в число избирателей сверх лиц султанского происхождения допускаются все вообще имеющие офицерские чины, а ровно и те из почетных киргизов, которые прослужили в классных должностях, по выборам, девять лет, хотя они и не имели офицерских чинов». На самом деле состав избирателей тщательно подбирался окружным приказом. Не зря инструкции из Пограничной комиссии предписывали «вызвать для этого в Каркаралинск всех вообще султанов, имеющих по закону право участвовать в выборах». То есть ставка по-прежнему делалась на султанов, как на самых благонадежных лиц в степи.

В то же время один из кандидатов в старшие султаны султаном не был. Что, как известно, соответствовало нововведению из того же «Положения...» 1838 года: «Право быть избранным в старшие султаны предоставляется всем вообще султанам и лицам, пожалованным офицерскими чинами, ограничив впрочем число последних теми, которые прослужат не менее трех лет Заседателями Окружных Приказов или волостными управителями». Кунанбай мог стать первым старшим султаном несултанского происхождения – до сих пор таких прецедентов не было.

Большую помощь в предвыборной борьбе в округе ему оказывал Алшинбай, который привлек на помощь сородичей, таких как бий Тилеген, глава подрода Камбар рода Каракесек. Помогал и Таттимбет Казангапов, волостной управитель Нурбике-Шаншаровской волости, который к тому же приходился племянником Улжан, жене Кунанбая, матери Абая.

Таттимбет (1815–1862) – интереснейшая личность, не только общественный деятель рода Шаншар, но и выдаю-

щийся домрист, композитор, кюйши*, один из основателей школы исполнения кюев в стиле шертпе – когда особый, трепетный звук извлекается не ударом по струнам домры всей кистью, а перебором пальцев. По сути, Таттимбет стал на выборах доверенным лицом своего родственника в большей части округа, хотя и находился в натянутых отношениях со своим сородичем Алшинбаем.

Сторонники Кунанбая серьезно подошли к предвыборной борьбе. Они сразу поняли, что главное – расположить к себе избирателей-султанов, и начали «работу» с ними. В частности, инструкции Пограничной комиссии строго предписывали заранее собрать «отзывы» от тех султанов, которые не смогут прибыть на выборы. Согласно параграфу 41 «Устава о сибирских киргизах», «не могущие явиться по болезни или другим причинам могут к известному сроку присылать свои отзывы письменно, которые и будут иметь силу голоса». Очень удобное для получения нужного результата, но, конечно, не шибко демократичное положение.

Кунанбай стремился собрать побольше таких отзывов. Вот одно из них от султана Шолака Токова как раз из Кучук-Тобуклинской волости: «Во исполнение предписания Каркаралинского окружного приказа от 11 мая, объявленного мне через волостного управителя о прибытии в приказ для имеющего быть выбора старшего султана, сим объявляю, что я по болезни в Каркаралинск явиться не могу. На выбор же старшего султана проявляю свое согласие на то лицо, которое удостоверено будет выбором наличного в Каркаралах общества султанов и волостных управителей» (записано переводчиком Павлом Шумейковым со слов султана Токова).

Выборы старшего султана Каркаралинского внешнего округа состоялись в середине лета. Процедура голосования закончилась подсчетом голосов, который произвели заседатели окружного приказа. В рапорте Каркаралинского окружного приказа от 16 июля 1849 года сказано, что исполняющий обязанности начальника Пограничной комиссии полковник Клейст лично присутствовал при избрании старшим султаном округа хорунжего Кунанбая Ускенбаева: «В присутствии сего произведен его Высокоблагородием выбор старшего султана, в чем и составлен по голосам и отзывам избирательный акт».

---

* Кюйши – исполнитель кюев или домровых пьес.

То есть Кунанбай получил большинство голосов избирателей и мог праздновать победу. На этот счет параграф 44 «Устава о сибирских киргизах» гласил: «Сколько для удобства сих выборов, столько же и в удовлетворение народному обычаю, в назначенный день давать в том месте, где находится Окружный приказ, праздник для киргизов, состоящих в округе, на счет сумм, по штату положенных». И параграф 46: «Приветствие старшему султану по выборе его киргизы должны делать с особенными по их обычаю обрядами. То же наблюдают они при каждом возобновлении выборов, хотя бы и прежний султан оставался».

Но не тут-то было – праздник пришлось отложить. Поднял шум Кусбек Таукин, который заявил, что подсчет голосов был неверным, Кунанбай собрал в свою пользу фальшивые отзывы, и на самом деле победил он, султан Кусбек.

Полковник Клейст не стал устраивать разбирательство на месте и отбыл в следующий округ по запланированному маршруту. А решать проблему поручил чиновникам Пограничной комиссии. Кунанбаю они пояснили, что пока не могут считать его победившим на выборах, хотя бы в соответствии с параграфом 48: «Вновь избранный старший султан не вступает в отправление должности прежде, нежели получится утверждение от областного начальника». В результате, проведя выборы в других округах, исполняющий обязанности начальника Пограничной комиссии полковник Клейст 7 октября 1849 года отправил генерал-губернатору Западной Сибири князю Горчакову представление на утверждение старших султанов. Оно содержало следующий список: по Кишмурунскому округу – майор Чингис Валиханов, по Аягузскому округу – султаны Шанхаев и Агадаев, по Каркаралинскому округу – «избранные народом» майор Таукин и хорунжий Ускенбаев.

То есть полковник Клейст не взял на себя ответственность вынести решение в конфликтной ситуации в случае выборов в двух округах – Аягузском и Каркаралинском. И представил генерал-губернатору по две кандидатуры на одно место, как бы на выбор. Не вызывала сомнения только фундаментальная фигура султана Чингиса, бессменного старшего султана с 1834 года, отца Чокана Валиханова.

Подобная ситуация, когда после выборов все еще остаются два кандидата, на тот момент не была прописана ни в одном нормативном акте. Позже, 4 апреля 1861 года, было принято «Утвержденное положение Сибирского комитета об изменении порядка выборов волостных управителей в

казахской степи и в Семипалатинской области», в котором содержался такой пункт, касающийся выборов волостных управителей: «Большинство голосов дает безусловное право на утверждение; при равном числе голосов преимущество отдается тому из кандидатов, о способностях и благонадежности которого засвидетельствует старший султан, и вообще тому, о ком у начальства будут в виду одобрительные сведенья». Этим документом удостоверялась существовавшая практика на выборах, когда окончательное решение принимало вышестоящее начальство. В случае выбора старших султанов такую функцию зачастую брал на себя генерал-губернатор области.

Известна история с тем же Чоканом Валихановым, интеллектуалом, чингизидом, штабс-ротмистром царской армии, который после возвращения в степь из Санкт-Петербурга в 27-летнем возрасте решил выставить свою кандидатуру на должность старшего султана, надеясь на практике реализовать предлагаемые им реформы. В письме своему товарищу, писателю Достоевскому он сетовал (15 октября 1862 года, Кокчетав): «Любезный друг, Федор Михайлович, я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя на пользу соотечественников, защищать их от чиновников и деспотизма богатых казахов... С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук... На выборах я торжествую. Меня выбирают большинством голосов. У меня 25, а у моего противника баганалинца 14... Противник мой – простой киргиз, это бы решительно ничего, но он человек неграмотный и бывший не раз под судом... по опыту знает, что деньгами можно сделать все. Деньги идут в Омск... Вдруг получаю известие от Гутковского*, что поездка баганалинцев осталась не без успеха и что генерал-губернатор не хочет тебя ни за что утверждать... Черт знает, что такое, хоть в пустыню удаляйся».

Кунанбай едва не оказался в положении Чокана, так и не ставшего старшим султаном. Кунанбай тоже победил на выборах и тоже столкнулся с закулисной активностью соперника. Однако генерал-губернатор князь Горчаков оставил в силе решения избирательных комиссий и 22 октября 1849 года утвердил на «наступающее трехлетие» в должности старших султанов Чингиса Валиханова – по Кушму-

---

* *Карл Казимирович Гутковский* (1815–1867) – областной чиновник, выпускник Николаевской военной академии Генерального штаба. Был учителем Валиханова в Омском кадетском корпусе.

рунскому округу, Бекена Шанхаева – по Аягузскому округу, Кунанбая Ускенбаева – по Каркаралинскому округу.

Так Кунанбай был избран и утвержден ага-султаном.

Глава четырнадцатая

ВЫШЕДШИЙ ИЗ НАРОДА ХАН

Кунанбай стал первым в казахской истории старшим султаном незнатного происхождения, не чингизидом. Тем самым он, в сущности, сокрушил многовековую традицию государственности, установленную Чингисханом и принятую Казахским ханством, согласно которой правителей выбирали только из чингизидов, из ханских династий.

Весть об избрании Кунанбая ага-султаном быстро распространилась в степи. Имя его было у всех на устах. Его называли ханом из простонародья, победившим на выборах потомка знаменитого Букей-хана, что казалось совершенно необычным для людей, все еще живущих в традиционных представлениях о власти и почитающих родовую идентичность за сумму кодов мировосприятия. Без преувеличения можно сказать, что Кунанбай в одночасье стал идолом казахского народа, обретя славу реформатора системы власти, даже если это не соответствовало точному смыслу слов.

Кратко отпраздновав у себя в волости, в собственном ауле новое назначение, Кунанбай перебрался с помощниками в Каркаралинск, который к тому времени еще не был настолько большим, чтобы называться городом, и чаще именовался, как прежде, станицей. Взяв на зиму в аренду у местных жителей дом для жилья, он приступил к своим обязанностям.

Первым делом он постарался убрать из окружного приказа людей прежнего главы округа. Кусбек Таукин был официально лишен должности старшего султана 18 декабря 1849 года. Да, у него на сей раз ничего не вышло. Но Кунанбай знал, что это опытный политик, боец, который не собирался складывать оружие. Новый старший султан видел, что омская администрация не приняла никаких жестких мер по отношению к находившемуся под следствием султану Кусбеку, ограничившись снятием с должности. Почему? Во-первых, майор Таукин был лояльным и заслуженным подданным империи – в этом не могло быть сомнений. Во-вторых, в ту эпоху нарушения российского за-

конодательства случались практически у каждого степного правителя – от волостного старшины до старшего султана округа. Исключений, пожалуй, не было. Абсолютно соответствующего законам империи облеченного властью лица среди казахов быть не могло. В том числе по такой причине: рано или поздно обязательно случались ситуации, в которых необходимо было руководствоваться родовыми нормами и принципами, положенными в основу обычного права казахов. В результате такого подхода всегда обнаруживались обиженные, которые начинали искать защиту в имперском праве. Следовали жалобы, заявления, следствия, суды. И это могло продолжаться бесконечно.

В том же «Формулярном списке о службе старшего султана Каркаралинского внешнего окружного приказа майора султана Кушпека Таукина» от 1861 года есть такие пассажи: «Состоял под следствием за разные противозаконные поступки по должности и журналом Совета общего Областного правления сибирских киргизов, состоявшимся 28–30 мая 1855 г. за №41 и утвержденным г. исправляющим должность военного губернатора, по не имению совершенных доказательств за поступки его не подвергнут ответственности. Состоял под следствием и судом с 16 февраля 1846 г. по делам: а) о незаконном сборе денег с волостей Каркаралинского округа по 300 руб. с каждой для подарка бывшему пограничному начальнику генерал-майору Вишневскому; б) за послабление в незаконном сборе управителем Джагалбайлинской волости Бегайдаром Курмановым с киргизов его ведения баранов, и решительным определением Областного правления сибирских киргизов, изъясненном в указе оного от 26 мая 1856 г. за №2988, ему сделан строгий выговор в присутствии Каркаралинского окружного приказа с взысканием употребленных на прогоны при производстве следствия денег 39 руб. 78 ¾ коп. серебром».

То есть нарушения у Кусбека Таукина, конечно, были. Но империя всегда милостиво относилась к добропорядочным и преданным деятелям степи, не карая их по пустякам. Как поступила позже и с Кунанбаем.

Еще из формулярного списка 1861 года: «Государь император, согласно положению Сибирского комитета, в 3-й день октября 1860 г. высочайше повелеть соизволил не считать майору Кушпеку Таукину бытности его под судом препятствием к получению наград и прочих преимуществ по службе, кроме ордена св. Владимира за выслугу лет и знака отличия беспорочной службы».

Это заключение есть прощение, своеобразная индульгенция. 9 сентября 1861 года султан Кусбек вновь будет избран и утвержден в должности старшего султана округа. То есть от активной политической деятельности он не отходил никогда – такую возможность оставила за ним империя.

Итак, Кунанбай приступил к исполнению обязанностей старшего султана, возглавив новый окружной приказ, в который входили, согласно параграфу 20 «Устава о сибирских киргизах», «два российских заседателя, определяемых областным начальником, и два заседателя из почетных киргизов, по выбору». По параграфу 23: «Внутреннюю стражу в округе составляет команда линейных казаков, на местопребывание Приказа командированных и, буде возможно, постоянно там водворенных», – совещательный голос в Приказе имел начальник казачьего отряда Каркаралинск.

Практика показала, что два российских заседателя осуществляли всю реальную связь с вышестоящим начальством, оперативно сообщая в Омск обо всех событиях в приказе и подчиненных волостях. Мимо них никто в округе, включая старшего султана, не мог напрямую обращаться к областному начальству, через них велась вся деловая переписка. При необходимости начальник Пограничной комиссии и даже военный губернатор области давали им задание провести следственные действия или осуществить поимку и арест провинившихся степняков. В XIX веке именно русские заседатели окружных приказов реализовывали политику империи в казахской степи.

Кунанбай также принял штат канцеляристов, переводчиков, толмачей. В большинстве это были прежние работники приказа. Одним из переводчиков в окружном приказе при Кунанбае был, как установили современные исследователи, Николай Герасимович Корнилов – дед будущего генерала Лавра Георгиевича Корнилова, одного из лидеров Белого движения в России. Заметим в скобках: отдельные исследователи полагают, что матерью Лавра Корнилова была казашка из племени Аргын.

Известно, что станицу Каркаралинскую основали в 1827 году переселенцы, сибирские казаки (53 мужчины и 38 женщин). Среди них были весьма грамотные, способные личности, быстро освоившие казахский язык: Марк Петров, Прохор Власов, Николай Корнилов. Они-то и работали переводчиками в приказе.

Кунанбаю как старшему султану установили годовое

жалованье в размере 342 рублей 85,5 копейки серебром. Он заказал в Омске личную печать. По «Уставу о сибирских киргизах» ему полагалось звание майора (параграф 51: «Старший султан имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности»), но он почему-то остался хорунжим.

Работа закипела без промедления. Каждый день старший султан принимал людей, решал различные проблемы в округе. По тем временам едва ли не основной заботой старшего султана был сбор налогов в волостях. Требовалось немало энергии, времени, чтобы организовать эту работу на огромной территории округа. Но его первой серьезной политической акцией стало проведение выборов волостного управителя в Кокше-Тобыктинской волости – на свое место. Он организовал эти выборы в Чингистау наскоро, сразу после утверждения в должности старшего султана. Провел их быстро, без громоздких, затратных церемоний со сбором массы народа и всеобщим угощением. Времени не было, дел в Каркаралинске накопилось невпроворот. Однако выборы неожиданно дали начало серьезной кампании противодействия его решениям.

Дело в том, что новым волостным управителем Кокше-Тобыктинской волости он решил избрать своего младшего брата Майбасара, сына Ускенбая от младшей жены. По «Уставу о сибирских киргизах» за волостными управителями сохранялась привилегия выдвигать на свое место преемника. Параграф 31 Устава гласил: «Право их на управление волостями должно переходить только по одной прямой нисходящей линии и по первородству», – с оговоркой: «Но и в сем случае сообразно с нынешними обычаями должно предварительно истребовать согласие общества, которое может избрать и другого султана». Это положение было принято в то время, когда волостными могли избираться только султаны, но право преемника все еще сохранялось и теперь, когда волостным мог стать любой степняк, не обязательно султан.

Так вот, стоило Кунанбаю оповестить народ о желании поставить волостным Майбасара, как тотчас несколько биев объявили о выдвижении на пост волостного управителя Божея Ералина, возглавлявшего подрод Жигитек. Он уже обозначил несколько лет назад оппозицию Кунанбаю, подав на него жалобу, которая, впрочем, не получила движения в недрах администрации. Но с того момента Божея стали поддерживать личности из сословия торе, которых

немало и в роду Тобыкты. Им совсем не по нраву было выдвижение Кунанбая в ага-султаны, и они помогали Божею собирать сторонников, то есть сколачивать партию, как говорили тогда. Некоторые авторитетные тобыктинцы согласились войти в нее – Божей сулил им разнообразные выгоды в случае избрания его на вакантную должность.

Кунанбая понять можно. Он хотел поставить волостным управителем вместо себя не просто надежного человека, а очень близкого, чтобы иметь возможность контролировать жизнь рода Тобыкты, за судьбу которого переживал, и влиять на принятие и исполнение решений, если потребуется. А он был уверен, что вмешиваться в события придется, потому что до сих пор только ему удавалось сдерживать разрушительные рефлексии сородичей, склонных не признавать власть главы рода, ежели такого чина в новой политической системе не существовало по закону, и поступать во всем по своему усмотрению, с оглядкой, разумеется, на русскую администрацию. Кунанбай просто не смог выделить никого из сородичей, кого мог бы поставить волостным, зная, что любой из них немедленно даст волю собственническим инстинктам, отбирая у других земли под выпасы, стоит ему только получить власть. Чувство родового единства в казахской среде после установления внешнего российского управления ослабло настолько, что на поверхность всплывали самые захудалые обрывки исторического сознания, порождая лишь узкие контртезы, формулируемые в терминах спасения.

Поэтому Кунанбай как глава рода (а он верил, что все еще является таковым) и остановил свой выбор на Майбасаре, который тоже его не устраивал, но был родным человеком, и он надеялся, что сможет, находясь в Каркаралинске, продолжать осуществлять через него управление родом.

Это было трудное решение, потому что характер Майбасара внушал опасения. Своенравный и вспыльчивый, он неплохо устроился за спиной знаменитого брата, подняв большое хозяйство, имея много скота. В «Алфавитном списке», составленном в 1850 году русскими заседателями окружного приказа (и подписанном Кунанбаем), ему дана такая характеристика: «Майбасар Ускенбаев, бий. Нравственности хорошей, умен. Богат. Кучук-Тобуклинской волости, рода кучук, отделения айдос. Волостной управитель этой волости. Кочевки зимние и летние с братом его Кунанбаем Ускенбаевым». То есть у братьев было, строго говоря, общее хозяйство, а значит, и тесные деловые отношения.

Но, самое главное, Майбасар мало отличался от основной массы степняков, для которых скот все больше становился мерилом всех ценностей, как материальных, так и нравственных. Вообще-то борьба за увеличение поголовья скота всегда была для кочевников борьбой за сохранение жизни. И если возникала малейшая возможность расширить пастбища, приобрести луга или избежать обязательных налогов, казахи пользовались любой лазейкой, чтобы улучшить благосостояние семьи. В традиционном родовом государстве такие деструктивные порывы эффективно ограничивала власть главы рода и, шире, ханская власть. Однако ханов-то уже не было. Главы родов обозначались неформально и признавались народом только при наличии несомненной нравственной, интеллектуальной и сакральной силы родоправителя, такого, например, как Кунанбай. В ее отсутствие верховную власть являла собою российская администрация, но на степной территории она все еще была представлена слабо, к тому же ей мало кто доверял. Поэтому в казахском обществе нарастали местнические устремления, которые пока еще сдерживались инерцией священных традиций. Но должность волостного управителя выглядела все привлекательнее.

Вот в такой обстановке Божей и решил попытать со своей партией счастья на выборах волостного управителя. В прежние времена, когда глава рода имел законную силу, он не рискнул бы пойти против воли Кунанбая. Но пришли другие времена, и Божей рассчитывал на поддержку русской власти. А она все еще считала актуальной задачу необратимого искоренения родовой структуры общества как основного препятствия на пути казахов к оседлости, которая сулила более высокие доходы империи, по мысли ее стратегов. Поэтому она и сохраняла выборность старших султанов и волостных управителей, твердо рассчитывая укоренить в степи этот институт власти.

Казалось бы, выборы – весьма демократическая процедура, но на деле традиционная система власти в то время была куда более перспективной в условиях единственно возможного способа хозяйствования в открытой степи с ее суровым климатом – подвижного скотоводства. Устоявшиеся в веках институты кочевого общества, допускавшие и даже требовавшие участия всех номадов в экономической деятельности, что служило главным условием выживания в степи, следует признать, как сказали бы сегодня политологи, инклюзивными институтами. Согласно современным

представлениям, такие институты стимулируют участие всего населения в экономической активности, и благами ее пользуется не одна только элита общества, но все его члены без исключения.

Такую институцию не могло обеспечить государство с так называемыми экстрактивными политическими институтами, направленными на то, чтобы постоянно выжимать доход из эксплуатации одной части общества в пользу другой. Таковыми почти всегда были абсолютные монархии. И на первый взгляд может показаться, что Казахское ханство с его ярко выраженной и обособленной ханской властью подпадает под определение экстрактивных политических систем. Однако оно не было абсолютной монархией. Несмотря на реальность верховной власти хана и его ближайшего окружения, состоявшего в основном из султанов-чингизидов, ханская власть была существенно ограничена родовыми традициями.

Хан не был владельцем земель всей степи – они находились во владении племен и родов. К тому же, хотя земля была в общинном владении, скот находился в частной собственности скотоводов. При этом хан вынужден был выступать гарантом соблюдения в государстве прав собственности, которая была общей собственностью родов и частной собственностью членов рода. А их, в свою очередь, представляли и защищали главы родов. Сверх того бии, батыры, жырау, главы родов, да и султаны – советники хана, – входили в ханский совет и способствовали эффективности инклюзивной, в сущности, политической системы, защищавшей права родовой собственности, в структуре которой сохранялись права частной собственности скотоводов, членов рода. Каждый член ханского совета имел право голоса, и хан обязан был прислушиваться ко всем. Несогласие с его мнением не считалось преступлением. «Можно отрубить голову, нельзя отрезать язык», – говорили предки.

А внутри каждого рода главы родов вынуждены были считаться с мнением родовых биев, глав подродов, аулов, отдельных семей, которые имели право голоса при принятии всех важных общеродовых решений.

Наличие таких институтов, ограничивающих власть хана и глав родов, зависевших от мнения народа, благоприятствовало экономической активности жителей казахской степи и создавало возможность для будущего развития инклюзивных политических институтов. Основа была хорошая, политические права имели широкие слои населения,

а именно плюрализм мнений считается краеугольным камнем инклюзивных институтов.

А вот Российская империя, придя в степь, могла предложить только свои традиционные экстрактивные политические институты, типичные для абсолютных монархий, где монарх и дворянство имели широкие властные полномочия и сознательно ограничивали права большинства населения в целях собственной безопасности и благополучия. Поэтому в казахской степи царская власть ввела систему непрямого правления, аналогичную тем моделям, которыми пользовались европейцы в большинстве африканских колоний. Основой российской системы были окружные приказы, управлявшиеся старшими султанами из казахов, правда, под присмотром русских чиновников-заседателей. Привычной бюрократической иерархии с подчинением вышестоящему начальству соответствовало территориальное деление округов на волости с регулярными перевыборами волостных управителей каждые три года. А поскольку окружное начальство было далеко, а русская администрация вообще находилась в Омске, у волостных управителей в степи расцветала претензия на исключительность. И за их вожделенные места очень быстро развернулась невиданная в казахском обществе ожесточенная борьба.

Так что не стоит сильно удивляться тому, что Божей решил потягаться за должность волостного с Майбасаром, несмотря на непререкаемый авторитет его старшего брата. Однако, судя по всему, Кунанбай просто не позволил Божею участвовать в выборах, жестко отклонив заявку биев с его кандидатурой. Впоследствии, в конце 1854 года, в Омске было заведено дело «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева» (дело хранится в Государственном архиве Омской области). Случилось это после ряда резонансных событий, в которых Кунанбай со своими родственниками противостоял другой части рода Тобыкты, и жалобы на него поступали в окружной приказ и далее в Пограничную комиссию в большом числе.

В рамках заведенного дела чиновники опрашивали свидетелей и собирали жалобы даже по давним событиям. В частности, по выборам Майбасара бии Божей Ералин и Байсал Айтиев заявили, что Кунанбай, «сделавшись старшим султаном в 1849 г., силой этого звания и должности без общего согласия целой волости сделал волостным Майбасара Ускенбаева, тогда как на выбор сего последнего едва

только была согласна половина волости, и то одни приверженцы Кунанбая Ускенбаева, из боязни, что он старший султан, обойдены родоначальники старшие и более заслуживающие этого звания».

Можно было посчитать мнение Божея и поддержавшего его Байсала, возглавлявшего подрод Котибак, предвзятым и не соответствующим действительности мнением заинтересованных лиц, однако в том же деле есть другие показания, вроде бы подтверждающие их слова. Например, «Кунанбай сказал: "Божей хочет записаться в купцы, так и пусть торгует", и он выбирать его не позволит. Народ видел, что тех, кто говорит против Майбасара, султан ругал, и потому, чтобы не навлечь его неудовольствия, выбрали Майбасара». Или еще: старшина Джамантаев также показал, что «многие при том выборе на избрание Майбасара не изъявили согласия, как и он, однако же тамгу к приговору о Майбасаре приложили во избежание мщения брата его, Кунанбая Ускенбаева».

Скорее всего, в тот момент мнения против старшего султана сильно модулировались логикой предвыборной борьбы. Чиновники заключили, что власть султана была настолько велика, что «и в голову никому не приходило противоречить в чем-нибудь Кунанбаю или изъявить свое несогласие на то, что он хочет». Более того, некоторые старшины, не участвовавшие в выборах, показали, что старший султан забирал у них печати будто бы для сохранения, и закрепил тамгами их согласие на избрание Майбасара.

Как бы то ни было, этот раунд противостояния с сородичами Кунанбай выиграл. Майбасар был утвержден начальником Пограничной комиссии волостным управителем. У него еще было время освоиться в новой должности. Сородичи тоже решили пока присмотреться к нему, памятуя поговорку: хочешь узнать человека – дай ему власть. Но жигитеки, возглавляемые Божеем, не оставили намерения захватить управление волостью. Новое законодательство позволяло надеяться на это. Росло и число их сторонников.

Некоторые недовольные тобыктинские предводители годами безропотно сносили неотвратимое влияние Кунанбая, постоянно и жестко требовавшего исполнения указаний, которые он раздавал в соответствии с собственными представлениями о путях развития рода на основе традиционных родовых отношений, предполагающих безусловное подчинение главе рода. Но теперь, когда он удалился в

Каркаралинск для исполнения обязанностей старшего султана округа, амбициозные лидеры подродов воспрянули духом. Появилась надежда избавиться от влияния, которое они, по обыкновению, связывали с верховенством и давлением всего подрода Ыргызбай. Отныне ыргызбаев представлял Майбасар, более уязвимый, нежели авторитетный Кунанбай, несокрушимый политик, оратор, интеллектуал, эрудит, знаток законов, истории и традиций, энергичный и бесстрашный защитник рода, готовый к тому же прийти на помощь каждому тобыктинцу, если он видел, что тому приходится по-настоящему трудно.

Так что переезд в Каркаралинск мог сыграть злую шутку с Кунанбаем. Но он все еще считал единственно правильным избранный путь. Верил, что вернет народу прежнее благополучие и сможет убедить в этом сородичей. Покончив с выборами в волости, он приступил к следующему неотложному делу. Нужно было срочно реанимировать проект строительства мечети в Каркаралинске.

В декабре 1849 года, сразу после утверждения результатов выборов старших султанов, педантичный пограничный начальник Клейст, к изумлению своему, обнаружил переписку относительно строительства мечети в Каркаралинске при прежнем начальнике. Он немедленно отправил запрос командиру каркаралинского отряда есаулу Щербакову: «Донести, окончена ли постройкою в Каркаралинском округе мухамедданская мечеть, если не окончена, то почему именно». Клейст, конечно, помнил, что никакой мечети летом на выборах он не заметил.

Казачий офицер, вообще не осведомленный о теме запроса, отвечал недоуменно: «Строительство мечети и не начиналось, ибо таковой обязан не был и не знает, на чьей ответственности лежит это поручение, и в делах о сем в предписании не имеется».Более компетентные чиновники Пограничной комиссии пояснили Клейсту, на чьей ответственности поручение. Прежде в ответе за стройку был старший султан Кусбек Таукин, чьи подписи и печати стоят первыми на всех документах. Но теперь отвечать должен новый старший султан Кунанбай Ускенбаев, чьи подписи стоят ниже.

В Каркаралинский окружной приказ незамедлительно был отправлен запрос старшему султану. Не заставляя себя долго ждать, Кунанбай ответил обстоятельным служебным письмом на трех листах, датированным 7 января 1850 года, начинающимся обращением: «Начальнику Пограничного

управления сибирскими киргизами полковнику и кавалеру господину Клейсту от старшего султана Каркаралинского окружного приказа, хорунжего Кунанбая Ускенбаева» (копия письма хранится в Центральном государственном архиве Республики Казахстан).

Прежде всего Кунанбай поспешил подтвердить свои обязательства построить мечеть на собственные средства, напомнив, что «по просьбе бывшего старшего султана Таукина и всех других почетных служащих округа князь Петр Дмитриевич милостиво дозволил строительство деревянной мечети в селе Каркаралы. Ныне же по воле его сиятельства и распоряжению Вашего Высокоблагородия обязанности старшего султана возложены на меня. Следовательно, постройка мечети должна зависеть уже от меня». И заверил: «Войдя в это дело, к собранным здешним народом за прошедшие годы на строительство мечети средствам, я принял твердое решение построить мечеть на собственное свое иждивение».

Как бы доказывая серьезность намерений, он предварил последующие выкладки суждениями о значении веры, заметив, что «подкрепление религии, принятой для бога, чтение намаза есть полезное дело для преобразования нравственности народа». И еще раз удостоверил, что по этой причине не имеет ни малейшего права говорить, что отходит от дела или не выполнит его. Далее он излагает практические соображения, которые старший султан вынес на одобрение пограничного начальника. Он прямо заявил, что утвержденное ранее под строительство мечети место, по его мнению, для этого совершенно непригодно: «Отведенное место слишком близко к казенному провиантному магазину, необходимо иметь в виду помещения для имама новой мечети и школы для обучения, также впоследствии многие из киргиз пожелают построить при мечети собственные дома».

По сути, остальные доводы и предложения служили обоснованию этого положения. Причем автор письма делал особый акцент на пользе строительства школы, для которой требуется отдельная территория: «Желающие в оную киргизские мальчики по образовании могут познакомить себя с российскими законами и обычаем». Без каких-то пояснений было ясно, что школа будет мусульманской – медресе.

Он легко развивал мысль о необходимости расширения пространства: «Также могут поселиться вблизи мечети

торгующие разного звания магометанской веры, проживающие здесь по паспортам, торговым делам татары, бухарцы, ташкентцы. Казенные тоже просят ходатайства моего у Вашего Высокоблагородия законного распоряжения о разрешении им строить при мечети свои дома, однако те не согласны водворить их вдаль». И уже на будущее Кунанбай просил «имеющих скотоводство снабдить из киргизских земель в окрестностях Каркаралов порубку леса на постройку домов. При перемене же обстоятельств тамошним торговцам дозволить им продать свои дома в другие руки».

Налицо, говоря современным языком, рыночный стиль мышления. По всему видно, старший султан излагал продуманный план развития региона, благоразумно присоединяя к нему модную идею перевода казахов на оседлость, которую, возможно, не промыслил до конца, во всяком случае, обрисовал ее только в общем виде.

Конкретно он предлагал строить мечеть ниже Каркаралинской крепости, где находился окружной приказ, «на расстоянии одной версты по Семипалатинскому тракту». Там, по его мысли, совершенно свободно, «поместится слобода». Он пояснял, что «мечеть и селение полукочевников следовало бы расположить отдельной слободкой от казачьих селений». Считал, что должна быть такая же слобода, какая есть у татар, и что казахам будет от того только польза. Они давно смешаны с татарами и смогут учиться у них торговле, совершать совместные поездки по торговым делам «внутри линии и далее на ярмарки». Резюмируя, старший султан прогнозировал, что «не в продолжительном времени около мечети могут поселиться и многие другие казахи». И от этого можно ждать лишь пользу, писал он. Убедившись в преимуществе оседлости, казахи пожелают иметь свои дома.

Получив это «служебное письмо», полковник Клейст 30 января 1850 года отправил ответное письмо весьма благожелательного содержания: «На докладную записку Вашу, почтительнейший султан, от 7 января даю знать, что для выбора места для магометанской мечети будет сделано мною личное распоряжение по прибытии в Каркаралинск, а как Вы изъявили желание взять постройку на собственное иждивение, что до прибытия моего можете распорядиться заготовлением необходимого леса и прочих материалов для мечети».

Это было одобрением начальника Пограничной комиссии плана Кунанбая, и он приступил к его реализации.

Немедленно отправил письменные указания Майбасару о необходимости продажи скота. Нужно срочно обеспечить строительство «собственным иждивением», а значит, требовалось обратить движимое имущество в звонкую монету, то есть продать скот. Принять такое решение было просто. Как подлинно богатый человек – богатый не только материально, но и нравственно, он никогда не был примитивно жадным баем.

К концу зимы необходимые средства были получены, и весной развернулась стройка.

Подробности возведения мечети неизвестны. Но в январе 1851 года Кунанбай отправил рапорт в Пограничное управление о близком завершении строительства. В письме просил разрешения на возведение в 15 метрах от мечети деревянной постройки, предназначенной для обучения детей арабской грамоте и проживания имама*. С нескрываемой гордостью уверял, что после окончания строительства в Каркаралинске возникнет новый квартал.

Он приписал, что эти начинания исходят от него и Саргыза Догалова, заседателя Каркаралинского окружного приказа от казахов. Письмо скреплено их печатями. Ниже проставлены подписи русских заседателей приказа – г-на Лагунова и г-на Дабшинского.

20 января военный губернатор особым предписанием разрешил Кунанбаю Ускенбаеву «иметь помещение для мулл и учебного заведения». Подчеркнуто желание самого старшего султана выстроить этот дом.

26 февраля канцелярия генерал-губернатора Западной Сибири выслала в Каркаралинский приказ подтверждение разрешения на деревянную постройку рядом с мечетью. На документе стоит подпись начальника штаба.

31 марта заседатель Каркаралинского окружного приказа Дабшинский известил начальника Пограничной комиссии о том, что строительство мечети будет закончено к 1 мая. Видимо, поторопился. Только в следующем сообщении Дабшинского, датируемом 11 августа, говорится, что работы по возведению мечети полностью завершены.

15 августа 1851 года сам старший султан Кунанбай Ускенбаев доложил начальнику Пограничной комиссии Клейсту о том, что «магометанская мечеть в селении Каркаралинске постройкою окончена».

---

* Имам – в исламе духовное лицо, заведующее мечетью и совершающее в ней обряды.

Первым имамом мечети стал приглашенный Кунанбаем из Саратова мулла Хасан Сейфуллин, татарин. Он прослужил до 1869 года. Шакарим писал в своей «Родословной» (1911): «Местные казахи были против ногайских мулл, говорили, что эта мечеть казахская, так пусть имам и муллы будут из казахов... Дети поставленного Кунанбаем-кажи ногайского муллы Хасана, ныне покойного, живы по сей день».

По преданиям, на тое (празднестве) в Каркаралинске в честь завершения строительства мечети вместе с отцом был шестилетний Абай. Правда, никаких воспоминаний о детских впечатлениях великий поэт не оставил. Но современники Кунанбая помнили, как он торжественно прочел на тое аят 144 из суры 2 Корана: «Мы видели, как ты обращал свое лицо к небу, и Мы обратим тебя к кибле, которой ты останешься доволен. Обрати же свое лицо в сторону Заповедной мечети. Где бы вы ни были, обращайте ваши лица в ее сторону. Воистину, те, которым даровано Писание, знают, что такова истина от их Господа. Аллах не пребывает в неведении относительно того, что они совершают».

Глава пятнадцатая

ПЛАНИДА СТАРШЕГО СУЛТАНА

Положение Кунанбая в обществе к 1850 году казалось необычайно прочным. В алфавитном списке по Каркаралинскому округу значилось: «Кунанбай Ускенбаев, бий, 46 лет. Очень богат. Кучук-Тобуклинской волости. Управлял волостью, а ныне старший султан... Летние кочевки по рекам Баганасу, Чаганке, урочищам Акчатау, Чакпакташ; зимние – в горах Чингис, за 350 верст к юго-востоку от приказа». (Алфавитные списки составляли русские заседатели окружного приказа.)

В том же году в возрасте 72 лет скончался Ускенбай, отец Кунанбая. В последние десять лет он отошел от дел, жил своим большим аулом в окружении близких родственников.

На похороны собрался, без преувеличения, весь тобыктинский род. Каждая семья сочла долгом выразить соболезнование родным умершего. Уважение к усопшему патриарху было всеобщим. В его ауле не умолкал поминальный плач женщин. Кунанбай организовал ас – поминальный обед для тысяч собравшихся сородичей. Строго следил за

тем, чтобы никто не остался голодным. Объявил, что через год семья проведет большой поминальный ас, обязательный по традиции после ухода из жизни знаменитого человека.

Почтить память покойного прибыли и соперничавшие с Кунанбаем именитые сородичи Божей и Байсал, с ними Суюндык, возглавлявший подрод Бокенши – каждый со своей свитой. С Кунанбаем поздоровались холодно. Выразили соболезнование женам усопшего, отдельно матушке Зере, как бы подчеркивая, что при Ускенбае все жили в мире и к памяти о нем конфликт с его сыном не имеет отношения.

Все складывалось именно так: традиции – отдельно, вражда с Кунанбаем – отдельно.

Поэтому неудивительно, что сразу после поминок противники ыргызбаев, коротко обсудив в узком кругу ситуацию, приняли решение добиваться смещения Майбасара с поста волостного управителя и замены его на Божея. Договорились писать жалобы о противоправных действиях Кунанбая и Майбасара при малейшем их давлении на сородичей, причем стараться доставлять письма сразу в Омск, минуя Каркаралинский окружной приказ, чтобы они не попали в руки объектов критики.

В итоге сезон 1850—1851 годов стал урожайным на жалобы на старшего султана. Какие из них были надуманными, а какие отталкивались от реальных ситуаций, судить трудно. Нужно понимать, что любые жалобы в то время могли содержать фантазии авторов, особенно если имели поддержку со стороны знатных сородичей.

Правда и то, что Кунанбай не сидел сложа руки. Попрежнему устанавливал маршруты перекочевок для всех аулов, призывал к порядку недовольных, наказывал ослушников, используя силу и возможности Майбасара, тем самым давая повод для новых претензий.

Записи в отчетах того времени чиновников Пограничной комиссии, хранящихся в Государственном архиве Омской области, отражают сгущение напряжения во внутриродовых отношениях. Они писали, например, что «двое старшин со всеми юртами, а один в 15 юртах, по согласию г. Ускенбаева, желают оставить природные свои места и удалиться на те, где указывает г. Ускенбаев, а остальные 5 старшин с народом от природных мест не желают удалиться и зимовки во владение г. Ускенбаевых не отдают... Он гонит совершенно от природных ихних мест, которые желает по-

лучить в свое владение. А потому просят воспретить старшему султану Ускенбаеву об отнятии зимовок, им принадлежащих».

Особенно много было жалоб на потраву пастбищ, иначе говоря, на использование их для прокорма стороннего скота. В отчете Пограничной комиссии за 1851 год есть, к примеру, такая запись: «Осенью 1850 г. старший султан Ускенбаев табуном своих лошадей вытравил зимовые места его, Иралина, старшины Юсупа Котанбулакова, Байсала Айтеева и проч.».

В деле «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева» содержатся и показания о жестокости Кунанбая: «Бий Качканбай Буранбаев был наказан лозами» за то, что посмел жаловаться на Кунанбая, «Чинхожу Нуралина, Куванча Утемисова бил по рукам и ногам и говорил, что лишит зимовок».

Вряд ли старший султан опускался до таких низостей. Скорее, соответствуют истине более сдержанные выводы омских чиновников: «Старший султан Кунанбай Ускенбаев о том, что он будет притеснять ходатайствующих о смене брата его Майбасара, не говорил, но в народе все боялись того».

Собрав заявления жалобщиков, Пограничная комиссия в 1851 году провела серьезную проверку некоторых обвинений. Основываясь на ее результатах, военный губернатор отослал следующее извещение в Каркаралинский приказ, по сути, переправив заявления обратно в округ:

«Ко мне поступили три разных жалобы от биев и киргизов Кучук-Тобуклинской волости:

1. Бий Байсал Айтиев и старшина Жусип Кутанбулаков в своем заявлении жалуются, что старший султан Кунанбай Ускенбаев и его сородичи постоянно воруют у них лошадей, травят пастбища, притесняют. Кунанбай и Майбасар Ускенбаевы их защищают и покрывают.

2. Бий Турсынбай и киргизы Наданбай, Садырбай, Мунсызбай Кулыншаковы, а также Манас Турсынбаев подали жалобу на то, что старший султан Ускенбаев, его родственник Жармухамбет Усеров угнетают их.

3. Бий Танка Туяков, а также другие жалуются на притеснения со стороны волостного управителя Майбасара Ускенбаева и пишут, что хорошо бы выбрать другого волостного вместо него».

Омские чиновники без труда установили, что Божей

Ералин «сам рассчитывал стать волостным управителем». Поэтому снять Майбасара с должности сторонникам Божея так и не удалось.

Но в их среде вскоре родилась новая идея: надо добиться раздела Кокше-Тобыктинской волости на две разные волости. И пусть в одной остается волостным Майбасар, но другую возглавит Божей. Размера волости хватало для раздела: она состояла из 20 старшинств, которые включали к тому времени около двух тысяч «кибиток» (под кибитками чиновники разумели юрты отдельных семей, реже каждую юрту). Пример мамбетейцев, отделившихся и как бы отдалившихся от Кунанбая 15 лет назад, вдохновлял раскольников.

Отослав в Омск прошение о разделе волости, подписанное именитыми предводителями подродов Жигитек, Котибак и, вероятно, Бокенши, партия Божея принялась активно агитировать народ за образование новой волости. В отчете омских чиновников есть такое свидетельство: «На поминки по бие Джанкуле Бокончине в аул его съехалось много народу из разных волостей, в числе коих были джигитековские киргизы с таковыми же кутебаковскими, эти последние, отделившись вооруженною толпою, настоятельно требовали от султана Ускенбаева, чтобы их отделить от волости».

Силовое давление на старшего султана было продиктовано, вероятно, эмоциями активистов. Он, конечно, вопрос о разделе волости не решал. А вот начальник Пограничной комиссии полковник Клейст, изучив обстоятельства дела, вынес решение отказать сторонникам Божея Ералина в их просьбе об отделении от волости. В подобных ситуациях российская администрация предпочитала пассивно наблюдать за развитием отношений между разными «партиями». Ей важно было утвердить свои политические институты. Для привыкания к ним нужно время. Именно поэтому она допускала естественное развитие событий, поскольку казахи в любом случае обращались, в конце концов, за разрешением ситуации к русской власти.

Огорченные отказом Клейста поборники независимости от Кунанбая не нашли ничего лучше, как выразить протест вполне традиционным для кочевого общества способом. В прежние времена недовольные правлением хана роды и даже большие племена просто откочевывали от него в другие пределы степи. Вот и теперь, как писали чиновники, «роды котебаковские и джигитековские, в коих состоят

Божей и Байсал, своевольно откочевали от волости к урочищу Баканас, принадлежащему части Аягузского округа».

Таким способом партия Божея решила продемонстрировать недоверие правлению выходцев из подрода Ыргызбай, но изменить все равно ничего не могла. Откочевавшие аулы оказались в Семизнаймановской волости Аягузского округа, где «стравили зимовые места волостного управителя Юсупбая Баузакова», по выражению составителей того же отчета. Кочевать свободно по степи, как в прошлые века, уже не получалось. Все пригодные для выпаса скота земли давно находились во владении определенных родов, а теперь, после деления территории на волости, русская администрация вообще запрещала самовольное кочевание в соседние волости.

Занятые аулами Божея и Байсала земли принадлежали племенам Керей и Уак. Никакого согласования с ними о перекочевке не было. Бии местных родов тотчас потребовали от пришельцев убираться обратно. Одновременно они направили жалобу в Аягузский окружной приказ. Так что беглым аулам пришлось возвращаться в Чингистау на места, указанные Майбасаром, на деле же определенные его старшим братом.

Божея и Байсала совершенно не устраивали выделенные им зимовки. Они считали, что ага-султан передал лучшие земли близким к себе родам, а их лишил исконных родовых стоянок. Кунанбай же полагал, что поступает по справедливости, исходя из исторических, экономических, правовых соображений.

По законам родового общества конфликт полагалось решать в дискуссионном поле с участием биев заинтересованных сторон и независимых биев. Однако Божей не шел на контакт, не желая довольствоваться малым. Ему нужна была власть над всей волостью – по новым законам.

У каждой из сторон была своя правда.

Автор романа «Путь Абая» принял сторону жигитеков, а Кунанбая представил в книге безжалостным угнетателем. Однако в менее зависимых от лекал соцреализма текстах Мухтар Ауэзов не так прямолинеен. Например, в предисловии к первому Полному собранию стихов Абая (1933), написанном латинским шрифтом, он дал небезынтересную характеристику потомкам славного Жигитека, от которого пошло именование подрода (в тексте – рода):

«Жигитек – сын Олжая, приходится прямым родственником Айдосу, деду Абая в четвертом колене. Род Жиги-

тек – самый плодовитый и многочисленный в потомстве Олжая. К тому же это драчливый, задиристый народ, нападавший на других, не соизмеряя свои силы с возможностями. Людям этого рода присущи такие черты, как энергичность, стойкость, упрямство, цепкость и сплоченность.

Поскольку они состояли в близком родстве с родом Ыргызбай, то и соседствовали землями, нередко ссорились, мирились с Кунанбаем и Абаем в больших ли, малых ли делах, постоянно встречаясь лицом к лицу. Иногда мелкие раздоры перерастали в крупные распри, в других случаях после небольших стычек наступали длительные периоды выжидания.

Были случаи частых поражений жигитеков в серьезных конфликтах, случаи временных примирений сторон. Но соглашения о мире были недолгими, противостояние могло возобновиться по любому незначительному поводу. И тогда снова отыскивалось широкое поле для нескончаемой вражды.

Конечно, в этой борьбе жигитеки не оставались одни. По причинам, связанным с жестким характером Кунанбая, а также в силу возникавшего время от времени личного соперничества влиятельных людей у жигитеков появлялись друзья из других подродов, которые помогали им в борьбе.

Тяжба не замыкалась в среде потомков Олжая, часто она входила в пределы всего рода Тобыкты и, ширясь, увеличивала ряды как друзей, так и врагов. И случалось, иногда против Кунанбая и Абая выступали роды, богатые скотом, более крепкие и многочисленные, чем жигитеки».

Эпическая манера изложения, характерная для писателя, создает впечатление нескончаемого противостояния вооруженных группировок в пределах одного рода. В реальном масштабе конфликты, конечно, протекали скромнее.

Важен другой аспект – сложившаяся исторически и подмеченная Ауэзовым повышенная активность жигитеков. Кунанбай, несомненно, оказывал давление на старейшин подродов, включая жигитеков, настойчиво добиваясь исполнения своих решений по перераспределению родовой собственности, каковой являлась земля Чингистау. Причем делал это на правах главы рода задолго до вступления в должность ага-султана и продолжил делать то же самое, восседая в Каркаралинске.

Решения вызывали споры, недовольство. Доходило до ссор и жалоб. Но считать Кунанбая зачинщиком тяжб, причем единственным, каким он представлен в романе «Путь

Абая», а тем более алчным интриганом, действующим «в своих интересах, направленных на укрепление личной власти и умножение своих богатств» (Л. М. Ауэзов), было бы неточно. Чрезвычайно активные, даже пассионарные жигитеки сами разжигали пожар недовольства, вольно или невольно противодействуя стремлениям Кунанбая сохранить родовые традиции, сберечь родовую идентичность. Безусловно, они составляли ему серьезную оппозицию.

Кунанбай был абсолютно цельным человеком. И если применял в отношении кого-либо крутые меры, то считал их обоснованными и справедливыми. Истина жизни воплощалась в его понимании в этой цельности. В нее входили и понятие о единстве казахского народа, и неукротимое стремление к сохранению родовых традиций, законов, устоев. Мысль об истине бытия он никогда не стремился формулировать явно, напротив, говорил уклончиво, иносказательно, скрытно, словно о некой тайне, доверенной миром сакрального. Возможно, ему просто не было нужды обосновывать понятие истины, ибо под нею он понимал собственно жизнь, истину своего существования, как предельную данность бытия – свойство, характерное для человека действия.

Поэтому он принял вызов жигитеков. Решил не оставлять без последствий их наветы. И когда его близкий родственник Каратай, глава рода Кокше, в какой-то момент взял сторону Божея, включившись в кампанию составления жалоб, он дал в январе 1851 года, как старший султан, распоряжение провести на территории рода Кокше чрезвычайный съезд волостных управителей и биев округа. Хотел поговорить с глазу на глаз с жалобщиками при стечении народа.

Подобные съезды всегда были обременительными для хозяев земель, в которых они проводились, весьма затратными и особенно разорительными зимой, в лютую стужу. Народ и без того пребывал в ту пору в стесненных обстоятельствах.

И тогда, по преданию, к Кунанбаю пришел человек из рода Кокше по имени Бектас. Испросил разрешения задать вопрос – такое типичное проявление казахской демократии, когда любой степняк мог запросто обратиться к правителю.

– Е-е, Кунанбай, разве не наступит яркая весна? – заговорил Бектас. – Разве не придет, разгораясь, ясный день? Было у зимы шесть месяцев, а теперь что, с тобой их будет семь?

Разговор в таком метафорическом ключе не длился долго. Кажется, Кунанбай отменил зимний съезд, переговорив с этим человеком. Но намерения бороться за свою честь и за родовые ценности он не оставил. Поменял тактику, решив бороться против оппонентов их же методами.

Организовать встречный поток жалоб на них было нетрудно. Однако омские чиновники уже могли разгадать потайной смысл писем из волости, если было желание. В их отчете 1851 года говорится о жалобах на недостойное поведение биев Божея, Байсала, Каратая и о просьбах «почетнейших киргиз» Каркаралинского округа о высылке из Кучук-Тобуклинской волости упомянутых выше старшин. Доносы такого рода, как это было установлено чиновником Гусевым на месте, пишутся под руководством Кунанбая Ускенбаева. Мало того, в Пограничной комиссии выяснили, что заявители «если и свидетельствовали в истине происшествия, то единственно из страха к старшему султану Кунанбаю Ускенбаеву и волостному управителю Майбасару Ускенбаеву и по научении их».

После таких разоблачительных заключений впору было впасть в отчаяние. Кунанбай и не знал, что делать, как еще бороться с ловкими противниками у себя в волости. Очевидно, в войне диффамаций он оказался в проигрыше. Оставалось только защищаться от дальнейших нападок.

Ахат, сын Шакарима, воспроизвел в воспоминаниях такие стенания своего прадеда, ага-султана, которые вроде бы слышал от стариков, хранителей преданий, или просто воссоздал по их рассказам: «Нет клеветы, которая не клеилась бы ко мне. Кто собирает партию – Кунанбай. Кто грабит аулы, устраивает барымту – Кунанбай. Кого гнать прочь – гнать, оказывается, надо меня. Кого посадить в тюрьму – тоже меня. Благие мои дела начальству не заметны. Кто клевещет на Кунанбая, ругает его, тот и прав. А теперь я – препятствие на пути других. Кто, швыряя деньгами, в пьяном виде дрался со своими работниками, бил и грабил купцов – и это Кунанбай. Но у меня своего добра хватает, чужого не надо. Дадите пядь земли, чтобы мог я стоять твердо на двух ногах, или следует уничтожить Кунанбая?»

Однако сокрушить внутренне уверенного в себе, прочного, как скала, мужественного и рассудительного главу рода было нелегко. В эту непростую для всех тобыктинцев пору он решил реже появляться в своей волости, чтобы не давать повода для очередных обвинений, немедленно сле-

довавших в Пограничную комиссию. На время он полностью положился на Майбасара в делах Чингистау, что, очевидно, было не лучшим, но вынужденным решением.

Почти круглый год проводил Кунанбай в Каркаралинске. В округе уважение к старшему султану оставалось неизменно высоким, несмотря на конфликты в его собственной волости. С региональными проблемами он справлялся эффективно, безошибочно принимая устраивавшие всех решения. Сказывался многолетний опыт служения обществу в качестве бия.

Из гуманитарных его деяний можно отметить акцию, посвященную борьбе с оспой. Вероятно, по предписанию из областного губернаторства в 1850 году Кунанбай набрал из каждой волости по одному молодому человеку и отправил их в Омск на обучение вакцинации против оспы. Результаты мероприятия, к сожалению, неизвестны.

Старался поддерживать он и новое дело – земледелие, привнесенное в степь русскими переселенцами. Казахи, правда, и раньше были знакомы с этим занятием, но не считали его своим исконным делом. Вот и теперь зерно выращивали лишь семьи обнищавших скотоводов, лишившихся скота. Известно письмо Кунанбая, написанное в 1851 году генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой предоставить неимущим казахам землю в местности Карагайлы для выращивания зерновых, что, конечно, соответствовало российской стратегии седентаризации скотоводов степи.

Не забывал он и возведенную им мечеть. Пригласил учительствовать в медресе почтенного ишана* Бердикожу, уроженца Аягуза, что прибавило старшему султану авторитета в среде верующих. Бердикожа считался потомком шейха Садыра, младшего брата знаменитого ходжи Ахмета Ясави.

Шахимарден Кусаинов привел в книге «Суфизм и агиография в Казахстане» (2015) любопытную легенду о пришествии Бердикожи в местное медресе: «Берди-кожа, отправившись в Каркаралинск, взял с собой юную сестру. По дороге им встретился отряд из войска мятежного султана Кенесары, против воли российского императора провозгласившего себя ханом Казахского государства. Командовавшему отрядом батыру очень понравилась сестра Берди-

* Ишан – титул руководителей суфийских тарикатов. Ишанами также называют представителей рода, ведущего происхождение от пророка Мухаммеда.

кожи, и он вознамерился взять ее к себе еще одной женой, но получил отказ. Берди-кожа, видя упрямую натуру батыра, поспешил тайно отправиться дальше. При переходе реки Аягуз он не стал искать брода, и сумки, привязанные к седлам его лошадей, оказались в воде. Неугомонный батыр догнал маленький караван беглецов и попытался силой отнять у ишана его сестру. При этом он высказал подозрение, что тот принадлежит к казахам, которые перешли на сторону враждебных хану Кенесары русских властей, и имеет совсем другую цель своего путешествия, чем та, о которой говорилось. Берди-кожа не стал ему отвечать, а молча протянул ему промокшее письмо Кунанбая, на котором все буквы и печать расплылись в неясные чернильные пятна. Батыр взял это испорченное послание в руки, чтобы посмеяться над почтенным ишаном, но тут все буквы четко прояснились на подсыхавшей бумаге. Это привело душу бесстрашного батыра в смятение, и он отступился от всех своих притязаний, принося извинения ишану».

Легенда в какой-то части вполне правдоподобная, несмотря на наличие персонажа из оставшейся в истории армии Кенесары. Прошло четыре года после подавления восстания, но такие батыры все еще могли в поисках подвигов блуждать по привольной казахской степи.

Популярность Кунанбая в народе достигла невиданных пределов. Доктор филологических наук Асет Болганбаев (1928–1999) как-то рассказал писателю Бейбиту Сапаралы такую историю, сохранившуюся в народной памяти. Некий очень бедный человек («кедей» по-казахски) из рода Дадан-Тобыкты, проживавший у подножия гор Кызыларай на актогайских землях, прослышал, что ага-султан Кунанбай сильно заболел и лежит не вставая. А у этого кедея была одна-единственная корова. Так вот, он прочитал молитву с пожеланием, чтобы на Кунанбая снизошла Божья милость и тот выздоровел. Затем недолго думая зарезал корову и раздал мясо, по мусульманской традиции, всем знакомым и незнакомым неимущим во исполнение своего пожелания.

Богачи спросили его: «Дорогой, кем тебе будет Кунанбай? Что значит твоя щедрость? Зачем зарезал единственную корову?» Кедей ответил: «Кунанбай-мырза мне никто. Он – человек народа. Его достойный сын. Я слышал, что он помогал многим таким, как я, кедеям-работягам, у которых рвутся сухожилия, защищал их. Если будет жив-здоров вышедший из простонародья хан, ага-султан Кунанбай, раз-

ве нельзя мне будет говорить о нем: "Мой кровный брат и мой сородич", приподнимая себя над другими? Поэтому я и зарезал жертвенную корову, отобрав кусок у жены и детей ради здоровья мырзы. И щедрость моя того же происхождения».

Спустя некоторое время об этом случае услышал выздоровевший Кунанбай. Он восхитился благородным поступком совершенно незнакомого казаха из других краев, его щедростью и даже дальновидностью. Тотчас послал ему дары в изобилии, отправив много овец, лошадей и верблюдов. Впрочем, подобных историй в жизни Кунанбая было немало.

Между тем в Каркаралинске не обходилось без критики старшего султана. Такова сущность инклюзивных политических институтов традиционного казахского общества – критика высказывалась постоянно, говорилась открыто в лицо правителю, неважно – хану, старшему султану или волостному. Причем высказать ее мог любой здравомыслящий член общества, а уж тем более – акын, которому вообще полагалось разить наповал объект критики словом правды.

Сам Кунанбай никогда не лез за словом в карман, мог потягаться в остроте мысли с любым записным мудрецом. Увидев как-то на застолье известного акына Балту, жителя местности Абыралы, прилегающей с запада к Чингистау, он приветствовал его шутливыми словами:

– Агалейкум ассалям, акын Балта,
Раскололась твоя чаша и пуста.
Курт стянул, небось, в родах Шаншар, Бошан*,
Спрятав в правый свой замасленный карман.

Ага-султан намекал на ставшие известными в народе мелкие проделки акына в гостях у соседей, и напрасно. Ответное слово содержало намек на более серьезные прегрешения:

– Да, разбита чаша, но как знать,
На меня прольется ль ваша благодать.
Я сумел украсть лишь курт да жир,
Но смогу ль отраву с ваших взяток взять?

---

* *Шаншар* и *Бошан* – подроды большого рода Каракесек племени Аргын.

Балта по-казахски означает – топор. Акын и рубил сплеча, говоря о взятках как о само собой разумеющемся. Лгать он права не имел. Если акын солжет или ошибется хоть один раз в своих словах, то его уже не будут признавать подлинным акыном.

Однако никаких обвинений во взяточничестве во множестве жалоб на Кунанбая, скопившихся в Пограничной комиссии, не было. В каких только грехах его не обвиняли, но только не в мздоимстве. Возможно, объектом критики Балты был Майбасар, но адресовал он ее Кунанбаю, поскольку в народе их не разделяли в общих делах, особенно если дела эти имели негативный окрас. А поводы для всеобщего возмущения Майбасар и некоторые другие родные Кунанбая давали постоянно.

Обычная история: во все времена, в любом государстве ближнее окружение правителя, прежде всего родственники, стремятся за его спиной добыть личную и конкретную выгоду. С разной степенью эффективности этим желаниям противостоят инклюзивные политические институты – парламент, конкурирующие за власть группы, общественные организации. Беда, если их нет вовсе. Но в казахском обществе такие институты существовали с незапамятных времен, ограничивая власть правителей всех уровней – ханов, султанов, глав родов, даже биев и батыров, если их влияние по каким-то причинам возрастало непомерно. Их родственники не могли самовольно присваивать родовую собственность или безраздельно пользоваться результатами экономической активности населения, потому что народ выражал недовольство, а его мнение доносили до правителя те же главы родов и подродов, бии, батыры, жырау и акыны. И нерадивые его родичи могли вмиг лишиться благополучия, а сам правитель – своего места.

Однако с приходом в степь в XIX веке внешнего управления традиционные инклюзивные институты постепенно менялись на экстрактивные политические институты империи. Ханов уже не было, главы родов превратились в неофициальные общественные фигуры. Оставался институт биев, представлявший собой независимую от любой власти судебную систему, но и ему уже имелась альтернатива в виде имперского права.

На этой почве и возникали всюду в степи на местном уровне злоупотребления властью со стороны не столько правителей, сколько их родных. Прикрываясь именем

предводителя, они захватывали у своих же сородичей земли, посягали даже на скот – личную собственность скотоводов.

Кунанбай сдерживал, как мог, стяжательские порывы родственников, безжалостно наказывая за самочинные действия. Требовал от Майбасара, чтобы он прекратил досаждать из мести жалобщикам, даже если они писали откровенную клевету.

Тем не менее дело дошло до неслыханного скандала, закончившегося фарсом. Некий казак Ворошилов, ехавший с почтой из Каркаралинска в Семипалатинск, заехал отдохнуть в аул местного волостного управителя Майбасара. Заподозрив, что посыльный везет жалобы на него и Кунанбая, волостной потребовал, чтобы тот рассказал, что написано в почтовых отправлениях. Ворошилов отказался говорить. Тогда Майбасар выволок его из юрты, избил и отнял почту со словами «сами прочтем». И дал указание помощникам вывезти почтаря и двух сопровождавших его казаков в степь, отобрать лошадей и отправить восвояси.

Добравшись до ближайшего пикета, казаки вызвали подмогу. На следующий день, хорошо вооружившись, бойцы вернулись в аул Майбасара, взяли его под арест и посадили на гауптвахту в казачьем пикете.

О дальнейших событиях известно из отчета прибывшего в волость чиновника Пограничного управления Гусева, который должен был разобраться в происшествии. По его словам, сидя за решеткой, Майбасар говорил «охранявшим его казакам, что его отец у казахов то же, что у русских генерал, и что, следовательно, он генеральский сын. Казаки развесили уши, а он, пользуясь темнотою вечера и знанием местности, от них ускакал, не забыв при этом "по ошибке" захватить чужую шубу, и ускакал, конечно, прямо к Кунанбаю Ускенбаеву, но тот его не принял, а дал только полезный совет – притвориться больным. И вот Майбасар, возвратившись на то место, откуда бежал, распростерся на земле самым живописным образом, придумывая историю о том, как его лошадь сбросила, а для подкрепления истины слов собственноручно разбил себе нос».

Возмущению Гусева не было предела. Он искренне поражался: «Если Майбасар осмеливается колотить казаков, которых из 1000 киргиз 999 боятся, то что же он делает с киргизами? Только что не режет».

Однако чиновник, в конце концов, принял решение не привлекать дебошира к ответственности. И объяснил почему: «На рассвете казаки после напрасных поисков возвращались ко мне, как на пути совершенно неожиданно, на том месте, где они 20 раз проезжали и где всего менее можно было предполагать находку, они нашли Майбасара, но как ни старались его приподнять, никак не могли. Намучившись досыта, казаки наконец догадались, что он сильнее их ровно в десять раз, и поехали в соседний аул за арбой. При помощи киргиз они кое-как усадили Майбасара на арбу, а он, чтобы возбудить общее участие, небрежно развалился в ней, склонил голову набок и выставил вперед разбитый нос. В таком очаровательном виде приехал к нам генеральский сын! Чтоб сколько-нибудь его образумить, я было хотел снова отправить его на гауптвахту, но, осведомившись, что из султанского аула выехало на дорогу человек двадцать подозрительных людей, зная, что от Ускенбаевых можно ожидать всего, и боясь подать повод к преступлению, я благоразумнейшим счел, как бы склоняясь на просьбы аульного старшины Коккоза Булатова, отдать Майбасара ему на поруки. А больной, отъехав от нас сажень на сто, счел за нужное затянуть песню, и так уехал в самом приятном расположении духа».

Кунанбай сильно огорчился из-за этого происшествия. Хотел поначалу снять брата с должности волостного, но неожиданно обнаружил, что Майбасара многие стали почитать как героя, бившегося с казаками и победившего их.

Поначалу это насторожило ага-султана. Он не планировал портить отношения с русской властью. Но в какой-то момент вдруг понял, что битва Майбасара против казаков – это только фон, всего лишь шум. Никто в окружении старшего султана не мыслил бороться всерьез с избыточной внешней силой.

Майбасаром восторгались в казахской среде за его чистое национальное качество – настоящее батырство. Он игнорировал правила и законы и тем самым как бы возрождал бытовавшую прежде казахскую вольницу. Поэтому его наглость и развязность странным образом подкупали многих сородичей, возможно, потому, что они-то уже не могли позволить себе кочевую свободу.

Поразмыслив, Кунанбай решил оставить всё как есть. Тем более что положиться в волости больше было не на кого.

Глава шестнадцатая

ПОМИНКИ ПО УСКЕНБАЮ

Согласно обещанию, данному на похоронах отца, в июле 1851 года Кунанбай провел большой поминальный ас в годовщину кончины Ускенбая.

Воспользовавшись моментом, Божей предпринял еще одну попытку добиться раздела волости и прислал Кунанбаю, который находился в тот момент в Чингистау, косяк лошадей и пять десятков овец в качестве дара к предстоящему асу. Взамен просил содействия разделу Кокше-Тобыктинской волости. Ага-султан даров не принял, в разделе волости отказал, скот отправил обратно. Поступить иначе он, конечно, не мог.

Выбирая место для проведения аса, Кунанбай исходил из необычной идеи собрать на знатное мероприятие представителей всех трех жузов и даже сопредельных с казахской степью земель.

Поминки по известному человеку в родовом обществе всегда имели существенное внутриполитическое значение. Сбор большого числа людей способствовал единению народа, ощущавшего и сознававшего в такие дни общность происхождения и судьбы. На асе часто разрешались споры, затянувшиеся из-за удаленности родов друг от друга, проговаривались позиции, исчезали обиды. В ходе аса выставлялось угощение для гостей, проводились спортивные состязания – скачки на различные дистанции, борьба, стрельба из лука, конные игры, а также творческие состязания акынов и иные развлечения. Довольными оставались и баи, и бедняки – последние могли вдоволь насытиться всего лишь за пожелание благополучия.

Ас по Ускенбаю запомнился тем, как Кунанбай масштабировал свою задумку. Получилось грандиозное событие, надолго запомнившееся в народе и превосходившее, по мнению знатоков национальной истории, все подобные мероприятия на казахской земле. Людям казалось небывалым чудом то, что на асе собрались соотечественники не только из всех трех жузов, но даже и из-за пределов степи.

К предстоящим расходам Кунанбай готовился заранее. Казахи никогда, по обыкновению, не проявляли бережливости на поминках. Напротив, загодя откармливали скот, выставляли, если требовалось, все возможные запасы. Были непоколебимо уверены, что память об ушедших того

стоила. Хотя в народе, конечно, осознавали разорительный характер традиции, что заверено поговоркой: «Смерть транжирит добро состоятельного, оголяет колени малоимущего».

Пятью годами раньше Янушкевич поражался: «Киргизы, даже очень богатые, много тратят на поминки. Кунанбай, например, оценивает последний обряд после смерти брата в 200 коней. Он зарезал 63 коня и 200 баранов, а что стоили призы для байги, сколько вышло сахара, чая, риса – того и сосчитать точно не может» (14 августа 1846 года). Речь тогда шла, видимо, о поминках по одному из сводных братьев Кунанбая.

А ведь поминки по Ускенбаю требовали гораздо больших расходов. Ожидалось прибытие множества людей (точное число неизвестно, но, видимо, не меньше десяти тысяч). Установить тысячу юрт, выставить по девять призов на каждый из видов состязаний, забить тысячи голов скота – это расточительно даже для ага-султана, богача и мецената. Поэтому, очевидно, Кунанбай привлек к расходам всех потомков Ускенбая, его ближних и дальних родственников. Но оставался основным устроителем и спонсором.

Он поистине блистал организаторским талантом, планируя и проводя это мероприятие. Подготовку к асу начал сразу после того, как была достигнута договоренность о месте его проведения. А договаривался он по совету свата Алшинбая с его сородичами – казахами подрода Камбар рода Каракесек. Их возглавлял бий Тилеген, оказавший большое содействие избранию старшим султаном Кунанбая, который и теперь рассчитывал на его выдержку, благоразумие и добрую расположенность. Опытный бий сможет сгладить углы, если на асе пересекутся интересы кого-либо из приглашенных.

Кунанбай побывал на земле камбаров задолго до аса и сердечно приветствовал Тилегена, который предложил для проведения поминок привольную долину Кокжайдак в Кокшетау, на берегу речки Аккойтас. Это идеальное место для такого масштабного действа. Холмы и равнины Кокшетау – обитель предков, священная для казахов земля, в прошлом выбранная ханом Абылаем для своей ставки.

Кунанбай установил в центре долины ошак – треногу, символизирующую очаг, который будет дымить на этом месте во время аса. И объявил саун – режим подготовки к поминкам, разослав во все пределы казахской степи приглашения, сообщая о времени и месте проведения аса, о

том, какие виды скачек состоятся и какие будут выставлены призы, чтобы владельцы скакунов начали подготовку к состязаниям.

За месяц до аса в Кокжайдак стали прибывать назначенные ага-султаном ответственные за подготовительные работы. Среди них были, например, дядя Кунанбая, старший брат Ускенбая Мырзатай и братья Кунанбая – Жакып, Майбасар, Солтанбек.

Работники подняли несколько сотен юрт, пригнали кобылиц, начали заготовку кумыса. На возвышении установили юрту с черным стягом, где должны будут читать молитвы за упокой души покойного.

К середине июля стали прибывать гости. Число юрт на берегу Аккойтаса росло. Начался массовый забой скота.

Шакарим писал в «Родословной тюрков, киргиз-казахов и их ханов», что Кунанбай, «проводя ас после смерти отца Ускенбай-бия в Кокшетау на земле, населенной камбарами, собрал казахов всех трех жузов. Казахи Старшего жуза из окрестностей Ташкента, Бухары прибыли со слугами, которых с почтением оставили в дар». Что ж, бытовала среди баев и такая блажь – дарить работников в вечное услужение.

Одним из первых добрался до Кокжайдака акын Балта. На сей раз он не произносил дерзкие стихи, а пропел вполне уважительное посвящение знаменитому сородичу, сохранившееся в своде устного народного творчества:

– Имя твое всем – как врата добра,
Речи твои – как узоры ковра.
Словно оставил нам бий Ускенбай
Кладези золота и серебра.
На асе три жуза объединил,
Все разногласия устранил,
Свел воедино смыслы игры.
Всяк, кто желал, пришел в этот дом.
Не откладывая на потом.

Мероприятие вели сразу несколько известных личностей: бии Алшинбай, Байжигит, Тана, акын Жанак, волостной управитель Таттимбет – племянник Улжан, жены Кунанбая. Обслуживанием гостей занимались люди из двенадцати волостей Каркаралинского округа, которыми верховодили каракесеки Токсанбай (подрод Шаншар), Жангутты (подрод Алтеке-Сарым), Есберген (подрод Карсон-Керней), а также Жангир из племени Керей.

Прибывавшие гости завели, как принято, скорбный поминальный плач, которому, казалось, не будет конца. В какой-то момент Тана-бий и Таттимбет попросили акына Жанака:

– Если не отзовешься ты на этот плач, больше и некому.

И получилось, что первое слово на асе произнес, точнее, пропел, акын Жанак. И начал он с обращения к главному организатору.

– О, Кунанбай, Кунанбай! Может ли казах мечтать о сыне лучшем, чем ты. На ас по отцу объединил людей трех жузов. Вот и мне бы быть таким сыном, справить ас по своему отцу! Люди Тобыкты, все мы горюем по Ускенбаю, но что тут поделаешь... Пусть земля ему будет пухом!

Тотчас была произнесена (почти пропета) заупокойная молитва. Прочел ее по решению самого Кунанбая молодой мулла Толеутай, обладавший сильным голосом.

Во время чтения молитвы стих гул голосов, замерла вся огромная долина, занятая людьми.

Некоторые подробности аса стали известны благодаря воспоминаниям муллы Утепбергена Балтаулы из подрода Тогалак рода Тобыкты, который умер в 1910 году в возрасте девяноста лет. Утепберген на асе входил в команду обслуги, был посыльным у Кунанбая. Его рассказы запомнили сородичи, и уже с их слов они были зафиксированы письменно Бекеном Исабаевым, летописцем рода Тобыкты.

Из воспоминаний Утепбергена Балтаулы:

«На асе меня и Толеутая назначили распорядителями. К каждому из нас приставили по 4–5 помощников. Все мы сели на иноходцев. Набили голенища листами бумаги. Мы выходили навстречу гостям, выясняли, откуда они идут, из какого жуза и рода, кто ведет их, сколько человек в группе пребывающих, записывали все на листе бумаги и через помощников немедленно отправляли Кунанбаю. По этим сообщениям он распределял гостей по юртам.

Народ с первого дня потек рекой с четырех сторон. Кунанбай знал, где собрать казахов. Что сказать, Кокжайдак и есть Кокжайдак, край, где и воды и травы вдосталь. На полянах, окруженных белыми березами и тополями, россыпью установлены белые гостевые юрты, придающие и без того живописному виду дополнительную красу. Юрта Кунанбая и юрты людей из его близкого окружения стоят на возвышении. Оттуда, должно быть, все поле как на ладони. Но нам с Толеутаем не до этих красот. Мечемся от одного приливающего людского потока к другому, только успева-

ем заполнять бумаги и немедленно доставлять мырзе Кунанбаю.

К обеду мы стали утомляться. Но, оказывается, Кунанбай и это предвидел. Наши гонцы каждый раз возвращались не с пустыми руками – со всякой снедью и кумысом в бурдюках. Времени прохлаждаться не было. Мы пили кумыс из бурдюков прямо на конях и продолжали заниматься своим делом».

Прибывшие гости придерживались установленного порядка. При приближении к аулу осаживали коней, выстраивались в линию и дальше шли за принимающими, стараясь не выбиваться из ряда. Не теряя строй, продолжали степенно и красиво свой путь до предназначенной им гостевой юрты. Там их ждали люди из обслуги, отводили в сторону коней и сопровождали гостей внутрь.

«Наши заботы растянулись от зари до наступления сумерек этого июльского дня, – рассказывал Утепберген. – Уже стемнело, когда с западной стороны вдруг донеслись звуки сыбызгы*. Ритмы мелодии как бы сообщали: "Мы идем". Наша группа понеслась навстречу звукам. Мы были утомлены, но мелодия продолжала доноситься, однако силуэтов идущих навстречу не было видно. Прошло, наверное, время варки баранины, когда мы встретили-таки путников. В сумеречном свете навстречу нам показались несколько всадников. Впереди восседал на чубаром коне великан. За ним пятеро в седлах, ведущие еще по одному коню каждый. Мы справились, кто они. Великан ответствовал:

– Мы из народа Шубыртпалы, зовут меня Агыбай.

Один из моих вестовых взял в карьер и поскакал назад.

Теперь ожидаемых гостей оставалось мало, и мы вместе с прибывшими вернулись в аул. Конь подо мной шатался, я сам был на пределе. Эх, в те дни я, наверное, поменял под собой с десяток иноходцев».

Утепберген, видимо, не понял в первый момент, какого именитого гостя он встречал.

Агыбай-батыр действительно был велик ростом и телом. Происходил он из подрода Шубыртпалы рода Каракесек племени Аргын. Был одним из полководцев армии Кенесары. Российской власти не покорился, но после разгрома восстания получил дозволение проживать на родине в Карсон-Кернеевской волости Каркаралинского внешнего округа.

---

* Сыбызгы – казахский духовой инструмент типа свирели.

Батыра ждали. Ему выделили большую пятикрылую юрту*.

Вестовой доложил Кунанбаю о прибытии гостя-великана.

Следом за ним подошли спутники Агыбая, ведя под уздцы пятерых коней. После приветствия один из них обратился к ага-султану:

– Мы из дальних земель. Ваш гость придет поздороваться к вам утром. А этих коней батыр Агыбай просил привязать к поясу мырзы как знак участия гостя в ваших поминальных расходах.

– Свято почитаемый всеми герой Агыбай! Зарежьте только одну кобылицу из даримых лошадей, – распорядился Кунанбай.

Долина погрузилась в сон, затих топот коней, умолк людской говор. Но это безмолвие длилось недолго. Видимо, зеленое разнотравье благоухающей земли Сары-Арки способствует быстрому восстановлению сил спящего человека. К середине ночи из юрт стали раздаваться песни.

По словам Утепбергена, Кунанбай сказал:

– Батыр, наверное, отдохнул. Пойду все же поздороваюсь с героем.

«Я присоединился к Кунанбаю.

Агыбай приветствовал его стоя. Они обнялись. Гость выразил соболезнование:

– Пусть душа нашего брата попадет в рай!

Кунеке поблагодарил его.

Завязался разговор. Хозяин задал вопрос:

– Батыр, мои жигиты поведали, что вашу сыбызгы было слышно за один перегон скота и что они после этих звуков долго шли вам навстречу. Удивились, что кто-то может извлекать из свирели такие сильные звуки.

Агыбай попросил подать ему сыбызгы, заткнутую за уык**, откинулся на подушки и заиграл. Нам почудилось, будто от звуков инструмента и могучих порывов дыхания батыра заколыхался полог на дымовом отверстии юрты. А с чем можно сравнить его громадное телосложение: сидя, он дотягивался до верхнего края кереге***».

---

* У казахов размер юрты – переносного каркасного жилища с войлочным покрытием – определяется количеством частей стены – крыльев (канат), которые складываются каждое отдельно при переноске юрты.

** Уык – вогнутая жердь, идущая от земли к верхнему куполу юрты.

*** Кереге – деревянная решетка, образующая круглые стены юрты.

Не только батыр Агыбай, но и другие известные в степи личности передавали Кунанбаю дары в помощь проведению аса. Например, по сведениям абаеведа Ниязбека Алдажарова, некий бай из рода Садыр племени Найман прислал к асу 15 яловых нагульных кобылиц. Их пригнал, в числе других погонщиков, жигит-ногай (то есть татарин) Габитхан, про которого бай передал такие сведения: «Этот жигит – хороший мулла, обучен мусульманству. Пусть Кунанбай заодно пристроит его у себя к делу».

Габитхан Габдыназарулы скрывался в казахской степи от рекрутской повинности в России и был рад остаться у Кунанбая, который поселил его при себе. Габитхан впоследствии быстро освоился в тобыктинской среде, учительствовал в школе в Ескитаме, считал себя ыргызбаем.

В итоге ас по Ускенбаю получился величественным, по степным меркам даже роскошным.

На таком масштабном мероприятии основное действо обычно укладывается в три дня.

Первый день – это так называемый день казана на треноге. Обслуга забивает скот, варит мясо. Всё еще прибывающие люди размещаются по юртам.

Второй день – день гостей. Они угощаются, ходят по юртам, приветствуя знакомых и друзей. Акыны и кюйши демонстрируют свое искусство. Устроители громогласно объявляют решения, по каким видам и на каких условиях будут проходить скачки, другие спортивные соревнования и состязания мастеров искусств.

На третий день проходят основные соревнования: конные скачки на различные дистанции, скачки на верблюдах, схватки борцов, состязания в стрельбе из лука, в беге. А также игры: кыз куу* – погоня за невестой; демонстрация умения хватать монету с земли на полном скаку; аударыспак – стягивание соперника с коня.

За проведение игр и развлечений отвечали выдающийся кюйши Таттимбет и акын Жанак. В их распоряжении была целая группа акынов и кюйши, среди которых выделялись знаменитый кюйши Дайрабай и его сын Бактыбай, которые два дня без устали услаждали слух почитателей казахской музыки, пения и искусства импровизации.

И вот наступил третий день. Сначала дали старт байге –

---

* Кыз куу («догони девушку») – конная игра, в которой сначала жигит пытается догнать и поцеловать девушку, затем она стремится догнать его и наказать ударами плети.

конным скачкам по пересеченной местности. На дистанцию в 30 километров ушли 500 скаковых лошадей.

К полудню на подготовленную для соревнований площадь вышли борцы. Сквозь гул многотысячной толпы не было слышно глашатая. В центре стоял главный борец – гигант по имени Котен из подрода Дадан рода Тобыкты. Рядом с ним другие казались маленькими альчиками по сравнению с битой. Глашатай несколько раз обошел ряды зрителей, приглашая желающих побороться с фаворитом. Не вызвался никто. Пришлось остальным борцам состязаться между собой. Огорченному великану достался в утешение главный приз – черной масти скаковой жеребец.

На соседней площадке состязались лучники. За меткую стрельбу по мишени приза удостоился молодой жигит, гость из Младшего жуза.

Вскоре на горизонте показались участвующие в байге кони, которых отчаянно подгоняли наездники. Далеко от других оторвались две лошади, обе саврасо-гнедой масти. Расстояние между ними на финише оказалось небольшим, что затем вызвало длительные споры при определении победителя.

Один за другим пришли к финишу другие скакуны.

Народ волновался, ожидая раздачи призов.

Наконец Кунанбай постановил, что первым пришел саврасый Алшинбая. Ему и следовало вручить главный приз. Решение огласил глашатай.

Тотчас раздались недоуменные возгласы. Громче всех выражали недовольство тобыктинцы, особенно горячились мамбетейцы. Они требовали признать победу лошади их сородича Мотыша Косжетера.

Помощники Кунанбая во избежание скандала вынуждены были созвать совет. Мамбетеец Каракан запальчиво доказывал, защищая Мотыша, что своими глазами видел, как его конь первым пересек финишную черту.

– Остановись, дорогой! – осадил его влиятельный бий Догал. – Кунекен* знает, что говорит.

Слово взял Каратай, глава тобыктинского подрода Кокше.

– Поймите, родные мои, – говорил он, – не каждый день мы проводим такой ас в честь большого человека, который был нам опорой, защитником рода. Так давайте не будем терять достоинства, остановимся, пока не рассыпа-

---

* *Кунекен* (иногда *Кунеке*) – уважительное именование Кунанбая.

лись как горох. Не следует раздувать малую обиду, оскорбляя духов предков. Уважаемый Каракан, и слава аса, и благорасположение духов, и наша честь в твоих руках.

После такой речи больше не было произнесено ни слова. Каракан опустил глаза долу.

Бии пошли к Кунанбаю сообщить о решении.

– Ты все правильно сказал, – обратился он к Каратаю. – Негоже на празднике плодить раздоры.

В итоге главный приз вручили Алшинбаю.

Напоследок народу предложили игры и зрелища, среди которых были совсем уж необычные. О них рассказывал Утепберген Балтаулы.

«Самое интересное в третий день началось после обеденного угощения.

Вначале мы наблюдали за демонстрацией умения хватать монету с земли на полном скаку, погоней за невестой – кыз куу, конными и верблюжьими скачками. Потом стали свидетелями двух видов развлечения, доселе нам неведомых. В одном надо было зубами достать из наполненного кислым молоком казана золотую монету. Никому не удалось извлечь монету таким способом. Зато позабавило, как человек вынимал голову в айране из казана.

Потом вывели на площадь, покрытую шелковым ковром, белую верблюдицу и привязали поводья к колышку. Глашатай объявил: "Если найдется незамужняя женщина, которая голой выйдет сюда и развяжет зубами повод верблюдицы, то ковер и верблюдица достанутся ей". Сначала никто не выходил. Заминка длилась долго, но потом из толпы вышла одна женщина и стала раздеваться».

Здесь требуются пояснения, поскольку последний эпизод вызвал пересуды в обществе, которые продолжились и в наши дни после выхода в свет фильма «Кунанбай» (2015, режиссер Досхан Жолжаксынов).

В казахской среде, как в любом тюркском сообществе, женщине непозволительно появляться в обнаженном виде. Однако смертью это не каралось, и иногда на больших сборах неожиданно возрождались подобные шокирующие развлечения с обнажениями, идущие из глубины веков и отражающие вольный дух кочевой жизни. Об этом писал и академик Алькей Маргулан (1904–1985): «Поразительная традиция, явленная на асе Ускенбая, – выведение на площадь обнаженной женщины. Это один из красивых и интересных видов развлечения, идущий со старых вре-

мен. Встречается только в эпосе "Манас"*, случился он и на асе по Ускенбаю. В "Манасе" вместо красивой девушки на площадь выходит женщина в летах, что ввергает Манаса в большое смятение. На асе Ускенбая вышла очень красивая обнаженная молодая женщина, выбранная Кунанбаем и Таттимбетом, зубами развязала узел на шелковом поводке, привязанном к уздечке с медной отделкой, и увела верблюдицу, пройдя перед важными персонами. Верблюдица досталась ей в подарок. Если всмотреться в исторические корни этого явления, можно обнаружить весьма знаковые смыслы. Со смертью человека радости жизни не убывают, нам в этом прекрасном мире нужно продолжать жить, нужно радоваться дальше – такие вот светлые видения».

В изложении Утепбергена демонстрация выглядела несколько иначе. Вот продолжение его рассказа: «Это была увядшая женщина, закутанная в материю. Она подошла к верблюдице и быстро произнесла в толпу:

– Мужчины, мужчины, жигиты,
Землею родною повиты.
На асе нашей опоры,
Исполняя ваш каприз,
Забираю этот приз.

С этими словами она скинула одеяние, но Кунеке тут же накинул на нее чапан. Не дал даже развязать веревку. Кроме верблюдицы и ковра женщине достался еще и чапан в качестве извинений».

Остается привести аналогичный эпизод в эпосе «Манас» по тексту Алькея Маргулана, возможно, заимствованному у Чокана Валиханова. В 1856 году поручик Валиханов в 21-летнем возрасте совершил поездку по берегам Иссык-Куля, где со слов манасчи** записал фрагмент эпоса «Манас», который нам известен под названием «Смерть Кукотай-хана и его поминки»: «Бокмурын застелил площадь большим дорогим ковром и вывел в центр за уздечко с медной отделкой черную верблюдицу-каймалы с изящными горбами, которую привязал к колышку. Провозгласил:

---

* «Манас» – крупнейший эпос и имя его главного героя – легендарного батыра, объединившего киргизов. «Манас» включен в список шедевров нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, а также в Книгу рекордов Гиннесса как самый объемный эпос в мире – более 900 тысяч строк.

** Манасчи – сказитель эпоса «Манас», помнивший его наизусть.

“Пусть молодая голая женщина выйдет на площадь, развяжет верблюдицу и, танцуя перед народом, уведет ее”. На площадь выбежала совершенно голая полногрудая Оронку, держась руками за макушку. Развязав зубами узел веревки, которой верблюдица была привязана, она обошла толпу, ведя за собой свой трофей. Выход Оронку сильно расстроил Манаса, так как в те времена любящие красоту сери – настоящие мужчины по представлениям кочевников: певцы и музыканты – и великаны-батыры в таких случаях ожидали выхода девушки-красавицы или молодой женщины, на которой потом женились. Появление немолодой Оронку никого не впечатлило, над ней стали смеяться. Манас злился на ее речи с прихлопами. Но Оронку дала достойный ответ: “Слава богу, мне хватает своего скота, но разве женщине не дорого доброе имя, не присуще особое природное чувство?” – тем самым заставляя Манаса замолчать».

Завершился третий день аса, пришло время разъезжаться гостям. Первым, собрав юрту, ушел с аса недовольный мамбетеец Каракан, затаивший обиду за саврасого коня, лишенного законного приза на байге – а такие обиды всегда серьезны. Проходя мимо юрты Кунанбая, он хватил по ее краю камчой и крикнул:

– Кунанбай, ты отверг счастье саврасого, так пусть Кудай лишит счастья тебя!

Кунекен и бровью не повел.

Он вообще вел себя странно в последние часы, по мнению гостей. Не выходил из юрты, перестал встречаться с людьми, не произносил ожидаемых речей.

«Что происходит? – недоумевали гости. – Мы же не какие-то случайные люди. Среди нас главы родов, бии, волостные, известные люди трех жузов. Зачем он нас собрал? Чтобы сидели и чего-то ждали?»

Но замешательство приезжих длилось недолго. Кунанбай сам дожидался момента, чтобы попрощаться со всеми. Вскоре он вышел к людям.

–Уважаемые гости, прибывшие из дальних и ближних мест, прошу простить, что заставил ждать вас, старейшин родов, защитников народа, хранителей его ценностей и достояний – так начал он свою речь. – Мы, люди трех жузов, провели ас по отцу моему Ускенбаю, но одному Аллаху известно, как и когда коснется нас его милость. Но сам я не думал о почестях, проводя ас. Мы с давних пор живем и кочуем в разных концах степи, но у нас один корень, одна кровь, мы – казахский народ. И я хотел, чтобы люди трех

жузов в течение нескольких дней сблизились, познакомились, узнали лучше друг друга, установили прочные отношения, возможно, даже деловые, торговые. Мы ведь казахи, народ, который не ходит попусту, без дела. А если есть между нами проблемы, можно здесь прийти к согласию. Так что будем жить в богатстве и единстве. Как говорят в народе, где единство – там жизнь.

Речь была воспринята с пониманием, уважением, почтением. Те, кто ворчал перед его выходом к людям, стали подходить к Кунанбаю, чтобы выразить признательность.

– Я понял, что вызвал недовольство, даже обиду тем, что вышел к вам с задержкой, – оправдывался мырза. – Но, как говорится, терпение – золото. И если честно, просто хотел подчеркнуть, что всем нам нужно сохранять терпение, что бы ни случилось. Говорят же, что излишняя горячность, разрушительные действия во все времена лишают народ единства и достатка.

Весь вечер гости прощались и уходили в степь.

Должны были остаться только близкие родичи, которые проведут предусмотренные традицией ритуальные действа – зарежут бесплодную кобылицу на последний дастархан*, развяжут тюки с подарками, еще раз послушают поминальные распевы.

Кунанбай мог гордиться. Ас по Ускенбаю занял особое место в истории XIX века, исполнив объединительную функцию для всей нации, что в определенной мере способствовало предотвращению окончательного распада родовой структуры, родовой идентичности, за что и боролся постоянно Кунанбай. На асе случились знаменательные события, не только игры и зрелища. Во-первых, присутствие таких личностей, как Агыбай-батыр, полководец армии Кенесары, Жапалак-батыр, Алшинбай-бия, Тленши-бия, акына Балта, многих других знаменитостей, имена которых были на слуху каждого казаха, засвидетельствовало почтительное отношение к ушедшему из жизни столпу общества, что только подчеркнуло важность такой институции в системе традиционных экстрактивных политических институтов казахского общества. Во-вторых, тесное общение казахов трех жузов привело к возобновлению и дальнейшему развитию контактов, прервавшихся после имперской экспансии и восстания Кенесары. В-третьих, участие в асе

---

* Дастархан – расстеленная скатерть; в переносном смысле – стол с яствами, застолье.

гостей из-за пределов степи, включая представителей других тюркских народов, позволило казахам осознать принадлежность к историческому тюркскому миру.

Резюмируя, отметим характерный для казахов не только в XIX веке мировоззренческий парадокс: в один и тот же год Кунанбай завершил строительство мусульманской мечети в Каркаралинске и провел масштабные поминки по отцу в подлинно тенгрианских традициях тюркского кочевого общества. Конечно, на асе соблюдались мусульманские обряды – верующие читали молитвы, цитировали Коран. Но эти элементы только вкраплялись в общее полотно тюркского кочевого бытия, которое включало не только поминальные песнопения и речения, но и жертвенную тризну, конные скачки и увеселительные мероприятия для народа.

Все было бы хорошо, если бы не одна серьезная неприятность, случившаяся под занавес аса и сильно расстроившая Кунанбая. Связана она с Майбасаром, который умудрился организовать кражу косяка лошадей у найманов, родственников Божея по материнской линии (по-казахски – «нагаши»). Об этом поначалу никто вроде бы не знал; Майбасар пустил ворованный скот на мясо прямо на асе. Однако в степи такие вещи никогда долго не оставались тайной. Божей очень скоро узнал о содеянном, потребовал вернуть скот. Майбасар пропустил претензию мимо ушей.

Выслушав сообщение о разногласиях между Майбасаром и Божеем, Кунанбай распорядился немедленно возместить урон родственникам Божея из своего стада.

Надо полагать, что этого было недостаточно. Мырза крепко задумался. Он понимал: роду Тобыкты может грозить новый виток противостояния.

Глава семнадцатая

ГЕНЕТИКА ТРАГЕДИИ СТЕПИ

Областное руководство в Омске знало о планах проведения поминок по Ускенбаю – старший султан сам предусмотрительно известил о них письмом. Однако начальство сильно удивилось масштабам состоявшегося аса, оставив его, впрочем, без особых комментариев. С одной стороны, поражал несомненно растущий авторитет Кунанбая среди общей массы казахов, с другой – администрацию всегда настораживали подобные интегрирующие акции в степи,

за которыми мерещились новые заговоры против империи. Поэтому к действиям старшего султана следовало присмотреться особо.

Между тем его последний формулярный список по службе, датированный августом 1851 года, безупречен: «Хорунжий Кунанбай Ускенбаев, старший султан Каркаралинского окружного приказа, 47 лет, вероисповедания мухамедданского. Жалованье 343 руб. 10 коп. серебром». И о семье: «Женат и имеет детей: сыновей Худайберды, 22 лет, Изумберды, 21 года, Тангрыберды, 13 лет, Ибрагима, 7 лет, Исхака, 5 лет и Халила, 3 лет, дочерей Кунбалу, 19 лет, Манли-балу, 17 лет и Залиху, 6 лет» (подписали исполняющий должность советника Каркаралинского внешнего окружного приказа Яценко, советник К. Сопоцько, заведующий отделением, асессор Сухомлинов).

Осенью 1851 года Кунанбай был приглашен военным губернатором в Омск на традиционное собрание должностных лиц Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

В Омском архиве сохранилось решение окружного заседания волостных управителей и биев, состоявшегося 22 октября 1851 года в Каркаралинске. Написанный арабской вязью и переведенный на русский язык, этот документ гласит: «Представляющие жителей Каркаралинского округа султаны, а также волостные управители, старшины и аксакалы ради сохранения благополучия на земле, а также с целью выслушать устные указания вышестоящей власти, единогласно решили направить на собрание в Омск вместе со старшим султаном Кунанбаем Ускенбаевым волостного управителя Нурбике-Шаншаровской волости Таттимбета Казангапова».

Таттимбет к тому времени был на весьма хорошем счету у власти. В Алфавитном списке за 1850 год о нем сказано: «Таттимбет Казангапов, бий. Характер спокойный, умен. Богат. Нурбике-Чанчаровской волости, рода бертыс. Волостной управитель» (подписано, конечно, старшим султаном Ускенбаевым).

Кунанбай считал себя обязанным передавать жизненный, политический опыт молодым соратникам, тем более родичам. Поэтому часто брал в спутники на подобные мероприятия Таттимбета, племянника Улжан, талантливого домриста и разумного управителя. Впрочем, это не помешало Таттимбету однажды навести, хотя и косвенно, критику на Кунанбая, высказанную устами слепого акына Шоже Каржаубайулы (1808–1895), знаменитого насмешника,

мастера айтысов, потомка киргизов племени саруу, захваченных еще в XVIII веке в плен Абылай-ханом.

Началась эта история в 1849 году, когда Таттимбет решил использовать великий сатирический дар Шоже и привел его в аул Алшинбая, где Пограничная комиссия проводила ревизию накопившихся проблем. У Таттимбета имелись большие подозрения на нечистоплотность Алшинбая в делах управления волостью, о чем он поделился со знаменитым акыном.

Шоже явился прямо на заседание комиссии – чистое проявление тюркской кочевой демократии. Алшинбай хотел было его прогнать, но не получилось. В традиционном родовом обществе всегда сказывались лежавшие в основе его инклюзивные политические институты. Право голоса имел каждый гражданин степи. Неучтивый хозяин получил от акына серию четверостиший, вот одно из них:

– Бессилен пред птицей ноябрьский гусь,
Лыс Алшинбай, сын Тленши – ну и пусть.
Если обиделся, названный лысым,
Займись головою, только не трусь.

Спустя два года Шоже самостоятельно добрался до аула Алшинбая, желая помириться с ним. Там гостил в тот момент Кунанбай. Алшинбай пригрозил спустить на акына собак. Опять не вышло – акын успел сказать все, что хотел. Сохранились в народных преданиях такие его стихи:

– Коран невпопад мулла-сопы* прочтет,
Всю грудь твою по смерти ворон склюет.
Пришел к твоей юрте с надеждою, но
Здесь только с кривым лысый дружбу ведет...

Ворье убоится ли разве Кудая**?
Бери смело взятки от Алшинбая!
А если слепой не угоден народу,
Избавься сначала от Кунанбая.

Здесь Кунанбай задет, конечно, по касательной, хотя акын запальчиво называет его и кривым, и слепым, что было только полуправдой. По наблюдению хранителей преданий, Шоже никогда не нападал на него конкретно, в

* Сопы – искаженное от суфия; отражает недоверчивое отношение многих казахов к муллам.

** *Кудай* – Бог в традиционных тюркских верованиях.

отдельности. Взяточником акын прямо называл только Алшинбая, а вот про Кунанбая сказать такого не мог, не было причин.

Если не считать этой истории с неявной критикой Шоже, Таттимбет всегда проявлял себя верным соратником ага-султана. Помогал советами и в поездке в Омск. Здесь Кунанбай познакомился не только с русскими чиновниками, но и с султанами, правителями других округов. В частности, с интересом общался с Чингисом Валиевым, отцом Чокана Валиханова.

Глава Каркаралинского округа имел все основания считать участие в верховном собрании весьма удачным, хотя неожиданно ощутил холодок в отношении некоторых давних знакомых, которые прежде почти беспрерывно выражали почтение. Причина стала ясна несколько позже.

Почти всю зиму Кунанбай провел в Чингистау. Пользуясь моментом, решал семейные проблемы. Например, у Кудайберды после женитьбы в 1843 году на Толебике до сих пор не было детей. Это серьезный повод для беспокойства главы ыргызбаев – забота о потомстве лежала и на его плечах.

Деятельный мырза несколькими годами ранее направил к снохе доверенного человека. Достаточно деликатно женщина передала Толебике такие слова свекра: «Кудайберды – единственный сын у Кунке. Разве можно ему оставаться без ребенка? Если сноха не против, возьму ему еще жену?»

Предложение ни в малейшей степени не было неэтичным по нормам того времени, ибо в степи в этом деле придерживались законов шариата, по которым мусульманин мог иметь четыре жены, если был способен обеспечить их благополучие.

Толебике дала согласие. Да разве могла молодая женщина возразить могущественному свекру? Поэтому еще в 1847 году Кунанбай сосватал для Кудайберды юную Ботантай, праправнучку знаменитого тобыктинского батыра Мамая. Мырза и в этом случае постарался, чтобы невеста происходила из степной знати.

Кстати, ее старшая сестра Бегжан, уважительно именуемая в народе Бегим-ханум, была матерью Алихана Букейханова, одного из лидеров Алаш-Орды. Поэтому неудивительно, что впоследствии и Шакарим, сын Кудайберды, и сыновья Абая, его племянники тесно общались с Букейхановым в пору его активной политической деятельности.

Ботантай, моложе Кудайберды на четыре года, была очень энергичной, подвижной, работящей девушкой. Наверное, жизнелюбие и оптимизм позволили ей согласиться на одну семейную авантюру, о которой долгое время никто, кроме узкого круга людей, не знал. Нам эта история известна через Ахата, сына Шакарима.

Вскоре после замужества Ботантай забеременела. Толебике объявила, что невестка заболела и ей нельзя выходить из юрты. Сама Толебике стала ходить, подложив под платье маленькую подушку, чтобы казалось, будто она беременна. Понятно, что сговор не мог состояться без согласия кое-кого высокопоставленного в семье, расположившегося в гостевой юрте.

В конце лета аул спустился с жайляу. Едва люди устроились в зимних домах, как разыгралась буря. В эту ночь Ботантай родила сына, которого назвали Амиром. Но всех известили о том, что его родила Толебике. И в течение последующего времени старались поддерживать эту версию.

Смысл манипуляций с ребенком, конечно, состоял не в желании обмануть все сообщество. В любом случае подлог бы вскрылся, в степи невозможно спрятать даже самые тонкие семейные тайны. Поэтому подлинное значение истории, вероятно, в другом. Толебике долгое время не имела детей, а в подобных случаях казахи часто шли на ухищрения, чтобы обмануть или умилостивить духов. Многие искренне верили, что злые силы, сведения о которых носила в себе древняя вера кочевников в бога Тенгри, способны лишить семью счастья, сделав женщину бесплодной. Именно в этом, надо полагать, заключался смысл причисления ребенка Толебике.

И хитрость оказалась благотворной. Через два года Толебике родила сына, которого назвали Омаром. К несчастью, не прожив и года, малыш умер. Но затем у нее родились еще три сына – Муртаза, Шахмардан (Шаке), Шакарим. Вторая жена Кудайберды Ботантай родила позже еще двоих мальчиков – Жылкайдара и Ырзыкбая. Жылкайдар умер в четырехлетнем возрасте.

Занимаясь семейными делами, Кунанбай оставался в Чингистау. Но держали больше не семейные, а внутриродовые проблемы. 1852 год обещал стать жарким. Вести из Омска поступали тревожные.

Как оказалось, еще осенью 1851 года в Пограничное управление была доставлена жалоба бия Кокше-Тобыктинской волости Божея Ералина, который заявил, что Ку-

нанбай Ускенбаев самочинно занял его зимовые места под названием Токпамбет еще в ту пору, когда был волостным управителем. «Кунанбай отобрал у меня землю Токпамбет вместе с зимовьями, требую вернуть ее мне», – писал Божей.

Подробности этой истории частично можно восстановить по заведенному спустя четыре года в Омске делу «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева». Частично, потому что в нем содержатся в основном показания и обвинения только одной стороны – оппонентов Кунанбая. Его доводы в деле практически отсутствуют. В 1855 году он был обвиняемым. А в 1851 году на волне эйфории после проведения большого общеказахского мероприятия, каковым стал ас по Ускенбаю, после участия в высочайшем собрании в Омске, где он, казалось, прикоснулся к большой политике, передряги внутри собственного рода казались ему делом второстепенным. Считал, что может распутать их одним махом, как в прежние времена почти абсолютной власти главы рода. И утруждать себя юридической защитой в российском праве не считал необходимым.

Это было очевидным заблуждением. Времена менялись необратимо, традиционные внутриродовые отношения стремительно конвертировались в местные партийные предпочтения – Кунанбай сам знал это прекрасно, однако верил, что силой своего интеллекта, влиянием авторитета и несокрушимой волей главы рода уж своих-то подданных сможет подчинить прежней, традиционной системе внутриродовых отношений. Но теперь дело было во внешнем, непрямом управлении, осуществляемом империей. Настойчиво продвигая новые для казахского общества, а на самом деле старые имперские, экстрактивные политические институты, российская администрация обращала мало внимания на проблему сохранения родовых отношений. Точнее, традиции вообще почитались за зло.

И когда на Кунанбая пошли жалобы от «партии» Божея, Пограничная комиссия неожиданно приняла сторону жалобщиков, нимало не смущаясь давностью лет описанных происшествий. В единственной объяснительной записке Кунанбай прямо заявил, что землю Токпамбет никогда не вернет Божею, поскольку распределил ее несколько лет назад в соответствии с исторически обоснованными внутриродовыми причинами. Таковые для чиновников аргументами не являлись, и они продолжили

основываться в своих решениях на текущих донесениях. А они шли постоянно.

Поначалу сторонники Божея организовали в соответствии с традицией барымту, чтобы попытаться созвать затем суд биев и постараться доказать несправедливость решения и деяний Кунанбая по Токпамбету, хотя надежд было мало – все понимали, что по родовым представлениям и внутриродовым обязательствам Кунанбай прав. Угнанный скот служил залогом в суде биев и подлежал возврату в случае проигрыша похитителей имущества.

Однако Майбасар незамедлительно провел ответную барымту, угнав столько же лошадей, сколько похитили жигитеки. Тем самым он нивелировал их претензию в суде биев. Стороны вернулись на исходные позиции.

В деле «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева» Кунанбай прямо обвиняется в угоне скота у «приверженцев противной ему партии родов кокчинского, кутебаковского и джигитековского, а они, как слышно, решились делать это из необходимости за сделанные у них прежде тоже кражи скота их противниками, за которые они не получили удовлетворения».

Омским чиновникам, конечно, невозможно было оперативно и справедливо разобраться в череде противоправных действий, находясь в 700 километрах от места событий. А цитируемое дело составлялось уже во второй половине 1850-х годов на основе показаний свидетелей, зачастую предвзятых.

В этот трудный для всего рода Тобыкты момент Кунанбай не нашел в себе силы пойти на компромисс и сделать шаги к примирению с оппонентами. Возможно, следовало немедленно снять Майбасара с поста волостного управителя и сесть за стол переговоров с Божеем, что они, впрочем, и сделали позже с помощью суда биев.

Но пока конфронтация продолжалась. Из упомянутого дела выясняется, что Божей, Байсал и их сторонники сразу после первой стычки замыслили даже убить Кунанбая – настолько они преисполнились ненавистью к сородичу, олицетворявшему в тот момент для них все зло мира. Никакие великие свершения и постижения ага-султана не шли в счет. И все из-за земли, общеродовой статус которой отстаивал Кунекен и которая, кстати, так и не стала ничьей частной собственностью, а перешла, в конце концов, в собственность империи.

По одной из версий, ага-султан в этой напряженной ситуации назначил неожиданно для всех межродовой съезд в ауле жигитеков для разбора накопившихся жалоб. То есть на сородичей Божея должно было лечь бремя расходов, связанных с проведением съезда. Жигитеки избили посланцев ага-султана и отказались принимать съезд. В ответ Кунанбай совершил роковое нападение на аул Божея в Токпамбете, описанное в романе «Путь Абая».

Мухтар Ауэзов основывался на следующих записанных им воспоминаниях старейшего тобыктинца Тумабая Наданбаева, внука Кулыншака, главы подрода Торгай: «Жигитеки, распустив боевых коней, беспечно расположились. Сначала угоняют их лошадей. Турсунбай и Балагаз метались с топорами в руках, оставшись пешими. Это событие произошло на зимовке Божея Токпамбете. Всех, кто прятался во дворе, избили. Божей вышел последним, его начали избивать. Тело его отличалось белизной. Пушербай, сказав: "Не бейте", – ложится на Божея. Кунанбай приказал: "Бей его самого". Тогда котибак Байсал грозно проговорил: "Попробуй бить, не смеешь". Божея ударили. После этого котибаки и жигитеки объединились. Торгай Кулыншак, отец пяти батыров, ушел с ними. Эти пятеро батыров, которых в роду называли особенными: Турсынбай, Садырбай, Мунсызбай, Наданбай, Манас» (из архива Литературно-мемориального дома-музея М. О. Ауэзова в Алматы).

В воспоминаниях есть и драматические подробности: «Когда подошли, чтобы связать и увести Божея, Альжан, прицелившись, хотел выстрелить. Божей не дал стрелять. И когда затем Кунанбай, схватив, вел Божея, тот сказал: "Я тебя от пули спас, а ты меня в огонь бросаешь?!"».

В том же деле 1854 года прямо говорится «о нападении хорунжего Кунанбая Ускенбаева с пятисот человек киргиз на таковых же кутибаковского и джигитековского родов, об угоне у киргиз Иралиных 250 лошадей, нанесении ран 9 человекам и захвате 4 человек в свои аулы».

Цифры явно преувеличены (может, и ненамного), поскольку текст составлен на основе показаний подателей жалоб на Кунанбая. Такие захватывающие воображение данные не встречаются ни в одном из преданий или воспоминаний. Нет их и в романе Ауэзова. Очевидно, масштабы конфликта в Токпамбете были скромнее, что не снимает ответственности за случившееся с одного из главных участников события – Кунанбая Ускенбаева и как главы рода Тобыкты, и как старшего султана всего Каркаралин-

ского округа. Такое неприглядное явление, как насилие с рукоприкладством, причем случившееся не между родами, а внутри одного рода, было недопустимым эксцессом и не могло остаться без внимания внешней администрации.

В конфликт включились бии соседних подродов. Провели согласительные встречи. Божея отпустили, стороны разошлись по своим аулам.

После весьма сомнительной победы над сородичами Кунанбай вернулся в Каркаралинск, где занялся делами окружного приказа, стараясь, с одной стороны, отвлечься от пережитого, с другой – попытаться осмыслить распадающуюся на глазах целостность его собственной концепции возрождения традиционной структуры общества на базе родовой идентичности.

В текущем 1852 году должны были состояться очередные выборы старшего султана, и он чувствовал, что у него остается все меньше шансов на переизбрание. Тревожные депеши из Пограничного управления требовали немедленного объяснения конфликтной ситуации, сложившейся в его родной волости, а он не сформулировал даже для себя разумного объяснения случившегося. Считал, что сородичи должны были рано или поздно повиноваться его воле, а на деле они все яростнее восставали против его решений. Понимал, что не добился силовыми методами согласия на земле Чингистау, хотя это удавалось всегда прежде. Но теперь все нити управления уходили в Омск, и он не знал, как продолжать бороться за родовую целостность, за единство народа.

Поэтому все его письма в Пограничную комиссию казались ему неубедительными: в них он усматривал некую слабость позиции. Например, в рапорте от 17 апреля 1852 года на имя начальника Пограничного управления он писал: «Куспек Таукин, Жангир Шанин и Шалгинбай Биралин посылают большое количество своих людей в разные стороны с целью провалить мою кандидатуру на следующих выборах. Советник по делам казахов Саргыз Догалов тоже сеет смуту среди народа, толкает его на кривую дорогу. Создает препятствия для сбора податей».

Подписывая этот рапорт, он переживал, мучился, страдал: всё не так! Не об этом он должен отчитываться. Он не имеет права жаловаться, доносить, а обязан работать, увлекать на свою сторону людей и обладать сильной властью, чтобы не было более случаев, подобных конфликту в Токпамбете. Не надо топить соперников в потоке жалоб в рус-

скую администрацию и не попирать чувство собственного достоинства сородичей, унижая их насилием и принуждением к исполнению своих решений.

Всё не нравилось в своих деяниях в этом состоянии Кунанбаю. В глубине души он понимал, что, сражаясь упорно и отчаянно за сохранение родовых традиций и правил, одновременно сам вынужден попирать священные заветы предков о милосердии к народу, уважении его чести и достоинства. Это уже никак не вписывалось в изначально задуманное, давно и в течение длительного времени продуманное страстное желание сохранить исконную родовую структуру казахского общества, а через нее – единство всего народа. Связующая воображаемые этапы возрождения нить времен рвалась на глазах, оставляя в каждой своей части ощущение распада мировидения.

К осени 1852 года в Каркаралинском округе обнаружились личности, желавшие выступить примирителями сторон в противостоянии Кунанбая с Божеем. Ведь за случившимся происшествием в Чингистау следили казахи с разных краев степи.

По преданиям, в Каркаралинск с предложением провести примирение отправился бий Баймурын из рода Каракесек. Однако посредник доверия не внушил.

– Пока не одену Божея в серый кафтан, не остановлюсь, – ответил ему ага-султан, намекая на арестантскую робу.

Такое намерение было, можно смело сказать, безосновательным. Зная это, Байсал и Божей говорили Баймурыну:

– Серый кафтан не наш мырза кроил, а сам Тенгри. Кому бог отсудит, тот и наденет.

Однако затем за дело взялся великолепный султан Барак, глава рода Сыбан племени Найман, считавший себя другом Кунанбая, а потому обязанный прийти ему на помощь в трудной ситуации.

Барак организовал в Каркаралинске переговоры между представителями Кунанбая и Божея, каковыми выступили соответственно Алшинбай и Баймурын. Затем состоялся суд биев, который возглавил сам султан Барак. Решение этого суда заранее обязались принять без возражений и Кунанбай, и Божей.

В материалах дела «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева» есть такая запись: «Султан Аягузского округа Барак Солтанбаев показал, что примирил ссорив-

шихся Божея Иралина, Юсупа Котанбулакова и Балагаза Кауменова с султаном Кунанбаем Ускенбаевым, который обещал Иралину отдать дочь свою, что и исполнил, и что Божей получил несколько скота».

За этим коротким сообщением кроется страшная трагедия, которая последовала за исполнением решения суда биев.

Примирение Кунанбая и Божея стало свершившимся фактом. Кунанбай был готов отдать любое количество скота ради достижения мира. Однако суд завершился по воле биев невероятным решением, очень редко применявшимся на практике: Кунанбай должен был отдать своего ребенка на усыновление Божею как бы для укрепления взаимной близости и добрососедства. Речь шла не о достаточно подросшем ребенке, а о полуторалетней Камшат, дочери Айгыз и Кунанбая, очень красивой девочке, которой восторгался весь домашний круг.

Вернувшись в свой аул в Чингистау, Кунанбай передал Камшат на руки Божею и его людям. Мухтар Ауэзов в романе «Путь Абая» в душераздирающих тонах живописал, как маленькая Камшат, полная ужаса и страхов, не могла понять, почему ее уводят от матери, из родного дома.

Затем Божей не смог или просто не пожелал организовать у себя дома нормальный уход за ребенком. В результате его семья в течение нескольких месяцев извела малышку до смерти. Ничем кроме мести Божея такую жестокость объяснить невозможно. Ведь по обычаю он был обязан лелеять ее, хранить как зеницу ока. А вместо этого девочку бросили на произвол судьбы, жаловались друг другу на ее беспрерывный плач, пока она не угасла. Причем о ее смерти не известили родных, что само по себе было жестоким оскорблением. Камшат похоронили втайне от ыргызбаев, то ли из возникшего чувства вины и страха, то ли из желания развить далее внутриродовую борьбу, по конспирологической теории, взятой за основу в романе-эпопее. Последнее удалось, похоже, в большей мере. Во всяком случае, чиновник Гусев писал в докладе в Пограничную комиссию, что осенью 1852 года межродовая борьба в Кучук-Тобуклинской волости «настолько обострилась, что она вся как бы в осадном положении, общество разделено на два неприятельских лагеря».

Под шум взаимных придирок и разбирательств участились произвольные кражи скота, возникла угрожающая общей безопасности ситуация. В одном из донесений

в Пограничное управление сообщалось: «4 сентября 1852 года киргизы Кучук-Тобуклинской волости Атанбек Урусов сотоварищи в 24 человека, напав на аул Старшины той же волости Учкенбая Бакнева, и киргиза Секпердина, отогнали 263 лошади и убили при этом случае киргиза Дшибая Кушкубаева. 16-го числа неизвестные киргизы, напав на конский табун, принадлежащий управителю Нурбеке-Чангаровской волости и киргизу Чанбалову, и при отгоне лошадей убили при данном случае одного из пастухов киргиза Джаманая Чаганбаева» (из материалов Центрального государственного архива Республики Казахстан).

Гнев и ярость родных Кунанбая можно понять. Деяние против них было жестоким, оскорбление – безмерным, а Камшат было уже не вернуть.

Кунанбай с трудом удерживал себя и родных от мести обидчикам. Понимал, что за этот год уже достаточно «наломано дров» в Чингистау. Поэтому просто отговаривал сородичей от насильственных действий, долго и пространно рассуждая о том, как мала оказывается степь, когда человеку хочется жить во всю ширину своей души, со всеми желаниями и волениями. Право на такую жизнь имеет каждый казах. Остается только соотнести и согласовать интересы всех, не проявляя жадности и нетерпимости, и даже постараться понять необратимо губительные действия твоих врагов.

Автор романа «Путь Абая» был нелогичен, но по-своему предсказуем, когда закрыл глаза на очевидную бесчеловечность Божея и постарался создать благостный образ мудрого и справедливого по отношению к народу вождя в противовес образу «жестокого феодала» Кунанбая. По чистой фантазии автора Божеем в романе тихо восхищается достаточно взрослый юноша Абай, которому в действительности тогда было только семь лет.

Реальные поступки Божея начисто опровергают его благородный романный образ и ставят под сомнение наличие подлинно высоких общеродовых или общенациональных помыслов, выявляя на самом деле одну лишь корыстную накипь. Хотя произносить высоконравственные и патриотические речи он мог не хуже любого иного тобыктинского вождя.

Можно было еще подумать, что в случившемся виноват прежде всего суд биев со своим архаичным решением о передаче ребенка в чужие руки. Причем и в прошлом экстравагантные решения биев почти всегда имели большой резонанс. Можно вспомнить дело Енлик и Кебека в Чингистау,

отголоски которого доносятся со страниц романа Мухтара Ауэзова. Примечательность этого факта – в необычном решении суда биев второй половины XVIII века, постановившего самым жестоким образом лишить жизни влюбленных, пожелавших связать судьбу узами брака вопреки воле родных.

Когда Божей неожиданно скончался после болезни весной 1853 года, Кунанбай без труда нашел в себе силы прийти к его родным, чтобы выразить соболезнование. Хотя на похороны ни его, ни кого-то еще из ыргызбаев сородичи покойного не пригласили.

В траурной юрте дочери Божея завели поминальный плач, который, по обычаю, сопровождался стенаниями, выражавшими в данном случае отношение к конфликту с Кунанбаем. Мырза вынужден был слушать местную версию до конца: «"Помиритесь", – советовали старейшины Кунанбаю и Божею. "Обменяйтесь, – говорили, – детьми". Кунанбай отдал на воспитание девочку, сестру Смагула. Девочка умерла. "Она погублена плохим уходом", – говорили люди» (из архива Мухтара Ауэзова).

Это как бы экспозиция. Заключительная часть более субъективна:

Со змеиною пестротой,
Дикой лошади быстротой,
Предок твой Ыргызбай,
Сам ты зол, как киргизов бай,
За вину отдал дочь свою, знай.

В рабочих записях Ауэзова, «женщина по имени Сарыапа, сестра Сарыбая из рода Тоголак, сторонница Кунанбая, пропела в ответ: "Что говорят эти бесстыжие? Плохих людей стало больше, чем хороших. Последнего из хороших, Божея, похоронили тайком"».

То есть родичи Божея, по сути, обвиняли самого Кунанбая в смерти Камшат и, похоже, были уверены в этом.

Нечто подобное мырза ожидал, когда шел сюда. Был уже готов ко всему.

Осенью 1852 года в Каркаралинске состоялись очередные плановые выборы старшего султана округа.

Новым ага-султаном был избран и утвержден Пограничной комиссией на следующие три года Тулюк Турсунов из сословия торе. Его отец Турсун Чингисов, внук хана Букея, ранее избирался старшим султаном этого округа шесть сроков подряд с 1824 по 1843 год.

Всё вернулось на круги своя. Вновь округом стали править чингизиды.

В формулярном списке Тулюка Турсунова записано, что в августе 1841 года он «произведен в чин хорунжие за содействие и преданность правительству при восстановлении порядка в Киргизской степи», с этого времени до самих выборов был заседателем Каркаралинского приказа.

Кунанбай свою кандидатуру на перевыборы не выставлял. Посчитал, что недостоин после всего, что случилось за этот год. Да и ненужным показалось ему теперь такое занятие. Высокий пост не помог ему уберечь от смерти дочь.

31 октября 1852 года он был снят по приказу администрации с должности старшего султана Каркаралинского внешнего округа.

Глава восемнадцатая

СТРАСТИ ПО КОДАРУ

Кунанбай думал, что, оставив должность старшего султана, избавит себя от жалоб сородичей в российскую администрацию (тем более что ушел из жизни Божей, главный его преследователь), но напрасно. Следующие 20 лет он вынужден был постоянно отвечать на самые разные, порой абсурдные, обвинения в свой адрес, содержавшиеся в письмах-жалобах соседей из подродов Жигитек, Котибак, Бокенши, Торгай. Самые активные из них уже почувствовали силу, находя опору в непрямом российском управлении. Они смело отказывались подчиняться решениям по распределению земель под выпасы скота, если они исходили от Кунанбая, когда тот представал в неформальной роли главы рода, или от его родственников, возглавлявших волости, которыми верховодил тоже он.

А ведь поначалу, после возвращения из Каркаралинска, он не планировал снова участвовать в управлении родом, поскольку царская власть на казахской земле, согласно парадигме имперского управления, должна была полностью отправляться через окружные приказы и далее на местном уровне – через волостные управления. Это положение он вынужден был сам постоянно растолковывать казахам, когда был ага-султаном Каркаралинского округа. Традиционные межродовые и внутриродовые отношения должны были остаться, по замыслу российских реформаторов, в этноисторическом прошлом, кануть в историю.

Однако часто меняющимся волостным управителям (выборы – раз в три года) не всегда удавалось оперативно удовлетворять конфликтующие запросы соседних семей на пользование пастбищными землями. Эта мудреная задача и прежде была не по плечу иным тобыктинским лидерам, каждый из которых заботился в первую очередь о нуждах своего подрода, своей семьи. Распределение земель в таком узком миропонимании оборачивалось нескончаемым недовольством народа и обвинениями волостных управителей в неприкрытой корысти.

Вот тогда тобыктинцы и пошли за советом и решением проблем к Кунанбаю как в прежние времена, когда он был и главой рода, и волостным управителем. Словно не было нелепого противостояния в Токпамбете, сильно подпортившего благостный образ мудрого родоправителя, не было и удаления в большую политику, поравнявшего его с богоподобными властителями-чингизидами. Сородичи прекрасно помнили, насколько бывал он крут, когда добивался исполнения своих решений. Но ведь порядок-то при нем был, и какой! Каждая семья получала в пользование столько земли, сколько заслуживала и по историческим, и по хозяйственным причинам. А желавшие иметь больше постепенно умеряли аппетиты, соотнося их с начертанной Кунанбаем рациональной геометрией жизни.

Лишь некоторые активисты, особенно из жигитеков, продолжали осваивать метод подачи жалоб в Пограничную комиссию, вынуждая его держать защиту, которая, казалось бы, для такого законника, как Кунанбай, не должна быть трудной. Но правда в том, что он безмерно тяготился самой необходимостью вести тяжбу не с кем-нибудь, а с членами своего рода, очень близкими по казахским меркам людьми. Его оппоненты, похоже, не загружали себя метафизическими вопросами, предпочитая видеть в нем не просто соперника, а врага, источник всех бед, какие только могут случиться с ними.

Однако другие тобыктинцы, ощущая «оставленность бытием» в эпоху перемен, все чаще шли к нему с большими и малыми проблемами, причем обращались не как к главе рода, а как к ага-султану, будто это звание сохранилось за ним навсегда. Действительно, для своих он так и остался старшим султаном, главой всех казахов региона. И в этом был определенный смысл, опосредованный большим потенциалом Кунанбая, которого народ представлял в мечтах ли, в воображении ли общенациональным лидером.

Как-то летом 1853 года, на одном из тобыктинских родовых празднеств гостил султан Барак, глава сыбанов из племени Найман. Рядом всегда был Кунанбай. Оба хорошо проводили время, подшучивали друг над другом, состязались в красноречии. В какой-то момент султан Барак изъявил желание пойти совершить намаз вместе со старшим другом.

– Правильно, – сказал Кунанбай, – в Коране сказано: «Совершайте намаз, выплачивайте закят и кланяйтесь вместе с кланяющимися».

– Да, да, проверим, какой ты законник на самом деле, – подхватил Барак.

После намаза он, прищурив глаза, сказал, поглядывая на окружающих:

– Кунанбай, придется тебе справить намаз еще раз, ты нарушил правила, не держал ладони вместе, ниже пояса, а это неправильно.

– Барак, похоже, ты проводишь намаз совсем без усердия, – отвечал Кунанбай. – Оказывается, все твое внимание обращено на то, что творится вокруг. Ты не к Богу обращаешься, а смотришь на мои руки. Мои мысли всегда во время намаза обращены к Богу, поэтому намерения мои чисты. Как бы не пришлось тебе совершить заново все намазы, нарушенные тобою за много лет.

Барак только развел руками и рассмеялся, признавая свою неправоту.

Но за дастарханом он неожиданно завел на правах друга разговор о слухах, распространившихся за пределы Чингистау, относительно прелюбодеяния в роду Тобыкты.

Кунанбай был поражен. Он слышал об этом впервые.

Речь шла об известном батыре Кодаре из подрода Борсак и его невестке Камке. Шакарим в более поздних сочинениях характеризовал его удачливым барымтачом. Год назад умер его старший сын, и теперь Кодар сошелся, согласно молве, с вдовой сына, своей снохой Камкой.

Если слухи небезосновательны, то по старинным тюркским обычаям, равно как и по шариату, это было тяжелое преступление, за которое полагалась смерть.

Кунанбай затребовал время для собственного расследования.

– Нужно сначала проверить, где здесь черное, где белое. Если виновны, накажу обоих в полной мере, – пообещал он Бараку. – Известно ведь, что к белому черное не пристает.

Прошло время, слухи стали усиливаться и вскоре трансформировались в форму утвердительного выражения, гулявшего по степи: «Совершенная правда, что Кодар из борсаков живет со своей снохой».

Но Кунанбай хранил молчание, пока наконец Баракторе не передал свои приветствия, напомнив про обещание разобраться с делом Кодара.

Послание Барака (устное, по степной традиции, доставленное специальным человеком) звучало так:

– В народе говорят: «Остерегайся человека, не сдержавшего слова, беги из страны, не дающей защиты, сторонись земель, где нет пастбищ». Так неужели Кунекен не может осудить на смерть своего родственника или намеревается отказаться от данного им слова?

Здесь неизбежно возникают вопросы: в какой мере Кунанбай вообще имел право осуществлять запрашиваемый суд? И почему султан Барак обратился именно к нему с требованием предать кого-то смерти?

Как авторитетный, признанный бий Кунанбай, конечно, мог вершить суд по адату* на вполне законных основаниях, поскольку «Устав о сибирских киргизах» (1822), а также все последующие российские правовые установления признавали действие суда биев в казахской степи. Причем в российском праве должны были рассматриваться только государственные преступления в степи, а уголовные нарушения карались по нормам адата.

Но сверх того, деяние Кодара затрагивало честь всего рода Тобыкты, и Барак мог обратиться лишь к человеку, олицетворявшему верховную родовую власть. У султана не было сомнений, что такой личностью мог быть только Кунанбай. Очевидно, что и в народе его продолжали признавать за главу рода, несмотря на отсутствие такой должности в новой системе власти.

Зная о формировании у определенной части тобыктинцев неоднозначного к нему отношения, Кунанбай поосторожничал и созвал в первую очередь совет глав подродов в летней стоянке на реке Хан, фактически родовой суд биев. Он настоял, чтобы присутствовали его противники – жигитеки и котибаки. Конечно, был и Суюндык Жанкобеков, глава подрода Бокенши, родственного подроду Борсак (оба

---

* Адат (*араб.* обычай, привычка) – комплекс доисламских тюркских правовых норм, а также реалии правовой жизни, не отраженные в шариате.

идут от Кайдоса), из которого происходил подозреваемый в преступлении.

Родовые вожди единогласно осудили Кодара и его невестку. Кунанбай, по преданию, произнес излюбленную фразу: «Пусть свершится то, что повелевает закон».

В этой истории опять можно заметить симбиоз обычаев, связанных с древнейшей тюркской тенгрианской верой, и мусульманских правил, как и в случае чисто когнитивного сопоставления строительства мечети и проведения аса по Ускенбаю. В частности, приговор традиционного суда биев немедленно согласовали с муллой семипалатинского медресе Ахмета Ризы*.

Дальнейшее хорошо известно по роману «Путь Абая»: виновных казнили по прямому распоряжению Кунанбая. Очевидно, он получил на это полномочия от старейшин рода. Кодара и Камку связали за шеи веревкой, переброшенной через верблюда-нара, и подняли его, чтобы осужденные оказались повешенными. Женщина умерла сразу, Кодар оказался велик ростом и был еще жив. Его забросали камнями, затем подняли на гору и сбросили со скалы.

Вполне возможно, в прежние времена решение было бы не таким жестоким. Для подобного преступления в общине существовало наказание в виде изгнания из рода, что было равносильно лишению прав на жизнь в степи вообще. Нахождение в родовом обществе позволяло пользоваться огромными преимуществами коллективного распределения земли, основной родовой собственности. Община по распоряжению главы рода всегда помогала ослабевшим семьям, поддерживала домохозяйства, если их настигала беда в виде джута – падежа скота в зимнюю стужу, – либо в случае смерти кого-либо из ведущих членов семьи. Изгнание же ослушников лишало их всех благ кочевого общества, обрекало на дикую жизнь. Их не имел права принять ни один казахский род, и они просто исчезали с лица земли.

Но теперь, в условиях существования кочевого общества под внешним административным управлением, изгнание не казалось эффективным способом наказания, способным продемонстрировать членам рода всю пагубность совершенной непристойности. Отступники, как подданные империи, могли найти приют где-нибудь на русской

* Медресе в Семипалатинске было основано религиозным философом и знатоком восточной литературы Ахметом Ризой в XIX веке. В медресе обучался Абай Кунанбаев.

территории. Поэтому бии и избрали казнь как меру наказания, что, безусловно, отражает ослабление родовой, общинной власти в казахском обществе.

В 1933 году Мухтар Ауэзов в первом варианте биографии Абая, опубликованном на казахском языке в латинском шрифте, дал свою первоначальную версию драмы: «Кунанбай был очень набожным человеком. Но эта набожность во многих случаях проявлялась в мелком фанатизме. Например, мог пригрозить отрезать нос тому, кто закладывает под язык насыбай*. На одном празднике торе из сыбанов по имени Барак на замечание Кунанбая не класть в рот насыбай ответил: "Чем замечать мой насыбай, лучше бы разглядел Кодара, живущего со снохой". По возвращении в свой аул Кунанбай собрал вождей рода Тобыкты, вызвал Кодара из рода Борсак с невесткой и "в наказание по шариату" приказал накинуть на их шеи петли, затем путем подвешивания на верблюдах умертвил».

«Мелкий фанатизм» Кунанбая-мырзы восходит, конечно, к принципам его отца. Еще была в ходу у тобыктинцев присказка-угроза: «Чтоб тебе Ускенбай отрезал нос!» Да и старики не давали забыть подобные максимы. Когда мырза незадолго до рассматриваемых событий сам был замечен на каком-то сборе в закладывании под язык насыбая, один аксакал сказал:

– Отец твой Ускенбай мог пустить в дело нож и надрезать язык тому, кто заложит под него насыбай, – заботился о чистоте и здоровье народа. Неужели правду говорят: нет человека, нет и его наказа? Кем мы станем, если будем попирать заветы отцов?

Кунанбай тут же вынул деревянную шакшу (пузырек для порошка-насыбая), инкрустированную серебром, и, произнеся: «За слово к месту объявляю, что бросаю это развлечение», – отдал ее на память сидевшему рядом тобыктинцу по имени Турсун.

Из этого обзора можно понять, что тобыктинцы сохраняли за Кунанбаем статус как главы рода, так и его верховного бия, что и дозволило ему принять окончательное решение по делу Кодара.

Остается вернуться к главному вопросу его расследования: так все же было прелюбодеяние или нет?

Очевидно, что в роду Тобыкты в то время в виновно-

---

* Насыбай (насвай) – вид некурительного табачного изделия, традиционный для Центральной Азии.

сти Кодара не сомневался никто, и прежде всего местная аристократия (термин Янушкевича). Иначе на совещании у Кунанбая родовые вожди не проголосовали бы за казнь.

Сомнения внес гораздо позже Мухтар Ауэзов, оправдавший в романе «Путь Абая» Кодара и Камку, представив их невинными жертвами всеобщей клеветы и алчности жестоких баев во главе с Кунанбаем, задумавшим занять зимовку Кодара в исторической местности Карашокы. Ауэзов мог с полным правом предпочесть любую версию, поскольку создавал художественное произведение, для которого заранее были определены цели и задачи. Соответственно жанру, фантазия – только в помощь романисту.

В 1959 году в эссе «Как я работал над романами "Абай" и "Путь Абая"» автор пояснял:

«Возвращаясь мысленно к этапам своей работы над романом, я прежде всего вспоминаю историю сцены казни Кодара, – она, по моему замыслу, должна была явиться своего рода эмоциональным ключом к центральному конфликту книги.

Сначала я полагал воспроизвести эту сцену в соответствии с распространенной (особенно в аулах, родных Кунанбаю) версией, согласно которой Кодар был осужден справедливо. Но, критически углубляясь в изучение исторических материалов, я разобрался в истинном положении дел. Так мне удалось установить, что Кунанбай был простонапросто заинтересован в захвате земель, принадлежавших Кодару и его роду. Этот факт раскрыл для меня много нового в облике Кунанбая, позволил гораздо глубже, психологически напряженнее и острее представить саму сцену казни.

Абай – тринадцатилетний мальчик – возвращается в аул, где не был три года. Степные ветры, ковыль, запахи трав пьянят, чувство восторженной любви к родине охватывает его. Он не подозревает никакого зла. И вот открытую душу ребенка опаляет страшное зрелище несправедливой казни, совершенной его отцом. До конца дней не заживет эта душевная рана. Так как позже Абай узнает, что это убийство – подлый ход в хитроумной политике Кунанбая, жаждавшего заполучить землю Кодара, – этот эпизод зазвучал как исходный момент в драме всей жизни поэта. Отец предстает перед сыном в страшном обличье убийцы».

Красиво, но не про реальную жизнь. На самом деле Абаю в тот момент было восемь лет, а не тринадцать. Нет никаких достоверных данных о том, что он мог быть сре-

ди зрителей действительно неприглядной процедуры казни. Сам поэт не затрагивал эту тему ни в одном из своих произведений.

Что касается жажды «заполучить землю Кодара», то она явно основана на недоразумении. Запачкать свое имя в таком резонансном деле тривиальным стяжательством мог только глупец. Не отнимал Кунанбай землю у семейств Борсак, тем более не присваивал себе. Ни в одной жалобе его противников, ни в одном донесении чиновников нет и намека на такие притязания. Они существуют только в романе, где, кстати, автор, противореча себе, писал: «Осенью к роду торгай перешли западные склоны Карашокы, где раньше находилось зимовье Кодара». Не Кунанбаю перешли земли, а подроду Торгай, пусть он и был не только близким по родству, но тогда еще и дружественным ыргызбаям.

Наконец, Абай никогда в реальности не говорил об отце как о носителе зла. Напротив, у него есть стихи, в которых он выражал почтение родителю и рассуждал о величии его личности. Вот, например, фрагмент стихотворения, написанного Абаем в 1895 году после смерти сына Абдрахмана (Абиша), в котором он поместил и эпитафию отцу:

Он мусульманам не спускал
Любой неправедный скандал,
К себе врагов не подпускал,
Мог заковать их в кандалы.

Он сеял хлеб, чтоб сладить пир,
Кормил народ, а мог – весь мир!
Как Искандер, Чингис, Темир*,
Был знаменит средь мусульман.

Когда казахский весь народ
К нему в аул спешил на сход
За словом истинным, свой род
Он свел в единый Тобыкты.

Поэтому идею о детском восприятии отца как своекорыстного палача и убийцы, что будто бы составило драму всей жизни Абая, следует признать просто художественным

* *Искандер* – арабский вариант имени Александр, здесь – Александр Македонский, которого среди мусульман называли Искандер Зулькарнайн. *Чингис* – сокр. от Чингисхана. *Темир* (*каз.*) – эмир Тимур, Тамерлан.

трюком. Автор романа собственно и подтвердил это в том же эссе: «Здесь я нашел пружину для развертывания событий в нескольких последующих главах. Отец и сын, противопоставленные в романе как антиподы, дали мне возможность увидеть тугой пружинящий узел сложных людских отношений».

Неутомимый исследователь Мухтар Ауэзов поставил себе цель подтвердить версию о невиновности Кодара и Камки образом бесчестного судьи и палача Кунанбая. И вот что собрал он в том же тексте:

«Нелегко было восстановить подлинный облик Кунанбая – крупного степного феодала, который стремился увековечить свое имя отдельными "благодеяниями"...

А ведь ему принадлежала власть над населением целого уезда, внутри своего приказа он творил бесчинства и насилия вплоть до того, что отнимал земли у целых родов. В некоторых аулах я находил данные о том, что Кунанбай брал взятки. Это даже было запечатлено в фольклоре, в остроумных стихотворных характеристиках, в народных эпиграммах...

Немало историй было поведано мне о жестокости Кунанбая. Люди рассказывали, например, что он отдал свою родную малолетнюю дочку в знак замирения главе враждебного рода и там ее заморили голодом и побоями.

Говорили и о том, что Кунанбай не постыдился устроить набег на траурную кочевку. И постепенно жизненный прототип Кунанбая – лютого правителя-феодала – все отчетливее представал передо мной».

Всё здесь основано на слухах и безжалостно притянуто к заданному заключению.

Как мог Кунанбай отнять землю, общеродовую собственность, у целого рода? Да такое деяние было чревато восстанием масс. Нужно понимать, что земля в то время все еще находилась в общинной, родовой собственности и владеть ею, отнимать ее никакое частное лицо не могло – суды биев продолжали стоять на страже родовых, а по сути инклюзивных экономических институтов традиционного общества, а значит – интересов всех живущих в степи.

Не брал он никогда взяток – нет об этом ни письменных жалоб на него, ни донесений чиновников. Обвинения же о взятках «в фольклоре, народных эпиграммах» при ближайшем рассмотрении не касались лично его.

Наконец, издевательством было бы всерьез взваливать на него вину за смерть крошки дочери от рук врагов из-за

добросовестного исполнения им решения суда биев по передаче Божею своего ребенка. Каким бы жестоким ни было решение казахского суда, он обязан был его выполнить, иначе подал бы сородичам недостойный пример, да и главой рода его уже не признал бы никто.

У нас есть фактически только один достоверный источник по истории с Кодаром, по которому можно сверять романную версию Мухтара Ауэзова. Это – стихотворение Шакарима Кудайбердиева «Смерть Кодара».

Можно посчитать, что сведениям, содержащимся в произведении, написанном внуком Кунанбая, нельзя доверять полностью, поскольку родственники всегда непроизвольно приукрашивают образ предка. Однако Шакарим в своем творчестве был начисто лишен предвзятости или родственных предпочтений, что легко может удостоверить любая ревизия его произведений. Мало того, он, следуя казахской литературной и философской традиции, писал и в стихах и в прозе почти всегда о конкретных событиях. Но сверх того излагал их с потрясающей подлинностью, никогда не лгал в текстах, не сочинял даже «художественную правду» (оксюморон соцреализма), был предельно точен в фактах. Поэтому произведения его отличаются необычайной достоверностью, особенно в том, что касается родовых предков (прозаические «Адиль и Мария», «Родословная тюрков, киргиз-казахов и их ханов», поэмы «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек», другие вещи) или его самого («Зеркало подлинного счастья», «Сад подснежников», поэмы «Жизнь Забытого», «Мелодии Коркыта», стихи разных лет).

А написал Шакарим стихи о Кодаре после общения с молодым литератором Ауэзовым. Он знал Мухтара с юных лет, когда тот учился в Семипалатинской учительской семинарии со сверстниками из клана Кунанбая и часто приезжал с ними погостить к Шакариму.

Осенью 1922 года 25-летний Ауэзов оставил крупный государственный пост в Оренбурге и поступил вольнослушателем в Среднеазиатский Туркестанский университет в Ташкенте. Затем в октябре 1923 года поступил на филологическое отделение Петроградского государственного университета. Но после первого курса вернулся в Семипалатинск и стал преподавать в педагогическом техникуме казахскую литературу, теорию и историю литературы. Как раз в этот период он и зачастил в Чингистау, где останавливался в ауле Шакарима, преследуя конкретную цель.

В воспоминаниях, опубликованных уже после его ухода из жизни, Ауэзов писал:

«Во время сбора материалов некоторые знатоки говорили, что Кунанбай наказал Кодара за грех. Как-то зимой я пересекал Чингистау и по пути остановился в ауле потомков Кунанбая. В этом ауле был, оказывается, старик, достоверно знавший некоторые сведения из жизни Абая. Я спросил его о смерти Кодара. В ответ он задал вопрос:

– А ты знаешь, где повесили Кодара?

И показал на возвышенность в глубине зимовья.

Оказывается, тело мертвого Кодара сбросили с этого возвышения. Правда начиналась здесь. В этом месте стоят аулы потомков Кунанбая от старшей жены Кунке. Эти земли принадлежали одно время Кодару, его родным, близким, однако их род сам себя "сгубил", и Кунанбай отобрал земли».

На Карашокы мог стоять, вероятнее всего, аул Шакарима, он и есть внук Кунанбая и Кунке. И старик, что рассказывал Мухтару про смерть Кодара, – не кто иной, как Шакарим, имя которого Ауэзов называть не мог, поскольку после смерти, которую философ принял от рук чекистов, он был объявлен врагом советской власти.

Именно после этой встречи Мухтар Ауэзов всерьез задумался о написании эпического художественного произведения о жизни Абая.

А Шакарим углубился в воспоминания о случае, связанном с Кодаром. Собирал воедино детали, прочно отложившиеся в памяти народа. При таком подходе ошибки быть не могло. Народные предания устойчивы в своей правдивости, намного превосходящей любую индивидуальную истину, открытую каким угодно талантливым исследователем.

Посему предания неизменно транслировали очевидное: Кодар и Камка виновны в прелюбодеянии. О чем и писал Шакарим:

Строй вершин рождает мыслей много,
Вспоминаю случаи былого.
Вон стоит, насупившись сурово,
Тот утес, где смерть нашел Кодар.

Сам с горы не делал шаг неверный,
Братья, родичи, народ примерный,
Чтобы люди не набрались скверны,
Камнем нанесли ему удар.

Барымтач Кодар, воитель рода,
Он стоял за целостность народа.
Но в бесчестье смертного исхода
Заслужил от всех людей Олжая*.

Рассказ о казни дался поэту тяжело. Он говорил об этом сухо, без какого-либо пафоса. Вероятно, даже симпатизировал Кодару, потому что пытался, как и Ауэзов, оправдать его, но по-своему:

У Кодара сын был очень славный,
Но внезапно умер в год несправный.
И вдову, измыслив своенравно,
Взял Кодар, закон не уважая.

Он иного не нашел предлога,
Как обиду возвести на Бога.
Мол, ты сына взял, а я невестку,
Так убей меня, и вся недолга.

Описание в стихотворении казни за непотребное, неслыханное доселе в этих краях деяние совпадает с последующими толкованиями. Возможно, стихи Шакарима послужили первоисточником.

Поэт упомянул также о мучительных раздумьях Кунанбая, о принятии им непростого, но необходимого и обязательного по законам родового общества решения. Этот трудный, тяжелый шаг мог сделать только такой человек действия, как Кунанбай, наиболее решительный и последовательный борец за родовые ценности, за сохранение устоев традиционного казахского общества. Прелюбодеяние, совершенное Кодаром, он считал угрозой вековечным первоосновам – проверенным в веках законам и нормам кочевого общества, опосредованным субстанциональностью тюркской кочевой цивилизации, тысячелетиями культивировавшей одни и те же неизменные, истинные в понимании степняков, безошибочные моральные и нравственные принципы и правила. Допустить малейшее повреждение традиционной родовой структуры, утерю хотя бы части родовой идентичности он не мог. Поэтому и усматривал важность сурового наказания виновных в качестве напоминания обществу о перманентном существовании

* *Олжай* – основатель, зачинатель одной из ветвей подродов рода Тобыкты, предок Кунанбая.

родовых законов, основой которых всегда была общинная взаимопомощь, а также предоставление гарантии безопасности всем членам рода. Отсюда проистекает и поклонение аруахам – духам предков, которые в реалиях настоящего предстают в качестве могущественных столпов родовой структуры, гарантирующих будущее развитие.

В таком мирочувствовании традиции, какими бы жестокими они ни были, имели абсолютное значение для сохранения жизни в степи. В историческом измерении именно традиции делают членов рода людьми.

Кунанбай исполнил долг верховного судьи, не испытывая при этом ни злобы, ни презрения, ни радости. О том, что вынесение приговора было для него делом чести, свидетельствует и то, что позже он сам, а после него и Абай были опекунами Киясбая, внука Кодара. Киясбай стал другом Танирберды, старшего брата Абая, был талантливым исполнителем поэм и песен, человеком веселого нрава. Ахат, сын Шакарима, писал про своего отца, что он «любил, как и Абай, беседовать с такими людьми, как Киясбай».

В результате исполнения наказания Кунанбаю удалось на какое-то время существенно укрепить хотя бы в роду Тобыкты терявшую свое значение родовую идентичность и усилить позиции родовой структуры, которая теперь существовала как бы параллельно с экстрактивными политическими институтами империи. И, конечно, он восстановил свой статус главы рода в родовой политической структуре казахского общества. Уважение к власти родоправителя растет только тогда, когда крепче и устойчивее становится сам род.

Можно заключить, что, не достигнув целей возрождения родовой структуры в национальном масштабе на административном поприще в новой системе власти, он направил всю свою энергию, воления и деяния на сохранение родовой идентичности на уровне внутриродовых отношений. Точнее, вернул помыслы и усилия на прежний фундамент. Стал еще больше, чем когда-либо раньше, ревностным хранителем традиций и обычаев тюркского родового общества.

Глава девятнадцатая

ЭТОС СТЕПНОГО «ФЕОДАЛА»

Суровость и непреклонность, с которой Кунанбай добивался соблюдения извечных традиций, поразительным образом контрастирует с тем, как он относился к людям го-

нимым, униженным, нуждающимся, особенно если знал, что они пострадали от несправедливости. Старался призреть всех. Даже виновных в тяжких преступлениях не боялся оставлять у себя в полной уверенности, что сможет направить их на путь истинный.

Один из неопубликованных в свое время вариантов биографии Абая, которую Мухтар Ауэзов составил до выхода романа-эпопеи и где он характеризовал Кунанбая без предвзятости, возникшей позже, хранится в фонде Центральной библиотеки Национальной академии наук Республики Казахстан за номером 594. В отпечатанном на машинке тексте есть такие строки: «Кунанбай – человек, высоко ценивший знания, образование. Он обучал всех без исключения близких ему детей, а также распространял знания в народе, в обществе. При этом особенно привечал способных учительствовать иноземцев. Люди из разных стран и народов, попав под его опеку, сроднившись с ним, можно сказать, становились настоящими казахами. Среди них были Габитхан из Татарии, мулла Кишкене, потомок Ыскака, Бердикожа, пришедший из Туркестана, Габдолла с Кавказа (стал называться Казакбаем), Башибектей из киргизов. Пусть не все, но некоторые из них становились учителями, обучали детей, распространяли грамоту и знания среди тобыктинцев».

Ахат, сын Шакарима, подтвердил в воспоминаниях факт семейной филантропии: «Со времен Кунанбая в семье сохранился обычай, по которому при хозяйстве оставляли людей, где-то когда-то нарушивших закон или учинивших злодеяние, – ногайцев, бежавших от солдатской службы, изгоев, рассорившихся со своими родичами, даже убийц, отвергнутых своим народом, но только если они оставляли воровство и разбой в прошлом. Кунанбай поселил на своих землях бежавшего с Кавказа Казакбая из черкесов, скрывавшихся от солдатчины Ыскака и Габитхана, ушедших из других казахских родов Сарымсака, Карымсака, Шибута, Байшуака, Бердикожу, выделив всем зимовки. Абай тоже принял к себе Шомекея, Шантимеса, других отступников в уверенности, что сможет заставить их отказаться от воровства. Поселившись у Кудайберды, забыли про свой воровской промысел Макыш, Каугабай, Жексенбай из подрода Бакен, Алакоз из подрода Анет, Мергенбай из подрода Карабатыр. Кто работал возницей, кто скотником, все жили в согласии».

Мухтар Ауэзов упоминал также о кавказцах, скрывавшихся в ауле Абая. Возможно, он отталкивался от случая,

отраженного в деле №345, заведенном в Омске 19 августа 1855 года, под названием «Об укрывательстве бием Балтабаевым двух беглых турка и черкеса». Началось оно с доклада (по сути, доноса) заседателя Каркаралинского приказа Трусова от 10 мая 1855 года помощнику военного губернатора Области сибирских киргизов о том, что бий Дадан-Тобыктинской волости Баймурат Балтабаев «минувшую зиму держал у себя бежавших от поселений людей».

В окружном приказе установили, что один из этих беглых – турок по имени Аппенди, второй – черкес, «имени которого не знают». Оба были захвачены в плен на Кавказе во время войны с отрядами имама Шамиля и сосланы в Сибирь. Но им удалось сбежать из Семипалатинской крепости, после чего они очутились в Чингистау. Заседатель Трусов писал: «Беглые эти будто бы очень умные люди, как они отзывались киргизцам, их знает почти вся волость». И признавался, что «по секрету расспрашивал многих других киргизов, но все они отказывались незнанием».

Конечно, беглецов не мог укрывать конкретно девятилетний Абай – этим занимались люди постарше. Да и находиться у тобыктинцев они могли только с согласия главы рода Кунанбая. Без его ведома никакой бий не решился бы всю зиму прятать у себя иноземцев, ускользнувших из русского плена. В конце концов, казахи смогли переправить двух невольных гостей в Ташкент, на территорию Кокандского ханства, находившегося в конфронтации с Российской империей.

Готовность Кунанбая взять под защиту отверженных проявлялась, конечно, и тогда, когда в роли гонимых оказывались непосредственно его сородичи. Например, еще 16 января 1852 года, когда он был старшим султаном, в Омске было открыто дело «О побеге киргиз из Томской губернии, сосланных туда за преступление на поселение». Длилось дело долго и было закрыто только 3 марта 1859 года. Начав его, Пограничное управление сразу затеяло переписку с Каркаралинским внешним окружным приказом и со штабом Отдельного Сибирского корпуса насчет «киргизов, бежавших с мест поселения». О содержании первого донесения по этому делу, отправленного из Каркаралинска в Омск за подписью Кунанбая Ускенбаева, можно судить по составленному на его основе следующему докладу пограничного начальника военному губернатору, датированному 11 октября 1852 года:

«Каркаралинский окружной приказ, от 20 июня с.г. в

отсутствие рапорта волостного управителя Джузмамбет-Тобуклинской волости, от 2 апреля с.г., доносит, что из числа сосланных по приговору Пограничного управления киргиз вверенной ему волости на поселение в Томскую губернию, будто бы явились к волости и скрываются в горах Чингиса, а именно: Сюйкунбай Усенев, Досмамбет Кончин, Наймантай Сартов, Удербай Тазов, Усен Карсакпаев, заключавшейся по делу о пойманном на баранте киргиза Усеня Карсакпаева, так равно и заключающиеся по этому делу, находившиеся в бегах Козымбет Айнагулов и Азберин Джайтемиров и сосланный также на поселение в Томскую губернию по делу о грабеже в Аягузском же округе татарина Давлетшина Козыбек Айнагулов. Вследствие чего приказ от 5 апреля за №11 предписал волостному управителю Джузмамбет-Тобуклинской волости, что если действительно скрываются в его волости бежавшие с поселения киргизы, то схватить их и представить в Приказ, употребив в этом случае все благоразумие. После чего волостной управитель от 22 мая за №128 доносит, что означенные киргизы и родственники их: Айнагул Кутенев, Кончи Айнагулов и Таттымбет Кутенев в 12 юртах неизвестно куда откочевали, юрты Айнагула оставались также в горах Чингиса по худобе скота. Получивши это сведение, он через старшин и киргиз вверенной ему волости сделал должное по закону розыскание и просил помощи с соответственных волостных управителей, но поиски его остались тщетными, по дошедшим же до него частным сведениям известно, что эти киргизы взяли направление на реку Иртыш.

О чем Пограничное управление имеет честь донести Вашему Высокоблагородию и доложить, что вместе с сим, предписано всем окружным приказам употребить сильные, деятельные и благоразумные меры к розысканию вышепоименованных киргиз и независимо сего прошено Томское губернское правление о настоянии над Бийским земским судом к принятию таких мер к розыску киргиз и уведомлению Тобольского Приказа и ссыльных».

В Чингистау время от времени делились и переименовывались волости. Среди них была и Джузмамбет-Тобуклинская волость, по сути, та самая Мамбетей-Тобуклинская, в которой Кунанбай годами пытался сохранить общественный порядок, постоянно вмешиваясь в процедуру распределения земель на правах главы всего рода Тобыкты. Значит, речь в чиновничьем рапорте и донесении Кунанбая шла о его близких сородичах.

Как писал в другом донесении в Пограничную комиссию заседатель Каркаралинского приказа Дабшинский: «Преступники эти были отправлены из сего Приказа на поселение 31 января 1851 года, а о появлении их в здешнем Округе получено известие в апреле месяце 1852 года, то Приказ и полагает, что они были с места своего поселения».

Кто-то из беглецов был осужден за грабеж и барымту, а кто-то, возможно, за участие в восстании Кенесары. Как раз в этот период в российских судах завершались процессы над участниками восстания, которых обыкновенно ссылали в Сибирь.

Получается, что сосланные на поселение в Томскую губернию тобыктинцы, переждав сибирскую зиму, весной тайком вернулись в родные места. Несколько месяцев они находились среди родных, о чем тот же Кунанбай, конечно, не мог не знать. При этом 25 августа 1852 года он отправил рапорт в Омск, в котором сообщал подробно о мерах, предпринятых для задержания беглых ссыльных. В отчете Пограничной комиссии, составленном на основе этого рапорта, указывалось, что старший султан Ускенбаев «немедленно отправился в Жуз-Мамбет и Кучук-Тобуклинскую волости для сбора посредством управителей волостей партии киргиз, по крайней мере, в каждой волости по 60 человек», и по его распоряжению «эти партии во главе с управителями волостей и находившимися при них толмачами» разделились на небольшие отряды и отправились в аулы в Чингистау для поимки беглых людей. Старший султан требовал от волостных управителей «действовать в этом случае благоразумно и с расторопностью».

Беглецов не поймали, хотя при желании могли легко это сделать. В народе сложилось твердое убеждение, что Кунанбай не собирался преследовать ссыльных всерьез и сделал все, чтобы они беспрепятственно ушли за пределы округа.

Позже заседатель Дабшинский в донесении пограничному начальнику от 19 февраля 1854 года писал: «Вашему Высокоблагородию, во исполнение предписания, от 23 января за №153, окружной Приказ имеет честь донести, что бежавшие киргизы: Сюйкунбай Усенев, Досмамбет Кончин, Наймантай Сартов, Удербай Тазов, Усен Карсакпаев и Казыбек Айнагулов, по учиненному розыску в Каркаралинском округе нигде не найдены, как донесли об этом волостные управители, а также бывший старший султан Ку-

нанбай Ускенбаев от 6 ноября 1852 года за №40 уведомили Приказ сей, что по сделанному им тщательному удостоверению оказалось, что киргизы эти удалились в китайские пределы, и с того времени никакого слуху в здешнем округе более об них нет».

Новых сведений по этому делу в дальнейшем не поступало. Надо полагать, ушедшие тобыктинцы влились в Китае в казахскую диаспору.

Перечень подобных дел о беглых людях дополняет похожая на легенду история, рассказанная литературоведом Абусагитом Жиренчиным (1913–1975) писателю Бейбиту Сапаралы. А поведал ученый о том, как Кунанбай Ускенбаев осенью 1851 года исполнял поручение начальника Пограничной комиссии по розыску и поимке двух возмутителей спокойствия, известных как Табылды и хромой Киян. Эти обиженные кем-то, озлобленные чем-то жители степи годом ранее убили русского уездного чиновника в Каркаралинском округе и подались в предгорья Алтая к абак-кереям*. После того как поиски злоумышленников силами русской администрации в степи не дали результатов, начальство обратилось к старшему султану Ускенбаеву. Он получил из Омска распоряжение отправиться со своими людьми следом за преступниками и передать их под надзор представителей власти.

Когда Кунанбай прибыл на восток казахской степи, ближе к предгорьям Алтая, его уже ждали вожди абак-кереев во главе с султаном Ажи. Гостей приняли тепло. Кормили, развлекали беседами. Но на просьбу выдать беглецов ответили отказом.

– Хромой Киян был у нас, это правда. Жил здесь. Но не прошло и года, как умер. А про Табылды вообще ничего не знаем, – объяснял Ажи-торе.

Местные предводители даже написали объяснительное письмо, проставили свои подписи и печати. Они прекрасно понимали, что Кунанбаю, могучей личности казахской степи, совершенно не по нраву гоняться за беглецами, считавшимися в народе героями, чтобы доставить их в Омск.

– Хорошо, – сказал ага-султан, – я поверю вашим словам. Только пусть Киян не оживет ненароком. А если оживет, пусть никому не попадается на глаза.

И отправился в обратный путь.

---

* Абак-Керей – казахский род племени Керей, одного из шести племен Среднего жуза.

Слова его долго были популярными в народе.

Однако эта же история в изложении Ахата Кудайбердиева выглядит более печальной. По его версии Табылды не пожелал скрываться на Алтае и сдался русским властям. В противном случае пострадали бы люди, посланные на его поиски. Беглеца судили и расстреляли в Семипалатинске.

Тема беглых актуализировалась, несомненно, в эпоху перемен, перехода от традиционных, чисто инклюзивных политических институтов Казахского ханства к экстрактивным институтам империи, опиравшимся на аппарат принуждения, основанный на насилии и развитой системе наказания. У казахов, как в любом тюркском кочевом союзе племен, такого могучего репрессивного аппарата, включавшего полицию, тюрьмы, армию, налоговые органы и тайные службы власти, не было исторически по причине отсутствия надобности. Сложившаяся в веках и тысячелетиях родовая государственная структура, опосредованная ханской властью, императивно регулировавшей жизнь социума, имела достаточно простые инклюзивные экономические институты, основанные на общинной собственности на землю и частной собственности на скот – основную материальную ценность казахов.

Но с приходом в степь царской власти родовая структура общества зашаталась. Еще никто из казахов не знал, что тюркская кочевая цивилизация движется к своему концу, но в их душах прочно угнездился страх перед теми переменами в повседневной жизни, которые несла новая власть, а ее система наказаний, неслыханная прежде, казалась сущим адом. Заключение в тюрьму или ссылка в Сибирь оборачивались настоящим горем для семьи, лишавшейся кормильца, ужас заполнял сердца сородичей. В ходу, например, была такая поговорка: «Господи, спаси народ от жуткого суда, от отчаянного ломания рук!»

Наиболее ярко разрушительное воздействие непрямого внешнего управления сказалось на традиционной системе власти, которая еще пыталась вписаться в заявленную директивно новую политическую структуру. Казахам было дозволено состоять в ней в роли волостных управителей и старших султанов окружных приказов. Началась внутриродовая борьба за должности волостных. Она ожесточила сердца благодушных от природы кочевников и сделала враждебные отношения обычными. Со временем эта неприглядная борьба стала восприниматься наблюдателями как существовавшее испокон веков явление. Например, в отче-

те семипалатинского генерал-губернатора за 1887 год есть такая характеристика: «Киргизские интриги принимают грандиозные размеры во время выборов должностных лиц туземной администрации, производимых через каждые три года. Задолго перед выборами желающие выставить себя кандидатами на какую-либо из общественных должностей начинают с помощью подачек более влиятельным родственникам своим располагать их в свою пользу, а для ослабления шансов на выборы своих противников с помощью доносов, большей частью совершенно ложных, возводят на них небывалые преступления... Начинается следствие, и противник интригана, попавший под следствие, этим самым устраняется от выборов».

У казахов и при родовом управлении, до прихода в степь империи, периодически происходили конфликты между родами за земли. Бывали, естественно, споры и внутри родов между аулами за конкретные выпасы. Но случались они не чаще, чем у любого другого народа на планете. Однако в «эпоху скорби» (по-казахски – «Зар заман»), после административного деления родовых земель на волости, рухнули гармоничные традиции и людьми стали управлять инстинкты.

Ослабление традиционных этических норм, происходившее под давлением российских правовых установлений, снимало, как казалось некоторым, запреты, сложившиеся в родовой структуре степного государства. И наиболее отчаянные головы, которые всегда водились в казахском обществе, принимались решать узкие семейные или родовые проблемы неправедным путем, караемым по имперскому законодательству. Личностям, укорененным в родовой идентичности, казалось бессмысленным повиноваться российскому праву, когда справедливости можно было добиться традиционными способами замирения проблем. Изменить правовое сознание основной массы населения в короткий срок было невозможно.

Отсюда и проистекали преступления, преследуемые русской властью, порой прикрываемые отдельными родоправителями скорее из чувства солидарности, нежели из милосердия. Реже происходили нарушения традиционных норм родового уклада, как в случае с Кодаром, ибо инклюзивные политические институты родовой государственности действительно все еще сохраняли силу и, можно сказать, продолжали держать народ в узде.

Теперь уже невозможно понять, сумели бы инклюзив-

ные институты казахской государственности сохраниться в чистом виде до XXI века, если бы Казахское ханство устояло в XVIII веке перед многочисленными внешними угрозами. А ведь до джунгарского владычества оно было процветающим государством, во всяком случае, по меркам общества, полностью открытого природным стихиям, живущего, творящего, производящего в суровых степных условиях. Казалось бы, Казахское ханство в лучшее свое время было подлинно централизованным государством с подчинением родов и племен единой ханской власти, то есть достаточно устойчивым. Однако в историческом измерении одной лишь политической централизации оказалось недостаточно, что и привело в XVIII веке к поражению в противостоянии с Джунгарским ханством, а в XIX веке – к пассивной реакции на приход царской власти, если не считать восстания Кенесары. И возможность сохранить в будущем инклюзивное развитие экономики со временем сошла на нет.

В этом свете приведенные выше истории о проявлении Кунанбаем милосердия могут создать обманчивое впечатление, что он был закоренелым идеалистом и гуманистом. Конечно, гуманность большинства его деяний (за вычетом карающих решений в суде биев) не вызывает сомнений. Примеров оказания им помощи терпящим нужду степнякам известно много, но их, скорее всего, было гораздо больше в каждодневной жизни. Их было много прежде всего потому, что он считал долгом родоправителя жить и творить по вековечному закону вспомоществования ради спасения бедных и слабых: в его представлении это служило благу всего рода. Поэтому бескорыстие и великодушие наличествовали у него всегда и проявлялись настолько к месту, что эти случаи становились известными в народе, передавались из уст в уста и превращались в легенды. Но все же правда состоит в том, что гуманизм Кунанбая был по большей части рассудочным, продиктованным неукротимым, можно сказать фанатичным, стремлением сохранить любой ценой родовую структуру общества со всеми ее традиционными ценностями. Вся двойственность его натуры проистекала из этой парадигмы, из сверхзадачи, на которую он обрек себя с молодых лет, когда твердо решил, что сделает все в жизни для сохранения целостности своего рода и всего казахского народа.

С одной стороны, он жестоко относился к нарушителям традиционных общественных норм, особенно в духовной сфере. Не щадил даже близких родственников. Полагал,

что человека не надо жалеть попусту, он сам обязан преодолевать препятствия – других путей к самосохранению нет. Но с другой стороны, всегда оказывал помощь сородичам, попавшим в беду из-за стечения обстоятельств или по учиненной кем-то несправедливости, особенно если этим «кем-то» оказывался кто-либо из его ближнего круга. Тогда он считал себя обязанным возместить ущерб по вековечным законам казахского родового общества.

Или же он мог действовать с позиции силы, если встречал активное противодействие своим решениям по распределению земель между подродами и отдельными семьями, свято веря, что только сильная власть, которой дозволено легитимное насилие, способна сохранить традиционный порядок в родовой структуре общества. Но в то же время был готов, хотя иногда с запозданием, отступить от жесткого давления, пойти на соглашение с оппонентами, даже если продолжал считать их неправыми, поскольку этика родовой идентичности, основанная на гуманных принципах далеких тюркских предков, диктовала требование чтить и отстаивать единство народа.

Эта дуальность, не всегда поддающаяся рациональному объяснению, но легко оправдываемая доминирующим во всех его противоречивых деяниях стремлением к справедливости, вполне соответствовала переходному характеру эпохи, порождавшей трагические несоответствия и столкновения полярных интересов индивидов. Неспроста в советское время в романной форме, жаждущей символических обобщений, Кунанбай предстал в хлестком образе злобного феодала, в виде личности, описанной «во всей противоречивости своих могучих страстей, как бы олицетворяющей собою темные силы феодально-родовой степи» (З. Кедрина).

Советскими комментаторами стычки между группировками (партиями) сородичей в романе «Путь Абая» объяснялись исключительно классовыми интересами, классовой борьбой. С одной стороны – богатая верхушка общества, «феодалы», жадные, ненасытные, отбирающие землю у трудового народа. С другой – беднота, которой симпатизирует Абай. Литературовед Мухамеджан Каратаев (1910 – 1995) писал в 1960 году в предисловии к роману-эпопее: «По мощи художественного обличения образ Кунанбая не имеет себе равных среди всего, что написали писатели Казахстана о темных антинародных силах, порожденных прошлым социальным устройством нашей страны. Много

в этом характере причудливых складок, извилин и тайников. Кунанбай, воплотивший в себе дух жестокости, интриг и коварства, отнюдь не односторонен, не схематизирован и не мелкотравчат. Он по-своему могуч и монолитен в своей классовой сущности и определенности. Его ум изворотлив, его коварство безгранично, его деспотические злодеяния рождены беспредельной жестокостью в преодолении всего, что стоит на пути достижения поставленной им цели».

Однако в реальной жизни, не в романе, в столкновениях партий участвовали с обеих сторон как баи, так и народ победнее. Социальное расслоение не играло определяющей роли. Целью борьбы была земля, но это – общинная собственность. Поэтому претензии на землю обыкновенно обосновывались родовой историей. Так что теория классовой борьбы в казахском родовом обществе не работала. Да и не было вообще кочевого феодализма, несмотря на убежденность замечательного историка, академика Бориса Яковлевича Владимирцова, написавшего в 1934 году книгу о монгольском кочевом феодализме. Феодалом в средние века называли в Западной Европе земельного собственника, владельца феода, эксплуатировавшего зависимых от него крестьян. А казахские баи, равно как и все члены степного общества, не были собственниками земель. Вся земля в тюркском кочевом государстве испокон веков находилась в общинной, родовой собственности и распределялась сложным иерархическим путем с участием биев, глав семей и подродов, с решающим голосом главы рода, а если необходимо, то и с верховным решением хана. Работники баев тоже не были лично зависимыми от них, могли всегда уйти в свое хозяйство или к другому баю. Все казахи издревле – свободные люди. У всех была личная собственность – скот. Имеешь много скота – значит ты бай, но никакой не феодал.

Царская власть тоже никогда не считала казахских богачей феодалами, владеющими землей. Но и оставлять ее в общинной собственности она не собиралась, лишь в первые десятилетия непрямого управления степью предоставив волостным управителям решать вопросы распределения земель под выпасы. Впоследствии, установив, наконец, что этот вопрос является ключевым в хозяйственной деятельности казахов, основой которой всегда было подвижное скотоводство, нуждавшееся в обширных территориях для выпаса скота, правительство решило провести реформу административного управления казахскими территори-

ями. Для этого в марте 1867 года был создан комитет во главе с военным министром Милютиным. И уже 11 июля того же года появилось «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». Основной целью реформ декларировалось «объединение подвластных России народностей под одно управление, устранение от власти местных аристократов, ослабление родовых начал, чтобы добиться слияния казахских степей с прочими частями России XIX в.». Согласно параграфу 210 этого Положения, территория казахской степи объявлялась собственностью Российской империи.

Конкретная выгода от объявления земли государственной собственностью понятна: российская администрация получала юридическое право отчуждения земель под переселенческие участки. Но в стратегическом плане последствия этого решения касались цивилизационного аспекта: империя покончила в казахском обществе с общинной собственностью на землю, которая стала государственной собственностью. Соответственно, ни о какой феодальной собственности в казахской степи речь идти не может даже чисто теоретически. Баи-феодалы не существовали в степи ни в один из периодов XIX века.

Естественно, в романе слово «феодал» Мухтар Ауэзов не употреблял. Казахи его просто не знали. Поэтому следует подчеркнуть очевидное: феодалами зажиточных казахов сделала идеологическая служба советской литературы. Да и трудно представить того же Кунанбая в реальности грубым, жестоким, заносчивым в повседневной жизни тираном, какими предстают средневековые феодалы в европейских хрониках. Конечно, и у казахов хватало баев-самодуров. Однако старинная родовая этика категорически осуждала насилие в семье, быту и общественной жизни. Кунанбай мог быть твердым и непреклонным с нарушителями родовых устоев, суровым и немилосердным с отступниками от древних этических и моральных норм. Но никогда не забывал, что он всего-навсего слуга народа. «Понравишься народу, угодишь и Богу», – говорил он. И добавлял: «Проявишь уважение к народу, будешь уважаем и ты». Но душу его при этом постоянно раздирали сомнения в принимаемых решениях и совершаемых деяниях, его угнетала тоска по единственно верной истине для всех, которой, очевидно, быть не могло и не было никогда. За беспощадной требовательностью скрывалась жгучая тоска по царству духа,

бытовавшему в прежние времена, но грозившему исчезнуть навсегда.

Ахат приводил в воспоминаниях слова Кунанбая, которые воспроизводил Шакарим в беседах с сыном:

«Чтобы заслужить почет и уважение, прежде всего, нужно быть честным, справедливым, никого нельзя видеть в черном свете, надо помогать ущербным, убогим – это я взял в ум с ранних лет.

В молодости я просил Аллаха: дай счастье! А как обрету счастье, дай богатство, дай власть! И пока послужу народу, прости мои грехи, мои худые дела. Но ежели не смогу полученное от тебя счастье, богатство, власть употребить во благо народа, сделай меня самым несчастным двуногим существом на земле.

Но я не просил сладкой жизни для своих детей и родственников. Если бы попросил, он бы дал. Поэтому я забрал свои просьбы.

Став главой рода, помогал людям. Если не считать ошибок, то не творил сознательно зла, не потворствовал нечистым в делах, не обижал кротких и сирых. Я чтил честность и опирался на народ. Он меня спасал в трудную минуту. Народ сам включил меня в число честных и справедливых.

Но кто враждовал со мной, хватал за ворот, ставил подножки? Родственники и враждовали! Кто поносил мое счастье, мое доброе имя? Родственники!

Никто со стороны не хватал меня за шиворот. Из моего нутра шел враг, чтобы схватиться со мной! Внутренний враг хуже внешнего. Может статься, и ты столкнешься с тем, с чем приходилось иметь дело мне, а тебе придется столкнуться с этим. Так привечай чистых людей, всегда стой на светлой стороне, помогай, употребляя власть, обездоленным и обиженным!»

Последние слова Шакарим считал духовным завещанием деда себе.

Глава двадцатая

РОЖДЕНИЕ МИФА

Кудайберды (1829–1866), старший сын Кунанбая, вырос заядлым охотником и был человеком доброго нрава, незлобным, терпеливым, внимательным к людям. Во всяком случае, таким его описывали Шакарим (сын) и Ахат (внук), которых, естественно, можно подозревать в при-

страстности, присущей любящим родным, но других оценок просто не существует.

Выделяя Кудайберды среди других сыновей, Кунанбай поставил его еще в начале семейной жизни старшиной аула. Распределяя затем в своем властном, волевом стиле в ведение старшин жителей из близких ему подродов, он направил в хозяйство Кудайберды 50 семей подрода Анет и 20 семей подрода Карабатыр. Это были люди отнюдь не богатые, не очень высокого социального положения. Но глава рода всегда заботился о них и предоставлял лучшие пастбища, помня поддержку, оказанную ими в трудных внутриродовых делах.

– Они мои самые верные и близкие люди, – говорил он сыну, – ближе к сердцу, чем рубашка на теле.

И так напутствовал Кудайберды:

– Будешь им главою. Не огорчай людей. Обидишь – душе моей, когда сойду в могилу, не будет покоя.

Эти семьи на многие годы стали близкими дому Кудайберды, а затем и Шакарима. Когда Кудайберды молодым заболел чахоткой, хозяйство в основном вели деятельные и способные члены семей Анет и Карабатыр, работали со скотом, выполняли поручения хозяина. Кудайберды, в свою очередь, не облагал их чрезмерным налогом, требуемым по российским нормативам. Доплачивал недоимки из своих доходов.

Ахат в воспоминаниях описал со слов отца такой случай. Однажды зимой, во время заготовки согыма*, Кудайберды возвращался вечером с охоты и встретил недалеко от своего аула человек десять женщин и мужчин из подчиненных аулов, несущих свертки и мешки со свежим мясом. Они помогали резать скот, и Толебике щедро снабдила их долей заготовки, даже дала в придачу что-то из одежды и хозяйственной утвари.

Придя домой, Кудайберды сел пить чай.

– Да, Толебике, – сказал он жене с напускной серьезностью, – обошла ты меня, взяла на себя труд оценивать работу людей. Дала им еду, одежду. Больше так не делай!

Выдержав паузу, он рассмеялся и продолжил уже другим тоном:

– Не заставляй людей таскать, как сегодня, тяжести на себе. Лучше зарежь для них отдельно согым и отправь мясо на верблюдах. Пока мы живы, они ни в чем не должны испытывать нужду.

---

* Согым – мясо, заготавливаемое впрок на зиму.

Такими благостными примерами наполнено своеобразное «досье» Кудайберды, составленное Шакаримом по рассказам родственников (ему было восемь лет, когда умер отец).

И трудно понять, как такой добропорядочный, благожелательный человек мог оказаться едва ли не зачинщиком одного из самых серьезных конфликтов, который случился в роду Тобыкты в августе–сентябре 1854 года.

Конечно, ростки противостояния вызревали задолго до происшествия. Жигитеки и бокенши не желали забыть стычки двухлетней давности в Токпамбете и последовавших за ней унизительных скитаний целыми аулами по соседним землям после отказа перейти на указанные Кунанбаем, но не устраивавшие их зимовки. Смерть Божея, главы жигитеков, стала представляться им, по прошествии года после похорон, бедой, будто бы случившейся по вине Кунанбая.

Готовясь к противодействию ыргызбаям, жигитеки уже договорились о союзных отношениях с подродом Котибак, да и подрод Торгай склонялся на их сторону. Оба были напрямую родственны ыргызбаям – все происходили от Айдоса, сына Олжая. Жигитеки и бокенши тоже не были чужими людьми, но вели начало от других сыновей Олжая. Такие тонкости шежире (родословной) имели существенное значение в конфликтных ситуациях.

И вот в этой непростой обстановке Кудайберды неожиданно запросил у главы подрода Торгай Кулыншака приглянувшегося ему лучшего коня одного из его сыновей. Можно сказать, затребовал, поскольку об оплате речь не шла. Просьба кажется довольно странной, если не провокационной. Конечно, Кудайберды мог рассчитывать на авторитет отца. В прежние времена сын Кулыншака молча отдал бы коня, но сейчас ситуация была накалена враждебным отношением противоборствующей Кунанбаю «партии».

Между тем Мухтар Ауэзов в романе «Путь Абая» объяснил просьбу Кудайберды обычной в степи процедурой, когда к осени ездовые лошади тощали, их пускали в табуны на откорм, возникала потребность в скакунах, которых пытались купить у соседей или попросить на временное пользование. Вероятно, последний вариант и хотел реализовать Кудайберды.

Тем не менее его обращение за конем к Кулыншаку было рискованным шагом. И поскольку в дальнейших собы-

тиях активную роль играл Майбасар, брат Кунанбая, все еще пребывавший в должности волостного управителя, остается предположить, что именно он подталкивал Кудайберды на этот шаг.

О случившемся далее Мухтару Ауэзову в ходе его работы над романом «Путь Абая» поведал в сжатой форме Тумабай Наданбаев, внук Кулыншака: «Наш аул относился к кажи* недоброжелательно. У Кенжегула, одного из пяти "волков", был конь по кличке Борте. Коня попросил Кудайберды, но ему не отдали. Послали к нему курьера. Однако Майбасар с десятью людьми, избив, выгнал Манаса. После этого наши откочевали. Котибаки, жигитеки, пропустив их через Караул, выжидали. Намереваясь вернуть их, Майбасар и Кудайберды вечером выехали следом. Отправились как волостной, так и его помощник. Кулыншак был болен. Котибаки и жигитеки, посоветовавшись, решили, невзирая на последствия, довершить задуманное. Майбасара и Кудайберды приняли как гостей. Пушарбай, войдя, спросил: "Кто у нас дома?" Майбасар сказал: "Я". Его избили. Кудайберды спрятался за спиной Кулыншака. Но и его избили безжалостно» (из архива Литературно-мемориального дома-музея М. О. Ауэзова).

Этот эпизод, описанный внуком Кулыншака уже в советское время, подтверждается материалами дела «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева», заведенного после описываемых событий. В нем есть такая запись: «Человек около сорока вбежали к ним в аул, большая часть из них спешилась и с ожесточением ворвалась к ним в юрту, схватили его, Майбасара Ускенбаева и старшину Усерова, начали наносить жестокие побои, наказывать плетьми. Киргизы, бывшие при нем, Ускенбаеве, Байке Мурзатаев, Кудайберды Кунанбаев, Караджан Бурангулов, вступившиеся за них, намерены были бунтовщиков уговорить, но им за то нанесены были жестокие побои».

Запись была сделана, скорее всего, на основе доклада чиновника Пограничной комиссии Гусева, направленного в Чингистау сразу после поступления жалоб от противоборствующих сторон. Гусев очень скоро пришел к выво-

---

* Кажи – так казахи называли человека, совершившего хадж в Мекку. Кунанбай ездил в Мекку гораздо позже описываемых событий. Но и Тумабай делился воспоминаниями уже после его ухода из жизни, поэтому и называл его «кажи».

ду, что поводом для всего противостояния изначально была просьба сына Кунанбая о передаче ему коня Кулыншака.

Если разбирать происшествие с взаимным рукоприкладством последовательно, сцену за сценой, то становится понятным, что Майбасар первым проявил очевидную несдержанность, избив Манаса, младшего сына Кулыншака, исполнявшего роль курьера. И всего-то из-за коня, которого торгаи отказались отдавать.

После этого уже обеспокоился Кунанбай, узнав о готовности подрода Торгай к откочевке под покровительство котибаков. Полагал, что многие посчитают позором для ыргызбаев отпустить от себя близких сородичей. Поэтому и дал команду Майбасару уговорить Кулыншака не оставлять выделенные им зимовки. Майбасар взял с собой в качестве помощника Кудайберды, чтобы пристыдить при случае гордецов, пожалевших коня для сына главы рода. Но соперники имели иной план – вызвали подмогу, избили Майбасара, Кудайберды и сопровождавших их лиц.

Дальнейшие активные действия не заставили себя долго ждать. Кунанбай вновь, как и в конфликте с Божеем в Токпамбете, не смог удержаться от силового ответа во внутриродовой борьбе, посчитав избиение своего брата и сына оскорблением родовой чести. Вместо того чтобы попытаться договориться с более слабыми и по численности поддерживающих сил, и по социальному статусу сородичами о примирении, он решил в очередной раз постоять за родовые принципы, которые боготворил и защищал многие годы.

Но возведение родовой структуры в символ идеального степного государства отрывало его от реальности. Ему уже казалось, что он живет не в кругу сородичей, а в пространстве предопределенного будущего, охватывающего всю его судьбу, весь мир, необъятную казахскую степь и вечное небо Чингистау. Сам бог Тенгри указывал ему на высшую ценность в жизни. И он держался за родовую идентичность, как за ось мироздания, от которой исходила нравственность, струилась, лучась и сверкая, духовная жизнь общества.

Эта абсолютизация родовой идентичности сыграла с Кунанбаем злую шутку. Как любой философски мыслящий лидер, он всегда стоял на грани совершения ошибки, перед бездной полного противоречий бытия, куда его втягивала предельная неуспокоенность и вело неуемное стремление к истине.

Возможно, в тактических схватках победа чаще бывает на стороне вождей, мало подверженных сомнениям, мыслящих конкретными категориями текущего момента. Кунанбай же выделялся в казахском обществе склонностью к глубоким размышлениям, привычкой формулировать то, что хранится в тайниках души каждого степняка, но кажется непознаваемым, ибо его трудно выразить словами. Недооценка наличных проблем часто становится оборотной стороной глубоких рассуждений, в которых был силен Кунанбай. И в данной ситуации он допустил просчет.

Глава рода считал себя обязанным любыми способами защищать родовые устои, заставить отступников силой, если надо, подчиниться правильным, по его представлениям, решениям текущих проблем. И объяснял земельную политику в кругу своих сторонников в чисто метафизическом ключе (по воспоминаниям Ахата Кудайбердиева):

«В свое время земли вдоль Кундызды я отсудил у найманов, вернул роду. Переместил в том направлении детей Мырзы, уговорил сменить стоянки потомков нашего предка Кокше. А двое моих родственников – Божей от жигитеков и Байсал от котибаков – не подчинились моим решениям, не согласились с разделом земель. Сразу выросло число слабых безземельных семей. Сами видели, с каким трудом я их устраивал. Но теперь не согласны те, кто оказался в расположении других родов. Они пришли защищать честь предков, дух Тобыкты, основателя рода. "Если он наш предок, разве он и не ваш предок? Почему вы не чтите дух предка, дух самой земли?" – говорят они. Пришедшие сейчас стоят уже отдельными аулами. Разве им не нужна земля? Разве Богом дарованные нам просторы не место для всех людей? Разве они не вправе поднять голос? Вот отсюда моя обида на жигитеков и котибаков. Если они защищают честь народа, чтят духов предков, то должны подчиниться. Пусть отдадут часть земли людям, вернувшимся на священную землю предков. Пусть покажут, что готовы служить на благо народа».

С такой убежденностью в собственной правоте он решил силой сломить волю ослушников.

Казалось, возможностей для достижения цели должно хватить. Рядом с ним были его братья Жакып, Майбасар, другие родные люди. Как всегда, к исполнению любых поручений был готов друг детства Мырзахан. Роль телохранителя взял на себя приемный сын Ызгутты, ловко управлявшийся с айбалта – боевым топором. В одну из тревожных

ночей Кунанбай был тронут, когда обнаружил Ызгутты, стоявшего на страже у дверей его юрты.

– Меня охранять нет надобности, сын мой, – сказал мырза. – Если смертный час наступит, умру, как бы ты ни охранял меня. А если этот час далек, то и никакой злодей не достанет меня.

И отослал спать названого сына.

На его стороне были не только близкие родственники. В гвардию входили видные батыры из других родовых подразделений. Например, молодой жигит Байкулак из подрода Тогалак. Или жигиты из подродов Анет и Карабатыр Толепберген и Елеусиз.

Кунанбая поддерживали также некоторые вожди подродов, такие как Каратай, один из глав большого подрода Кокше. Одно время у них были натянутые отношения, но затем Каратай порвал с бокенши, отказавшись выступить с ними против Кунанбая.

Туманбай Наданбаев так информировал Мухтара Ауэзова о развитии событий:

«Кажи стягивал силы. Жигитеки собирали своих в Мусакуле, кажи – в Жидебае. Была серьезная схватка. Три дня бились, подвязав хвосты у коней.

Байдалы во время боя, воодушевляя криком, посылал своих жигитов против Кунанбая. Когда у них много людей были выбиты из седел, со стороны Акадыра лавиной погнали верблюдов. Кажи, решив, что это конырцы*, остановил своих воинов.

Во время сражения много людей было ранено, аулы подвергались нападениям, что и стало причиной гонений на кажи».

Очевидно, что Кунанбай надеялся на легкую победу, но встретил ожесточенное сопротивление. Серьезных потерь он не желал, потому и отступил. В итоге победителя в жарком противостоянии в Мусакуле не было.

Между тем лапидарное сообщение Туманбая Наданбаева послужило автору романа «Путь Абая» основой для развернутого рассказа о грандиозной трехдневной «битве» при Мусакуле. В нем, в частности, содержится такая информация: «Каждая из сторон насчитывала тысячное войско».

Напомним, в 1846 году комиссия по переписи населения, возглавляемая поляком Виктором Ивашкевичем, насчитала в Кокше-Тобуклинской волости, управителем ко-

* Подразумевается подрод Коныр-Кокше.

торой был Кунанбай Ускенбаев, восемь тысяч человек. Поэтому теоретически Кунанбай и его оппоненты могли, конечно, выставить на схватку по тысяче человек, но документальных подтверждений этому нет.

Еще более сомнительны другие сведения романа. Например, когда Кунанбай со своими воинами преследовал обратившегося в бегство противника, «десять отбившихся жигитов были заколоты на месте». То есть вроде бы пополнили число погибших в «битве». Однако и в этом случае документальных архивных данных о погибших нет. Не говорил о них и Туманбай Наданбаев.

Безусловно, внутриродовое столкновение в Мусакуле было серьезным. Оказалось немало раненых. Но убитых не было вовсе, что, конечно же, объяснимо. В этом конфликте схватились жигиты разных подродов одного большого рода Тобыкты. Следовательно, все сражавшиеся были по шежире, как принято считать у казахов, родственниками. Можно предположить, что существовала, если так можно выразиться, этика такого рода столкновений. Все боролись за свою правду, но никто не собирался убивать родных людей. Всадники просто стремились смять противника, чтобы заставить его отступить или покориться, а значит, признать свою неправоту. Перевеса сил не удалось добиться ни одной из противоборствующих сторон.

В прежние времена жертв во внутриродовых конфликтах не было в принципе, поскольку проблемы оперативно регулировались свято соблюдавшимися традиционными законами и нормами жизни. Изредка гибель воинов происходила в крупных межродовых и межплеменных схватках. Правда, теперь, после слома родовой структуры казахского общества, стали возникать отдельные случаи преступлений внутри рода. К ним, при формальной доминации волостного управления, привела всеобъемлющая дивергенция родовых отношений, против которой и боролся Кунанбай.

В случае конфликта в Мусакуле важнее другое: раньше внутриродовые сражения вообще были невозможны. Сама структура общества не допускала столкновений разных родовых ветвей. За этим следил глава рода. Конфликты решались им совместно с биями и главами подродов. Но теперь родовая структура уже не была ведущей парадигмой в сознании степняков.

Издревле родовое государственное устройство всегда было устойчивым, гармоничным образованием. Поколебать его можно было только извне, расшатывая новыми

порядками, совершенно не присущими нормам родового общества. Упразднив инклюзивные политические институты казахской государственности, империя приписывала все последующие междоусобицы национальному характеру, жестоким нравам казахов, отсутствию политической культуры – чему угодно, только не своему участию в развале традиционной структуры казахского общества.

А ведь речь идет не просто об общинной традиции, которую следует почитать как нравственный или моральный кодекс. С годами и веками его нормы могут стать священными и неприкосновенными, но их изредка удается заменить, чаще насильственным путем, новой культурной парадигмой.

Нет, в любом разговоре о традициях речь в первую очередь идет о законах жизни в степи, выработанных не веками даже, а тысячелетиями тюркской кочевой истории. Без них немыслимо само существование народа, невозможно и подвижное скотоводство как основной способ хозяйствования в степи.

Невиданное прежде жестокое столкновение внутри большого рода отдельных его ветвей было, конечно, на совести, прежде всего, Кунанбая. Как неформальный теперь глава рода, он обязан был не допускать внутриродового кровопролития. Раньше он вел за собой жигитов в бой на защиту рода Тобыкты и его земель. А теперь им, как и его соперниками, владел лишь инстинкт самосохранения, затмивший в нем яркую и, казалось, вечную идею защиты родовой идентичности и родового строя.

Однако при всей глубине вины Кунанбая конфликт в Мусакуле еще не был губительным для родовых отношений, поскольку в основе его лежало стремление главы рода навязать ослушникам свою волю и решения, которые он искренне вполне традиционно считал правильными для сохранения единства рода. Символическим и поистине фатальным это внутриродовое столкновение представил в своей прозе Мухтар Ауэзов, преувеличенно расписав в романе жестокость и кровожадность не одного Кунанбая, а всех участников «битвы». Получился как бы книжный портрет народа. Из него вполне могло возникнуть клише о казахах как о не самом дружном семействе. Уж слишком велики были художественные достоинства романа-эпопеи, который оказал сильнейшее воздействие на представление читателей о жизни традиционного казахского общества.

У любого народа есть положительные стороны, есть и

недостатки. И казахи не могут быть сплошь недружным и неприветливым народом. Такие качества мог вызвать только слом привычных условий жизни, случившийся с приходом внешнего управления. Степняки, естественно, стали приспосабливаться к новым законам, пользовались ими, когда видели для себя выгоду. В том числе писали жалобы на соперников, надеясь привлечь на свою сторону власть.

Коенчно, случай в Мусакуле не мог остаться без внимания властей. Обе конфликтующие стороны сразу после прекращения стычек отправили в Каркаралинский окружной приказ жалобы с описанием жестокости оппонентов. Каждое из писем содержало красочные детали. Наиболее впечатляющими казались для авторов жалоб сведения о нападении на их аулы с «доведением беременных до выкидыша». Поскольку слухи о схватке в Мусакуле быстро вышли за пределы Чингистау и постоянно пополнялись волнующими подробностями, к середине сентября 1854 года отчет о событиях, составленный русскими заседателями окружного приказа на основании поступивших жалоб, был немедленно отправлен в Пограничную комиссию.

Получив отчет, начальство тотчас направило в волости, охваченные противостоянием, следователя из Семипалатинска. Через неделю в Чингистау прибыл для проведения предварительного следствия чиновник Пограничной комиссии Гусев в сопровождении десяти вооруженных казаков. Кунанбай распорядился поставить для них юрты в Жидебае. Следователь несколько дней был занят тем, что вызывал и расспрашивал подателей жалоб с обеих сторон. Однако Кунанбай вскоре узнал, что у его соперников он не только допытывался о событиях в Мусакуле, но углублялся в предысторию, просил рассказать о прежних претензиях к Кунанбаю в ту пору, когда тот был сначала волостным управителем, а затем старшим султаном.

Избирательный подход чиновника не оставлял сомнений в том, что объектом расследования и подозреваемым в возможных преступлениях был без колебаний выбран Кунанбай. Это было неожиданное решение администрации, если учесть, что действиями в Мусакуле активно верховодили и другие личности, те же лидеры жигитеков и котибаков, тот же отец «пяти волков» Кулыншак. И определить виновных в беспорядках могло только объективное следствие. Но, похоже, в Пограничной комиссии изначально решили сосредоточить внимание на Кунанбае. Почему?

Можно подумать, что все дело в жалобах противников

Кунанбая, которые как бы имели больший успех, нежели сочинения его сторонников на ту же тему. А может, проявилась предвзятость Гусева, который еще помнил дерзкое поведение Майбасара, напавшего несколько лет назад на казаков, перевозивших почту. Кунанбай тогда укрыл родственника от судебного преследования, несмотря на докладную Гусева, разбиравшего это дело.

Возможно – однако более вероятно, что сыграла свою роль активность других соперников Кунанбая, чингизидов, составлявших окружение старшего султана Каркаралинского округа Тулюка Турсунова (6 октября 1855 года его сменит на этом посту Шалгымбай Биралин, тоже из сословия торе), можно даже сказать, оккупировавших окружной приказ. Речь не только о тех личностях, на которых Кунанбай жаловался в Пограничную комиссию в 1852 году перед выборами старшего султана. Оживилась вся султанская верхушка округа, все честолюбивые торе, мечтавшие когда-нибудь занять кресло ага-султана или посадить в него близкого родича. В их числе был и Кусбек Таукин, не терявший надежды вернуться на эту должность (и вернувшийся в 1861 году).

Все они понимали выгоду, которую могли извлечь из ситуации с Кунанбаем. Если Пограничная комиссия заведет на него дело, то они навсегда могли избавиться от популярного народного лидера и опасного соперника на будущих выборах. Поэтому отчет о событиях в Мусакуле, составленный русским заседателем окружного приказа, был существенно модулирован мнением старшего султана и его советников, которые постарались выставить на первый план жалобы на Кунанбая, а его встречные доводы, претензии, обвинения, похоже, вывели из рассмотрения. Получалось, что кругом виноват один он. И омские чиновники дали указание следователю Гусеву собрать сведения о его несомненной, по сложившемуся у них представлению, вине.

Именно поэтому неожиданно для всех Гусев, остановив свое непродолжительное расследование, приказал Кунанбаю отправиться с ним в Каркаралинск якобы для составления подробного отчета о происшествии. Поскольку глава рода уже не имел никакой законной должности, вызов для исполнения формальных процедур выглядел надуманным. Уместнее было призвать для этого в окружной приказ волостных управителей как должностных лиц. Тобыктинцам стало ясно, что вокруг могущественного, хотя и неофици-

ального, главы рода сгущаются тучи. Тотчас распространился слух о том, что мырза арестован и будет доставлен в Каркаралинск.

Чем конкретно руководствовался следователь Гусев, фактически привлекая к ответственности Кунанбая? Формально он исходил, во-первых, из того, что поводом для конфликта стало требование Кудайберды, сына подозреваемого, отдать ему коня Кулыншака; во-вторых, из активного участия самого Кунанбая в трехдневных столкновениях «партий», в которых он выглядел главным возмутителем спокойствия.

На самом деле он и был главным лицом этого конфликта, на который пошел сознательно, надеясь легко и быстро решить силой, как прежде, текущие проблемы. Но раньше в подобных ситуациях за ним были, по меньшей мере, все потомки Олжая. Сейчас – только часть этой ветви рода Тобыкты.

Отложив в сторону добросердие, которое, как он считал, в сложившейся обстановке было не к месту, глава рода намерен был наказать сородичей, не пожелавших подчиняться его решениям. Этика родовой идентичности пришла в противоречие с политической этикой. В пылу противостояния он с жестокостью какого-нибудь древнего тюркского полководца или великого кагана, вероятно, угнездившейся где-то в глубинах его души, решил, что его истина должна быть общей для всех, а значит, нужно быть беспощадным ради утверждения единой правды. Но такое притязание на обладание абсолютной истиной терпело крах в истории и в более масштабных проектах, особенно когда становилось фундаментом веры. К истине можно приблизиться, только поняв и приняв противоположное мнение. А таковым перед Кунанбаем представало новое миропонимание сородичей, опосредованное экстрактивными институтами империи. Он и сам констатировал необратимое присутствие этих институтов, понимал их функциональное значение, но принимал как неизбежное затруднение, как помеху, существующую рядом, по соседству, с которой следует ужиться. Поэтому и не соглашался замечать их отпечатки в душах соотечественников, полагая, что сможет противостоять ужасающим переменам, маячившим где-то далеко впереди.

С этой решимостью он пошел против жигитеков и котибаков, родных по крови людей – и потерпел поражение. Не на поле «битвы», а в своих представлениях о значении

родовой дисциплины, о соответствии волений и деяний родовой структуре и традиционным нормам и принципам жизни.

Святая вера в верховенство родовых законов, веками правивших в степи, казалось, должна была теперь серьезно пошатнуться. Тем не менее он самолично продолжал верить, что если даже не добился легкой победы в Мусакуле, то хотя бы отстоял рубежи. Базовые устои жизни казахов в степи – родовые правила, традиционные узы семьи и привычный хозяйственный уклад – все еще оставались на прежних позициях. Люди жили, творили, любили, работали, не покладая рук, заботились о семьях и стадах, стараясь блюсти те самые законы, которые яростно отстаивал глава рода, но против которых сами же и выступали, оказываясь под властью завлекающих манков нового времени.

А он еще не знал или просто не хотел верить, что полной победы уже не будет никогда. Бороться за священные заветы предков необходимо, но возврата к прежней абсолютной власти гармоничного родового устройства, возможно, не случится. Ибо империи никогда не уходят добровольно, настойчиво и неумолимо меняя образ жизни покоренных народов, стремясь, однако, больше к собственным прямым выгодам, экономическим прежде всего, нежели к приобщению «киргизцев» к техническим достижениям эпохи.

Во второй половине сентября 1854 года Кунанбай, попрощавшись с матерью, женами, детьми, в сопровождении нескольких родичей, в числе которых был Мырзахан, выехал в Каркаралинск для продолжения участия в следствии. Страха перед неведомым не испытывал, знал о своей невиновности.

А противники ликовали. Были уверены, что его отправят в Сибирь.

Глава двадцать первая

БРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Пребывание главы рода во время следствия сначала в Каркаралинске, затем недолгое время в Омске, потом опять в Каркаралинске породило немало домыслов. С годами некоторые из них трансформировались в дошедшие до нас легенды, которые обрели устойчивость благодаря стараниям как почитателей, так и критиков Кунанбая.

Действительность была проще и полностью отвечала

политике империи в степи. Именно в XIX веке она проводилась с разумной осторожностью, вопреки сложившимся представлениям о бесцеремонном характере расширения любой империи. Несмотря на ожидания противников, мырза Кунанбай аресту не подвергался, в темнице не сидел. В тюрьмы и ссылки попадали только лица, объявленные судом государственными преступниками, к коим он причислен быть не мог, а значит, Сибирь ему не грозила изначально.

В Каркаралинске он пробыл поначалу две недели, не принимая участия в составлении какого-либо отчета. Гусев сразу уехал в Омск, а кроме него следственные действия проводить никто не собирался. Кунанбаю было указано никуда из станицы не отлучаться. Он снял для проживания дом у местного жителя. Ежедневно заходил в «свою» мечеть, совершал намаз, потом шел в окружной приказ. Но на все вопросы получал однообразный ответ: «Ждем распоряжений из Омска». Не приводили ни к чему и попытки общения с казахами из свиты ага-султана – они явно сторонились его, опасаясь вступать в разговор. Сверх того, мырза постоянно ощущал на себе внимание казаков, служивших в каркаралинском отряде, отвечавшем за порядок.

Сам старший султан Тулюк Турсунов появился в приказе только спустя неделю после прибытия Кунанбая. На приглашение к дастархану ответил отказом, ссылаясь на занятость, и по всем вопросам переправлял к русскому заседателю приказа. Зато приехал из своей шаншаровской волости сват Алшинбай, который несколько дней развлекал подследственного беседами. Именно Алшинбай, умудренный жизнью, сведущий в интригах местной султанской знати, просветил свата насчет участившихся контактов окружных деятелей с омскими чиновниками и возможных вариантов развития событий.

В остальное время мырза страдал от бездействия, беспокоился о хозяйстве, даже послал помощника в аул за новостями.

Любопытно отражение этого пребывания в Каркаралинске на страницах романа «Путь Абая». Оно построено исключительно на описании дачи взяток Кунанбаем через Алшинбая начальнику казачьего отряда и некоему чиновнику, якобы прибывшему из Омска. По книжной версии, для прекращения дела прямо здесь, в Каркаралинске, «требовались бешеные взятки и богатые подарки, а Кунанбай и Алшинбай уже нуждались в деньгах». И будто бы прибыв-

ший по торговым делам семипалатинский купец Тиныбай, за сына которого Кунанбай ранее сосватал свою дочь Макиш, сестру Абая, немедленно «открыл свату кошелек». Алшинбай же говорил с восторгом про чиновника: «Дай ему бог здоровья – он оказался человеком прожорливым – только успевай подносить. Зажмурит глаза – и знай себе гложет и гложет без остановки».

Здесь автор романа решил сыграть на репутации Алшинбая, как человека, умеющего договариваться с должностными лицами. Конечно, его реноме сильно правилось общественным мнением, которое всегда эффективно формировали акыны. Тот же слепой акын Шоже, возможно, небеспричинно наседал на Алшинбая в присутствии Кунанбая, тогда еще ага-султана:

– Посмотри-ка на себя – ты ж сам слепой.
Как так можно тяготить народ живой?
Все подъел в Караоткеле, в Кокшетау,
А теперь народа мнишь себя главой.

Однако никаких сведений о даче взяток Алшинбаем или Кунанбаем конкретно в Каркаралинске и далее в Омске ни в воспоминаниях сородичей и потомков, ни в исследовательских материалах самого Мухтара Ауэзова нет. Если бы хоть один случай подкупа «прожорливых» чиновников имел место в реальности, известие обязательно ушло бы в народ и сохранилось в преданиях. Более того, никакой нужды давать взятки русским людям в Каркаралинске, которые просто вели переписку с омским начальством и сами ничего не решали в подобных делах, не было. Повлиять на следствие они не могли, всё решалось в Омске, и Кунанбай об этом прекрасно знал.

Как бы то ни было, сваты оказывали посильную помощь, возможно, помогали материально и уж точно поддерживали, как принято у родственников, морально – советами, сопереживанием, обсуждением проблем. И мырза считал себя многим им обязанным. Часто говорил после этого случая: «Счастье мое, как дар небес, сваты Алшинбай и Тиныбай. От них видел лишь искреннее почтение и чистую, не запятнанную ничем дружбу» (из текстов Ахата Кудайбердиева).

Тем временем в Чингистау, как сообщил посыльный, страсти всё не утихали. После отъезда главы рода его сторонники отправили человека к Байсалу, главе котибаков,

с довольно наивным требованием забрать из округа жалобы, поскольку они содержат ложные наветы на Кунанбая. Байсал возразил, что к отъезду мырзы котибаки и жигитеки отношения не имеют, а причиной задержания стало, вероятно, его намерение сразиться с сословием торе за власть.

Когда же ыргызбаи вторично прислали вестового с предложением встретиться, чтобы выработать план по освобождению главы рода, Байсал ответил, что говорить не о чем, а если Кунанбая осудят, то народ не останется внакладе – на его место всегда найдется другой достойный человек. Тогда ыргызбаи во главе с Майбасаром в начале октября, когда люди укрылись на зимовках, из мести угнали скот у котибаков и жигитеков. По жалобе последних из Семипалатинска немедленно прибыл следователь, который пытался найти пропавшие отары овец по их следам. Но предусмотрительные угонщики прогнали в этих местах верблюдов, и следователь не нашел никаких следов. Обиженные жигитеки стали готовиться к ответной барымте. А следователь, по словам Ахата, получив от ыргызбаев солидный подарок, отбыл восвояси.

К тому времени Кунанбай все же сумел разузнать, что отчет, написанный заседателями по представлению ага-султана и направленный в Омск, был составлен на основе только жалоб его противников без учета встречных доводов. Пришлось признать правоту Алшинбая, рассказывавшего подоплеку привлечения мырзы к ответственности, которую можно назвать и заговором султанов.

Поэтому он не удивился, когда в октябре 1854 года в окружной приказ поступило письмо с сообщением о том, что в Пограничной комиссии, согласно статье 156-й законодательства, заведено дело «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева» (ныне материалы дела хранятся в Государственном архиве Омской области). Само название подтверждало неприятные догадки о предвзятости следствия.

Сомнений не оставалось: старшему султану и заседателям приказа удалось убедить Пограничную комиссию и областное начальство, что вина за происшествие в Мусакуле лежит на Ускенбаеве. Похоже, и следователь Гусев содействовал такой направленности дела своим докладом, содержавшим сведения о некоторых прежних деяниях мырзы в должности сначала волостного управителя, потом старшего султана. Кунанбай и только он один, как можно по-

нять из названия дела, без колебаний был выбран объектом расследования. Больше никто из участников нашумевшего противостояния в Мусакуле к ответственности привлечен не был.

Узнав о таком результате предварительного расследования, Алшинбай, не ограничиваясь моральной и материальной поддержкой свата, тотчас составил на казахском языке в арабской графике прошение на имя военного губернатора Области сибирских киргизов Густава фон Фридрихса с просьбой освободить Кунанбая от ответственности ввиду заслуг как перед народом, так и перед царской властью. В дальнейшем Алшинбай развил кипучую деятельность по сбору подписей под петицией известных биев, волостных управителей округа. Султанов старался обходить стороной.

Тем временем, в соответствии с распоряжением военного губернатора, Кунанбаю было приказано немедленно отправиться в Омск в качестве подследственного лица. С ним должен был поехать начальник казачьего отряда, которого казахи именовали, по давно заведенному обыкновению, Майыром, то есть майором (он мог иметь и другое звание). Офицер должен был везти материалы по делу, в том числе письма и свидетельские показания по происшествию в Мусакуле. Мырза обеспокоился. Нельзя сказать, что запаниковал – просто точно оценил карательную силу письменных жалоб родовых оппонентов, творчество которых умело использовали султаны, заправлявшие округом. Поэтому, уезжая в Омск, он передал родственникам, своим соратникам, чтобы они немедленно провели переговоры с противниками и удовлетворили все их требования.

Мухтар Ауэзов выделил в воспоминаниях одного из своих современников такой сжатый обзор последовавших действий Кунанбая: «После смерти Божея он отправился в Омск. Когда уходил, говорил: “Не дайте пускать жалобы за мной вслед. Если будут что просить, отдавайте жигитекам”. В итоге оставшиеся отдали 15 зимовий. Байдалы сказал, что жалоб не будет, но потребовал 15 зимовок. Скот жигитеки забирали без счета. Кажи приказал, чтобы скотом не распоряжались. Письменные жалобы больше не посылались, кажи вернулся» (из архива Литературно-мемориального дома-музея М. О. Ауэзова).

Но до возвращения было еще далеко. Пока Кунанбай только выехал из Каркаралинска.

По сведениям добросовестного собирателя устного народного творчества Сейткали Карамендина (1913–1997),

по пути в Омск мырза останавливался в ауле кереев в доме именитого бия Токсана. Причем вместе с Кунанбаем в Омск шел под конвоем в качестве подследственного родственник Токсана, человек средних лет по имени Торкан.

Мырза провел с Токсаном в беседах целую ночь. Видимо, Кунанбай говорил о своей вере в справедливость российского права, потому что наутро Токсан-би, провожая гостей, прокричал вслед уходившему верхом Кунанбаю: «Кунажан! Не оборачивай коня, оборотись сам».

И произнес на прощание четверостишие:

– После тумана будет джут,
После простуды будет зуд.
Напрасно верить в их закон,
Его исходом будет суд.

Кунанбай тотчас отшутился, тоже стихами:

– И что ж, коль за туманом будет джут?
Наш дом в укромном месте даст спасенье.
И что, коль за болезнью будет зуд?
Бог Тенгри даст свое нам исцеленье.
И что нам, коль законом правит суд,
Когда мы золота уже скопили пуд.

Пудов золота, конечно, у казахов никогда не было. Только в сказках и легендах. А уж легенд в этом деле оказалось предостаточно.

Возможно, на почве обостренного отношения к жалобам жигитеков и котибаков не только Кунанбая, но и его сторонников в их среде родилась поразительная история о том, как по пути в Омск мырза сжег материалы следствия, вырванные силой из рук казачьего офицера. Этот яркий эпизод вошел в роман «Путь Абая». Мухтар Ауэзов, по его словам, основывался на сведениях Архама Искакова (внука Ыскака, младшего брата Абая), который вроде бы почерпнул их от стариков. У Архама в воспоминаниях «Жизненный путь Абая» в самом деле есть такие строки: «Мырзахан, сопровождавший Кунанбая, рассказывал потом народу: "Дали водки Майыру, напоили его, я развел огонь в печи. Кунанбай не пускал Майыра, держал за волосы, мы собрали и сожгли все бумаги"».

В романе офицер, уже получивший (по книге) большую взятку, во время остановки в Павлодаре сам выложил на стол перевозимые документы, позволил Кунанбаю схва-

тить себя за руки, а Мырзахану – сжечь все бумаги в печи. После чего Майыр инсценировал пожар в сарае, в котором якобы сгорели документы, составил об этом акт, на основании которого затем в Омске признали мырзу невиновным.

Как видим, в романе-эпопее Кунанбай предстает обыкновенным хулиганом. Однако в реальности именно он больше всех был заинтересован в доставке в целости и сохранности в Пограничную комиссию всех жалоб как его противников, так и сторонников. Ибо ему предстояло опровергнуть надуманные обвинения оппонентов и, самое главное, суметь привести, точнее, восстановить доводы в свою защиту, поскольку они, очевидно, не вошли в исходный отчет окружного приказа.

Поэтому в эффектную версию о сжигании писем, несмотря на ее остроту и характерность, верится с трудом. Да и хулиганство, если бы оно было, могло обойтись дорого – мырза уж точно не избежал бы ареста.

Но история с принудительным изъятием документов у Майыра с их сожжением в печи явно импонировала потомкам Кунанбая, которым он виделся в образе этакого казахского батыра, одержавшего верх в схватке с русскими чиновниками. Поэтому легенда получила хождение и в других вариантах. Например, Ахат описал в воспоминаниях совершенно невероятную историю о том, как Кунанбай уже в Омске, в помещении Пограничной комиссии схватил за волосы следователя, повалил на пол и приказал Мырзахану бросить в печь все папки по его делу. Они сожгли бумаги дотла, а затем умчались из Омска на санях вдоль берега Иртыша в родной аул.

В отличие от романной версии с Майыром эта версия исключает взятки и ложный пожар. Тем не менее подобного геройства было бы достаточно, чтобы завести дело о разбойном нападении, однако его не было. Как не было вообще никакого уничтожения документов следствия. На самом деле, во второй половине октября Кунанбай без приключений добрался до Омска. Сопровождавший его начальник казачьего отряда (Майыр) благополучно сдал все документы в канцелярию Пограничной комиссии. В деле «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева» появилась запись (страницы 229–234): «По сему делу хорунжий Ускенбаев содержится в городе Омске под стражею».

В действительности к Кунанбаю не приставляли никакой стражи. Чиновники просто предупредили Кунанбая,

чтобы он, как лицо подследственное, никуда не отлучался из города. И приступили к изучению поступивших материалов.

Мырза снял в аренду дом для себя и сопровождавших его родственников. Каждый день ходил к следователю. Опасаясь, как бы дело все же не затянулось, стал заводить с чиновниками разговоры о том, что ему, может быть, нет необходимости засиживаться в холодном зимнем городе, если следствие окажется продолжительным. Возможно, по этой причине чиновники сделали приписку к предыдущей записи: «По сему делу Ускенбаев заключен под гауптвахтный караул по воле генерал-губернатора Западной Сибири, как Ускенбаев заключается по делу о незаконных сборах с киргиз во время бытности его старшим султаном».

И в этот момент подоспела подмога в лице подполковника Чингиса Валиханова, отца Чокана Валиханова. Внук знаменитого Абылай-хана, сын Уали-хана, султан Чингис (1811–1895) многие годы занимал пост старшего султана сначала Аман-Карагайского округа (1834–1844), затем после его переименования Кушмурунского округа (1844–1853), а позже и Кокчетавского округа (1857–1868). В перерыве между ага-султанствами, в 1854–1857 годах, состоял на службе в Пограничном управлении в весьма почетной и уважаемой должности советника от казахов. В его формулярном списке есть соответствующая запись: «Г. генерал-губернатором Западной Сибири определен советником от кайсаков в Областное правление сибирских киргизов 26 июля 1854 г.».

Осенью 1854 года, когда было заведено дело на Кунанбая, султан Чингис находился у себя в Сырымбете*. Здесь его и застал настойчивый и последовательный Алшинбай с письмом в поддержку Кунанбая. Прошение подписали такие известные бии Каркаралинского округа, как Токсанбай Тленшин (род Шаншар), Жангутты Ботантаев (Алиеке-Сырым), Мырзатай Байториев (Кара), Суюндык Жанкобеков (Тобыкты, подрод Бокенши) и др. Как видим, кое-кто из тобыктинских лидеров тоже вступился за своего главу.

Алшинбай попросил султана Чингиса отвезти письмо областному начальству на правах советника. Мнение Валиханова должно было сыграть позитивную роль. Талант пе-

---

* Сырымбет – родовые земли хана Уали и всех Валихановых на территории современного села Сырымбет Айыртауского района Северо-Казахстанской области.

реговорщика у Алшинбая был несомненный, однако долго уговаривать султана ему не пришлось. Тот немедленно выразил готовность поддержать доброго своего собрата тобыктинца, с которым был знаком по участию в мероприятиях областной администрации, в том числе в собраниях в Омске. Двое умных, глубоко мыслящих знатока национальной истории, обычаев, традиционного тюркского права, государственного устройства казахского общества не могли не сойтись во мнениях при обсуждении текущих событий и будущего казахского народа. А если и не сходились, то относились друг к другу с уважением.

Чингис Валиевич немедленно отправился в Омск, где добился встречи с военным губернатором фон Фридрихсом. Советник от казахов передал петицию Алшинбая и выразил готовность выступить поручителем за Кунанбая, если ему будет предоставлена возможность отбыть в степь на время проведения следствия.

Султан Чингис имел в среде чиновников превосходную репутацию грамотного, исполнительного национального лидера, способствующего решению трудных этнополитических вопросов. И к его мнению прислушались. Хотя может показаться, что ситуация разрешилась своим ходом. Областное начальство уже имело на руках заключение омского следователя по делу Ускенбаева, указавшего на письма его сторонников, которые опровергали все обвинения в противозаконных поступках. В предварительном отчете Каркаралинского окружного приказа об этих письмах не было сказано ни слова. Поскольку новые сведения входили в конфликт с исходными основаниями, требовались повторные проверки на местах, то есть в тобыктинских волостях. По этой причине военный губернатор на время продолжения следствия дозволил Кунанбаю вернуться в Каркаралинск и находиться там до особого распоряжения.

Некоторые исследователи предполагают участие в разрешении ситуации девятнадцатилетнего Чокана Валиханова. Он состоял в то время на службе в Омске в должности адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Густава Христиановича Гасфорта. Но вместе с тем Чокан, согласно формулярному списку, являлся «офицером особых поручений» Главного управления Генерального штаба – проще говоря, военной разведки. Так что в тот момент мог отсутствовать по какому-нибудь специфическому поручению. А мог и помогать отцу, например, с переводом на русский

язык петиции Алшинбая. Однако упоминаний о деле Кунанбая в его текстах нет.

А вот об участии в деле его отца, Чингиса Валиевича, имеется документальное свидетельство. Согласно письму генерал-губернатору Западной Сибири от 3 ноября 1854 года, Пограничное управление «донесло, что оно передало Ускенбаева для отправления в Каркаралинский приказ советнику от киргиз Валиханову, который изъявил на то согласие и поручился, что Ускенбаев, отправившись из Омска, прибудет прямо в Каркаралинский приказ».

Вот так Кунанбай под поручительство и в сопровождении султана Чингиса отправился обратно в Каркаралинск, недолго пробыв в Омске. Поскольку из подследственного он перешел в разряд поднадзорных, то уехать обратно в округ он мог в самом деле только в сопровождении казаков или ответственного лица. Чингис Валиханов со своим желанием поручиться за Кунанбая оказался кстати.

Выходит, не все представители сословия торе относились предвзято к Кунанбаю. Впрочем, султан Чингис – человек особенный. Если характеризовать коротко – многогранная личность. Умный, грамотный, весьма образованный, культурный, воспитанный, оригинальный человек, внимательный к людям, ко всем явлениям жизни, событиям в окружающем мире. Неспроста именно к нему, как к знатоку национальной истории и культуры, в феврале 1840 года обратился пограничный начальник Михаил Васильевич Ладыженский с поручением собрать фольклорный материал и предания казахского народа, а также сведения о древних сооружениях в степи. «Я надеюсь, что вы, милостивый государь, со своей стороны употребите все зависящие от вас средства, чтобы дело это было окончено сколь возможно в непродолжительном времени с надлежащей полностью», – писал полковник Ладыженский. Видимо, дело было исполнено неплохо, потому что и позже к султану Чингису обращались по вопросам культурно-исторической идентичности. Так, в 1850 году он получил благодарность совета Русского географического общества «за доставление мужского киргиз-кайсацкого костюма», состоявшего из девяти предметов. А в 1876 году отставной полковник Валиханов передал собрание предметов казахского быта для выставки на III Международном конгрессе ориенталистов в Санкт-Петербурге, «чтобы познакомить с современным и древним бытом людей, населяющих область кайсаков». Причем наиболее доро-

гие экспонаты принадлежали самому султану Чингису и членам его семьи.

Можно верить, что хранитель родовых ценностей, степной эрудит Кунанбай и доброжелательный, мудрый султан Чингис провели в общении много приятных часов по пути в родовые земли. О чем они говорили? Разумеется, о народе и его будущем при царской власти.

Это был глубокий и долгий разговор, повлиявший на дальнейшую судьбу Кунанбая. Чингис Валиханов был человеком несколько иного склада, чем его старший собрат. При всей любви к степи и казахскому народу он соотносил его автаркичное бытие с грандиозными переменами в окружающем мире. Имел представление о войнах, порождавших империи и стиравших с лица земли целые народы, о промышленной революции, бушевавшей уже полвека в Европе и Америке. И убеждал собеседника, что время прямой и беспощадной борьбы за вековечную родовую структуру традиционного общества уходит безвозвратно. Нужно быть гибче и отстаивать не только родовую идентичность – она никуда не исчезнет в веках. Надо сохранить единство казахов под внешним управлением, которое, скорее всего, будет доминировать в степи ближайшие годы и десятилетия. Более того, оно принесет в многовековой уклад такие изменения, что начнут необратимо меняться привычки и сознание людей. Следовательно, нужно уже сейчас искать пути к владению умами, и на этой стезе известная всем тяга Кунанбая к вере может оказаться более действенной, нежели его неукротимая борьба с сородичами за сохранение традиционных родовых отношений.

Кунанбай прибыл в Каркаралинск в качестве поднадзорного лица. В этом статусе он уже не мог выдвигаться на выборную должность, чего и добивались султаны округа. А еще он не мог немедленно отправиться в Чингистау, что сейчас для него было гораздо важнее. Дома ждали не только родные и не одни внутриродовые политические проблемы, но и дела по хозяйству. Заниматься ими на расстоянии весьма обременительно. Пора было возвращаться, хотя и стояла середина зимы.

Султан Чингис говорил Кунанбаю, что надзор по договоренности с омскими чиновниками предполагается формальный. Нужно только подождать несколько недель. Будет назначен новый следователь, он и даст законное разрешение отбыть в Чингистау. Однако зимой следователь в Каркаралинске так и не появился. Сколько же тогда време-

ни провел здесь мырза Кунанбай? Вопрос не праздный, ибо неверный ответ может дать комментаторам повод для новых домыслов. А чтобы знать достоверные данные, лучше обратиться к преданиям, в которых наиболее точны были бии, когда дело касалось хронологии.

По преданиям, осенью того же 1855 года на большом родовом сборе аргынов известный бий и оратор Казангап Сатыбалдин (1771–1856) из рода Басентиын (ветвь Бори), который в 1843–1848 годах был старшим султаном Баянаульского внешнего округа, попытался с помощью стихотворной импровизации поддеть своего младшего друга Кунанбая:

– Божей и ты, вы были равны,
Стремительные, как куланы.
Но с родичами ты схватился,
Шесть месяцев сидел в дуане*.

Кунанбай не возражал насчет сроков пребывания под надзором, ответив, согласно тому же преданию, незамысловатой метафорой:

– Иногда бесплодные слова
Издает и знатная глава.
Когда сокол бьет крыло о скалы,
Радуются ворон и сова.

Следовательно, пробыл он в дуане, то есть в Каркаралинском окружном приказе, в качестве поднадзорного лица полгода, почти до середины мая 1855 года. Возможно, именно это достаточно длительное пребывание в условной неволе послужило основой еще одной истории в череде то ли вымыслов, то ли легенд, а может и реальных случаев, сопровождавших следствие в отношении Кунанбая.

Его внук Ахат писал в воспоминаниях, что еще в Омске помощники решили, что мырза не должен долго оставаться один, и поселили его с женщиной из ногаев по имени Айбат, ставшей ему, стало быть, женой. И что умерла она спустя год, не перенеся беременности.

Ахат, похоже, основывался на воспоминаниях Ниязбека Алдажарова (1914–1988), другого потомка Кунанбая, работавшего в 1979–1984 годах директором музея Абая в Жидебае. Алдажаров добавлял подробности: по возвращении

* Дуаном казахи называли округ, окружной приказ.

из Омска мырза поселил женщину в отдельном доме, не показывая людям. И вскоре она тихо умерла, тихо была похоронена, не сохранилось даже могилы. Вроде бы были слухи о заговоре жен мырзы против новоявленной токал*, которые Кунанбай решительно пресек.

Можно бы не верить этим сведениям, поскольку оба мемуариста писали о жизни с Айбат в Омске, а Кунанбай пробыл там всего около двух недель. Но история могла продолжиться в Каркаралинске, где мырза жил полгода. И главное, Ниязбек Алдажаров ссылается на Шакарима, от которого будто бы и услышал мальчишкой эту историю, похожую на слухи.

Давно ушло время, когда был жив Кунанбай. Памятные камни стоят на могилах его жен, имена которых чтимы в роду. И только тень Шакарима, задевающая краем эту историю, заставляет дрогнуть сердце при мысли о том, как просто может исчезнуть человек во времени, оставив только легкую печаль в душе, как след вечности.

Глава двадцать вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В мае 1855 года Кунанбай получил из Пограничной комиссии дозволение покинуть Каркаралинск и вернулся в Чингистау.

Домочадцы устроили той, праздник в честь его освобождения. Именно полной победой представлялось им возвращение главы рода и семьи в родной аул. Рациональные объяснения счастливого исхода дела родные не принимали всерьез, находили только сакральные причины избавления от зла. Да и сам мырза усматривал вмешательство высших сил, когда говорил на склоне лет (согласно Ахату Кудайбердиеву): «У меня перед народом непреходящий долг. Только мольбы народа спасли меня от двух смертей, от двух ссылок. Люди просили Бога, лили слезы ручьем и лишь таким способом спасли мою душу».

Но долго праздновать на этот раз Кунанбай не позволил, напомнив всем, что следствие еще продолжается. Уже на второй день, воспользовавшись присутствием давних, проверенных друзей, он провел сход ближнего круга сородичей. Выслушал выступления, по сути, отчеты о событи-

* Токал – у казахов младшая жена.

ях, случившихся за время его отсутствия. Мрачнел, внимая захватывающим рассказам о барымте.

Внезапно прервал говоривших, резко объявив, что междоусобные стычки надо немедленно прекратить. Скот, уведенный в барымте у жигитеков и котибаков, следует вернуть.

– Да они сами должны нам, – пытался возразить Майбасар. – Забрали под шумок четырнадцать зимовий. Теперь вы вернулись. Значит, пора им расплачиваться.

– Нет, – сказал жестко Кунанбай. – Требовать плату запрещаю. Я честь на скот не меняю. Это мое последнее слово.

Народ притих. Людям явился прежний облик сурового, единовластного, не терпящего возражений главы рода.

– Не надо сейчас забирать обратно зимовья, – продолжал Кунанбай. – Не время. Скот – дело наживное. Земли нам хватит. У нас крепкие хозяйства, мы быстро встанем на ноги. А другие тобыктинцы пусть поднимаются на том, что имеют сейчас, дай Бог им удачи. Это наши сородичи, наши люди. С зимовьями потом разберемся.

Майбасар переглянулся с Жакыпом, другим братом. Политика мырзы, похоже, меняется. К чему бы это? Понятно, что он не собирается терять бразды правления родом. Если он и не станет напрямую распределять пастбища и маршруты кочевок, как прежде, то влиять на принятие решений будет несомненно. Это ясно из решительной речи. Однако в какую сторону он направит отныне решения? Об этом и задумались братья и другие родичи мырзы.

А следствие по делу «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева» действительно продолжалось. Летом чиновники приступили, как и планировалось, к возобновлению расследования дела непосредственно в волостях рода Тобыкты. Проводить их руководство Пограничной комиссии поручило заседателю Каркаралинского внешнего окружного приказа Трусову. Теперь он должен был проявить себя в качестве следователя.

Заседатель Трусов, который до этого исполнял в том же приказе должность секретаря, оказался весьма деятельным человеком. Все лето и осень он опрашивал подателей жалоб по происшествиям последних лет, перемещаясь по аулам Чингистау в сопровождении нескольких казаков. Но ближе к зиме заторопился в Каркаралинск.

Причина спешки известна из его рапорта под грифом «Секретно» от 19 ноября 1855 года исполняющему долж-

ность военного губернатора Области сибирских киргизов генерал-майору фон Фридрихсу, в котором Трусов писал: «Из Тобыктинских волостей, где я производил следствие о противозаконных поступках бывшего старшего султана Кунанбая Ускенбаева, окружным приказом вызван в Каркаралинск для производства следствия о найденном мертвым близ речки Джарлы, в 20 верстах от Каркаралов, мещанина Репина. В Каркаралах, я 13-го числа получил сведения, что к бию чубуртпалинского рода Агыбаю Конурбаеву, бывшему прежде приверженным мятежного султана Кенесары и в 1849 году вступившему в числе 200 кибиток на подданство России и причисленному к Алтеке-Сарымовской волости Каркаралинского округа, приехали лазутчики от сына Кенесары Касымова с предложением, чтобы Агыбай отложился из округа и присоединился к Кенесарину для возобновления набегов и грабежей».

Как понятно из текста, оставив пока в стороне дело Кунанбая, следователь Трусов занялся гибелью мещанина, но тут же был перенаправлен на новое дело. Речь пошла о батыре Агыбае, который состоял одним из военачальников у Кенесары, а в 1851 году был на асе по Ускенбаю, чем оказал честь всем его родным, по мнению Кунанбая. Теперь сыновья Кенесары, в том числе молодой султан Сыздык (1837–1910), входившие в войско Кокандского ханства в разгоравшейся русско-кокандской войне, призвали Агыбая выступить на их стороне. Батыр снял с мест свои аулы и двинулся на юг, о чем и доносил Трусов: «По приезду упомянутого ходжи Агыбай со всеми чубуртпалинцами тотчас укочевал на озеро Балхаш к урочищу Аккум и Сарыкум, в удаление от прочих волостей».

Следующее заключение Трусова весьма любопытно, ибо характеризует деятельность чиновников в условиях непрямого управления империей степью: «Верность подданства Агыбая Конурбаева с его однородцами, привыкшими к набегам и хищнической жизни, очень сомнительна, каково сомнение, как и удостоверения ныне разделяют многие киргизы. Управляющий Алтеке-Сарымовской волостию бий Чомбай Балапанов, в ведении коего состоит Агыбай, еще в начала осени подал в приказ через толмача своего Хохлова рапорт о сомнительном поведении чубуртпалинцев, но рапорт этот не был в приказе принят. Об этом доложил мне сего числа лично толмач Хохлов».

Кунанбай, конечно, знал о наступлении русских войск на территории Старшего жуза, о взятии ими еще в 1853 го-

ду Ак-Мечети (ныне Кызылорда). Не были секретом и намерения кокандцев вернуть под свой контроль южные степи, хотя в 1854 году в Семиречье уже был возведен русский форпост Верный. Но Кунанбай сильно сомневался, что его другу, батыру Агыбаю удастся на сей раз пересечь степь и пополнить войско противников русского царя. И не только из-за противодействия чиновников и казачьих отрядов – их в степи по-прежнему было негусто. Главное, у Агыбая не было поддержки со стороны других родов Среднего жуза, которые постепенно приспосабливались к жизни при имперской власти.

Сам же Кунанбай был озабочен улаживанием внутриродовых проблем. И отъезд следователя Трусова позволил ему немного перевести дыхание и вплотную заняться хозяйственными делами в семье и за ее пределами.

Какие сведения смог собрать в своем расследовании по его делу г-н Трусов? Как показывают хранящиеся в архиве материалы, в основном это опять жалобы на мырзу по событиям прошлых лет, случившимся до происшествия в Мусакуле.

Например, один из свидетелей показал, что еще в 1850 году Кунанбай собрал биев и старшин во главе с Божеем Ералиным и, пожаловавшись, «что у него верблюды хворают, кочевать невозможно, просил пособить, дать ему на время» скот, самолично определив, кто и сколько голов должен дать. И Кунанбаю было передано 70 верблюдов.

В чем истинный смысл подобных, почти что исторических, за давностью лет, случаев (если они были в реальности), основанных на довольно сложных внутриродовых отношениях, понять из таких полных недомолвок жалоб невозможно.

Было собрано множество незначительных, вполне бытовых фактов. Например, некто Куванч Утемисов сообщал, что по распоряжению старшины он «отвел и отдал его, Кунанбая, жене Ульджане верблюда одного, также не знает за что».

Или вот еще: «Кенгельды Иралин по приказанию старшины отдал Кунанбаю лошадь».

Возможно, таким способом улаживались долговые обязательства или осуществлялся давно установленный сбор налогов в пользу Российского государства. Однако следователь, вероятно, стремился установить с помощью подобных сведений налаженную систему вымогательства. Чему вроде бы должен был способствовать, например, рассказ

Каратая, главы рода Кокше: «Аульный старшина Каратай Сапаков показал, что со всего рода кокчинцев, к которому принадлежит и он, собрано 25 лошадей, которые отданы при нем частию самому Кунанбаю, когда он был волостным управителем, и частию Майбасару, когда он поступил в эту должность. А как собственно им, Сапаковым, в то число лошадей дано не было, то он султану Кунанбаю дал трех верблюдов по хворости его на время, но он таковых не возвратил, и на затребование оных начал с ним ссориться».

Выяснением причин, по которым происходил тот или иной сбор материальных средств, то есть скота, Трусов не занимался. Не собирался он и выяснять, в какой мере такие сборы были договоренностями по налоговым или традиционным общеродовым делам. Просто скрупулезно фиксировал, что, у кого, когда и сколько забирал Кунанбай. Записал, например, что Уркунбай Азбергенов «со своего аула отдал Кунанбаю трех верблюдов, а Майбасару своих четырех лошадей, первому – на время, которых обратно никто не получил, а о последних хотя и спросил Майбасара, на какой предмет он собирает лошадей, но он ему ответил, не его дело о том знать, а когда велят, то должен дать».

Часто такие взносы были принятым в казахском обществе вкладом в традиционные семейные или родовые мероприятия. Между казахами заходила иногда речь о необходимости выделять долю волостного, но она не прижилась, поскольку точно была незаконной по российским нормам. Но дознавателю было достаточно рассказа о том, как тяжело хозяин расставался со скотом, чтобы снять в дело его показания. Так, Тайгулу Кунанбаев поведал, что «он Кунанбаю отдал двух верблюдов и, зная, что возврата их от него ожидать нельзя, сказал ему на вопрос его, что таковых отдал вовсе, и сверх того на поминки отца подарил сто баранов». Ироничный или просто прилежный следователь Трусов приписал, что Тайгулу просил «от очной ставки его с Кунанбаем оставить во избежание бурных последствий».

Все эти данные, собранные следователем, несут печать недосказанности, которая случается, когда говорит только одна сторона, и для восприятия достаточно линейной логики. Причем никакой криминальной составляющей в этих сведениях нет.

Более достоверной, уж во всяком случае жизненной кажется информация о таких же имущественных проблемах, сохранившаяся в преданиях. В них тоже трудно разобрать-

ся на ходу, но остановиться здесь стоит, ибо часто в таких описаниях оживают характеры и мотивации. В народной памяти, например, отложилось стихотворное сожаление Суюндыка, главы рода Бокенши, о некоей разбитой голове коня. Сжатая в четверостишие информация сообщает не столько о стяжательских порывах Кунанбая, сколько о знакомой всем казахам того времени сложной процедуре выстраивания отношений при столкновении интересов.

Как-то люди из аула Суюндыка взяли в полон оппонентов, совершавших барымту. После разбирательства в качестве добычи оставили себе вороного коня. Но в схватке на голову бедного животного опустился соил*. Тем не менее Кунанбай, имея в деле собственный интерес, затребовал пораненного коня. Незадолго до этого аул Бостана из подрода Жуантаяк увел у Суюндыка косяк лошадей с жеребцом и зарезал яловых кобылиц. А поскольку Суюндык тогда обратился за защитой к Кунанбаю, тот просто забрал у Бостана одного жеребца.

Разумеется, все эти угоны то одного коня, то другого совершались в рамках решения имущественных споров. Сурово, грубо, но честно и справедливо, если исходить из вековечных законов кочевого общества. Однако вследствие вмешательства Кунанбая тяжба Суюндыка не прекращалась. И вот тогда, размышляя, отдать Кунанбаю вороного коня или нет, Суюндык сублимировал имущественные переживания в стих:

– Проломлен череп у коня – вина ль слепца?
Хоть я и толст, но нет покоя, спал с лица.
Я б у Бостана на постой мог стать всегда,
Когда бы Кунанбай не отнял жеребца.

Между тем среди показаний, собранных заседателем Трусовым в 1855 году, были и свидетельства в пользу Кунанбая. Не стоит удивляться, что их давали близкие ему люди. Например, когда следователь целенаправленно проверял информацию о том, что, исполняя должность старшего султана, он «отбирал в свою пользу верблюдов, лошадей», двое из десяти опрошенных не подтвердили это обвинение. Одним из них был двадцатилетний Ызгутты Кунанбаев, названный сын мырзы. В деле есть такие его слова: «Я не участвовал в том, чтобы отбирать скот для отца». Другое свидетельство принадлежит младшему брату мырзы, шест-

* Соил – дубинка.

надцатилетнему Солтанбеку Ускенбаеву: «Мне никто не передавал верблюдов, лошадей».

Этого, конечно, было недостаточно для того, чтобы закрыть дело. Следствие продолжалось.

Летом следующего, 1856 года Кунанбай вызвал к себе Габитхана, учителя в родовом медресе в Ескитаме. Глава семьи никогда не оставлял без внимания вопросы образования сыновей. Подробно расспросил муллу о познаниях и интересах своих отпрысков, о религиозном образовании. Особенно интересовался успехами Абая.

– Мырза, ваш сын Абай очень способный мальчик, – говорил Габитхан. – Ему обязательно нужно продолжить обучение в городском медресе.

– А, пожалуй, Ыскак будет повыше, чем Абай. Уж больно дерзок наш корноухий крепыш, – возразил кто-то из родных, присутствовавших при разговоре, намекая на короткие уши большеголового Абая. – Не лучше ли отправить учиться Ыскака?

– Если чего-то ждать, то только от дерзкого мальчишки, – резко ответил Кунанбай. И отдал одиннадцатилетнего Абая на учебу в медресе Ахмета Ризы в Семипалатинске. Некоторые исследователи связывают относительно позднее начало серьезного образования с болезнью мальчика, ссылаясь на сохранившиеся предания.

Учеба в городе не должна была быть трудной для Абая. Занятия в медресе строились по той же системе, которую ввел в Ескитаме Габитхан. В медресе добавлялись только обязательный пятикратный намаз да чтение религиозных книг на арабском языке. Более важным оказалось то, что Абай получил в городе возможность обучаться фарси, арабскому, турецкому и так называемому чагатайскому (средневековому тюркскому) языкам. Чем воспользовался сполна – да еще начал осваивать русский язык.

А тем временем Кунанбай вновь степенно, уверенно и неотвратимо занимался привычным для себя делом – следил за порядком в роду Тобыкты. Сначала он просто занимался хозяйственными делами, как семейными, так и общеродовыми, не проявляя явно своего участия в управлении волостью, от чего был отстранен по закону, как подследственное лицо. Тем более что и Майбасар оставил должность волостного управителя – им стал упомянутый выше Суюндык Жанкобеков, вообще-то говоря, союзник мырзы. Кунанбай всегда состоял с ним в близких деловых отношениях. И, конечно, помнил, что Суюндык был одним из би-

ев, подписавших прошение военному губернатору об освобождении его из-под следствия.

Наверное, бывших старших султанов не бывает. Образ ага-султана остался с Кунанбаем навсегда. И постепенно даже проблемы внутриродовых перекочевок вновь стали замыкаться на нем, и он решал их, как всегда, жестко и решительно. Возражений не терпел. Вот пример.

В конце 1980-х годов умудренный жизнью аксакал Нугман Утепбаев (1895–1989), местный житель, вспоминал:

– Мы – потомки Анет-бабы*. За горой Кыдыр есть местность Кызылшокы (Красный холм), владения нашего рода Анет. Там было много стоянок. Луга на западной оконечности Кыдыра называются Акшие (Белая вишня). Мать моего отца говорила: «У старшего нашего деда Токпана было семь сыновей. Мой аксакал Дуйсенбай был самым старшим. Два года спустя после замужества два раза выпал снег. В аулы на Кызылшокы пришел мырза Кунанбай. Собрались все предки бабы.

– Потомки еще вырастут, земля не вырастет. Землю надо брать, – сказал мырза. – В предгорье свободна местность Кокбиик (Зеленое взгорье). На левом его подъеме стал Кондыбай, на порыжелом взгорье стал Сарыбай. Токпан, у тебя есть сыновья. Пусть твой старший Дуйсенбай кочует на Кокбиик. Там будет его стоянка.

Свекровь с плачем выпросила у мырзы два дня. Через два дня мы перекочевали. Навьючили одеялами, подушками полученную в долю от тестя телку, пошли пешком по снегу, остановились на Шонжыре, там были люди. Передохнули два дня, на третий день пришли на Кокбиик, а там отец уже поставил шалаш, ждет нас. В тот год родился мой ненаглядный Утепбай».

Присутствие Кунанбая в жизни тобыктинцев стало данностью, без которой уже не мыслилось поддержание нормального ритма кочевания. Он как будто не пропадал на какое-то время из Чингистау и над ним не висела угроза осуждения по обвинениям в противоправных действиях. Его решения и указания уже не несли, как иногда прежде, печать некой конфронтации. Продуманные и взвешенные, они стали тем фактором, который вернул людям ощущение близости друг к другу в необъятной зимней степи, когда уход за скотом в холод и метель превращается в утоми-

---

* *Анет-баба* (1626–1723) – родоначальник подрода Анет рода Тобыкты, знаменитый бий, член ханского совета, советник Тауке-хана.

тельный труд в тяжелейших природных условиях и некогда мечтать о звездах.

Без Кунанбая исчезло бы ощущение прочности бытия. Он выражал ту сторону нелегкой жизни кочевников, которую можно назвать оптимизмом. И, несмотря на подвижную сущность его приказаний, обитатели степи, стремящиеся во все времена к прочной, спокойной, уравновешенной жизни, подчинялись его решениям и шли навстречу судьбе.

У него было время обдумать памятные беседы с Чингисом Валихановым, которые они вели на пути из Омска в Каркаралинск. Прошедшие полтора года многое изменили в представлениях о жизни. Он по-прежнему свято чтил родовые законы и традиции. Но уже не было того яростного пыла, с которым он бросался защищать родовую идентичность, стремясь прорвать пелену непонимания, отделяющую его от сородичей, заглушить манки новой жизни и вернуть над Чингистау голубое небо тюрков. Султан Чингис прав: родовым устоям нет угрозы со стороны казахов, ни со стороны торе, ни от баев или кедеев. Законы и правила, принесенные царской властью, – это оболочка чуждой жизни, которой нужно противопоставить возвышенное содержание. Только родовые традиции, подкрепленные верой в Аллаха, могут сохранить вожделенное в веках единство народа. И если ты способен с чистым рассудком, горячим сердцем и пламенной душой донести до народа мысль о величии той жизни казахов, которая сегодня протекает в степи, и незначительности всего постороннего, то начни с себя, поднимись до самых высот веры, стань выше обид, страхов, эгоистических соображений, если они есть.

Так Кунанбай говорил себе, словно держал ответ перед могущественными духами предков, всегда волновавших его своим посмертным существованием. Родовая идентичность казахов – это не архетипы, всплывающие спонтанно из недр коллективного бессознательного, это постоянно присутствующее, промысленное и отлаженное в веках сакральное мировоззрение с телеологическим пониманием роли безупречного бога Тенгри. Но Кунанбай шагнул дальше в своих воззрениях. Он знал, что грандиозные замыслы по переустройству жизни в степи, о которых можно мечтать, могут и не случиться. Однако предельно высокая цель уже обозначилась в вышине. С ней он связывал сокровенную свою веру, ислам. И это чувствовалось во всех его деяниях, речах и решениях. Для окружающих он стал воплощением не только мудрости степи, но и ее святости.

Авторитет Кунанбая был настолько велик, что к его слову прислушивались все – и усердные скотоводы, и горячие головы, привыкшие жить за счет угона скота. Один из таких незадачливых деятелей, Есентай Толеубайулы из подрода Сармырза тобыктинской ветви Мамбетей, уже после ухода из жизни Кунанбая любил похваляться, что получил от него бата – благословение. Будто бы мырза сказал ему: «Стой на своем, иди до конца». Барымтач говорил: «Даже Абай не получил от отца такого бата и потому не имеет права со мной тягаться».

А дело обстояло так. Как-то в молодые годы Есентай с подельниками угнал несколько лошадей у матайцев, а именно – у родственников Кунанбая по линии матери Зере. Дело вроде бы провернули ловко, без свидетелей, припрятали добычу в Чингистау. Однако от Кунанбая скрыть такую кражу было невозможно. Он быстро определил виновных, будто кто-то с небес давал ему подсказку. И в какой-то день поехал со своими людьми в аул Есентая. Тот успел ускользнуть от гостей на своем скакуне и позже так описывал эту историю (по Бекену Исабаеву):

«Далеко я не ушел, задумался: все равно мырза спуску не даст. Бежать некуда. Поэтому я вышел на стоянку по пути следования мырзы, стал его ждать. Вскоре показались верховые. Впереди мырза, за ним семь человек. Я поскакал наперерез прямо к Кунанбаю.

– Стой, дебошир! – воскликнул он, взмахнув рукой от неожиданности.

– Мырза, не отворачивайтесь от меня. – Я осадил коня и поднял руку. – Даже если я не крал этих коней, верну с избытком, только дайте мне свое бата, – сказал я и опустил в покорности руки.

Лишь на миг замешкался Кунанбай.

– Настоящий мужчина никогда не лишится чести, – сказал он. – Пусть и тебя она не оставит. Не прекращай свое сражение, иди до конца! – и провел ладонями по лицу.

Вот такое он дал мне бата. И еще добавил, кивнув на сопровождающих:

– Дальше сам решай проблему с этими людьми.

И тронул вперед коня.

Что делать? Я сам на себя наложил штраф. Так что вернул матайцам их лошадей, добавив своих. Слышал, что Кунекен был очень доволен этим».

Вряд ли Кунанбай только от неожиданности проявил благосклонность к конокраду. Если бы Есентай не сдержал

слово и не вернул украденное с избытком, мырза подверг бы его жестокому преследованию, примеров предостаточно.

Нет, он искренне даровал отступнику поистине батырское благословение, что, казалось бы, совершенно не похоже на здравомыслящего главу рода. Но здравомыслие его, на самом деле, имело свои пределы.

Да, он был необыкновенно реалистичным человеком, трезво оценивавшим людские грехи и несовершенство мира. Но странным образом он все еще верил в свет души и в то, что мир полон чудес, – это еще можно простить человеку верующему. Однако сверх того он видел, что реальный мир, затягивающий человека в рутину повседневности, уныл и печален и душа его страдает от невыносимой боли. Чудо, о котором он молил Аллаха, должно было спасти каждую мятущуюся душу, принести облегчение в жизни. И потому готов был в любой момент легко и доверчиво, как в сказке, осчастливить обездоленного или поверить слову настоящего мужчины, а таковыми ему виделись все гонимые не только судьбой, но и властью. Он и себя, возможно, признавал в душе недооцененным ни сородичами, ни судьбою, ни Богом. Поэтому понятно его отношение к внезапным просьбам знакомых и незнакомых людей. К ним он был всегда готов, как и к возможной встрече с аруахами – духами предков.

И когда, например, в его аул пришел Торкан, с которым он три года назад добирался под конвоем в Омск, мырза не выразил удивления. Принял родственника бия Токсана, хорошего своего товарища, как родного брата. Не расспрашивал, как ему удалось выбраться из ссылки. Сам Торкан не вдавался в подробности, только сказал, что ему нужно укрыться от чужих глаз на какое-то время.

– Вот теперь никуда тебя не отпущу, – ответил на это хозяин. – Будешь жить в нашем ауле как член семьи.

По версии Сейткали Карамендина, Кунанбай вызвал к себе тринадцатилетнего Абая, свободного от учебы в городском медресе в летнее время. Отец уже доверял ему исполнение небольших поручений. И теперь сказал, что Торкан будет жить в ауле старших жен и он возлагает на Абая заботу о нем.

– Отец, кто этот человек? – спросил Абай.

– Он был мне другом в тяжелые времена, – ответил Кунанбай и добавил стихами, известными нам по устным преданиям:

– Разве хан не может оступиться?
Иль душа не может истощиться?
Разве твой тулпар* сойдет за клячу,
Если прежде побеждал на скачках?

Здесь следует сказать несколько слов о стихотворных речениях Кунанбая, встречающихся в преданиях. Было бы несправедливо считать их наложенным позднее творчеством носителей устной литературы. Да, Кунанбай не был признанным в обществе акыном, поэтом, но он прославился как блестящий оратор, златоуст, один из тех уникальных талантов, кто имел свободный доступ в сокровищницу казахского языка. И для такого мастера слова было абсолютно естественно говорить в подходящий момент стихами. Ведь сам народ всегда слагал стихи и песни в силу особого образного мышления, которое неудержимо овладевает людьми, обитающими на великих степных просторах. Никакой тяжелый труд, отдающий конским пóтом и кислым запахом выделываемых шкур, не способен перебить тот романтический дух свободы, который необратимым образом рождается в вольной степи, ограниченной лишь небом, похожим на опрокинутый океан, да закатами во всю ширь небес.

Жизнь казахов была бы много скуднее, если бы не было в ней стихов. Стихами составляли любовные послания, стихами пересказывали детям сказки и легенды. Самые красивые словесные формы запоминались любителями поэтического искусства и передавались, как говорится, из уст в уста. Это не самая эффективная форма хранения информации, поэтому до наших дней дошли не все замечательные образцы, безусловно, высокого искусства устного творчества. И не принимать на веру стихотворные рефлексии Кунанбая нет никаких серьезных причин.

А спустя год после Торкана в его аул пришел другой путник. Он рассказал людям, что познакомился с Кунекеном в Омске, где оба находились под следствием. Потом он оказался в ссылке в Сибири, вернулся в Семипалатинск и теперь добрался сюда пешком и на попутных телегах купцов, поскольку обещал поздороваться с Кунанбаем. (Эту историю привел в воспоминаниях Ахат, сын Шакарима.)

Путнику указали на дом мырзы. Он вошел в юрту, которая была полна гостей, поздоровался со всеми, сел скромно у входа. Внезапно мырза поднялся с места, подошел и крепко обнял его.

---

* Тулпар – боевой конь, скакун.

Этого человека звали Бейсеке. Был он из кереев. Стал близким Кунанбаю в зимнюю пору в Омске, где оба были подследственными лицами. Хозяин несколько дней угощал гостя, приодел его, подарил коня, а после проводил на родину. Бейсеке до самой кончины Кунанбая получал от него на зиму скотину для забоя, снабжался необходимыми в хозяйстве вещами.

Между тем дело самого главы рода «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева», начатое в октябре 1854 года, явно затянулось. Откровенно бюрократическая российская судебная система часто оказывалась еще более неуклюжей в делах казахской степи, если только речь не шла о преступных деяниях против империи. В простых имущественных разбирательствах она увязала на долгие времена. Как не вспомнить суды биев, с оперативностью которых не мог сравниться ни один российский суд! Вполне возможно, играли роль технические причины, связанные с необходимостью проводить следственные действия на больших расстояниях от областного центра. Но возникают мысли и о желании представителей царской власти держать казахское общество в состоянии внутренней вражды, тогда и дело «о противоправных поступках» можно оставлять годами в подвешенном состоянии.

Архивные источники свидетельствуют, что делом Кунанбая чиновники все же изредка интересовались. Например, в Омском областном объединенном межведомственном архиве хранится такой документ: «11 июня 1860 года. Донесения МВД. 31 января за №372 донес, что дело о противозаконных поступках хорунжего Ускенбаева, состоящее из 21 тома с перепискими по многим предметам, рассмотрено и составляется из него выписка, как из донесения. Советник Николай Абрамов».

Следующий документ из того же архива гласит: «30 марта 1861 года. Отношение Семипалатинского военного губернатора... уведомило меня, что хотя дело это в 23-х томах пошло на ревизию областного правления 9 июля 1860 г., но до настоящего временем окончательно не рассмотрено потому, что со временем поступает много арестантских дел».

Дошло до того, что 5 ноября 1863 года генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель направил запрос военному губернатору Семипалатинской области, в котором были такие слова: «Покорнейше прошу Ваше превосходительство уведомить меня в дополнения о донесении Вашему, от

9 марта с.г. за №884, в каком положении находится ныне дело о противозаконных поступках бывшего старшего султана Каркаралинского окружного приказа хорунжего Кунанбая Ускенбаева, приняв между тем меры по скорейшему его окончанию. Ген. губ. А. Дюгамель. Окружным членом совета Маслов».

Вполне возможно, что это просто бюрократическая переписка, инициированная каким-нибудь канцелярским чиновником, случайно наткнувшимся на незакрытое дело. С другой стороны, перед нами полное скрытого недоумения письмо генерал-губернатора, отчаявшегося понять, почему простое мероприятие не доведено до логического конца.

Формально следствие по обвинениям Кунанбая тянулось более 15 лет, но решения, похоже, так и не было найдено. В итоге дело устарело, забылось, ушло в архив. Возможно, сыграло роль нежелание чиновников доводить его до конца, о причинах чего можно только догадываться.

Глава двадцать третья

СВЯЩЕННЫЙ КРУГ СЕМЕЙНЫХ УЗ

11 июля 1858 года на жайляу в межгорной долине Чингистау, именуемой издревле Кенбулак (Широкий ручей), в юрте Кудайберды его жена Толебике родила мальчика.

На праздник по случаю рождения ребенка прибыл Кунанбай. Он должен был по сложившейся в семье традиции дать имя внуку. На этот случай дед захватил с собой Коран, заложенный на нужной странице. Открыв священную книгу, он торжественно провозгласил имя новорожденного: Шахкерим, на казахский лад Шакарим. С этим именем будущий философ и поэт вступил в мир.

Другой знаменитый в будущем отпрыск Кунанбая, его сын Абай, завершил трехлетнее обучение в медресе в Семипалатинске и весной 1859 года вернулся в родной аул. Отец задал ему настоящий экзамен – дал прочесть вслух ученую книгу на арабском языке. Сыну не составило труда озвучить указанные отрывки. Кунанбай удовлетворенно кивнул головой:

– Арабский знаешь. Без него не встать на путь истинного мусульманина. Что познал еще?

– Благодаря арабскому я открыл для себя восточную поэзию.

Абай с упоением называл имена Хафиза, Фирдоуси, Саади, Шамси. Кунанбай смотрел на него с некоторым удивлением. Сын раскрывался с неожиданной стороны, что, впрочем, возражений не вызвало.

– Так ты задержался в городе после окончания учебы. Чем занимался?

– Не знаю, одобрите или нет, но я без вашего ведома записался в русскую приходскую школу.

– Неплохо. Знание языка в наше время только поможет расти.

– Но я ходил в русскую школу лишь последние четыре месяца. Получал хорошие оценки. Могу читать, немного говорить по-русски. Купил словарь для перевода и книги для чтения.

– В таком случае, – подвел итог Кунанбай, – займись обучением русскому языку Халиуллы. Осенью он поедет учиться в Омск.

Халиулла пять лет обучался в аульной школе в Ескитаме у Габитхана, хорошо освоил арабскую грамоту, основательно изучил восточную литературу, в том числе на чагатайском языке. Мысль отправить подающего надежды сына на учебу в Россию родилась после рассказа султана Чингиса Валиханова о том, как он отвез в 1847 году двенадцатилетнего Чокана в Омск на учебу в кадетский корпус, считавшийся лучшим учебным заведением Сибири.

Еще весной этого 1858 года Кунанбай отправил в Пограничную комиссию письмо с просьбой предоставить место в Сибирском кадетском корпусе для его сына Халиуллы, не особенно надеясь на положительное решение. Подписался как бывший старший султан Каркаралинского округа. Он знал, что воспитанники в корпусе разделялись на роту и эскадрон: рота для дворян, эскадрон для казаков. При этом в эскадрон в редких случаях допускались и сыновья казахской знати. Опыт Чокана Валиханова был едва ли не единичным случаем поступления в корпус казаха, притом что Чокан был, в отличие от Халиуллы, султанских кровей. К тому же до сих пор дело Кунанбая не было закрыто. Но неожиданно он получил письмо о согласии принять на учебу Халиуллу.

Абай, как мог, обучал все лето младшего брата русскому языку по заданию отца. Внимательное отношение родоправителя к этому неудивительно. Кому, как не ему, понимать значение владения языком при отправлении власти в степи, которая осуществлялась под внешним управлением.

Сам он русский язык понимал, но говорил на нем плохо. Ахат, сын Шакарима, рассказывал, как через аул Кунанбая шли русские переселенцы, останавливались передохнуть у его юрты, пили кумыс. И кто-то из них отставил чашу в сторону, не допив.

– Пей, пей, твой остаток никто не выпьет, – сказал Кунанбай по-русски.

– Тате, вы, оказывается, знаете русский язык! – воскликнул кто-то из внуков.

– Это обыкновенный отзвук, – улыбнулся дед. – Просто запомнил то, что слышал.

Осенью Абай по настоянию отца поехал с Халиуллой в Семипалатинск, чтобы проводить его оттуда на учебу в Омск. Дальше десятилетнего мальчика сопровождал учитель Габитхан. Средства на дорогу отец собрал обычным способом, продав кобылу, конвертировав живность в денежные купюры.

Кунанбай не без умысла поручил Абаю сопроводить брата в город. Он постоянно давал ему задания, все более сложные, сознательно втягивая в зону ответственности взрослых, как уже делал это со старшими сыновьями Кудайберды и Танирберды. Глава рода готовил себе смену. Причем привлекал к управлению всех сыновей, одного за другим, осмысленно создавая на будущее целую систему кланового управления родом, реализуя идею, которую вынашивал со времени создания школы в Ескитаме. Если уж новая власть взамен традиционной системы управления казахского общества, в которой особая роль принадлежала главам родов и подразделов рода, целенаправленно возвела сетевую структуру волостного управления, паутиной накрывшую всю казахскую степь, то придется взять контроль хотя бы над той ее частью, которая опустилась на Чингистау.

Ничего нового Кунанбай не изобретал. Родственные кланы в истории человеческой цивилизации почти всегда верховодили при любых формах аристократического правления. Просто мырза создавал подобную систему ради спасения святой для него родовой идентичности. Сохранить контроль за соблюдением старинных норм и принципов можно только в том случае, если управление будет согласованно осуществляться близкими людьми. Например, воспитанниками школы Ескитама.

Такова была основная мысль Кунанбая. Он уже понял, что при его жизни полноценного возврата к прежней еди-

ноличной власти главы рода не будет. Но и в необратимость, равно как и в эффективность новой системы власти не особенно верил. Поэтому планомерно взращивал в семье будущих предводителей рода. Осталось только расставить в ближайшие годы сыновей и близких родственников управителями желательно во всех смежных волостях. И тогда будет восстановлено гармоничное управление большим родом Тобыкты. Но теперь управлять им сможет не один глава рода, а целая ветвь – подрод Ыргызбай.

Уже служил волостным управителем Кучук-Тобыктинской (Кокше-Тобыктинской) волости Танирберды, сменивший на этом посту почтенного Суюндыка Жанкобекова, деятельность которого вызывала в народе только одобрение. При Суюндыке поубавилось стычек, бии успевали решать большую часть проблем до включения боевого режима барымты. Поначалу Кунанбай планировал поставить волостным Кудайберды, но тот упросил отца дать время на улаживание хозяйственных дел его большой семьи, к тому же жаловался на состояние здоровья. Танирберды был выбран в 1859 году без проблем. Кунанбай вздохнул с облегчением. Его план начал претворяться в жизнь.

Ближе к зиме он вызвал Абая и предупредил, что весной ему предстоит женитьба на Дильде, давно сосватанной дочери Алшинбая. Абай тотчас попросил дозволения съездить к каракесекам, обитавшим в соседней с тобыктинскими землями местности Ушкара. У него было поручение друзей по медресе к людям из аула Тонтая, который приходился Кунанбаю родственником через Улжан.

Отец не возражал. Но, по преданию, серьезно наставлял сына.

– Обязательно возьми с собой кого-нибудь из уважаемых людей, – требовал он. – И прошу, следи за мыслями, не говори опрометчивых слов, не попади впросак. Твоя родня по матери, шаншары, сплошь златоусты, мастера слова, всегда найдут поводы для острот и шуток.

Абай вольготно провел некоторое время в ауле именитого родича Тонтая. Часто общался с самим хозяином. Однажды даже решился сделать замечание, когда Тонтай небрежно провел ритуал мусульманской молитвы – намаз, произвольно сократив аят Корана.

– Нагаши*, оказывается, читая намаз, можно двигаться по прямой, не блуждая по хитроумным дебрям шариата, –

* Нагаши – обращение к родственнику по линии матери.

тонко пошутил Абай. И, являя школьную выучку, прочел по памяти фрагмент из Корана: – «О те, которые уверовали! Обратитесь за помощью к терпению и намазу. Воистину, Аллах – с терпеливыми».

– Это ты правильно сказал, сынок, – ответил Тонтай. – Вера должна строго умещаться в узкое лоно шариата. Однако мы свято держимся широкой дороги самой великой веры, объемлющей весь мир. И шариат, как свод законов, широк, он прощает мелкие отклонения. Его правила не так жестоки, как степные принципы «Грива коня», «Горб верблюда», «Стрела лука».

Последние слова Тонтай произнес с хитрым прищуром, как бы отсылая восприятие юноши к их скрытому смыслу. Абай тотчас посчитал речения хозяина за иносказания, о чем поведал по возвращении отцу. Кунанбай сразу помрачнел.

– Да, глубоко засели эти вещи в душе Тонтая, – проговорил он. – Я же просил, чтобы ты был осторожен в словах.

Отец не стал ничего пояснять. Но Абай вскоре узнал, расспрашивая знатоков родовой истории, что три названных Тонтаем принципа составляют в некотором смысле проклятие рода Тобыкты. «Грива коня» – это намек на судьбу Енлик и Кебека, которых по приговору знаменитого бия Кенгирбая привязали к хвостам лошадей и протащили по степи за нарушение законов сватовства. «Горб верблюда» касался самого Кунанбая – речь шла о казни Кодара и его невестки, повешенных на верблюде за прелюбодеяние. «Стрела лука» – более древнее наказание Калкамана и Мамыр за запретную любовь. В разбирательстве участвовал прославленный Анет-баба. Мамыр погибла, пораженная стрелой в сердце по приговору суда биев.

Казалось бы, все три знаменитых бия – Анет-баба, Кенгирбай и Кунанбай – могли служить образцом блюстителей древних родовых норм и обычаев. Кунанбай, собственно, и боролся большую часть жизни за сохранение родовой идентичности, жестко выявляя и пресекая нарушения заповедей предков. Однако перемены в жизни, происходившие, разумеется, вследствие влияния внешнего управления, сказывались и на нем. Насколько была оправдана его категоричность? Можно ли было поступать в критических ситуациях иначе? Эти вопросы неизбежно приходили к нему в минуты и часы раздумий, доставляя немало огорчений, когда он не находил ответа.

Неприятную для отца тему Абай больше не поднимал.

Но слушать его, говорить, даже спорить с ним любил. Поэтому охотно присутствовал на сборах уважаемых людей, которые время от времени устраивал отец.

Однажды, например, когда юрта была полна гостей, Кунанбай вдруг обратился к обществу.

– Сколько раз умирает человек? – спросил он прямо.

По сохранившемуся в народе преданию, неожиданность вопроса была такой, что никто из досточтимых личностей не стал и рта раскрывать. Только Абай, сидевший у самого входа, то есть, как полагается по возрасту, ниже всех, прокашлялся. Услышав, Кунанбай потребовал:

– Ну-ка, сын своего отца, говори ты.

– Ничтожный умирает каждый день, достойный умирает один раз, – сказал Абай.

Кунанбай не согласился, покачав головой.

– Это не твои слова, это известная в народе избитая поговорка, – сказал он. – А разве все дни, проведенные без труда, не мертвые дни?

Абай промолчал.

Но он быстро усваивал уроки и всё больше укреплялся в собственном, независимом мнении. Чем, само собой, походил на отца.

Как-то Каратай, давний друг Кунанбая, оказался в кругу Абая и его молодых друзей. Вообще-то Каратаю, по общему мнению, присуща была живая мысль, он слыл замечательным оратором. Но тут вдруг принялся ругать современную молодежь и вообще новое время, вспоминая, какими замечательными были их юные годы, имея в виду, конечно, кочевую вольницу.

Абай не выдержал, стал возражать:

– Да если в ваше время кто-то из соседей сбивался в отряд, никого постороннего близко не подпускали. Из-за воровства, барымты, бесчинств старики, дети, женщины не имели покоя, только и говорили: вон то утащили, вон это унесли. Вы считаете, это было хорошее время?

– Мое время ближе к Пророку, – отвечал Каратай.

– Вершины Алатау ближе к солнцу, но на них лежит вечный снег, – сказал в традиционном метафоричном духе Абай. – А в низине множество растений, какие только фрукты здесь не растут. Для доброты и блага дальних мест или далекого времени не бывает. Они случаются везде и всегда. Вы к Пророку никак не ближе его родителя, а он-то не был мусульманином.

Каратай немедленно рассказал Кунанбаю о вероотступ-

нических речениях сына. Отец вызвал Абая, строго отчитал, сказал немало жестких слов. Сын выслушал молча, без возражений. Ушел в раздумьях.

Ему встретился Каратай.

– Сынок, так кто из нас хорош, а кто плох? – спросил почтенный представитель рода Кокше.

– Так вот, значит, в чем дело – в том, кто из нас хорош! – воскликнул Абай. Он и теперь не мог смолчать. – Когда вы приходили к молодежи один и говорили открыто, не было никого, кто не слушал вас. А когда мы приходим к вам, один старик затыкает всем нам рот!

Каратай застыл, пораженный дерзкими словами юноши.

Этот эпизод вошел в роман «Путь Абая», правда, в несколько ином контексте, являющем Абая в выгодном свете. Взаимоотношения отца и сына, по мысли автора эпопеи, должны были отражать характерный для «феодального» общества конфликт поколений. Но разногласия отцов и детей – вечная тема, под нее можно подвести любые столкновения интересов во все времена. В случае же Кунанбая и Абая просто сошлись характеры, весьма схожие по темпераменту, что неудивительно, если учесть степень их родства. Эмоции в таком общении так же естественны, как и жестокие, безжалостные насмешки акынов друг над другом в айтысах.

Между тем главе рода предстояло организовать и провести женитьбу Абая и Дильды. И тут Кунанбай вспомнил одно назидание своего родителя. Как-то в молодые годы, сумев выделиться на большом сборе яркими речами, он сказал горделиво отцу: «Пожалуй, я стал выше вас». Ускенбай в тот момент ничего не ответил. Но на следующее утро, вероятно, после некоторых раздумий, явился к юрте сына и потребовал громогласно: «Выходи, одинокий хозяин одинокого аула!» И когда сын, одевшись второпях, выбрался наружу, отец сказал: «Я готов был отдать себя на корм любому зверю, лишь бы ты не оставался одинок. Так посмотри, сколько у меня аулов. А у тебя?»

Сказав это, Ускенбай ушел. Смысл его слов был прост. Заботливый, любящий отец, по традиционным представлениям, наращивал число аулов в первую очередь тем, кто выделял сыновьям отдельные юрты, а то и целые аулы, когда дети заводили собственные семьи – отау*. Молодой Ку-

* У казахов отделение молодой семьи имеет особое название – отау, а выделяемая доля в наследстве – енши.

нанбай еще не вырастил сыновей, не отделил их аулами. Тем самым Ускенбай как бы говорил ему: «Нет, не дорос ты еще до меня, не стал выше».

Вспоминая тот отцовский урок, мырза вдруг подумал, что следовало бы провести женитьбу не только Абая, но и других сыновей Улжан – великовозрастного (как считалось) Танирберды, которому исполнилось 23 года, и младшего, четырнадцатилетнего Ыскака. И сразу увеличить, по завету Ускенбая, число аулов.

По семейным преданиям, отложившимся в воспоминаниях Архама Искакова, глава рода уже сосватал для Танирберды невесту из найманов, дочь человека по имени Кенжегул из рода Сыбан, крепкого хозяина с твердым характером. За Ыскака была сосватана дочь бая Жанпеиса из другого найманского рода Мурын. На Жанпеиса Кунанбай вышел через его младшего брата Тана-мырзу, уважаемого в степи человека.

Калым, как водится, был выплачен давно. И Танирберды, и Ыскак уже побывали в аулах невест. Сваты представили их, по обычаю, будущим родственникам. Но теперь, решив женить одновременно всех троих сыновей Улжан, Кунанбай опять отправил женихов к родителям невест, чтобы заручиться согласием на немедленное проведение свадебных торжеств. Однако дело не сладилось. Кенжегул передал Кунанбаю, что дочь все еще молода для замужества, и просил подождать какое-то время. А в ауле Тана-мырзы держали траур после недавней кончины Жанпеиса, будущего тестя Ыскака. К тому же невесте было всего 13 лет, и родители тоже просили повременить с женитьбой.

Но Кунанбай уже был одержим охватившей его идеей. Раз их дочери еще молоды, отдадут позже, решил он. И принял другое решение, несколько неожиданное, однако отвечающее его крутому нраву.

Созвав людей аула, мырза изложил свой план.

– Найдите немедленно Танирберды и Ыскаку других невест, – приказал он. – Когда Алшинбай привезет свою дочь, пусть они тоже будут готовы отдать дочерей.

Похоже, замена никого из родных не удивила. Кунанбай не отказывался от сосватанных невест. Они как бы уже принадлежали семье. Жениться нужно обязательно, но можно и позже.

– Для Танирберды подходит дочь человека по имени Отынши из карабатыров, – сказал кто-то из родных.

– А для Ыскака есть дочь Шуркебая, – добавил другой родич. – Оба тотчас согласятся на ваше предложение.

Кунанбай встретился с Отынши и Шуркебаем.

– Мырза, разве мы откажемся стать вашими сватами, – сказал за обоих Отынши. –Наши дочери пойдут хоть сегодня, как вы решите.

Кунанбай сообщил Улжан и Айгыз, что все три невесты известны, но родители двух последних не готовы тотчас обеспечить приданое. Поэтому необходимо подготовить для молодых в течение двадцати дней две белые юрты с хорошим убранством, в которое входят постели, ковры, кошмы, сундуки. Всё было сделано, как желал глава рода. Женихи с друзьями и родными торжественно доставили невест в родной аул. Празднество длилось неделю.

Кунанбай выделил троим сыновьям в качестве енши – доли в наследстве – по 50 лошадей, 10 верблюдов и 200 баранов. Кроме того, определил в аул каждому в помощь родственные семьи. Тем самым лишний раз продемонстрировал свою состоятельность и значимость в роду. Бедным человеком он, конечно, не был.

– Для вас у меня есть зимовья в двух местах, – говорил он в напутственной речи. – Пусть Кудайберды остается хозяином на наших землях в Чингистау на реке Хан. Здесь хозяевами местностей Жидебай, Борсыкбай, Мусакул, Барак станут младшие Оспан и Смагул. А вы идите к берегам Ащысу в Акшокы и Тесипшыккан. Это хорошие, нетронутые места среди холмов. Я на них давно засматривался. Там много плодородных земель. Сегодня никто ими не владеет. Завтра же собирайтесь в путь.

Сыновья начали готовиться к откочевке. Недовольство проявлял только Танирберды.

– Как вам нравится, жигиты, решение отца отправить нас в заледенелую степь? – говорил он братьям.

– Куда нам деваться? Мы вынуждены подчиниться, – отвечали они.

– Нет, я туда не пойду! – заявил Танирберды. – Это несправедливо. Самые лучшие зимовья в Чингистау он отдал детям Кунке, а нас, детей Улжан, отправляет в необитаемую, голую степь. Мы не рабы, и я такого унижения не потерплю! Вы вдвоем можете отправляться в Акшокы и Тесипшыккан. А я пойду к стоянке Каражурт на реке Хан, там и возведу аул.

– Решай сам, – сказал старшему брату Абай. – Но мы вдвоем возражать отцу не будем, исполним его указание.

В результате Танирберды откочевал в Чингистау, Абай и Ыскак перешли в Акшокы и Тесипшыккан.

Кунке, узнав, что Танирберды ставит дом на ее владениях, тотчас отправила человека к Кунанбаю.

– А как же его обещание отдать мне все владения семьи в Чингистау? Танирберды ставит аул на самых плодородных наших землях. Скажи ему об этом, и пусть он даст ответ, – наставляла она посыльного.

Кунанбай немало удивился сообщению гонца:

– Я ведь приказал Танирберды идти в Акшокы.

Он немедленно отправил к сыну Ызгутты:

– Скажи ему, чтобы прекратил самоуправство. Пусть идет в Акшокы. Ишь, вздумал ослушаться!

Но Танирберды стоял на своем.

– Я отсюда не уйду, – говорил он Ызгутты. – Решение отца несправедливо. Разве правильно считать, что для детей Улжан не найдется и клочка земли в Чингистау? Если сегодня он силой сгонит меня отсюда, последствия будут тяжелыми. Он навлечет на всех потомков нескончаемые напасти. Моя мать не рабыня, и я не раб. Два ее сына ушли влачить собачью жизнь, и довольно. Пусть меня не трогает.

Выслушав отчет Ызгутты, Кунанбай задумался с сумрачным видом.

– Этот щенок в чем-то прав, – сказал он наконец. – Передай Кунке, что лучше не затевать тяжбу на всю оставшуюся жизнь. В нижней части Жидебая есть местность Жарык, очень удобная для зимовья. Пусть младшая жена Кудайберды Ботантай селится там. А восточную часть земель по реке Хан пусть отдаст Танирберды. Это мое последнее слово.

Абай и Ыскак в Акшокы не стали влачить жалкое существование, как предрекал им старший брат, хотя обжитых мест там действительно не было. На зиму обе молодые семьи устроились в старом домике, оставшемся от прежних обитателей местности. С наступлением весны стали обустраиваться серьезнее.

Конечно, было трудно. Место дикое, людей не видно, до Жидебая полсотни верст. Пришлось приложить много труда, чтобы отстроить новые зимовья, привлекая наемных рабочих.

Но Абаю очень нравилось жить здесь. Охота была замечательная. Сюда не доходили вести об очередных столкновениях чьих-то интересов. Никто не мешал читать книги по вечерам при свете масляной лампы.

А со временем ситуация в Акшокы вообще изменилась. Местность расположена на пути из Семея в Чингистау, по-

этому она стала перевалочным пунктом для купцов из города, скупавших у скотоводов шерсть летом, скот осенью и согым (мясо с забоя) зимой. Владения братьев с годами прирастали аулами деловых людей. Изредка они навещали отца, который не перестал давать поручения сыновьям.

После женитьбы Абай чувствовал себя взрослым. Считал себя обязанным участвовать в общеродовых делах.

Как-то Кунанбай держал речь на большом сборе людей. Абай несколько раз порывался сказать что-то, пытаясь вмешаться в разговор. Кунанбай резко остановил его: «Сиди тихо!» Позже, когда народ разошелся, отец подозвал сына, сказал о своем праве управлять общим разговором. Абай попросил прощения за самовольство при таком большом стечении людей.

– Есть у меня мысли, которые хотел донести раньше, но вынужден говорить теперь, – сказал Кунанбай. – Во-первых, ты часто говоришь, насмехаясь над людьми. Ты как простая вода: ее и собака лакает, и птицы, а человеку нет от нее пользы. Во-вторых, ты близок со всяким встречным, а вокруг человека, не разбирающегося в людях, народ не соберется. В-третьих, ты чересчур увлечен всем русским.

– Чем колодезная вода у избранных, имеющих средства, гораздо лучше простая вода, приносящая пользу всем, и пастухам, и простым работникам, – тотчас возразил сын на первое обвинение отца. – Во-вторых, казахи в древние времена были как бараны, и всего один пастух окриком «Айт!» или «Шайт!» успокаивал целый загон овец. Но прошло какое-то время, и народ стал как верблюд. Если кто-то кидал ему в бок камень с криком «Шок!», он поднимался, в недоумении глядя на тебя. А теперь, в наше время, народ стал как лошадь. И в снега и морозы его может пасти только тот табунщик, который, укрывшись снегом на ледяном насте, имеет терпение, подтянув сапоги, спать на рукаве. Лишь человек, познавший труд, может быть главою народа.

Абай коротко ответил и на последнее замечание отца:

– Если будем бежать от обучения знаниям, умениям, взрастет невежество, ничего хорошего из этого не выйдет. Я тянусь ко всему русскому из-за знаний.

Эти примеры при любой интерпретации свидетельствуют прежде всего о духовной близости отца и сына, очень схожих в своих исканиях истины. Точнее, в понимании истины, которую они никогда не отделяли от мыслей о народе. И как бы Абай ни хотел отличаться от отца, даже превзойти его в чем-то, связанные крепчайшей нитью род-

ства и высокими целями по жизни, они всегда оставались рядом друг с другом. Сыновья любовь к отцу была такой же постоянной и глубокой, как и отеческая любовь.

Хранители устных преданий уверены, что следующий диалог имел место в реальности. Когда Абай уже проявил поэтический дар и кто-то из сородичей прочел по памяти его стихи, он решил похвастаться перед отцом:

– Теперь я, наверное, стал выше вас.

– Сын мой, – ответил на это Кунанбай, – для того, чтобы так говорить, роди сначала такого сына, как Абай.

Из этого разговора можно было бы вынести заключение о довольно высокой самооценке и отца, и сына, на что они, конечно, имели достаточно оснований. Однако с таким выводом нет смысла торопиться, если принять во внимание сдержанность, ощущаемую в диалоге, который к тому же похож на художественный вымысел, ибо потаенное чувство гордости отца должно доподлинно остаться секретом собеседников.

С другой стороны, диалог правдив, но вовсе не потому, что в нем слышны отголоски назиданий Ускенбая. Просто Кунанбай беззаветно ценил слово, а значит и талант сына, считая, что словесное искусство является поистине высочайшим подвигом. И при всей суровой тональности своих высказываний, да и самой жизни, он сохранял в душе почти детскую радость познания, встречаясь с метким словом, изумительной речью или просто необычным словосочетанием в устах обыкновенного жителя степи. И это была та самая радость ребенка, который некогда открыл впервые для себя смыслы слов и речений отца и матери, прислушиваясь к семейным разговорам или присутствуя на родовых заседаниях, проводимых Ускенбаем. Чистым и распахнутым миру детским сознанием он постиг тогда, какое это счастье – воспринимать прозрачное, как горный ручей, сокровенное слово с глубоким, теряющимся, как потом он понял, в веках и тысячелетиях истории смыслом.

Поэтому скупая, замаскированная под иносказание похвала Абаю скрывала ни с чем не сравнимую радость серьезного человека, с детской доверчивостью ожидающего чуда слова. С этим чувством радости, доставленным успехами сына, не могло сравниться никакое другое переживание – ни власть над людьми, ни победа над не согласными с вековечными родовыми заповедями сородичами, ни тем более почести, оказываемые чиновниками империи. Ибо только успехи детей, удостоверяющие то, что обыкновенно именуется

семейным благополучием, могут подтвердить правильность выбранного еще в молодые годы плана жизни.

Удивительно, но это тщательно сдерживаемое чувство радости покоилось на несокрушимой рассудочности, скрывалось за беспощадным здравомыслием, характерным для Кунанбая. Подобное прочное и непреклонное благоразумие всегда вызывало смятение в душах вольных степных скотоводов, гораздо снисходительнее воспринимавших безумные выходки барымтачей, способных воскресить в памяти образы батыров прошлых лет. Но только такой необычайно цельный человек, как Кунанбай, воплощающий столь, казалось бы, противоположные качества, как трезвое здравомыслие и чувство радости, способен был пролить свет на тайну бытия и убедить самые отчаявшиеся души, что жизнь человеческая бесконечна. В такие минуты просветления он любил произносить аят 148 суры 2 Корана: «У каждого есть сторона, куда он обращается лицом. Стремитесь же опередить друг друга в добрых делах. Где бы вы ни были, Аллах приведет всех вас вместе. Воистину, Аллах способен на всякую вещь».

В 1862 году Кунанбай, последовательно реализуя программу кланового управления родом, вновь выдвинул в управители Кокше-Тобуклинской волости Танирберды, который и был переизбран на эту должность. Его заместителем, полагающимся по закону, стал молодой Абай.

Не прекращал глава рода и деятельности в качестве бия, поскольку жизнь-то не затихала в степи и спорные темы возникали постоянно. В 1863 году он отправился решать на месте запутанное дело между тобыктинским родом Мамай, зимовья которого находились в горах Аркат, и соседями из найманского рода Сыбан, зимовавшими в горах Алжан. За несколько лет до этого в Аркате, в местечке под названием Кайын (Березовое) поселились люди, которых именовали ходжами. Нужно учесть, что обычно ходжа (по-казахски – кожа) считался потомком первых халифов, однако в быту казахи иногда так именовали и главу семьи, хозяина.

Так вот, одним из этих ходжей в Аркате был человек по имени Берды. Истинный потомок халифов, он нес мусульманство в казахскую среду, поэтому его именовали Бердыкожа. У него кроме сыновей Усена, Бурахана, Ауэзхана, Самархана, Кенжехана были в семье дочери, среди них Нурганым (1846–1911). Все они с почетом принимали Кунанбая. Гость загляделся на миловидную Нурганым, любуясь блеском ее черных глаз.

Он не долго раздумывал. Сразу решил жениться. Тотчас послал с предложением к ее отцу доверенного человека.

– Он ведь старик, а дочь моя молода, – отвечал потрясенный Бердыкожа. Предки его в свое время пришли вместе с батыром Мамаем с берегов Сырдарьи, были известными распространителями мусульманства. Но сейчас положение его семьи было непростым. И сыновья стали уговаривать родителя.

– Ну, что вы, отец, разве мужчина несет жене старость? – говорили они. – К тому же он человек, еще не утерявший силу. Разве не почетно быть в родстве с таким, как Кунанбай? Неужели он не составит счастье нашей сестре?

Трудными были раздумья Бердыкожи. Ему оставалось только полагаться на твердый характер дочери, которая вдруг решительно заявила отцу, что замужества не боится и уверена, что добудет и удержит в руках свое счастье. В итоге Кунанбай вернулся из этой поездки с Нурганым. Она стала его четвертой женой. Известно, что ей было тогда 17 лет.

Бердыкожа, не затягивая, перебрался по приглашению зятя в Чингистау. Кунанбай принял его как близкого человека, выделил для постоянного пребывания зимовье в местности Кызылшокы (Красный холм).

В обществе отношение к четвертой женитьбе мырзы было неоднозначным. Обычно во влюбленность пожилого человека (если считать таковым 59-летнего Кунанбая) мало кто верит, считая, что такое происшествие может нанести близким душевные травмы, в том числе самим молодоженам. Однако возражать главе рода никто, естественно, не посмел.

Кунанбай отделился с Нурганым аулом, оставив большую часть своего хозяйства другим женам. В дальнейшем никогда не забывал о них, помогал в случае необходимости. Как и всем сыновьям, дочерям, вообще близким людям.

Остается добавить, что Ауэзхан, брат Нурганым, был дедом Мухтара Омархановича Ауэзова, автора романа-эпопеи «Путь Абая».

Глава двадцать четвертая

БИЙ НЕПОДКУПНОЙ ЧЕСТНОСТИ

Власть во имя благополучия рода – именно в таком модусе рассматривал на шестом десятке лет должность волостного управителя Кунанбай. Сам он к ней уже не стремился, но последовательно вживлял в сознание сыновей

мысль о том, что на своей земле они не должны эту власть упускать из рук.

Так, в общем-то, и получилось. С 1859 года волостным почти два срока был Танирберды. В 1865 году его сменил Кудайберды. И с этой поры должность волостного управителя в Кокше-Тобыктинской (позже Чингизской) волости, а порой и в соседних волостях, фактически до прихода советской власти занимали только потомки Кунанбая.

Но в стороне от жизни общества он, конечно, не оставался. Его по привычке считали причастным чуть ли не к каждому важному делу в Тобыкты, даже если он пребывал спокойно в своем ауле, не имея отношения к происходящему. Однако несомненно его участие в текущих делах, в тех же земельных спорах, когда требовалось заключение авторитетного бия и его приглашали возглавить суд биев на правах родоначальника и патриарха тобыктинского общества, имея в виду и религиозное значение последнего термина. Например, в ту пору русскую администрацию беспокоили затянувшиеся споры между родами аргынов Каржас и Тобыкты относительно земель на границе Баянаула и Чингистау. Было подано много жалоб с обеих сторон. В конце концов руководство передало дело курылтаю (съезду) биев.

На этом курылтае род Каржас представлял Муса Шорманов (1818 – 1884), общественный деятель, известный собиратель сведений о культуре казахов, родной дядя Чокана Валиханова. Какое-то время он был старшим султаном Баянаульского внешнего округа. Род Тобыкты представлял Кунанбай Ускенбаев.

Согласно сведениям исследователей устных преданий, Муса Шорманов, несмотря на то, что оппонент был старше на 14 лет, решил, не касаясь сути дела, переключиться на личность мырзы, стремясь унизить его насмешками в духе акынов, соревнующихся в айтысе. Видимо, упирал на известные претензии, отразившиеся в многочисленных жалобах предводителя тобыктинцев. Кунанбай же, зная, что перед ним сидит довольно знатный господин, не чуждый похвалам, отпускал комплименты чинам и наградам собеседника, и без того гордого связями с русской властью. Но при этом мырза не забывал о деле. И очень скоро, вынудив соперника совершить промах, добился решения в пользу тобыктинцев.

Другая история, рассказанная Сыздыком Абилгазиным (1924–2005), известным собирателем фольклора, больше похожа на вымысел и призвана, вероятно, выгодно высве-

тить оппонента Кунанбая, для чего и понадобилось присутствие мырзы в рассказе. Героем выступает юноша, которого все именуют Рыжим Ажибеком. Он стал бием в 14 лет – довольно редкий случай.

Два рода – Уйсун и Тобыкты – не поделили плодородные земли вдоль реки Чу и для решения спора согласились назначить биев, вердикт которых обязались признать безоговорочно. Тобыктинцы выдвинули бием Кунанбая, уйсуны – Рыжего Ажибека.

В назначенный день собрались знатные люди обоих родов. Согласно устной версии рассказа, Кунанбай не хотел поначалу говорить с Рыжим Ажибеком, принимая его за ребенка. Однако уйсуны настояли на своем, и прения начались. Слово взял Рыжий Ажибек:

– В народе говорят: между двумя стариками и ребенок мудрец, между двумя детьми и старик ребенок. Поэтому я берусь предложить решение спора. Знаю, слово главы рода Кунанбая непререкаемо среди тобыктинцев, но и я признан особым златоустом среди уйсунов. И чем же я могу быть хуже тебя?

– О, ребенок, слова твои уместны, предлагай свое решение! – воскликнул Кунанбай, покоренный недетским здравомыслием юного соперника.

– Не буду тянуть все на себя. Ведь говорят: с большого блюда с яством остатков тоже много. Пусть правый берег Чу занимает Уйсун, а на левом берегу располагается Тобыкты, таково мое решение, – сказал Рыжий Ажибек.

Представители обоих родов выразили удовлетворение этим решением и разошлись – таков финал короткого рассказа, в котором Кунанбай выглядит статистом. Но, скорее всего, он на этом заседании вообще не был. Ибо нет никаких иных сведений – ни документальных, ни народных преданий – о спорах названных родов за земли по берегам Чу, которая, кстати, течет далеко от Чингистау.

Тем не менее наделение Кунанбая в рассказе такими качествами, как умение внимать доводам оппонента, стремление к справедливости при обсуждении спорных вопросов, даже если решение входит в противоречие с интересами собственного рода, свидетельствует об устойчивом представлении о нем, как благородном бие, стоящем на защите общенародных интересов. Можно вспомнить слова Адольфа Янушкевича, который называл его судьей неподкупной честности. И это было истинной правдой. Он мог оказывать непомерное давление на сородичей, если считал,

что они не соблюдают принятые предками родовые правила. Мог отстаивать до конца свое мнение, если видел, что оппоненты отходят от вековечных принципов родового общества. Но, вынося решение в качестве бия, рассматривал скрупулезно все доводы сторон, принимал во внимание желание каждого участника судебного разбирательства и объявлял вердикт, оставляя в стороне собственные убеждения и предпочтения, чтобы не было ни малейшего подозрения в предвзятости.

Между тем развитие сыновей Кунанбая шло своим чередом, хотя отец и не предполагал чрезмерного увлечения некоторых из них самообразованием. Тот же Абай охотно читал книги на русском языке, пользуясь каждым свободным часом, что было совсем не характерно для обитателей степи. С произведениями русских писателей его познакомил Халиулла, который в каждый приезд на каникулы доставлял книги из Омска. Обещал привезти еще не только учебную литературу, если старший брат обеспечит средствами. Абай денег на книги не жалел. Даже посылал деньги почтой, писал письма Халиулле с указанием, какие книги ему купить.

На другой стезе – административной – правление сыновей Кунанбая не проходило без серьезных происшествий. И начались они при Танирберды, который из-за одной конфликтной ситуации не дослужил до конца второй трехлетний срок. Об этой истории поведал в воспоминаниях «Жизненный путь Абая» Архам Искаков. На первый взгляд она вроде бы не имела прямого отношения к Кунанбаю, даже если предполагать, что он управлял сыновьями, отдавал им распоряжения, указывая, что делать на посту волостного. Но значение ситуации в другом. Именно эта история стала причиной убежденности исследователей в том, что Кунанбай отправил в Сибирь 17 человек из рода Жигитек.

Согласно Архаму, в центре событий оказался человек по имени Абды из жигитеков, потомок Кенгирбая. У него была красавица-дочь Загипа, которую он вознамерился отдать за сына довольно зажиточного степняка Толегена, обитавшего среди жигитеков, успев взять с него за это сотню баранов. Но сын Толегена слыл инфантильным неумехой, к тому же был лыс, неказист, и Загипа закручинилась, горевала день и ночь. Но отец, небогатый человек, не воспринимал ее страданий.

Как раз в этот момент в ауле Абды оказался волостной управитель Танирберды в сопровождении Абая, которым

Кунанбай поручил провести среди жигитеков «съезд» по какому-то вопросу. Узнав об их приезде, Загипа обратилась к ним со своим горем. Сердобольный Абай попробовал уговорить Абды не отдавать дочь за сына Толегена.

– Абай, ты, конечно, сегодня при власти, – отвечал ему Абды, – но и я потомок не слабых людей, так что не дави на меня. Разве я один такой, кто отдает дочь за отару овец?

Видя, что Абды не внимает его словам, Абай вызвал Толегена.

– Вы умный человек, – сказал он, – не берите дочь Абды, я верну ваш скот, держитесь подальше от этой напасти.

– Абайжан, – уважительно отвечал старший по возрасту Толеген, – я с великим трудом поднялся среди жигитеков. Если теперь откажусь, их громилы растащат весь мой скот. А мне еще жить среди них.

Абай понял, что решить дело уговорами не удастся, и послал к Загипе человека с отказом в выполнении ее просьбы. В ответ она передала, что лишит себя жизни, лишь бы не быть женой лысого недотепы.

Братья уехали дальше по своим делам. Но Абай решил не бросать начатого. Написал от имени Загипы жалобу мировому судье, отправил письмо с нарочным в Семипалатинск. Спустя какое-то время на имя волостного пришел ответ из уездной канцелярии с требованием не неволить девушку, не заставлять идти за нелюбимого.

Танирберды вызвал Абды, зачитал ему распоряжение начальства.

– Теперь ты можешь не угнетать дочь, – подытожил волостной управитель.

– Жалобу писал Абай, власть отправляешь ты, значит, потомки Кунанбая продолжают его гнусное дело и творят зло. Этому приказу не подчинюсь! – в ярости заявил Абды.

Танирберды немедленно составил акт о неподчинении ответчика волостному управителю и передал новое письмо посыльному Камысбаю из рода Котибак, который должен был везти почту в город. Об этом прознал Абды и нанял двух жигитов, которые остановили Камысбая у реки Мукыр. Посыльный получил удар шокпаром (дубинкой) по голове. У него отобрали сумку с письмами, все бумаги здесь же сожгли дотла.

Камысбай узнал напавших. Это были жигитеки Адильхан и Куйылыс, известные бузотеры. Промыв и перевязав рану на голове, он решил продолжить путь. Добравшись до города, направился прямиком в канцелярию уездного на-

чальника и рассказал о том, как два грабителя отобрали почту и сожгли корреспонденцию.

Почта в империи – вещь неприкосновенная. Уездный начальник немедленно отправил в волость двух казаков с приказом волостному управителю поймать и доставить разбойников в город. Служилым людям с помощью местных активистов из конторы Танирберды без труда удалось арестовать Адильхана и Куйылыса. Но выехать в город они не смогли. Абды успел собрать внушительную толпу сородичей, которые отбили у казаков арестованных собратьев. Тогда волостной управитель составил новый акт, в котором указал, что Камысбай и помощник волостного управителя Орман опознали среди нападавших десять человек. Акт подписали кроме Танирберды еще несколько биев.

Получив это донесение, уездный начальник направил в волость урядника уже с внушительным отрядом казаков, которые арестовали за выступление против царской власти десять перечисленных в письме жигитеков и еще двоих вызволенных из-под стражи ранее и доставили их в город. В числе арестованных Архам называл Базаралы, Балагазы, Абды, Уайса, тех же Адильхана и Куйылыса. Решением мирового судьи все 12 обвиняемых были осуждены на поселение в Сибирь. Это был страшный удар по роду Жигитек. Несчастная Загипа, согласно сведениям Архама, скончалась, не выдержав переживаний.

Схожая история описана в книге «Путь Абая». Правда, в ней речь идет о любви жигитека Оралбая и девушки Коримбала. В романе ее отец бай Сугир из рода Бокенши борется за нее против жигитеков. Длительное противостояние сопровождается еще и бунтом против русской власти, которым командовал Абай (в действительности этого не было и вряд ли могло быть), за что его посадили в тюрьму («каталажку»), а затем осудили. Причем в романе приводится приговор суда, согласно которому Абай «за учинение беспорядка и препятствий, мешавших уездному начальнику Кошкину при исполнении им служебных обязанностей, приговаривается к шестимесячному заключению или штрафу в сумме одной тысячи рублей». В переводе романа на русский язык шесть месяцев заключения исчезли. Но ни в каких архивах подобного «приговора» нет, как не было в реальности тюрьмы для Абая. Понятно, это ведь художественный вымысел, который на первый взгляд не имеет прямых аналогий с историей, описанной Архамом.

Однако Мухтар Ауэзов, излагая свою версию, вроде бы

опирался на подлинные свидетельства некоторых хранителей преданий, которые собирал сам автор романа. В них-то и говорится о ссылке жигитеков в Сибирь, что и наводит на мысль о сходстве истории про Коримбала с сюжетом Архама Искакова. Вот имена респондентов романиста: Алимбет, Катпы Курамжанов, Ермуса. Их показания хранятся в архиве Литературно-мемориального дома-музея М. О. Ауэзова. Приведем некоторые из них.

«Коримбала, дочь Сугира, была просватана каракесекам. Влюбленный в нее Оралбай похитил ее».

«В деле Оралбая жигитеки, связав, увезли жену Шалгымбая. Бобек связывает мать Ахана, жену Абды. Во время столкновения Сугир, поразив Мерея копьем, всучил его Бейсемби. Позже появилась присказка: "Как Сугир достал копьем Мерея и сунул копье Бейсемби"».

«Ее насильно увезли к каракесекам. Оралбай пошел следом. Коримбала у всех на виду сказала ему с горечью: "Теперь жизнь моя здесь". Базаралы между тем взбунтовался. Из-за Коримбалы бокенши остались во вражде с жигитеками».

«Кунанбай держал Сугира шокпаром против жигитеков. Больше десяти жигитеков из-за дела Коримбалы были отправлены в ссылку».

В этих сведениях присутствует намек на Кунанбая, как на закулисного дирижера этой «подковерной борьбы», что можно объяснить застарелой обидой как жигитеков, так и бокенши, которые, очевидно, и давали информацию писателю. Но нужно понимать, что Кунанбай в любом случае вряд ли остался в стороне от событий. Ведь обе ветви – Жигитек и Бокенши – происходили, так же как и ветвь Ыргызбай, линия Кунанбая, от общего предка Олжая. Поэтому, так или иначе, от него, как бия, главы рода, требовалось хотя бы высказаться в обществе по поводу происходившего. По традиции веское слово авторитетных личностей всегда служило главным аргументом при установлении истины в спорах, тяжбах, конфликтах. И чем сложнее проблема, тем большее число биев требовалось для ее справедливого решения. Однако предания ничего не сообщают об отношении мырзы к этому делу.

Важно другое. Имел ли Кунанбай отношение к отправке в ссылку жигитеков? Уж очень уверенно чувствовали себя в этом деле молодые Танирберды и Абай, предпринимая решительные действия. Не стояла ли за ними в самом деле фигура главы рода? Чтобы ответить на эти вопросы, следу-

ет сначала разобраться с бросающимся в глаза различием описаний Архама и информаторов Ауэзова. Может, они все же говорили о разных событиях?

В своей рецензии на рукопись книги Архама Искакова «Жизненный путь Абая» Мухтар Ауэзов подверг жестокой критике текст правнука Кунанбая. Но не потому, что история про Загипу и ее отца Абды могла быть вымышленной (про это ни слова), а за некоторые принципиальные моменты в отображении личности Кунанбая. Ауэзов так излагал претензии к автору рецензируемого материала: «Если мы начнем с Кунанбая, то первое, это сокрытие убийства Кунанбаем Кодара. Второе – автор не говорит об отнятии земли у рода Борсак. Третье – умалчивает об избиении Божея Кунанбаем, о его нападении в Токмамбете. Четвертое – смягчает историю нападения в Мусакуле на кочевье Божея, учинения им драки. Рассказывается, что 17 человек жигитеков сосланы в Сибирь не Кунанбаем, а Такежаном, и что ссылаемые были виноваты сами. Пятое – умалчивается, что Кунанбай брал взятки, а его в этом обвиняли в своих стихах Шоже и Суюндык. Шестое – автор все подровнял и залатал, как будто у отца с Абаем не было противоречий, а обвинение Кунанбаем Абая в русофильстве свел на нет».

О недостоверности большей части этих обвинений говорилось в предыдущих главах нашей книги. Да, Кунанбай возглавлял суд биев, приговоривший к смерти Кодара и его невестку. Это было коллегиальное решение, опиравшееся на древние законы родового общества. При этом землю у семейств Борсак он не отнимал. Происшествия в Токпамбете и Мусакуле – сложные явления, в которых виновен, конечно, Кунанбай, не остановивший вовремя конфликт. Это отрицать невозможно. Хотя он был движим своими принципами, на которые же имел основания как личные, так и исторические.

Взяток он никогда не брал. Ни Шоже, ни Суюндык не обвиняли его в мздоимстве – это подтверждает простой филологический анализ их стихов. И с Абаем не конфликтовал. Оба любили и уважали друг друга. Хотя характеры у них, конечно, непростые. Могли резко высказать собственное мнение.

А вот фактурой информации о ссылке жигитеков в Сибирь, несмотря на расхождение в числе сосланных, Мухтар Ауэзов подтверждает, что речь идет о той самой истории, которую описал Архам Искаков и которая преподнесена в

эпопее иначе, на что автор имел полное право, поскольку роман – художественный вымысел.

Остается, конечно, вопрос, откуда черпали сведения информаторы, говорившие о Сугире, его дочери Коримбале и Оралбае. И кому верить, им или Архаму, представляющему семью Кунанбая, что само по себе всегда будет вызывать подозрения в необъективности.

Но стоит ли сегодня устанавливать, какое из конфликтующих описаний правильное? Конечно, это лишнее. Великий роман как художественное произведение, более того, как «художественная правда», живет своей жизнью. Но и Архам имеет право на воспоминания, в том числе о Кунанбае. Их можно называть неисторичными, но вычеркнуть из сознания нельзя.

Любопытна подоплека раздражения выдающегося писателя. Архам Искаков (1885–1962), сын Какитая, внук Ыскака, родившийся в год смерти своего прадеда Кунанбая, принес рукопись на рецензию Ауэзову, когда писатель уже издал ту часть романа-эпопеи, в которой содержалась история любви Коримбалы и Оралбая. Текст Архама противоречил романным констелляциям, и потому получить иную оценку своим воспоминаниям он не мог.

Но в результате критической рецензии Ауэзова среди исследователей постепенно устоялось представление о том, что Кунанбай отправил 17 жигитеков в Сибирь и это стало как бы венцом его многолетнего противостояния с жигитеками. Хотя на самом деле глава рода вступил в ту фазу жизни, когда путь смирения и всепрощения становится для верующего человека праведным путем к истине. Он принял твердое решение полностью посвятить жизнь мусульманской вере и уже не позволял себе участвовать в противостояниях с сородичами, даже если это были непримиримые и помнящие все свои обиды жигитеки.

Возможно, наиболее точную оценку ситуации дал Абай спустя 33 года, когда члены родов Жигитек и Бокенши совершили на него нападение в Мукыре и избили. От смерти его тогда спасли друзья и родные. Архам Искаков писал, что когда родственники поэта предложили варианты мести, он категорически отказался.

– Видимо, в этот раз пришло время жигитеков, – говорил Абай. – Когда в управлении народом состояли мой отец, мои братья, я сам, семнадцать жигитеков были отправлены в Сибирь. Случилось это, наверное, из-за их драчливости, задиристости. Но и мы не проявили милосер-

дия, жалости. Разве можно считать преступлением нападение на меня от обиды за тех семнадцать человек? Поэтому никакой ответной мести не будет.

Из-за истории с неподчинением жигитеков в начале 1865 года Танирберды был снят администрацией с должности волостного управителя как не справившийся с обязанностями. Вместо него управителем Кокше-Тобыктинской волости стал Кудайберды, которого назначили по представлению Кунанбая. Заместителем волостного остался Абай.

Датировку подтверждает Турагул, сын Абая и второй его жены Айгерим. В небольшом по объему, весьма лапидарном тексте воспоминаний «О моем отце Абае» Турагул писал: «Отец в 20 лет был избран помощником волостного Кудайберды, старшего брата. После смерти Кудайберды соперники писали жалобы, указывая на юношеский возраст, и отца сняли с должности».

Тут требуется пояснение. Кудайберды пробыл волостным управителем недолго. Он был болен туберкулезом и скончался в апреле 1866 года. Абай, как второе лицо волости, стал исполняющим обязанности волостного. Российская администрация в то время была невероятно педантичной в соблюдении сроков выборов волостных управителей – через каждые три года, как часы. Помешать графику мог только форс-мажор, как, например, скоропостижная кончина управителя. Абай, возможно, имел планы удержаться на посту волостного управителя, но пошли жалобы в уездную канцелярию. И где-то в декабре 1866 года его все же сменили, поставив вместо него волостного «по назначению». Именно из-за того, что в 1866 году он был только исполняющим обязанности волостного, Абай никогда не начислял себе этот срок, не упоминал о нем и педантичный Турагул.

Многое в кочевом обществе имеет роковую ценность. То, что природа преподнесла сегодня щедрым даром, могут завтра отнять засуха или гибельная зимняя стужа. Богатый семьянин легко может превратиться в нищего бедняка. Ощущение счастья быстро вытесняет беда. Тяжелая болезнь, а потом и смерть Кудайберды, старшего сына, которого Кунанбай очень любил и много вкладывал в его развитие, видя в нем все положительные качества, которые, как он предполагал, были в нем самом, сильно повлияли на главу рода. Он замкнулся в себе, не выезжал из Карашокы. Сюда, в родовое зимовье, осенью 1865 года перебралось семейство Кудайберды.

Чахоткой он заболел еще молодым. В степи в то время ее было принято лечить кумысом. Нередко этого оказывалось недостаточно, и заболевание принимало необратимую форму. Врачей в степи не было, поэтому опасность заболевания висела над каждым членом степного общества. Характерный пример содержит письмо Кунанбая сыну Халиулле в Омск, датированное 8 ноября 1865 года. Отец писал: «Во всем народе много болезни. Бекен (Кудайберды) болен. Оспан тоже болен. И Нурганым болеет. Бекен и Оспан только-только пошли на поправку. Пусть Аллах всемогущий даст им благополучие».

В последние свои дни Кудайберды почти все время лежал, не вставая с постели, постоянно кашлял. Кунанбай нечасто навещал его: было трудно видеть мучения любимого сына. В горестных тонах описал свои детские впечатления Шакарим:

«Мы, дети, не играли на воздухе, сидели дома. Вдруг пришел Барак, позвал нас. У него в глазах стояли слезы. Увидев их, я испугался, сердце дрогнуло. Муртаза спросил, кто зовет. Барак ответил, что зовет Бакем. Войдя к нему, мы увидели, что отец лежит на высоких подушках. Тихим голосом он сказал: "Подойдите ближе". Мы подошли. Он обнял каждого, прижав к себе, понюхал макушку, погладил прохладной ладонью по голове. Барак вывел нас из дома, мы стали плакать. Барак принялся утешать: "Бакем приболел, но выздоровеет. Не ревите, нельзя плакать".

Нас кормила Айдынай, когда из юрты донесся плач женщин и мужчин. Отец умер.

Мы вышли во двор. Абай, обняв меня, долго плакал. Мырзагул успокаивал, как мог, Абая».

На похороны собралось много людей. Рядом с Кунанбаем стояли предводители тобыктинского общества. Шакарим вспоминал, что все пространство вокруг юрт и зимних домов занял народ. На привязях теснились ездовые лошади приезжих. В поминальной юрте мужчины завернули тело в ковер, вынесли из дома на простор. Все лица мужского рода встали на заупокойную молитву – жаназа. Ее прочел мулла. Затем тело положили на носилки, подняли и понесли вниз вдоль речки к месту захоронения. Мужчины пошли следом. Женщины, стоя рядом с женами Кудайберды, плакали и голосили. Дети тоже плакали и смотрели вслед, пока люди, уносившие тело отца, не пропали вдали.

Горе состарило Кунанбая. Но родные нуждались в поддержке. И он взял на себя заботы о семье Кудайберды.

Встретился с вдовами, Толебике и Ботантай, чтобы узнать об их пожеланиях. Обе просили об одном: не отдавать их по закону аменгерства (левирата) замуж за кого-то из близких мужа. Твердо заявили, что сами справятся с хозяйством и воспитанием детей, храня любовь к мужу и чтя его память. Кунанбай не возражал, видя их решимость, тронутый отношением к умершему сыну. Дал им слово заботиться о семье, детях и хозяйстве. Только попросил отдать ему на воспитание Шакарима, которому должно было исполниться девять лет. Однако женщины отказали категорически. Шакарим был всеобщим любимцем, поражавшим родных особой чувственностью, наблюдательностью, умом. Для них немыслимо было лишиться его чудесного присутствия.

И опять Кунанбай не стал требовать исполнения желания, вопреки обыкновению. Деликатность, которую он проявлял к снохам, отражала не только особое отношение к Кудайберды, но и новое восприятие мира, которое открылось с пониманием абсолютного значения веры, призывавшей проявлять благой нрав и терпимость. Поскольку все же хозяйство у вдов оставалось немалое, скота было много, Кунанбай принял решение переселить сюда из Акшокы Ыскака вести хозяйство, пока не подрастут пятеро сыновей Кудайберды. Ыскак перебрался в Чингистау со старшей женой Маннике, а над младшей женой Текты с сыном Какитаем взял попечительство сам Кунанбай.

Ыскак, присматривая за вверенным ему хозяйством, провел все полагающиеся поминальные мероприятия, включая ас на годовщину кончины Кудайберды. И спустя два года, когда достиг шестнадцати лет его старший сын Амир, испросив разрешения у Толебике, он вернулся в Акшокы.

А в 1867 году еще не пережившего потерю отца Шакарима настигла оспа. В XIX веке это была грозная болезнь, уносившая жизни многих степняков. Оспопрививание, изобретенное доктором Дженнером, до казахской степи шло долго. Первым казахом, применившим вакцинацию, был хан Букеевской орды Жангир, который в 1830-х годах сделал оспопрививание сначала, для полной убедительности, своим детям, потом другим сородичам. Но практика не нашла широкого применения, и жертвами оспы становилось большое число людей. Переболел оспой в молодом возрасте и Кунанбай. Он выжил, но болезнь оставила на его лице следы.

Шакарим болел тяжело. Занемог неожиданно, осенью,

когда аулы возвращались на зимовки. Мальчик жаловался на головные боли и тошноту. К вечеру резко подскочила температура. Вызванный из соседнего аула знахарь-баксы обложил больного одеялами и стал поить отваром, чтобы снять жар.

На следующий день к постели больного пришел дед Кунанбай, который сразу поставил точный диагноз – оспа. Он, как никто другой, знал инфекционные свойства болезни. Немедленно удалил из комнаты домочадцев, прогнал баксы. Приказал дать чай, потогонные отвары.

– Мальчик должен сам справиться с болезнью, – сказал он. – Другого не дано.

Шакарим проболел больше месяца. Дважды, как уверяла Толебике, был на грани смерти, когда его с трудом приводили в чувство.

Кунанбай перестал каждый день ходить в их аул только после того, как внук при нем улыбнулся, увидев в маленьком окне синицу, присевшую на ветку кустарника.

Оспа отступила, оставив на лице слабые рубцы. Мухтар Ауэзов не без оснований в романе «Путь Абая» дал ему имя Шубар (Рябой), чтобы под этим именем создать образ человека, нисколько не похожего на реального Шакарима...

Теперь, приезжая к снохам, Кунанбай обстоятельно общался со всеми внуками. Но потом забирал Шакарима на несколько дней в свой аул. Угощал сладостями, затем доставал Коран на арабском и принимался читать вслух аяты. Шакарим пристраивался у ног деда на расшитых одеялах – корпе. И на протяжении чтения священной книги предавался мечтаниям о совершенно посторонних вещах. Наверное, ему грезилось, как он обыгрывает мальчишек в альчики. Может, слышал голос сверху, прославлявший победителя. И засыпал под монотонное чтение дедом любимого им аята 177 из суры 2: «Благочестие состоит не в том, чтобы вы обращали ваши лица на восток и запад. Но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха, в Последний день, в ангелов, в Писание, в пророков, кто раздавал имущество, несмотря на свою любовь к нему, родственникам, сиротам, бедным, путникам и просящим, расходовал его на освобождение рабов, совершал намаз, выплачивал закят, соблюдал договоры после их заключения, проявлял терпение в нужде, при болезни и во время сражения. Таковы те, которые правдивы. Таковы богобоязненные».

Много позднее Шакарим писал в «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» (1911): «После

смерти отца я, сирота, остался на воспитании у деда-кажи. Но поскольку наш аул и наша зимовка издавна стояли отдельно, а кажи, жалея меня, как сироту, не хотел заставлять учиться насильно, то я остался в стороне от обучения, делал, пользуясь своим сиротством, все, что взбредет в голову, рос без знаний, как попало. Хотя освоил тюркскую грамоту и русское письмо».

Умиротворение патриарха, которое приносило ему общение с внуками, характеризовало новый этап жизни, в котором все мысли и помыслы были связаны с состоянием души и обращены к Аллаху.

Черту подвела российская власть, осуществившая именно в этот период решающую реформу в казахской степи. В июле 1867 года было издано Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, согласно которому все земли, на которых жили казахи, объявлялись собственностью Российской империи.

Конечно, реформаторов вдохновляла проведенная незадолго до этого отмена крепостного права в России, сулившая небывалые выгоды капиталистического развития сельского хозяйства. Кунанбаю никогда не нравилась земельная политика империи, но это ничего не меняло. Понятно, что наилучшей концепцией он считал проверенную в веках систему родовой собственности на землю, органично соответствовавшую основному способу хозяйствования – подвижному скотоводству. Империи же важно было перевести казахов на оседлость, чтобы иметь гораздо большую экономическую выгоду, которую могло обеспечить земледелие в отличие от скотоводства. Практика внешнего управления в казахской степи показала, что налогообложение живности, находившейся в личной собственности степняков, сопряжено с трудностями пересчета скота. Кочевники легко могли утаить излишки, да и вояжи учетчиков в степь приносили много разочарований. Земледелие казалось куда более привлекательным занятием. Только вот уговорить казахов сменить вид землепользования не удавалось. Чтобы перейти к радикальным мерам седентаризации, нужно было решить ряд основополагающих проблем.

С политической структурой общества вроде бы все решили. Институт ханов, а также глав родов был ликвидирован предыдущими указами и постановлениями. Вдобавок к этому Временное положение 1867 года отменяло юридические и наследственные права султанского сословия, вся

официальная власть сосредоточивалась в руках русских чиновников. Казахи могли занимать лишь должности волостных управителей. Оставалось только разобраться с собственностью на землю. Иначе экономика в кочевом обществе по-прежнему была бы инклюзивной, как и раньше в Казахском ханстве. Только оседлое земледелие, составлявшее основу экстрактивной экономики империи, могло, по мысли экономических стратегов, приносить прибыль государству. Эту задачу и должна была решить новая реформа, которая к тому же открыла путь к отчуждению земель для нужд переселенцев из России.

Но для Кунанбая реформа означала, по сути, крушение его парадигмы, ориентированной на сохранение родовой идентичности путем совмещения внешнего управления и старой, родовой системы власти, пусть даже в урезанном варианте. Объявляя земли степи имперской собственностью, реформаторы окончательно нивелировали политическое значение классического казахского рода. Предводители родов окончательно лишались юридических прав на решение вопросов пользования землей. Родовое сознание, конечно, сохранится у многих последующих поколений, но уже не будет иметь того абсолютного значения, которым оно обладало в прежние века кочевой вольницы.

Следствием этого в долговременной перспективе могло стать только разрушение традиционных маршрутов кочевания скота, что закономерно должно было привести к крушению подвижного скотоводства как уникального и масштабного способа хозяйствования, позволявшего существовать в жестоких условиях открытой степи многомиллионному казахскому народу.

Глава двадцать пятая

ВЫБОР ИСТИННОГО ПУТИ

Только успехи сыновей могли удивлять и бесконечно радовать умудренного жизнью Кунанбая. Их нес в первую очередь Халиулла, старший сын Айгыз, который прошел полный семилетний курс обучения в Сибирском кадетском корпусе и был выпущен в 1866 году в звании корнета (низший офицерский чин), пройдя путь, проложенный Чоканом Валихановым.

Но Халиулла должен был пойти дальше Чокана. В последних классах кадетского корпуса по просьбе препода-

вателя Николая Федоровича Костылецкого, наставника Чокана и других одаренных учеников, Халиулла во время каникул записал со слов Кунанбая ряд казахских народных преданий и устных уложений и перевел их на русский язык. Среди переданных Костылецкому текстов значились «Енлик и Кебек», «Калкаман и Мамыр», «Старинное уложение Есим-хана», «Решения казахских биев прошлого» и другие.

Но вскоре, в 1865 году, Костылецкий, обвиненный по делу «сибирских сепаратистов», был уволен из кадетского корпуса. А Халиулла Ускенбаев, как особо отличившийся выпускник, получил направление на продолжение учебы в Александровском военном училище в Москве, готовившем офицеров пехоты. В училище он увлекся писательским трудом, к чему пришел, несомненно, благодаря чтению самой разнообразной литературы и погружениям в национальную историю. Кстати, историю в училище преподавал Василий Осипович Ключевский, знаменитый историк, в будущем ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Во время летних наездов в родной аул Халиулла неустанно занимался тем, что можно назвать распространением русской культуры в казахской среде. Он организовал в ауле нечто вроде литературного кружка. Каждый вечер читал его участникам – Абаю, другим родственникам, гостям – лекции по русской литературе, к которым готовился основательно. Кунанбай с удовольствием посещал эти мероприятия, только чтобы послушать сына. Старательно вникал в содержание речей, хотя понимал, что они далеки от идеалов мусульманской веры. И задумывался, размышляя о будущем сына.

Известно, что Халиулла исписал большое количество тетрадей, готовясь к лекциям, но они не сохранились. С воодушевлением он зачитывал слушателям строфы из «Евгения Онегина» Пушкина, волнующие стихи Лермонтова, пробуждающие мысли басни Крылова. Причем читал на русском языке и сразу давал свои переводы. Вообще уделял много времени переводам классиков русской литературы на казахский язык, записывая их, мечтая издать отдельной книгой. Нужно ли говорить, какое влияние он оказал на Абая, своего старшего брата?

В статье «В юрте последнего киргизского царевича» (1896) выдающегося ученого и путешественника Григория Потанина, посвященной семье его друга Чокана Валихано-

ва, нашлось место и для Халиуллы. О нем Потанин писал так: «Мне рассказывали об одном киргизском султане (уже умершем Уськенбаеве), который окончил курс в Омском кадетском корпусе и потом жил на родине в степи около Семипалатинска, что он любил вечерами рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы с таким интересом его слушали, что просили его записать свои рассказы; таким образом, получились тетради, написанные по-киргизски и содержавшие в себе вольный перевод произведений Тургенева, Лермонтова, Толстого и других. Иногда во время этих литературных вечеров в юрте киргизы пускались в рассуждения, и тогда, как рассказывал очевидец, можно было слышать, как Уськенбаев пользовался русскими авторитетами. "Послушайте, а вот что об этом говорит известный русский критик Белинский" или "Вот какого мнения об этом был русский критик Добролюбов!" Если бы нашлась искусная рука, которая облегчила бы киргизским читателям эти открытия, вкус молодых султанов к персидским и арабским виршам значительно бы уменьшился».

Возможно, Кунанбай тоже испытывал сильные чувства, слушая сына, но противоположные тем, какие волновали Потанина. Отца семейства, напротив, настораживало и беспокоило увлечение русской культурой, которое грозило двойственностью существования и сознанием необратимого одиночества. Уже одно то, что Халиулла, обучаясь в Москве, тратил много времени, чтобы добраться до родного аула, заставляло задуматься: правильно ли отец поступил в свое время, отдав сына в русский кадетский корпус? Не будет ли он вынужден разрываться между казахской степью и русской стороной? Не растеряет ли окончательно начальное мусульманское образование, которое едва успел получить в Ескитаме перед кадетским корпусом?

Халиулла не оставил много времени для таких размышлений. В 1868 году он принял участие в празднествах в честь юбилея князя Владимира в составе батальона Александровского военного училища. Затем вернулся в Омск на службу в Западно-Сибирском военном округе.

Дальнейшая его судьба кажется в чем-то повторением трагической судьбы Чокана Валиханова, умершего в 1865 году в возрасте 29 лет. Летом 1869 года по пути в Чингистау Халиулла остановился в Семипалатинске в доме купца Тиныбая Каукенова, свата Кунанбая, который выдал дочь Макиш, старшую сестру Абая, за Менлибая, сына Тины-

бая. Кунанбай с большим уважением относился к свату. В свое время он получил от него помощь в самый критический момент, когда в Омске завели дело «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя Ускенбаева». Тиныбай разбогател на оптовой торговле с Россией и Китаем. Выстроил двухэтажный дом, поставил рядом мечеть.

Халиулла и раньше, как все Кунанбаевы, останавливался у него. И влюбился в Айганым, дочь Менлибая от старшей жены (Макиш – вторая жена). Рассказал тогда Абаю о желании жениться. Но старший брат сразу предупредил, что Тиныбай наверняка не согласится отдать внучку за брата Макиш. Да и Кунанбай ранее в подобных случаях усматривал нарушение законов шариата, хотя к кровосмешению такой брак вроде бы не вел.

Но в этот приезд Халиулла не стал долго раздумывать. Договорился с возлюбленной, нанял телегу и выехал с ней в аул. Спустя день Менлибай снарядил в погоню старших братьев Айганым. Скоро всадники настигли беглецов. Ссориться с Халиуллой не стали – уговаривали вернуться, чтобы провести, как принято, сватовство и женитьбу. Ссылались на доброе слово Тиныбая. Доверчивый Халиулла согласился. Но, заполучив Айганым, братья умчались с ней в город. Халиулла остался ни с чем. Более того, Менлибай подал заявление в мировой суд с требованием взыскать с него штраф за издержки на организацию погони. Халиулла признал вину и написал расписку о денежной компенсации под поручительство главного хазрета города, надеясь таким путем погасить конфликт.

Кунанбай, понимая, что одной распиской проблему теперь не решить, послал в Семипалатинск Абая, который направился к хазрету, взял расписку Халиуллы и изорвал ее в клочья.

– Ой, Абай, Пророк свидетель, ты ввергаешь меня в грех, возьми вину на себя! – воскликнул мулла.

– Нет, хазрет, ты теперь избавлен от греха. Иначе за твоей душой числилась бы вина за слезы двух ни в чем не повинных молодых сердец, – ответил Абай.

Дело не получило продолжения. Кунанбай с Тиныбаем пришли к согласию, которое всегда доминировало в их отношениях.

Кунанбай объявил Халиулле, что его брака с Айганым не будет, поскольку он противоречит шариату.

В конце лета Халиулла выехал на службу в Омск, пол-

ный разочарования, сознавая беспомощность перед удручающими обстоятельствами. Отец, любимый отец не стал поддерживать его в чистых, искренних устремлениях души, выстраивая перед сыном стену условностей, возможно, освященных традицией, но бессмысленных в том мире, которым жил молодой человек, стремительно обретавший знания, питающие надежды и мечты. Так же, как Чокан Валиханов, мятущийся, разочарованный, растерянный, он ушел из родного дома на армейскую службу, чтобы никогда не вернуться.

Забыть Айганым он не смог. Посвящал ей стихотворные откровения. Раскрылся в эти дни как поэт, писал много стихов, в которых осмысливал жизнь в связи с историей предков. Записи попали потом к родным, но не сохранились для потомков.

Весной 1870 года из Омска пришло сообщение, что Халиулла Ускенбаев умер после непродолжительной болезни.

По словам Архама Искакова, «Халиулла прослужил год в Омске. В конце концов, от той самой тоски похудел, подхватил болезнь и умер».

У Мухтара Ауэзова есть запись о том, что он «умер от инфекционного заболевания» (отпечатанный на машинке текст в папке №594 в фонде Центральной библиотеки Национальной академии наук Республики Казахстан).

Других сведений о смерти нет.

В 20 лет завершилась жизнь самого многообещающего сына Кунанбая. Завершилась на взлете, едва успев начаться.

Странная смерть для такого светлого, смелого и отважного молодого человека, без страха и сомнений отправившегося на учебу в далекие края, но оказавшегося беспомощным перед злоключениями на родине.

Кунанбаю казалось, что этот удар судьбы он уже не перенесет. Мырза не считал, что поступил неправильно, запретив сыну жениться, поскольку решение соответствовало традиционным установлениям в степи, а их глава рода свято и неумолимо отстаивал всю жизнь. Но винил себя за то, что не научил сына противостоять невзгодам, идти вперед наперекор всем бурям, выносить удары рока, быть такой глыбой, какой был сам Кунанбай.

Он послал в Омск Ызгутты с помощником, чтобы доставили тело сына в Чингистау.

Когда усопшего привезли в аул, старенькая уже бабушка Зере стала раздавать, как было принято, его вещи вну-

кам. Кому саблю, кому ремень, кому офицерскую одежду, кому фуражку с желтой кокардой. Во время этой процедуры Абай молча стоял в стороне.

– Зрачок глаз моих, Абайжан, что бы ты хотел взять на память о дорогом нашем Халиулле? – спросила Зере.

– Бабушка, отдайте мне книги и его записи, больше ничего не надо, – сказал внук.

Абай знал, что просил. В последние годы Халиулла создавал этнографические заметки, состоял в переписке с учителем Костылецким, мечтал издать свои труды отдельной книгой. Позже, в 1890-х годах работы Халиуллы стали появляться в периодических изданиях. Возможно, этому содействовал Абай.

Академик Алькей Маргулан писал в 1982 году в журнале «Жулдыз» («Звезда»): «В 90-е годы записи Халиуллы сильно заинтересовали Н. М. Ядринцева, Н. И. Наумова и Н. Н. Максимова. Причем Н. И. Наумов и Н. Н. Максимов, как исследователи обычного права казахов, написали письмо в адрес газеты "Дала уалаяты" с просьбой выслать интересующие их материалы Халиуллы в Омск. Н. И. Наумов опубликовал в газете "Сибирь" замечательное сказание "Енлик и Кебек", повторил публикацию в Акмолинской областной газете (1892). Многие рукописи Халиуллы могут находиться в архиве Н. Н. Максимова. Найти и опубликовать их – дело молодых ученых в будущем. Максимов хотел собрать и издать в нескольких книгах собранные им материалы по казахскому судопроизводству. В Семипалатинске он много раз встречался с Абаем. После высылки Максимова на Кавказ его дело активно продолжил П. Е. Маковецкий».

Смерть Халиуллы сильно повлияла на Кунанбая. Он замкнулся в себе, занимался только чтением Корана и мусульманских книг, прерываясь лишь на ежедневный пятикратный намаз. Напоминал себе аят 45 суры 2: «Обратитесь за помощью к терпению и намазу. Воистину, намаз является тяжким бременем для всех, кроме смиренных». Начал верить, что только в молитвах найдет спасение, читая аят 110 суры 2: «Совершайте намаз и выплачивайте закят. Все то доброе, что вы предварите для себя, вы найдете у Аллаха. Воистину, Аллах видит то, что вы совершаете».

Прошло то время, когда он еще размышлял о необходимости примирить с исламом древнюю веру в бога Тенгри, покуда она живет в памяти, сердце, душе каждого степняка. Но с годами понял, что под давлением внешнего управле-

ния прежняя вера теряет способность удержать в единстве казахов, соглашаясь в этом с султаном Чингисом Валихановым. Конечно, немыслимо забыть веру в духов предков – аруахов – и в бога Тенгри. Могущественные предки все еще предоставляют роду свою нравственную защиту и обеспечивают важными этическими и историческими преимуществами. Однако у Кунанбая оставалась надежда только на ислам, который столетиями в степи пребывал на вторых ролях, ибо в нем не было большой нужды: задачи единства и сплочения народа решала традиционная ханская власть. Но теперь только Коран давал ответы на вопросы, которые глава рода постоянно задавал себе.

И он стал не просто истинным мусульманином, но подлинным адептом ислама, одним из его столпов в казахской степи. Не было лучше его знатока исламского права. Даже сват Бердыкожа, потомок ходжи, отец Нурганым, заслушивался, когда он толковал аяты и даже объемные суры Корана, выделяя политические, исторические, нравственные, этические составляющие и накладывая их на современность.

Глава рода, конечно, не переставал следить за событиями в Чингистау и старался сохранять контроль над важными переменами в управлении родом. Но все чаще его деятельность сводилась к указаниям близким людям, как им поступать в той или иной ситуации. При этом сам он не участвовал активно, как прежде, в мероприятиях. Однако почти всегда всё происходило так, как предполагал глава рода.

Так случилось и в 1871 году, когда он дал распоряжение Абаю, как своему доверенному лицу, выдвинуть в волостные управители Ыскака на очередных выборах. Эти выборы проводились после административной реформы, осуществленной в 1867–1868 годах, видоизменившей структуру управления казахского общества. Взамен округов территория степи была поделена на три генерал-губернаторства, каждое из которых состояло из двух областей. В Оренбургское генерал-губернаторство вошли Уральская и Тургайская области, в Туркестанское – Семиреченская и Сырдарьинская области, в Западно-Сибирское – Акмолинская и Семипалатинская области. Каждая область делилась на уезды. Например, Семипалатинская область была поделена на Павлодарский, Семипалатинский, Каркаралинский и Усть-Каменогорский уезды.

Во главе генерал-губернаторств стояли, понятное де-

ло, генерал-губернаторы. Во главе областей – военные губернаторы. В уездах правили уездные начальники, назначаемые царской властью из числа офицеров или губернских чиновников. Прежние правящие фигуры – старшие султаны и бии – были окончательно отстранены от власти. Уезды по-прежнему делились на волости, состоявшие из административных аулов, под которыми подразумевались группы родственных аулов. Таким способом прежнее внешнее управление русских чиновников, характеризовавшееся ограниченным вмешательством русской администрации в жизнь казахов, сменилось прямым правлением. Отныне казахи не могли подняться на должности выше волостного управителя. Правда, процедура выборов волостного управителя была значительно демократизирована.

Позже, в конце семидесятых годов XIX века, территория рода Тобыкты будет поделена на три волости – Чингизскую, Коныр-Кокчинскую, Кызыл-Молинскую. Затем Коныр-Кокчинскую волость преобразуют в две волости – Кызыл-Адырскую и Мукырскую.

А пока по заданию Кунанбая Абай поехал в отдаленные земли Бугулы, в аул сына известного богача Оразбая, чтобы принять участие в выборах волостного управителя Чингизской волости. Об этом событии упомянул кратко Турагул: «В 27 лет отец отправился на выборы у бугулинцев в ауле сына Оразбая Аккулова один, без родственников, и победил, выдвинув волостным младшего брата Ыскака». Лаконичность Турагула не должна вводить в заблуждение. Экономичный, емкий его стиль – фамильная черта, восходящая к Халиулле и Абаю, впрочем, и к Кунанбаю, если иметь в виду отточенное и ясное устное слово родоправителя.

Вот как, например, Турагул описывал Абая: «Он был представительного вида человеком с открытым лицом, проницательным взглядом. Мог быстро рассердиться и быстро стать радостным. Душа его была восприимчивой. Беседовать с ним было интересно. Любил игры, дастархан его всегда был полон. Не останавливал долго внимание на чем-то одном. Никогда не сидел без дела, скучным, вялым. Обнаружив приятную черту характера у кого-то из работников или прислуги, с удовольствием общался с ними. Но не говорил долго с теми, к кому не лежала душа».

Итак, Абай вроде бы победил на выборах в 1871 году. Вопреки принятым нормам, поехал на выборы без родственников. Его сопровождали только приятели.

Турагул писал: «У него были друзья, такие как сын Оразбая Аккулова, которым он, поверив раз, верил всегда. Но их не любил Кунанбай-кажи. “Они не будут настоящими товарищами, они обманщики”, – говорил он. Отец мой не слушал его и безгранично верил закадычным друзьям. Видимо, кажи сильно ругал его за это».

Никто из друзей Абая – ни Дос, ни Жиренше, ни Ербол – не нравился Кунанбаю. По иронии судьбы в ближайшие годы Абаю пришлось схватиться именно с отцом своего друга Оразбаем, который вознамерился любым способом добиться главенства в роду Тобыкты.

Удивительно не то, насколько прозорливым был Кунанбай (почти все друзья Абая отвернутся от него, каждый в свое время), а то, как доверчив был его проницательный и всеведущий сын. Разгадка проста. Абай прекрасно разбирался в людях, недостатки друзей не были для него тайной за семью печатями. Но он жаждал найти в своем сердце место всем – и чистым душою страдальцам, и переменчивым приятелям. Весь облик Абая располагал к доверию. У него было широкое, открытое, притягательное лицо, словно облако, за которым прячется огненное, лучистое светило, готовое обдать жаром души собеседников, пролить свет на всех обитателей степи.

Победив на выборах в Бугулы, Абай тем не менее волостным не стал. А утвердил волостным управителем младшего брата Ыскака, оставшегося, кстати, дома. Возможно ли такое? Вероятно, да, если Ыскак был заявлен с самого начала выборов. Получается, Абай и не выдвигал свою кандидатуру, а убедил выборщиков голосовать заочно за Ыскака, употребив все свое красноречие. Сказался, надо полагать, и авторитет Кунанбая.

Так Ыскак Кунанбаев стал волостным управителем. Его заместителем был назначен Абралы Мурзабаев. В таком тандеме они еще дважды подряд переизбирались в управление волости. Абай ограничился должностью бия, но власть его была шире. Ыскак без промедления выполнял все его указания, не скрывая от сородичей, что реальным правителем волости оказался его старший брат. В этой истории Абай был главным действующим лицом. Кунанбай только давал указания, не выбираясь из аула. Да, он всерьез решил переложить дела по управлению родом на сыновей и внуков. Причем главным человеком после себя явно считал Абая, а не старшего Танирберды, который все больше занимался личным хозяйством, не забывая, впрочем, помо-

гать скотом, по семейной традиции, неимущим, да и всем родственникам, при необходимости.

Примером чрезмерной порой рачительности Танирберды может служить история с вдовами Кудайберды. После его смерти старшей в семье стала Толебике, рядом с ней всегда находилась Ботантай. Они объединили хозяйства и занимались ими с помощью Ыскака, прикрепленного Кунанбаем к ним на первое время. Но потом управлялись сами, привлекая наемных работников.

Состояние вдов казалось значительным, скота было много, и потому они оказались в пределах действия одного из самых старинных правил – закона аменгерства, по которому на вдове должен жениться кто-то из братьев усопшего. Несмотря на то что Кунанбай обещал им не настаивать на аменгерстве, неожиданно о своем решении жениться на одной из вдов объявил Танирберды, которого родственники и друзья звали Такежаном. Ясно, что это не была инициатива главы рода, иначе выходило бы, что он не сдержал слова, данного вдовам.

Рассказ об этой истории содержится в текстах Ахата Кудайбердиева. По его словам, Танирберды засыпал предложениями Толебике и Ботантай. Они пробовали откупиться скотом. Это не остановило кандидата в женихи, который принял скот, но продолжал засылать сватов.

Вдовы устали от визитов и провели совещание.

– Он не отстанет, – сказала Толебике. – Опять прислал человека, говорит, что мы нарушаем обычай, требует, чтобы хоть одна вышла за него.

– Что ему еще надо? – возмутилась Ботантай. – Он же получил отступные.

– Ему не дает покоя наше хозяйство. Думает прибрать к рукам весь скот.

– Да, такой клещ просто так не отлипнет. Что скажем ему?

– Давай поступим так, – предложила Толебике. – Ты моложе меня. Пусть дети останутся со мной, не чужие, одного корня. А ты иди за него. Иначе не отстанет.

У Ботантай сверкнули глаза, она задумалась.

– Вот что, – сказала она, – я выйду за него, но передайте ему, чтобы он пришел вместе с друзьями нашего Бакем. Перед ними изложу свои условия.

Танирберды не заставил себя долго ждать, вскоре прибыл в дом Толебике с четырьмя друзьями покойного Кудайберды. Это были Байкулак, Каражан, Байузак, Кыздар. В честь гостей, как водится, зарезали барана, поставили

чай, разлили кумыс. Поели, попили, Толебике послала за Ботантай.

Дело было осенью. Народ кочевал с жайляу на зимовки. Была горячая пора сбора урожая, ремонта скотных дворов, сбора и сушки на зиму кизячного топлива. Ботантай надела старое платье одной из работниц, поверх него – рваный чапан, сунула ноги в большие сапоги, на голову накинула испачканный, потрепанный платок, подвязалась пестрой веревкой и в таком виде явилась туда, где ее ждали.

Танирберды, представительного вида мужчина с орлиным взором, сидел на почетном месте. В определенном смысле он был антиподом Абая, который еще в медресе Ахмета Ризы увлекся поэзией. Его кумирами были выдающиеся поэты ислама, суфии.

Физули, Сайхали, Шамси,
Навои, Саади, Фирдоуси,
Кожа Хафиз – хочу всех вас просить,
Дайте мне, поэту, силы петь!

Так писал молодой Абай, так погружался в мир слов. Так шел он к мысли очистить поэзией от скверны сердца сородичей, определив себе приоритетной задачу преображения человеческого духа.

Его старший брат мало думал о просвещении. Занимался увеличением поголовья скота, зная и свято веруя, что только тучные табуны и отары могут служить в степи гарантией благополучия. Не только собственной семьи, но всего рода. Поэтому стремление Танирберды первым воспользоваться правом аменгерства, чтобы увеличить свое состояние за счет вдов, было вполне ожидаемым.

Ботантай, встав перед женихом, шокированным ее видом, приготовилась дать бой.

– Эй, Такежан! Это ты женишься на мне? – без предисловий начала она. – Я выйду за тебя. Но если ты хочешь взять меня в жены, оденься так же, как я. Пойдешь со мной косить пшеницу, собирать кизяк, рубить дрова на зиму. Пошли! Но сначала перед аксакалами поклянись, что будешь делать всё, что я скажу. Только тогда стану твоей женой.

Оглядев оторопевших гостей, Ботантай еще больше осмелела:

– Такежан, отступные ты получил, но не остановился. Говоришь, что хочешь стать хозяином. Так пошли! Бакем умер, остались малые дети, остался скот. Кто за ними будет

смотреть? Поклянись, что будешь делать все, как я сказала. А иначе нечего болтать, держись подальше от нас.

Молчание, повисшее в доме, было красноречивым.

Первым заговорил Байкулак, обращаясь к Танирберды.

– Ты привел нас с собой, объявив, что сноха согласна, – начал Байкулак. – Где же здесь согласие? Аменгерство никто не отменял, но ведь всё должно решаться полюбовно. Если согласия нет, как ты посмел оскорбить память Кудайберды? Разве можем мы сказать ей: выходи за него. Такежан, если хочешь совета, прекрати это, мы не договаривались на подобное.

Остальные гости тоже выразили недовольство.

– Ты неправ, – таков был их вердикт.

Танирберды поник, не сказал больше ни слова. Мужчины пожелали всего хорошего и ушли. Так вдовы избавились от жениха. Жили сами, управляясь с хозяйством и детьми. Остались верными памяти Кудайберды – своей единственной любви.

Кунанбай, конечно, знал о попытке Такежана прибрать к рукам их состояние. Но не стал вмешиваться. Не хотел вступать в конфликт со старшим сыном. А от вдов не мог требовать выйти замуж за кого-то из своих сыновей. Определенную роль сыграл и авторитет родителей Толебике и Ботантай, с которыми Кунанбай поддерживал уважительные отношения.

Осенью 1873 года в возрасте 88 лет скончалась Зере, мать Кунанбая.

Не было человека в роду Тобыкты, который не уважал бы старшую аже (бабушку), как называли ее в семье. Мягкая характером, она пользовалась всеобщей любовью. Никогда не обижала людей. Часто сглаживала острые углы во взаимоотношениях сородичей с решительным и неуступчивым Кунанбаем. Любила разговаривать с каждым членом семьи или гостем аула, хотя с возрастом стала хуже слышать. Мухтар Ауэзов в романе описывал, как ее любимый внук Абай, шутя, нашептывал аже на ухо вместо молитв стихи.

А ведь на таких бабушках, как Зере, держится казахская земля. Во все времена повсюду в обществе активные, амбициозные личности могут продвигать различного рода идеи. Но всегда за их спинами есть опора, которую создают женщины в семье, прежде всего, матери, бабушки – настоящая аристократия духа, носители нравственности, трансляторы этических норм и традиций степи.

Похоронив мать и исполнив все поминальные меро-

приятия, в том числе обряды в годовщину смерти, Кунанбай продолжал проводить дни в религиозных бдениях.

Естественно, у него были собеседники из числа родственников. Он сам привел их в ислам.

Рядом с ним всегда были мусульманские служители школы в Ескитаме, которая продолжала действовать. В ней обучались уже внуки Кунанбая.

Но подлинным его духовным покровителем стал в эту пору Бердыкожа, отец Нурганым, человек из сословия ходжей. Кунанбай проговаривал ему мысли, возникавшие после чтения Корана, стараясь понять не столько потаенные смыслы исламских установлений, часто имевших только историческое значение. Его больше интересовали собственные реминисценции, вспыхивавшие в сознании от воздействия ярких религиозных образов аятов священной книги.

Это было новое состояние духа, справиться с которым он никак не мог. Читал окружающим аят 30 из суры 3: «В тот день, когда каждая душа увидит все добро и зло, которое она совершила, ей захочется, чтобы между ней и между ее злодеяниями было огромное расстояние. Аллах предостерегает вас от Самого Себя. Аллах сострадателен к рабам».

И в тот же миг он чувствовал себя рабом. Понимал, что в любой момент жизни был способен на ошибку. Искал защиту в аяте 31: «Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, и тогда Аллах возлюбит вас и простит вам ваши грехи, ведь Аллах – Прощающий, Милосердный».

И тотчас перед его глазами всплывал облик Халиуллы.

– Как же так? – спрашивал Кунанбай у Бердыкожи. – В Коране сказано: «Ни одна душа не умирает, кроме как с дозволения Аллаха, в предписанный срок». Не может быть, чтобы Аллах, всемогущий, всевидящий, предписал Халиулле умереть в двадцать лет!

Он категорически не признавал за собой вины в смерти сына, все еще считал, что поступил правильно, запретив ему необдуманный поступок. Но со страхом читал: «О те, которые уверовали! Вам предписано возмездие за убитых: свободный – за свободного, раб – за раба, женщина – за женщину. Если же убийца прощен своим братом, то следует поступить по справедливости и уплатить ему выкуп надлежащим образом. Таково облегчение от вашего Господа и милость. А кто преступит границы дозволенного после этого, того постигнут мучительные страдания» (аят 178, сура 2).

– О ком это? – недоуменно говорил он. – Не обо мне же. Я виновен только в том, что смолоду просил у Аллаха счастья и власти, ради которой, может, и совершал что-то непростительное. Или я все же виноват перед сыном, а значит, и перед Аллахом? Не об этом ли говорит священная книга?

Бердыкожа затруднялся с ответом, видя смятение родоправителя. Он понимал, что Кунанбай сам должен прийти к приемлемому решению.

Мог ли мырза потеряться среди этих тягостных размышлений? Никогда! Кунанбай и впрямь был как скала. Да, он часто мучительно искал оправдание своим жестким решениям и потому мог в такие мгновения показаться окружающим слабеющим патриархом, к которому сохранялось всеобщее уважение, но деяния его все больше вызывают сомнение о наличной мощи главы рода, каковым он все еще оставался в представлении ближайших родственников. Однако дальний круг сородичей все меньше ощущал извечный страх перед родоправителем, сопровождавший их существование во все время существования родового устройства в казахской государственности. И вот теперь, при полном главенстве империи в управлении казахской степью, исчезновение страха перед всесильным, неумолимым блюстителем родовой идентичности естественным образом соответствовало развалу родовой власти.

Однако сам Кунанбай ни в малой степени не ощущал упадка сил. Знал, что в любой момент может включить изнутри общества режим абсолютной власти родоправителя. Но могла ли быть от нее польза сейчас, если даже сын, несравненный Халиулла пострадал от ее проявления?

Теперь только погружение в религию казалось органичной судьбой, остерегающей его, как он считал, от несправедливости и дурного нрава, интуитивно понимая, что лишь ислам принесет ему столь нужное оправдание, которого не найти в мире вещных отношений: «Доброе слово и прощение лучше милостыни, за которой следует обидный попрек. Аллах – Богатый, Выдержанный» (аят 263, сура 2).

И вот, наконец, бесконечное чтение Корана принесло, кажется, просветление. «Не облекайте истину в ложь и не скрывайте истину, тогда как вы знаете ее» (аят 42, сура 2). Кунанбай уже не мог скрывать от себя свою вину в смерти Халиуллы, пусть косвенную, но перекрывающую ответственность отца вообще за жизнь каждого своего порождения, за всех детей. Выход для себя он теперь видел только в

действии: «На вас нет греха, если вы ищете милость от своего Господа. А когда вы вернетесь с Арафата, поминайте Аллаха в Заповедном месте. Поминайте Его, поскольку Он наставил вас на прямой путь, хотя прежде вы были одними из заблудших» (аят 198, сура 2).

Это был призыв Корана: нужно идти в хадж! Только паломничество в Мекку может принести очищение и оправдание. Необходимо совершить жертвоприношение, указание на которое есть в Коране: «Завершайте хадж и малое паломничество во имя Аллаха. Если вы будете задержаны, то принесите в жертву то, что сможете. Не брейте ваши головы, пока жертвенные животные не достигнут места заклания. А если кто из вас болен или из-за головы своей испытывает страдания, то он должен в качестве искупления поститься, или раздать милостыню, или принести жертву. Если же вы находитесь в безопасности, то всякий, кто совершает малое паломничество и прерываемый хадж, должен принести в жертву то, что сможет. Если же он не сможет сделать этого, то он должен поститься три дня во время хаджа и семь дней после его окончания – всего десять дней. Это распространяется на тех, чья семья не живет в Заповедной мечети. Бойтесь же Аллаха и знайте, что Аллах суров в наказании» (аят 196, сура 2).

Кунанбай принял решение. Следует отправиться, пока позволяет здоровье, в паломничество в Мекку.

И он стал готовиться к хаджу.

Глава двадцать шестая

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЕД

Прежде чем объявить родным о решении пойти в хадж, Кунанбай попросил Толебике и Ботантай привести к нему детей, передав, что хочет по традиции дать им благословение – бата, как глава рода.

Когда они всей семьей добрались до его аула, Кунанбай сначала пригласил снох в свою комнату, чтобы изложить пожелание. По рассказу Ахата, женщины вошли и неожиданно оказались по одну сторону непрозрачной занавески, делившей комнату пополам. Кунанбай находился на другой половине, соблюдая старинное правило, согласно которому свекор и снохи не должны лицезреть друг друга. Тем самым хозяин дома демонстрировал приверженность традициям.

– Дорогие мои, вы остались без Кудайберды одна в тридцать четыре года, другая в двадцать девять лет, – начал он речь из-за занавески. – Вырастили и правильно воспитали детей. Свое материнское чувство не стали разменивать на иную судьбу, употребили только на то, чтобы мои внуки стали настоящими людьми. И вот теперь ваши старания оправдываются, дети выросли, ни от кого не ведая зла. Я в долгу перед вами. Обещаю дать все, что пожелаете. А еще сегодня скажу всем детям и внукам, чтобы почитали вас всю жизнь.

Кунанбай перевел дыхание. Конечно, он чувствовал вину за то, что не оградил их полностью от притязаний на их хозяйство. Сказать прямо об этом не мог или не желал. Но важно было дать понять о своих чувствах.

– Кудайберды был первенцем, единственным сыном у матери, умер молодым, оставив маленьких детей, – продолжал он. – Вы оберегали и растили их, как беззащитных птенцов. Я мечтал, чтобы они не познали горечи сиротства. Если кто-нибудь унижал бы их или притеснял, для меня это было бы глубочайшим горем. И вот моя мечта сбылась благодаря, после Бога, вам, моим снохам. Именно поэтому считаю себя в долгу перед вами.

Затем он дал благословение внукам и их матерям.

Только после этого, осенью 1873 года, Кунанбай объявил родственникам, что собирается идти в Мекку, совершить хадж.

С одной стороны, близкие люди ожидали чего-то подобного, вслушиваясь в длительные речи родоправителя, в которых звучали слова и о неотъемлемости хаджа в миропознании истинного верующего, и о необходимости решительных действий для масштабирования мусульманского вероучения на все казахское общество. Зная твердый характер патриарха, его склонность к решительным действиям, настойчивость в достижении цели, можно было ожидать очередного масштабного проекта.

Но, с другой стороны, хадж в те времена представлялся необычайно рискованным мероприятием. Выполнившие его личности выглядели настоящими мучениками. Путешествие изматывало, лишало жизненных сил. Но даже на таком фоне идея причащения к святыням Мекки, очищения и просветления, отпугивая слабых, оставалась притягательной мечтой для сильных духом, для личностей, способных на подвиг.

Поэтому, хотя родные и не возражали против путешест-

вия в Мекку, их пугала неизвестность. Мало кто из Чингистау побывал в тех краях. Кунанбай должен был проложить новый путь познания и обретения святости, как и полагается религиозному лидеру народа.

И мырза приступил к реализации плана. С весны следующего, 1874 года он начал продавать скот, чтобы собрать средства на хадж. Раздал указания сыновьям относительно хозяйственных управленческих забот. Как раз летом подоспели очередные выборы волостного управителя. В Чингизской волости опять был избран волостным Ыскак. Абай остался в официальной должности бия.

Сопровождающим в хадж Кунанбай выбрал себе сорокалетнего Ызгутты, предприимчивого и энергичного названного своего сына, ставшего незаменимым помощником во всех делах мырзы.

Кроме Ызгутты он пригласил с собой хальфе* Ондирбая, сына Асаубая из подрода Байбори рода Каракесек. Ондирбай должен был выступить проводником. Ранее он уже посещал Мекку.

Маршрут по заданию отца разработал и записал Абай, передав свои письменные наработки Ызгутты.

Поскольку железнодорожного пути через Омск еще не существовало, то речи о самом удобном пути в Мекку на пароходе через Черное море, которым спустя 30 лет воспользовался Шакарим, быть не могло. Путникам предстояло добраться сначала до Ташкента. Дальше маршрут пролегал через Самарканд, Мерв, затем через весь Иран от Мешхеда до Абадана, портового города в Персидском заливе. Отсюда можно было идти караваном через пустыни Аравии, что было трудно и опасно из-за сильной жары и угрозы обезвоживания организма. Благоразумнее было пойти морским путем, обогнув с юга Аравийский полуостров, войти в Красное море и высадиться в Джидде. Оттуда 90 километров по пустыне до Мекки паломники в то время преодолевали пешком.

Это был тяжелейший путь. Предстояло пройти тысячи километров на телегах, чаще всего по плохим дорогам, через чужие страны, надеясь только на расположение хозяев к тем, кто идет в святые места. Случаи, когда паломники погибали в пути, были часты. Поэтому понятен страх родных за семидесятилетнего патриарха, отправлявшегося в опасное путешествие.

---

*Хальфе (халфе) – духовное лицо, наставник в медресе.

Уместно процитировать прощальные слова Кунанбая из романа «Путь Абая», вовсе не кажущиеся в этом случае художественным вымыслом: «Молодость, которая для вас еще впереди, мною уже прожита, я вкусил уже и меда и яда, которые вам еще предстоит вкушать. Те дни, что мне было суждено прожить с вами, – много ли, мало ли, – мы прожили дружно, уважая друг друга. Я удовлетворен. Но хотя жизнь у нас одна – общая и слитная, смерть придет к каждому из нас по-разному. Каждого она вырвет из семьи поодиночке. А раз так – не все ли равно, где она настигнет меня? Остаток моей жизни стал нынче коротким, как тропинка старого архара, не угнавшегося за табуном, – от водопоя до последнего логова в тесном ущелье. Так не становитесь поперек этой тропинки. Проводите меня без слез, рыданий и стонов. Вот все, что я хотел сказать вам».

По всем свидетельствам, путешественники начали путь из дома Тиныбая в Семипалатинске. Был август 1874 года. Кунанбая провожала многочисленная родня. В их числе Оспан, Абай, Танирберды, Габитхан. В дорогу отца собирала Макиш. Тиныбай выделил свату повозку, запряженную тройкой лошадей.

По некоторым сведениям, в том числе содержащимся в романе, путникам сначала предстояло дойти до Каркаралинска, где к Кунанбаю и Ызгутты должен был присоединиться Ондирбай. Однако тогда непонятно, почему они не стартовали из Чингистау, куда теперь, по сути, должны были возвращаться. Скорее всего, хальфе Ондирбай уже был в доме Тиныбая. И вся экспедиция направилась не в Каркаралинск, а на юг, в Семиречье, чтобы самым коротким путем достичь Ташкента. «Отправляйтесь в путь оттуда, откуда отправляются остальные люди, и молите Аллаха о прощении. Воистину, Аллах – Прощающий, Милосердный» (аят 199, сура 2).

Безусловно, Кунанбаю мужество и решительность в этом предприятии придавало знание Корана, настоятельно требовавшего: «Воистину, ас-Сафа и аль-Марва – одни из обрядовых знамений Аллаха. Кто совершает хадж к Каабе или малое паломничество, тот не совершит греха, если пройдет между ними. А если кто добровольно совершает доброе дело, то ведь Аллах – Признательный, Знающий» (аят 158, сура 2).

Так что он был готов к предписанным священной книгой трудностям: «Мы непременно испытаем вас незначи-

тельным страхом, голодом, потерей имущества, людей и плодов. Обрадуй же терпеливых, которые, когда их постигает беда, говорят: "Воистину, мы принадлежим Аллаху и к Нему вернемся"» (аяты 155–156, сура 2).

К тому же он прекрасно понимал своим рациональным умом, что паломничество в Мекку становится для казахских мусульман святой обязанностью, требующей исполнения. Это было велением времени. Не ради звания кажи следует идти в Мекку, а потому, что истинное мусульманство немыслимо без хаджа. И оставаться затворником в Чингистау без удостоверения хаджем чистых помыслов и своей веры в Аллаха не было уже никакой возможности. Трудности же паломничества, возможные на пути к мусульманским святыням, преходящи, как преходяще вообще пребывание на земле. Еще наступят времена, когда достичь вожделенной цели можно будет с меньшим риском и меньшей затратой сил. В это он верил и об этом знал. Но пока нужно быть готовым к трудному пути.

Сведений о самом путешествии немного. Некоторую информацию дает книга «Кисса* об Ондирбае-хальфе», вышедшая в Казани в 1900 году. К печати ее готовил Абдрахман Жусипулы из Семипалатинска.

В книге собраны стихотворные сказания Ондирбая, спутника Кунанбая по хаджу. Есть в ней такие строки про второй его хадж:

– Вам расскажу про вторую поездку,
Время поведать познанье свое.
Из Тобыкты Кунанбай вышел в Мекку,
Полный желанья увидеть ее.

Кто из казахов с ним мог бы сравниться?
Чистой душой наделил его Бог.
Без покаянья всегда будет длиться,
Как он считал, неискупленный долг.

Путь в Мекку знаю я, хальфе не старый,
Молча доверился мне Кунанбай.
С нами кожа был Жусуп из шаншаров,
Также собрался в путь бай Саудабай.

«Всего нас в этой поездке было шесть человек», – говорит хальфе Ондирбай в своей киссе. Этими шестью, надо

* Кисса – жанровая форма в ираноязычной литературе, повесть.

полагать, были Кунанбай, Ызгутты, сам Ондирбай, бай Саудабай из Матака, Жусуп-кожа, упомянутые в киссе, а также еще один проводник Есбалак из каракесеков.

Весной 1875 года после тяжелого пути они высадились с корабля в Джидде вместе с двумя сотнями других паломников. Путники устали. Дальнейший путь через пустыню был непростым. Но Кунанбай нанял для себя и спутников верблюдов, и через три дня они благополучно добрались до Мекки. В город вошли только после того, как совершили полное омовение тела и облачились в особые одеяния, соответствующие особому состоянию духовной чистоты паломника – ихрам.

Достоверных подробностей пребывания Кунанбая в священном городе мусульман опять же мало. Повторяющие друг друга, следовательно, относительно надежные сведения содержатся в воспоминаниях его потомков – Шакарима, Архама, Ахата.

Согласно их воспоминаниям, паломников в Мекке в тот момент было много. Сразу выяснилось, что Кунанбаю с его людьми остановиться негде. Он взял с собой переводчика и пошел к главе города, эмиру, просить временного пристанища. Выслушав мырзу, эмир спросил, из какого он народа. Кунанбай ответил, что из казахов. Однако эмир такого народа не знал.

– К нам со всего мира едут паломники поклониться Каабе, но впервые слышу, что есть такой мусульманский народ, как казахи, – произнес удивленно городской голова. – И все ли казахи мусульмане?

– Да, уважаемый, все, – сказал Кунанбай. – Но не все знают законы ислама.

– Какие же тогда они мусульмане? – заспорил эмир. – Они неверующие, а Аллах не любит неверующих.

Кунанбай смутился. Как он мог объяснить арабу, что мусульманство в казахском обществе было, безусловно, более эмоциональным, интуитивным, нежели просвещенным, интеллектуальным? Многие казахи страстно веровали в Аллаха, не связывая его особо со столпами ислама, ибо основу веры по традиции им давали старинные обычаи.

– Аллах один, но у каждого народа свой путь к нему, – проговорил он уклончиво.

Эмир покачал головой:

– В Коране сказано: сражайтесь с неверующими, пока не исчезнет искушение и пока религия целиком не будет посвящена Аллаху.

И эмир подозрительно посмотрел на Кунанбая. Тот поспешно прочел по памяти основной, как он считал, аят Корана:

– Мы уверовали в Аллаха, а также в то, что было ниспослано нам и что было ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Йакубу и двенадцати сыновьям Йакуба, что было даровано Мусе и Исе и что было даровано пророкам их Господом. Мы не делаем различий между ними, и Ему одному мы покоряемся.

Лицо эмира просветлело. Кунанбай получил гостевое помещение для своей группы, но вернулся к товарищам расстроенным. На их вопросы о причине огорчения ответил, что даже эмир не знает, кто такие казахи. Как тут не расстроиться?

Слова эмира крепко засели у него в голове. Не забывал он их и тогда, когда в течение довольно длительного времени совершал со спутниками положенные во время хаджа обряды.

На седьмой день по прибытии они совершили первый обход вокруг Каабы.

На девятый день Кунанбай провел молитвенное стояние у горы Арафат, которое началось в полдень и завершилось перед заходом солнца. Это был самый трудный для него обряд. Солнце пекло, было жарко и душно. Но ведь именно ради молитвы в Мекке он и стремился в священные места. Поэтому во славу аята 286 суры 2 – «Аллах не возлагает на человека сверх его возможностей. Ему достанется то, что он приобрел, и против него будет то, что он приобрел» – он читал раз за разом содержащуюся в нем молитву: «Господь наш! Не наказывай нас, если мы позабыли или ошиблись. Господь наш! Не возлагай на нас бремя, которое Ты возложил на наших предшественников. Господь наш! Не обременяй нас тем, что нам не под силу. Будь снисходителен к нам! Прости нас и помилуй! Ты – наш Покровитель».

В тот период в Мекке было, по словам Архама, всего восемь казахов из всех трех жузов. Среди них был человек из Малого жуза по имени Мыркы. Кунанбай провел с ним несколько дней в приятных беседах. В один из вечеров рассказал, как по приезде столкнулся с проблемой свободного жилья. И с того момента у него возникла мысль построить в Мекке гостевой дом. Но хватит ли средств?

Мыркы живо откликнулся на такую идею и выразил готовность участвовать в проекте. Компаньоны составили

план деятельности. И на следующий день пошли к городскому эмиру. К удивлению Кунанбая эмир не только разрешил строительство, но и выделил место для постройки. Тотчас нашелся подрядчик на строительство, который составил смету и назвал сроки работ.

По версии Архама Искакова, большую часть средств на строительство дома пожертвовал Мыркы. Остальное вложил сам Кунанбай, посчитав, что дело освящено основоположениями Корана: «Кто будет ходатайствовать хорошим заступничеством, тому оно станет уделом. А кто будет ходатайствовать дурным заступничеством, тому оно станет ношей. Аллах наблюдает за всякой вещью» (аят 85, сура 4). И приступил к строительству.

Он остался еще на несколько месяцев строить дом, в то время как многие паломники-казахи отбыли на родину. С ним были только Ызгутты и Ондирбай.

Строительством дома Кунанбай руководил лично. Окончив стройку, совершил жертвоприношение в честь открытия гостевого дома в Мекке. И зачитал во время молебна приглянувшиеся ему философские аяты: «Когда вы завершите свои обряды, то поминайте Аллаха так, как поминаете своих отцов, и даже более того. Среди людей есть такие, которые говорят: "Господь наш! Одари нас в этом мире!" Но нет им доли в Последней жизни. Но среди них есть такие, которые говорят: "Господь наш! Одари нас добром в этом мире и добром в Последней жизни и защити нас от мучений в Огне". Им уготован удел за то, что они приобрели. Аллах скор в расчете» (аяты 200–202, сура 2).

Затем он повесил на видном месте надпись: «Дом казаха Кунанбая». Впоследствии это жилое помещение получило название «Кунанбай такиясы» («Тюбетейка Кунанбая», образно – кров над головой). Оно вмещало, по разным оценкам, от нескольких десятков до ста человек. Строитель дома распорядился, чтобы все прибывающие в Мекку казахи-паломники получили возможность проживать в нем бесплатно.

Странным выглядит комментарий всеведающего Мухтара Ауэзова в его эссе «Как я работал над романами "Абай" и "Путь Абая"»: «Нелегко было восстановить подлинный облик Кунанбая – крупного степного феодала, который стремился увековечить свое имя отдельными "благодеяниями". Я слышал, например, о Кунанбае как о благочестивом старце, который за десять лет до своей смерти ездил на поклонение праху Магомета и в эти десять лет будто бы

ушел от всех сует мира и вел жизнь святого подвижника. В Мекке он построил странноприимный дом. Все это делалось за счет народных средств. Однако в условиях степной темноты, когда общественное мнение во многом зависело от фанатиков ислама, ишанов и мулл, эти "добродетели" заслоняли в представлении невежественных людей зло, творимое Кунанбаем».

Мы уже разбирались со «злом», творимым «крупным степным феодалом». Понятно, что так нужно было для романа. Однако как можно заявлять, что этот «феодал» построил дом в Мекке «за счет народных средств»? Когда он успел их собрать? Каким образом? Об этом нет сведений, ни документальных, ни в устных преданиях.

Понятно, что никаких народных средств он не тратил. Их попросту не было.

Здесь уместно привести отрывок из книги «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» Шакарима Кудайбердиева, возможно, наиболее достоверного автора сведений о Кунанбае. Шакарим тоже сообщает мало подробностей, но они небезынтересны. Летописные детали со временем становятся только ценнее.

«Когда Кунанбай в 1873–1874 годах совершал хадж, он купил в Мекке для паломников-казахов гостиный дом, сопроводив покупку обрядом жертвоприношения. Сейчас его называют малым домом. В настоящее время в нем живет бек Султан из Младшего жуза, кажется, образованный человек. Вообще-то хранителем дома покойный кажи определил сопы Канатбая. Но он умер, в доме осталась его вдова, которая воспитывала племянницу. Так вот, за этого Султана вдова и выдала племянницу, сделав его управителем гостиного дома.

Совершая в 1905–1906 годах свой хадж, я видел этот дом. В него до меня вселились паломники. Не желая обидеть их, я снял другое жилье. Султан успел сообщить, что в настоящее время дом записан на имя Досжана-кажи из Младшего жуза, а по какой причине, сам не знает.

Я решил пойти на следующий день к шарифу Мекки – высшему духовному лицу, чтобы по документам тридцатиоднолетней давности найти сведения о том, кому все же принадлежит дом. Предупредил об этом проводника. Но, к сожалению, занемог. Едва поправился, как младший проводник по имени Ибрагим Малуани объявил, что мы немедленно уходим. Пришлось уезжать.

Между тем покойный Такиани-кажи говорил: "Хотя я

первым покупал дом, паломники из Младшего жуза дали больше денег".

По этой ли причине дом оказался записанным за Досжаном-кажи, либо передача собственности произошла в момент совершения обряда жертвоприношения, я так и не узнал.

После Кунанбая-кажи из наших семей в Мекку ходил его родич Акберды, сын Жакыпа, здесь он и скончался. На его могиле я прочел заупокойную».

Можно представить, с каким волнением Шакарим входил в дом, построенный (или купленный) его дедом, какие глубокие чувства испытал, проходя теми же улицами, которые принимали Кунанбая. И можно понять его деликатную попытку выяснить, кому и на каких основаниях принадлежал гостиный дом. Разумеется, Шакарим не собирался претендовать на собственность. Просто хотел продвинуть как можно дальше память и представление о своем великом деде Кунанбае.

И, конечно, нет смысла выяснять, построил или купил гостиный дом в Мекке Кунанбай, кто прав в этом отношении – Архам или Шакарим. Главное – дом послужил достаточно длительное время казахским паломникам, а Кунанбай оставил свой след в истории казахского мусульманства. В последующие времена, когда росло число казахов, идущих в хадж, каждый паломник возвращался из Мекки, исполненный чувства благодарности к Кунанбаю. И считал, что одного этого достаточно, чтобы превозносить его имя.

Остается добавить, что в отдельных публикациях встречаются сведения о том, что Кунанбай был в Мекке в 1870 году, то есть за пять лет до своего реального хаджа. Например, фольклорист Каратай Бигожин, анализируя айтыс 1871 года известных акынов Биржана и Сары, заключает, что Кунанбай впервые совершил хадж в период с весны 1869 года до глубокой осени 1870 года. И, следовательно, был в Мекке дважды, второй раз – в 1875 году.

Представить, что кажи в течение пяти лет дважды совершал тяжелейшее путешествие, первое из которых осталось незамеченным всеми его родственниками, довольно трудно. Однако и Р. Отарбаев публикует в журнале «Парасат» (№1, 1992) сведения о казахских паломниках 1870 года, среди которых оказывается Кунанбай. Прибыв в Мекку, эти паломники обнаруживают, что им негде остановиться. Возмущенный таким положением дел, бай из кереев Анда-

мас Кошербайулы (реальная личность) устраивает застолье, приглашает именитых казахов, прибывших в Мекку, и предлагает совместно построить в Мекке большой гостевой дом на 300 человек. Кунанбай и другие приглашенные лица его поддерживают.

Все эти домыслы о втором, точнее, первом хадже Кунанбая рождаются, конечно, из-за отсутствия подробной информации о хадже 1875 года. В такой ситуации следует довольствоваться наиболее достоверными сведениями, среди них – свидетельством Шакарима.

Сегодня найти в Мекке гостевой дом Кунанбая, конечно, невозможно. Город сильно менялся в течение последних полутора веков, и многие строения второй половины XIX века были обречены на снос.

Осенью 1875 года, совершив «прощальный» обход вокруг Каабы (таваф аль-вада), Кунанбай-кажи (отныне он имел право на такую приставку) со спутниками вышел из Мекки в обратный путь.

Пройдя чужие страны, в начале весны следующего года святые люди вошли в казахские земли. Здесь они чувствовали себя гораздо лучше, нежели в иноземных владениях. Здесь их готова была принять каждая казахская семья.

И путешественники останавливались иногда на несколько дней у гостеприимных хозяев. Например, на Сырдарье их принимал известный в этих краях человек по имени Казанбас, с которым сдружился Кунанбай.

Как раз в эти дни жена Казанбаса родила сына, и он просил кажи дать имя новорожденному.

– Нас сдружила твоя удивительная способность входить в душу человека. Назови сына Кирекес* в честь этой твоей способности, – сказал Кунанбай.

Так малыша и назвали.

Весной 1876 года, через полтора года отсутствия, он вернулся в родной аул в Чингистау.

Известно, что Ондирбай обещал родным кажи сопроводить его в Мекку и доставить обратно живым и здоровым. Обещание он выполнил. Кунанбай был так благодарен Ондирбаю, что сосватал его дочь Зейнеп своему сыну Оспану, младшему брату Абая. К несчастью, позже хальфи Ондирбай во время третьего своего посещения Мекки заразился чумой и умер. Из пятнадцати его спутников тогда на родину вернулись только семеро.

---

* Киру, кире – по-казахски «входить».

Глава двадцать седьмая

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

По возвращении из Мекки Кунанбай долго приходил в себя от пережитых путевых нагрузок. Он отдыхал в своем ауле с Нурганым и до самой осени никуда не выезжал. Принимал многочисленных гостей – родных, сородичей, людей из дальних мест. Всем хотелось засвидетельствовать почтение кажи – святому человеку, послушать его рассказы о путешествии в дальние страны, в неведомые края. А повидал кажи, конечно, много необычного. Но рассказывал не всё, предпочитая сам слушать гостей. Больше отдыхал. Устал.

Мухтар Ауэзов был отчасти прав, когда писал, что Кунанбай после хаджа «ушел от всех сует мира и вел жизнь святого подвижника».

И потомки кажи говорили примерно о том же. Архам Искаков писал: «Кунанбай после возвращения из хаджа жил еще восемь лет затворником, не принимая участия в мирской жизни».

Литературовед Абусагит Жиренчин обобщал драматичнее: «После хаджа в Мекку Кунанбай перестал принимать участие в делах народа, предпочитая уединение, просил в молитвах прощения за свои греховные дела в прошлом».

Эти оценочные выкладки справедливы только в одном отношении. Кажи действительно стал на какое-то время затворником, если так можно назвать человека, который, на самом деле, не выезжал из аула, но беспрерывно встречал гостей. Рад был принять каждого члена семьи.

Шакарим рассказывал (Ахат записывал): «Я навещал Тате, но бывать чаще, чтобы посидеть с ним рядом, не было возможности. Его аул был далеко от нашего. Но даже бывая пять-шесть раз в году, я многое получал от него. Он рассказывал мне разные истории из своей жизни. Особенно настойчиво учил честности. Изрекал поучительные мысли: "Будешь уважаемым, если станешь творить честные дела, если сам будешь честным", "Понравишься народу – понравишься и Богу", "Будешь других уважать – тебя будут уважать", "Без народа ты как без рук", "Без людской поддержки останешься незахороненным", "Доверяя народу – растешь, ругая народ – себя хоронишь". Он говорил: "Твои два тестя были честными людьми. Поистине, справедлива поговорка: герой идет к своему предназначению. Я, как их сват, доволен их человечностью, порядочностью" (это, на

самом деле, сваты Кудайберды: найман Аганас-бий и Алдаберген – отец матери Шакарима. – *Прим. Ахата*). Еще он говорил: "Не служа народу, не будучи честным, нельзя завоевать почет и уважение"».

Стоит, наверное, добавить, что за год до возвращения кажи из Мекки Шакарим женился на Мауен, дочери Бесбая, правнучке Торгай-батыра, известной личности в роду Тобыкты. От Мауен у него родились два сына – Суфиян (Абусуфиян) (1875 – 1925) и рано умерший Тауфик (Ахмедтауфик), а также две дочери – одну звали Галия, имя другой не сохранило время.

Совершенно очевидно, что Кунанбай постоянно обсуждал с сыновьями положение дел в роду. К ним не ездил, но они приезжали часто, невзирая на большие расстояния, разделявшие их аулы. А поговорить было о чем.

Во время отсутствия кажи неожиданно стал волостным управителем Абай. По приказу военного губернатора Семипалатинской области от 28 января 1875 года Ибрагим (Абай) Кунанбаев был утвержден волостным управителем соседней Конур-Кокче-Тобуклинской (Коныр-Кокше-Тобыктинской) волости, где шли постоянные раздоры. Турагул писал: «После смерти Кудайберды отец хоть и знал о выборах всё, постоянно был бием, но в волостные не выдвигался. А вот "по назначению" был волостным дважды на землях Мукыр, которые назывались в ту пору Коныр-Кокше».

В тех случаях, когда на выборах возникали разногласия и выборщики от каждых пятидесяти семей – елюбасы – не могли при голосовании прийти к однозначному решению, уездная администрация запускала процедуру назначения волостного, меняя характер выборов. Основанием для назначения служил один из пунктов положения Сибирского комитета «Об изменении порядка выбора волостных управителей в киргизской степи и Семипалатинской области», принятого еще до административной реформы 1867 года. Пункт 11 гласил: «Большинство голосов дает безусловное право на утверждение. При равном числе голосов преимущество отдается тому из кандидатов, о способностях и благонадежности которого засвидетельствует старший султан, и вообще тому, о ком у начальства будут в виду одобрительные сведенья».

И когда в 1875 году во время выборов в Коныр-Кокчинской волости голоса елюбасы разделились поровну, Абаю было предложено стать волостным «по назначению». Он

согласился. Действуя много лет в качестве бия, сын Кунанбая стал весьма авторитетной личностью в Тобыкты.

Кажи был весьма доволен достижением сына.

Но позже, в 1877 году, Абай был вынужден уйти с этой должности в связи с началом судебного расследования по жалобе на него некоего муллы Узукбая Борибаева. Естественно, Абай регулярно ездил в Чингистау к отцу, чтобы рассказать о всех перипетиях избирательного процесса, а также дела, связанного с жалобами на него. У кажи был большой опыт работы по жалобам на собственную персону.

К этому периоду жизни Кунанбая относятся сведения о связи его четвертой жены Нурганым с Базаралы, могучим тобыктинским батыром из жигитеков, вечно решавшим проблемы рода решительными мерами и при этом противостоявшим вмешательству русской власти во внутренние дела казахов. Вследствие этого он имел постоянные проблемы с уездной властью, стремившейся ограничить его свободу.

Но к Базаралы с пиететом относился не только Мухтар Ауэзов, представивший его в романе бунтарем, борцом за справедливость, к которому благоволил Абай, но которого ненавидел Оспан из-за Нурганым. Все дело здесь в том, что сам Кунанбай в реальной жизни признавал его батырство и позволял Нурганым принимать Базаралы в ауле и оказывать ему знаки уважения. Поэтому в сложных этих отношениях право оценки осталось за Кунанбаем, который при жизни так ее и не дал.

О его особой «затворнической» активности в пору осени жизни наиболее ярко свидетельствует, возможно, эпизод, связанный с наказанием внука Амира, старшего брата Шакарима.

У Амира всегда было особое место в большой кунанбаевской семье. Его очень любила и баловала Даметкен (Толебике), сдувая с него пылинки. Его любил Шакарим за веселый нрав, природный оптимизм. Пожалуй, его любили все. Да и как было не любить этого шумного, неистощимого на выдумки весельчака, талантливого музыканта и певца, сала*? Он давно, с тех пор как стал жить самостоятельно, собрал вокруг себя молодых певцов, домристов из тех аулов, которые Кунанбай прикрепил к семье Кудайберды.

---

* Сал – разносторонний человек искусства, поэт, певец, композитор, отличающийся своим костюмом и поведением.

Вместе они показывали замечательные музыкальные номера.

Амир участвовал в общественных делах, был аульным старшиной. Но музыкальную деятельность оставлять не хотел. Даже когда женился и его жена Айтжан родила дочь Кульбас, Амир не остепенился, как все, а продолжал вести, если так можно выразиться, богемный образ жизни. Со своим самодеятельным ансамблем был желанным гостем на свадьбах, празднествах, веселых посиделках в окрестных аулах. Как-то по молодости он запустил хозяйство и терпел с семьей нужду. Но не захотел идти на поклон к родственникам, а придумал зарабатывать тем, что дают за выступления акынам, салам и сэри – вольным певцам, поэтам, сказителям.

И вот как-то летом 1878 года Амир «работал» на свадьбе. Праздник прошел весело. Музыканты кочевали из аула в аул, и везде их встречали девушки, заводили в дома, кормили, поили, пели вместе песни.

Амир нагулялся так, что, добравшись с Мухаметжаном, сыном Майбасара, младшего брата Кунанбая, до аула своей матери Ботантай, проспал почти сутки.

Утром парни уже седлали коней, чтобы ехать в очередной аул, но тут их вызвал Кунанбай. Он прислал за ними помогавшего по хозяйству Мырзахана. Приглашение не сулило ничего хорошего, молодые люди поняли это по виду посыльного. Но Амир только рассмеялся, увидев испуганное выражение лица Мухаметжана.

– Раз Тате зовет, надо идти, – сказал Амир, называя Кунанбая «Тате», как все близкие.

Они поехали в аул патриарха, стоявший в нескольких верстах у подножия Чингистау, близ Карашокы.

Войдя в дом, Амир и Мухаметжан поздоровались с хозяевами.

Но сесть Кунанбай не дал, сразу обрушив на них гнев:

– Негодники! Ах, негодники! Нечего рассиживаться! Что вы творите, а?

Мухаметжан испуганно молчал, опустив глаза. Амир не стушевался:

– Тате, и что такого мы творим?

– Он еще спрашивает! Сеете разврат, нечестивцы! Побойтесь Бога. Думаете, он не видит, как разрушаете порядочные семьи? Думаете, не ведает, что вы встали на путь Сатаны?

– Ничьи семьи не разрушаем, – возразил как можно

спокойнее Амир. – Собираемся с друзьями и хорошо проводим время. Что в этом плохого? Кто-то наговаривает на нас.

– Никто не наговаривает, – хмуро сказал Кунанбай. – Сам знаю. О, Создатель, почему я не умер, чтобы не видеть, как племянник и внук превратились в безобразников, совращающих народ?

– Да никто никого не совращает! – прервал причитания деда Амир. – Почему вы не видите, как средь бела дня другие ваши дети издеваются над людьми, «накручивая хвосты баранам»? Кто-то из них возводит на меня напраслину, а вы верите.

Кунанбай не стал слушать возражения. Позвал Мырзахана:

– Пойди, собери людей из ближних домов. Свяжите негодников. И пусть хоть кто-нибудь попробует вступиться за них!

Вступилась Нурганым. Подошла к мужу, положила руки на его плечи.

– Кажи, пожалей их, – попросила сердобольная супруга. – Один из них твой племянник, другой – сирота, все равно что сын.

– Не трогай меня! – Кунанбай сердито отстранил ее руки.

– Тате, зачем звать людей, – опять подал голос Амир. – Скажите, куда привязать, Мырзахан и привяжет. Сопротивляться не будем.

Патриарх хмуро глянул на него.

– Возьми аркан и привяжи их к повозке перед окном, – приказал он Мырзахану. – Идите прочь!

Все вышли.

Мырзахан посадил друзей на землю позади повозки и, делая вид, что связывает их, обмотал арканом. Кунанбай, высунувшись из окна, следил за исполнением наказания.

– Что ты переживаешь? – говорил Амир Мухаметжану. – Подумаешь, ветхий старик решил связать нас путами. Давай лучше споем нашу холостяцкую!

И Амир затянул сочиненную им залихватскую песенку молодого парня после расставания с девушкой. Мухаметжан, помедлив, стал подпевать.

Снаряжу упряжью ворона коня,
Пригоню табун домой на исходе дня.
Познакомился с тобой, прощаться не хочу,
Но пропала ты в ночи, бросила меня.

Свободные и вольные
Парни недовольны.
И дамочки и девушки
Обманывают больно!

Ястреб над озером принялся гусей гонять.
Парень вместе с девушкой вышел погулять.
Умереть не дай мне Бог слишком молодым!
Время пенить озеро да ягоды сбирать.

Смешливые глазки, маленький роток,
Как бы повстречаться нам на часок?
Надо нагуляться вдоволь и всласть,
Молодость прольется, как один глоток.

То ли исполнение позабавило Кунанбая, то ли вспомнил он молодые годы, но когда пение закончилось, из комнаты раздался голос кажи:

– Эй, Мырзахан, освободи негодников! На них, похоже, нет управы.

Кунанбай не собирался, конечно, мучить внука и племянника, которых любил не меньше, чем других отпрысков. Он понимал молодых людей, предпочитающих гулянья, игры, пение, радовался, когда народ мог предаться веселью. Но также знал, насколько хрупка система жизнеобеспечения в степи, которая поддерживается беспрерывным и монотонным трудом всех, без исключения, членов общества.

Кочевое скотоводство только со стороны кажется весьма выгодным занятием, ибо на первый взгляд не трудоемко. Еще более выгодно оно природе, поскольку количество скота лимитируется наличием травы, а степь восстанавливается после выпасов ежегодно. Но резкие климатические колебания делают подвижное скотоводство экстремальным способом производства, что регулярно ставит людей на грань выживания.

И если система хозяйствования даст сбой в каком-то месте, если хотя бы в одном семейном очаге возникнет трещина, то будет страдать весь род. Ибо со стороны никакой помощи ждать не приходится. Поддерживать и спасать от холода, голода или смерти попавших в беду людей должны сами сородичи.

Кто, как не Кунанбай, знал, насколько трудно приучить людей к взаимопомощи? Шакарим много раз слышал от деда, как божью заповедь, формулу: «Без народа – как без рук».

Мудрость, которую проповедовал Кунанбай, сложилась в глубокой древности. Веками у кочевых народов земля принадлежала роду, а значит, всем его членам. Каждый, кто терял скот во время джута – массового падежа скота в зимние холода, имел право на помощь рода. Этот принцип взаимопомощи был главным условием целостности рода, всего народа. Нищих при таком подходе не должно было быть по определению.

– Люди должны быть готовы помогать друг другу в степи всегда. – Эту заповедь Кунанбай вживлял в сознание сородичей. – Без взаимопомощи казахов ждет смерть!

Вот почему, прослышав о затянувшейся беззаботной жизни Амира, в которую он втягивал все больше молодых людей, в результате чего в роду стали появляться зияющие семейные прорехи, Кунанбай сделал попытку остановить внука. Патриарх сознавал в душе, что попытка не будет эффективной, ибо годы уже не те, когда мощь главы рода была подавляющей, авторитет – непререкаемым, слово – весомым. Он видел, что Амир нисколько не боится его, но ему важно было продемонстрировать свою позицию, не внуку, а всему роду, всем, кто верил в будущее традиционного образа жизни.

История наказания (или видимости наказания) Амира и Мухаметжана быстро облетела род Тобыкты. Кто-то восхвалял смелых и находчивых парней, кто-то, напротив, говорил, что Кунанбай верно осадил гуляк, сбивавших с праведного пути людей, которые трудятся, не покладая рук, добывая хлеб насущный.

Громко возмущалась Ботантай, мать Амира:

– Посмотрите, что вытворяет вздорный старик! Привязать дитя веревками к телеге! Это ж надо додуматься. И без того живем сиротами, кто б нам помог. Так нет, решил заняться воспитанием. Не поздно ли?

«Дитя», которому исполнилось 26 лет, только посмеивался.

– Тате прав по-своему, – говорил он, – пусть воспитывает, как ему хочется. Я не в обиде.

В романе «Путь Абая» эпизод с наказанием Амира представлен в гротескном виде: Кунанбай душит Амира, внука, желая ему смерти, бьет коленом в грудь Нурганым, бросившуюся спасать Амира. Наконец, появившийся внезапно Абай отрывает руки отца от горла Амира. Отец с сыном «впились друг в друга взглядом, полным ненависти. Оба были готовы к смертельной схватке». И далее: «Абай стоял,

с отвращением глядя на отца. Он не дрогнул от его страшных слов и только коротко ответил: "Уйду. Навсегда"».

Комментаторы обычно поясняют, что «будучи вымышленным, этот эпизод подготовлен всем внутренним складом образа жизни Кунанбая и отнюдь не противоречит логике его исторического прототипа» (Л. М. Ауэзова). Но «исторический прототип» никогда не душил внука, не ссорился с сыном и не имел соответствующей логики. А выстраивать роман, переворачивая с ног на голову каждый эпизод, связанный с Кунанбаем, ради подтверждения вымышленного антагонизма отца и сына все же не совсем честно по отношению к реальным прототипам, даже если они давно покинули бренный мир.

Год спустя после «наказания» Амир внезапно заболел и, не вставая с постели, умер. Предания не донесли сведений о природе болезни. Ввиду ее быстротечности никто не ставил диагноза. И можно лишь строить догадки, отчего в столь молодом возрасте – 27 лет – ушел из жизни Амир. Вернулся, как говорят казахи, туда, откуда пришел в этот мир.

Горе родных было безмерно. Мухаметжан, друг юности, говорил, что такого мужественного и душевно щедрого человека, как Амир, не было в роду. «После смерти Амира я стал одинок», – не уставал повторять Мухаметжан даже в преклонном возрасте, и на глаза его наворачивались слезы.

Горевала Ботантай. Когда Кунанбай поинтересовался, где намерены хоронить Амира, она отрезала: «Не получится больше есть его поедом. Теперь я властна решать!» В смерти любимого сына она обвиняла престарелого Кунанбая. Не могла забыть, как глава рода пытался наказать Амира, привязав к телеге. Безобидное наказание мерещилось матери предвестием божьей кары, наведенной волею всемогущего тестя.

До Кунанбая доходили причитания Ботантай, но он на них не реагировал. Патриарх отвечал за весь род, и кончина каждого человека жестоко угнетала его. В смерти Амира и без укора Ботантай он обвинял только себя. Обвинял за то, что не сберег, не помог, не обучил тому, что должен был передать согласно древнему сакральному коду.

С этого момента он действительно стал вести себя как затворник. Сократил прием гостей. Меньше стало контактов с родными. Только сыновья приезжали с отчетами о проблемах в хозяйстве или в делах управления родом. Гораздо чаще они появлялись во время выборов.

Так, в 1880 году Кунанбай и Абай решили выдвинуть в волостные управители Шакарима. Когда ему об этом сказал Абай, Шакарим пробовал отказаться, напомнив дядюшке, что тот советовал держаться подальше от интриг и склок, связанных с властью.

– Да, говорил. Но кроме тебя ставить некого. Мне избираться нельзя, я под следствием. Ыскак был три срока волостным и заважничал, нос воротит от народа. Уж и не знаю, каким дальше волостным будет чванливый братец.

Абай был заметно расстроен тем, как вел себя Ыскак. В воспоминаниях Турагула про его новые привычки сказано так: «Как-то отец приехал в его аул на сход народа. Но Ыскак даже не поднялся с ложа. Прождавшие его до самого обеда аксакалы, устав сидеть, стали расходиться. Тогда мой отец поднял Ыскака и сказал: "Вон пошел Оразбай. Знаешь с чем он уходит?" – "Нет". – "А уходит он, думая, что дерьмо, а не голос ты получишь от него на следующих выборах!"».

– Поэтому волостным в Чингизской волости будешь ты, – заключил Абай, – иначе власть уйдет от нас. Пост займет какой-нибудь прохвост, который будет притеснять всех.

Выборы сложились удачно. Шакарим стал волостным управителем Чингизской волости. Параллельно Танирберды стал волостным в Кызыл-Адырской волости. Ничего хорошего для Абая это не сулило. И он поехал за советом к Кунанбаю. Проблема состояла в том, что за муллой Узукбаем, жалобщиком по его делу, стоял Оразбай, сват Такежана.

Оразбай Аккулов (Аккулулы) (1837–1921) был одним из видных тобыктинских личностей, во всяком случае, самым богатым на землях Бугулы. Считался лидером подрода Есболат, хотя не мог похвастать знатным происхождением – его прадед Кайыпберды был всего лишь воспитанником Есболата, основателя рода. Но характером Оразбай был посильнее многих. Да и энергии ему было не занимать. С детских лет он работал без устали от зари до зари, собственными руками создав немалое богатство. Сохранились предания о том, как Оразбай, небедный человек, после выгона на выпас овец ходил по загону и собирал клочки овечьей шерсти. Потом сушил ее, рассыпав в юрте по сухой коже, собственноручно пушил и вил на веретене нить для пряжи. Не от жадности собирал и сушил шерсть Оразбай, а по врожденному трудолюбию, не присущему обычно степным аристократам.

Мучимый жаждой власти, Оразбай мечтал возглавить

род Тобыкты. Пока был силен Кунанбай, с ним никто не решался вступить в открытую борьбу. Но когда неофициальные функции главы рода стали переходить к Абаю, Оразбай решил, что его час настал. В расцвете лет он вступил в схватку за главенство в роду Тобыкты.

Кунанбай сразу предупредил Абая, что ему нужно прекратить контакты с сыном Оразбая. И потребовал, чтобы все члены подрода Ыргызбай стали вести себя скромнее. Видимо, глава рода уже знал о недовольстве в других отделах Тобыкты затянувшимся верховенством отпрысков Кунанбая. В какой-то момент доминирование их клана стало казаться многим нестерпимым.

Мухтар Ауэзов писал в исследовательской работе: «Ввиду того, что правление потомков Кунанбая длилось долго, волостные и простой люд подрода Ыргызбай впали в праздное состояние духа, стали непомерно чванливыми, своенравными. В народе росло недовольство. Принадлежность к ыргызбаям стала чем-то вроде охранной грамоты на беспредельное самоуправство. Например, некто Бакаш при большом стечении народа наговорил беспричинно скверных слов. А когда кто-то сказал: "Эй, Бакаш, нельзя же так", – он отвечал: "Это не я, это во мне сидит ыргызбайское". Безобразия множились, росло и число людей, настроенных против Абая».

В воспоминаниях Архама Искакова есть забавный эпизод о том, как некто Оримбек из подрода Анет решил преподать урок знатным сородичам.

Встречаясь по каким-нибудь датам, казахи любили устраивать различные соревнования. Жена Оримбека, например, победила в соревнованиях женщин по бегу – были и такие забавы. Оримбек тут же запер жену дома и даже прогнал гонца, доставившего приз за победу.

Аксакалы призвали его к ответу:

– Что это с тобой, дорогой?

– Моя жена не только хорошо бегает, у нее еще и ладная фигура, – пояснил ревнивец. – Если Абай или Оспан услышат, что она победила в беге, скажут: «Приведи, поглядим на нее». И ведь отказать нельзя. А если она им понравится, скажут: «Мы тебе найдем другую жену». И опять им не возразишь. Но ведь они себе ее не оставят. Если она понравится кому-нибудь другому, они тотчас отдадут ее.

Можно подумать о неадекватности Оримбека, но Абай, по Архаму, воспринял упрек всерьез, хотя ответил не без юмора.

– Похоже, этот Оримбек честный парень, – сказал Абай. – У нас, видимо, вошло в привычку требовать лучших скакунов и ловчих птиц, потом дарить кому-то. Так что я его понял. Впредь обязуюсь скакунов, красавиц-жен и ловчих птиц не забирать. Оспану передам, чтобы и он это прекратил.

Выборы 1884 года стали последними при жизни Кунанбая. Они были, пожалуй, самыми напряженными со времени введения должности волостного и самыми драматичными по накалу страстей.

Шакарим на новый срок не переизбирался. Впоследствии объяснял просто: «На следующих выборах я объявил, что отказываюсь от власти, что должность волостного приносит только неприятности, из-за нее я перестал заниматься образованием. Оспан говорил, что хочет стать волостным. Я и сказал: "Пусть будет Оспан-ага, а меня освободите". Абай согласился» (из воспоминаний Ахата, сына Шакарима).

Абай действительно был согласен с тем, что пришла пора Оспану управлять волостью. Прежде из-за резкого, непредсказуемого характера Оспана Кунанбай не решался возложить на него бремя власти.

Турагул, сын Абая, писал: «На следующих выборах решили выдвинуть в волостные Оспана. Против были и Шакарим, и другие люди. Все они за глаза говорили, что Оспан честен и справедлив, следует заветам отца-кажи. Но друзья, которым Абай верил безоговорочно, даже сваты, резко переменились и неожиданно избрали волостным Кунту. Перед выборами Ыскак говорил Абаю, что они жульничают и обманывают его. Абай вызвал друга по имени Ербол. Тот стал уверять: "Нет, Ыскак зря наговаривает". Приболевший в те дни Абай поверил Ерболу и сидел, бездействуя».

Это несколько неожиданное толкование событий, кажется, дискредитирует Шакарима, который в более поздних стихотворных реминисценциях говорил о твердом нежелании быть волостным. Правда, преклонение перед учителем Абаем не изменяло ему на протяжении всей жизни.

Возможно ли, что Шакарим пошел против Абая, не приветствовал выдвижение Оспана да к тому же участвовал в заговоре? Вполне могло статься, что Шакарим по каким-то причинам был против кандидатуры Оспана. Но насчет заговора можно сказать определенно: принимать участия в нем он не мог ни при каких обстоятельствах. Имя учителя свято. Честь превыше амбиций.

Турагула, к счастью, дополняет Архам Искаков. Добросовестный мемуарист Архам отмечал: «Шакарим, обнаружив, что выдвигаемые Ерболом елюбасы были настроены против детей Кунанбая, пришел к главе подрода Жуантаяк Байкулаку, давнему другу Кудайберды. "Баке, как вы считаете, Ербол творит все это, потому что враг или оттого, что просто заблуждается?" – спросил Шакарим. Байкулак от неожиданности какое-то время растерянно молчал. "Сынок, я был другом твоего отца до последних его дней, – сказал он наконец, – и этот твой вопрос очень труден для меня. Скажу неправду – так это против моих убеждений. Скажу правду – это против данного мною слова и обещания молчать. Однако, кажется, ты сам уже догадался. Дело с самого начала пошло таким вот образом". Эти слова показались ужасающими Шакариму, считавшему власть волостного собственностью их клана».

По сведениям Архама, Шакарим поспешил к Ыскаку и Абаю, чтобы сообщить о происходящем. То есть именно он был человеком, разоблачившим тайный план по избранию волостным Кунту, который, кстати, долгое время состоял в числе друзей Абая. И не вина Шакарима, что Абай решил поверить Ерболу.

Архам в описании «допроса» Ербола опять дополняет Турагула: «Абай вызвал Ербола. "Это правда, что ты сговорился со многими другими поставить Кунту?" Ербол отвечал: "Ой, Абай, не хотел я в эту работу втягиваться, но ты же сам заставил. Мы трудимся над выборами, а место волостного только одно. Ыскак говорит – поставь меня. Вот и Шакарим говорит, что хочет стать волостным. Ты требуешь поставить Оспана. Всем места не хватит, укажи мне только одну кандидатуру". Доверчивый Абай не мог думать плохо о друге. "Коли так, иди, делай свое дело", – сказал он».

А заговор был серьезным, потому и обернулся успехом. В нем участвовали около 15 родовых авторитетов, такие как Оразбай, Бейсемби, Жиренше, Кунту, Байкулак, Жуантаяк, не считая близкого друга Абая Ербола. Заговорщики решили, что судьба жителей волости в опасности, Кунанбай уже не проявляет активности, поэтому следует немедленно забрать власть из рук его потомков.

Голосование с избранием Кунту волостным блистательно описано в романе «Путь Абая», только передвинуто на пять лет вперед, в 1889 год, – вольность, допустимая в художественном произведении, в которых встречаются и куда более серьезные искажения.

Объявление итогов голосования прозвучало настоящим громом среди ясного неба: победил Кунту. Молва гласит, что когда уездный начальник Тихонов, не ожидавший такого исхода голосования, захотел провести перевыборы, Абай не согласился и потребовал признать выборы. Поступок мужественного человека.

Разочарование Абая итогами выборов было огромным. Только сейчас открылись глаза на друзей, суливших беспрепятственное избрание Оспана, но вместо этого устроивших самый настоящий заговор. Абая просто-напросто обвели вокруг пальца. Он чувствовал себя виноватым перед Кунанбаем, который предупреждал о подобных последствиях. И Абай поехал с отчетом к отцу, чтобы вести с ним долгие беседы о будущем, о жизни и судьбе...

В последний год жизни кажи много болел, а под конец не вставал с постели. Кунанбай умер в августе 1885 года в возрасте восьмидесяти одного года. Тело его было предано земле Абаем и Ыскаком в Акшокы на кладбище, устроенном ранее для Халиуллы. Кажи оказался в земле рядом с любимым сыном.

Последний официальный глава рода Тобыкты ушел из жизни в момент очередного нарастания внутриродового противостояния. Могло показаться, что ничто не меняется на степном пространстве. Так же, как при Кунанбае, его сородичи бились за счастье под небом Чингистау. И все так же на первых ролях выступали потомки Кунанбая.

Однако такой, как при нем, жизнь уже быть не могла. Потому что вместе с Кунанбаем ушла целая эпоха. Закончилось многовековое господство в степи родовой государственности с верховенством ханов и глав родов, деливших во владение племен и родов огромные степные территории. На смену пришла новая административная структура, которой еще предстояло закрыть очередную главу казахской истории.

Глава двадцать восьмая

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Похоронив Кунанбая в Акшокы по мусульманскому обычаю, родственники и сородичи покойного разъехались по домам, уверенные, что его сыновья проведут через год традиционный в таких случаях большой ас – поминки по знатному члену рода с угощением гостей и проведением спор-

тивных и развлекательных мероприятий. Все вспоминали грандиозный поминальный ас, который дал сам Кунанбай в 1851 году в годовщину кончины своего отца Ускенбая. На мероприятие тогда съехались представители всех трех казахских жузов, были приглашенные лица из сопредельных земель. В итоге получилось событие национального масштаба.

Сородичи были уверены, что Кунанбай-кажи достоин неменьших почестей. И предвкушали заранее, что на асе тон будут задавать аргыны, найманы, кереи, уаки, кыпчаки, коныраты и тем самым многочисленный Средний жуз поведет за собой остальные жузы.

По заведенному порядку ближе к намеченной дате родственники покойного должны начать рассылать приглашения-уведомления. И летом следующего, 1886 года степняки с нетерпением ожидали вестей из Чингистау.

Но наступил август, а приглашения так и не поступили. Оказалось, что Абай отказался от проведения большого аса и ограничился поминальными мероприятиями в Семипалатинске. Собрав в городской мечети имамов, хальфе и старейшин, провел чтение заупокойных молитв. Затем раздал щедрое подаяние бедным, нищим и сиротам.

Прямо выражать недовольство Абаю, конечно, никто не стал. Ас – дело добровольное, и проводят его с учетом собственного имущественного и материального положения. Недостаточно обеспеченные степняки не могут позволить себе большие затратные мероприятия, и никто не посмел бы укорять их за это. Однако Абай и его братья не состояли в числе неимущих личностей. Напротив, сородичи предполагали, даже знали, что им по силам провести ас самого большого масштаба.

В народе поползли слухи о том, что Абай пожалел свой скот, пренебрег заветами предков, ушел от проложенного отцом пути. Настроение этой части общества выразил акын Кеншимбай, распространивший песенный вариант следующих стихов:

Салем Ыбыраю*, по матери он близок мне,
Пренебрег он асом в память моего Кунеке!
Не видно у него под очагом огней.
Умер бы, что ли, людей принимая пару дней?

---

* *Ыбырай* – вариант имени Ибрагим, исходного имени Абая Кунанбаева.

Известный поэт, мыслитель, историк Машхур Жусуп Копеев (1858–1931), житель Баянаула, тоже посчитал, что Абай пришел к неправильному решению. Свое мнение он выразил в иносказательной форме в газете «Дала уалаяты» от 1 декабря 1889 года, поместив отклик на публикацию стихотворения Абая «Лето». Машхур Жусуп писал: «Как объявлено в газете читателям, один из опубликованных стихов принадлежит сыну Кунанбая. Из стихотворения понятно, что автор не беден. Однако не видно, чтобы он желал сделать для народа полезное дело... Мы слышали, что искусство господина Ыбырая выше искусства Кунанбая. И поскольку он подчеркивает, что богат, следовало бы подтвердить искусство делом... Вот мы сегодня не можем понять, жив или нет Кунанбай. Чтобы сказать, что Кунанбай, возможно, жив, нужны какие-то действия живого человека – их нет. А если человек умер, то об этом должен быть какой-то знак – его тоже нет».

Машхур Жусуп намекал на промах, будто бы совершенный Абаем. По традиции вестью о кончине уважаемого человека считается сообщение о месте и времени проведения аса. Если сообщения нет, то как бы никто и не извещен о кончине. И как бы никто не умер. Или умерший не был известной личностью.

На самом деле причиной язвительных уколов стало искреннее непонимание отказа проводить большой ас в честь умершего главы рода, а вовсе не желание подчеркнуть просчеты и недостатки стихотворения.

Позже Абай отозвался на все выпады в свой адрес эпиграммой, получившей известность как «Ответ жителям Куреку», не опубликованной при его жизни:

Несчастные владетели побитых лбов,
Так и уйдем, остыв, покинем жизнь без слов.
А от бумажных пуль никто не умирает,
По жизни мы – мишень для хвастунов.

А пока Абая неожиданно поддержала Ботантай, вдова Кудайберды.

– Как только я не грубила родным мужа, – каялась она после смерти Кунанбая. – Говорила, что мы остались сиротами, никто нам не помогает в хозяйстве. Но они терпели резкие слова, уважая нас. Мой язык доставал и до Кунанбая. Я ведь обвинила его в смерти Амира. Но после ухода Тате аруахи наказали меня, я ослепла. Тогда я пошла на

его могилу, обняла надгробие, попросила прощения. Взяла землю, потерла ею глаза. После этого стала видеть. Тате был мусульманином, помогал бедноте. И он будет рад, если вы вместо того, чтобы зарезать весь скот на ас, накормите бедноту.

В этом-то и состояла новая парадигма Абая.

– Предположим, – говорил он, – мы угостим большое число людей на асе, может, удастся накормить бедноту. Но как люди будут жить остальное время года? Не лучше ли отказаться от аса и кормить бедноту весь год?

Принимая решение не проводить ас, он понимал, что нарушает древнюю традицию тризны с принесением в жертву коня, пришедшую из глубин веков, когда тюркские предки поклонялись Вечно Синему Небу, аруахам (духам предков) и богу Тенгри. Но в XIX веке в условиях кризиса кочевого способа хозяйствования, испытывавшего известное давление со стороны внешнего имперского управления, проведение аса способно было разорить любую степную семью. И Абай, отказавшись от затратного поминального обряда в пользу мусульманского пожертвования неимущим, надеялся хотя бы таким образом остановить действие обременительной традиции. Ссылка на ислам, призывающий к скромности поминальных процедур, лишь обнажила конфликт тенгрианских и исламских традиций, который длится с незапамятных времен и представляет собой, в сущности, конфликт цивилизаций.

В хозяйстве Абая и его братьев в самом деле было достаточно средств для проведения аса. Но он давно задумал очистить в горниле своих нравственных исканий мировосприятие народа. И решил начать с себя, зная, что Кунанбай, который в эту минуту смотрит на него с небес, одобрит его начинание.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кунанбай – отец выдающегося казахского поэта и мыслителя Абая, которого мы почитаем за эталон мудрости.

Кунанбай – дед самобытного философа и поэта Шакарима, человека трагической судьбы, имя которого после смерти на многие десятилетия было вычеркнуто из истории.

Но много ли мы знаем о самом Кунанбае помимо его признанных родительских заслуг?

Надеемся, что эта книга, до последних страниц которой добрался читатель, помогла узнать больше о личности этого непростого, необычного человека, горячего, неравнодушного, энергичного сторонника родовой идентичности, готового биться насмерть за святую жизнь в степи, за традиционные нормы и правила, соблюдением которых только и оправдывается, в его понимании, вся казахская история.

Однако в этом месте современный человек задаст справедливый вопрос: а нужно ли было вообще биться за родовую идентичность и родовую структуру общественного устройства? Смена жизни народа в открытой степи, в тяжелых природных условиях более цивилизованной жизнью в городах была неизбежной. Да, начало переменам положила царская власть, экономика которой носила ярко выраженный экстрактивный характер, в то время как подвижное скотоводство, основное звено экономики казахов, давало возможность развитию инклюзивных политических институтов, что могло бы в некоем гипотетическом будущем привести к прорывному технологическому развитию. Но надеяться избавиться от империи – не более чем мечты и фантазии. Империя приходит навсегда, даже если она когда-нибудь уйдет.

Действительно, если Кунанбай сражался за сохранение общинных отношений и родовых принципов и правил, то чего он, в конце концов, добился? Нашел ли оправдание жизни в своем неизменном стремлении сохранить единство казахов?

Возможно, ему удалось отстоять родовые принципы, лежавшие в основе традиционной казахской государственности, пусть только среди тобыктинцев, в одном отдельно взятом роде, хотя это тоже проблематично. Он сам чувствовал временный характер успехов в деле сохранения и соблюдения вековечных законов, завещанных предками. Внешнее управление, расширяя свое присутствие, постепенно и неумолимо меняло характер общественных отношений в казахском обществе. Кунанбай пытался противопоставить этому концепцию совмещения старого и нового в управлении, традиционного и привнесенного, симбиоза, который еще существовал в XX веке, когда традиционализму, казалось бы, должен был наступить конец.

Приходится согласиться: Кунанбай не мог остановить неизбежную трансформацию жизни казахского общества. Однако стали ли мы, живущие сегодня в городах, ведущие относительно обеспеченное и безопасное существование, счастливее, чем наши предки, жившие кочевой вольницей, двигавшиеся за скотом по степи и яростно сражавшиеся, как Кунанбай-кажи, чаще всего со своими сородичами, за сохранение старинных общинных правил и традиций?

Подлинное оправдание жизни может дать только время, а оно все еще не снимает проблему. Поэтому Кунанбаю не нужно оправдание. Он его получил при жизни.

Казахская степь сегодня пустынна. Кажется, она только отдыхает и ждет покинувших ее обитателей.

Может быть, мы еще вернемся к Кунанбаю. Ведь, несмотря ни на что, он был счастлив, ибо был свободен в каждый момент жизни, даже когда в Пограничном управлении на него завели дело и ему грозила тюрьма.

Самое удивительное в его образе, объявшем собою почти все основные события XIX столетия в казахской степи, это то, что он состоялся сам по себе, без отношения к каким бы то ни было именам, политическим силам или неумолимым событиям эпохи.

Конечно, все личности казахской истории стоят на плечах великих предков. Но среди современников Кунанбай был сам глыбой, возвышающейся над всеми. Нет, он не чувствовал одиночества, не был отдельно стоящей скалой.

Он просто возвышался над всеми, не испытывая никаких неудобств от своего вышестояния, от уверенного присутствия в мире, спокойно подпирая небеса.

Такого Кунанбая мы прежде не знали. Он пришел к нам, чтобы напомнить о заветах великих предков. Но он приходит не из забвения, как его внук Шакарим, имя и судьба которого были реабилитированы только в конце XX века. Кунанбай возвращается, обретая, как мы надеемся, реальную биографию.

Следует вернуться к теме, обозначенной в предисловии. До сих пор несколько поколений казахов знало только книжный образ Кунанбая, созданный в романе «Путь Абая». Боязнь за судьбу творческого наследия Абая, за превосходный роман, который господствующая идеология могла в любой момент запретить, за Ауэзова, которому перманентно грозила репрессиями тоталитарная власть и он мог оказаться за решеткой, породила канонизацию книги. В результате в советскую эпоху как бы отпала нужда в реальной биографии Кунанбая и она воспринималась исключительно в литературном дискурсе. Но сегодня казахское общество заново осознает свою суверенную историю, полагаясь в экзистенциальных порывах на самобытность в традиционалистской парадигме. В поисках социальной истины современники опираются больше на феноменологическое осмысление истории, нежели на диахронные исследования, на состояние души и смутные интуиции, а не на логические доводы. И гениальность литературного произведения лишь амплифицирует иррациональное восприятие, порождая феномен всенародной увлеченности художественным образом в ущерб подлинной биографии Кунанбая. И правда, в высокохудожественной форме романа «Путь Абая» читатели обнаруживают и свято чтят онтологическую основу «самости», собственного «Я», которая в таком случае становится экзистенциальным источником развития нации.

Другой аспект, не менее важный, сегодня почти незаметен. Традиционное общество консервативно, в нем к переменам относятся настороженно. А вторжение в сферу национальной парадигмы сродни интервенции. Реальный исторический, не литературный Кунанбай – это перемена. В свое время и роман Ауэзова был переменой, он обеспечил прорыв нации в новую, точнее, иную культуросферу, став иконой традиционализма, которую следовало оберегать от любого покушения на фундаментальные ценности. Ибо мировосприятие нации было модулировано страшной ка-

тастрофой, случившейся в начале 1930-х годов. Массовый голод знаменовал апокалипсис кочевой цивилизации казахов. Именно тогда был убит чекистами прямо в степи Шакарим, обвиненный в выступлении против советской власти. Были уничтожены, по сути, все деятели Алаш-Орды. Трагедия наложила неизгладимый отпечаток на мировосприятие, характер, психику людей, принужденных сменить образ жизни и только в памяти хранить традиции уходящего кочевья. В таком ракурсе сегодняшнее возвращение подлинного образа Кунанбая – это в некотором смысле объективная логика развития, соединяющая на современном этапе историческое чувство и социальную активность.

Поэтому снять «биографическую» проблему сразу не получится, но это и не нужно. Надо довериться национальному чувству народа. Нет необходимости стремиться поколебать веру в книжный образ Кунанбая – он имеет полное право на существование. Великий роман должен жить своей жизнью, он не нуждается в защите.

Но и реальный Кунанбай нужен нации, что он и подтвердил неустанной своей борьбой за сохранение родовой идентичности казахов.

Биография такой знаковой личности, как Кунанбай, – достояние нации. Она должна войти в свод знаний народа, стать информационной основой последующих исторических, философских, литературных работ.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУНАНБАЯ УСКЕНБАЕВА

1804 — в роду Тобыкты у Ускенбая и Зере родился Кунанбай.

1800—1815 — территория Чингистау включена в состав России.

1810 — шестилетний Кунанбай получил первое благословение знаменитого бия Кенгирбая.

1814 — в десять лет тайком от отца Кунанбай самостоятельно научился читать по письмам, присланным отцу.

1819 — Кунанбай принимает участие во взрослых борцовских состязаниях, становится признанным мастером борьбы.

1822 — генерал-губернатором Сибири Сперанским был разработан и утвержден «Устав о сибирских киргизах», предопределивший всю дальнейшую судьбу Кунанбая, его политическую и общественную стезю.

В 18 лет Кунанбай впервые в отсутствие отца, бия Ускенбая, решает спорное дело, поразив всех ораторским мастерством. Становится начинающим бием. Народ стал называть его «мырза» (господин). По настоянию отца Кунанбай усиленно занимается арабским языком и чтением Корана.

1824 — завершает борцовскую карьеру, увлекается традиционными боевыми искусствами, считается лучшим среди молодых жигитов метателем копья. Создает и возглавляет местное родовое ополчение из молодежи, защищая родной аул от нападений конокрадов. Тогда же получил травму глаза.

На выборах старшего султана округа выступает с пламенной речью против избрания ага-султана из одних только торе, то есть за упразднение ханской власти.

1826 — женится на Кунке, дочери знатного бия Аганаса из племени Найман.

1829 — родился долгожданный первенец Кудайберды, отец будущего поэта и мыслителя Шакарима.

1831 — в 28 лет Кунанбай женится во второй раз на Улжан из рода Каракесек. От нее родятся шестеро детей: Танирберды, Ибрагим (Абай), Ыскак, Оспан, Салима и Кунбала.

1832 — получил от сородичей право на фактическое управление родом, несмотря на то, что формально волостью правил Б. Токов.

1837—1847 — народно-освободительное движение Кенесары Касымова. Кунанбай не поддержал восставших.

1840, июль — получил награду от командира Отдельного Сибирского корпуса за преданность русскому правительству и помощь в борьбе против мятежного султана Кенесары.

1841 — на сборе казахской родовой знати и султанов Кенесары был провозглашен ханом. В народной памяти он остался последним ханом казахов.

1843 — Кунанбай сватает сына Кудайберды за дочь авторитетного бия Алдабергена Толибике.

1841—1846 — представлял в судах империи интересы истцов-казахов, добивавшихся возвращения родам Сыбан, Тобыкты, Уак луговых земель в местности Аркат и Алжан, где решили обосноваться торговцы-сарты из Ташкента, Коканда и Бухары.

1844 — Кунанбай утвержден волостным управителем Кучук-Тобуклинской волости. До этого имел должность старшины.

1845, 29 июля — у Кунанбая и Улжан родился сын Абай (Ибрагим), будущий великий казахский поэт.

1846, 14 июня — произведен в чин хорунжего за усердие по службе. Принимает участие в экспедиции пограничного начальника Области сибирских киргизов генерал-майора Н. Ф. Вишневского. Знакомится с А. Янушкевичем.

1847 — убит последний хан казахов Кенесары. Кунанбай предлагает план строительства мечети в Каркаралинске.

1848 — женится в третий раз на дочери тобыктинца Бекена Айгыз.

1849, 22 октября — избран и утвержден старшим султаном Каркаралинского внешнего округа.

1850 — в возрасте 72 лет скончался отец Кунанбая Ускенбай.

1851, 15 августа — Кунанбай завершил строительство мечети.

1852, 31 октября — снят по приказу администрации с должности старшего султана Каркаралинского внешнего округа.

1853 — исполняет долг верховного судьи в деле Кодара и Камки. Применяет самое суровое наказание к обвиняемым — смертную казнь.

1854, сентябрь — на Кунанбая заведено уголовное дело «О противозаконных поступках старшего султана Каркаралинского округа и волостного управителя». Пробыл под следствием до середины мая 1855 года. Был освобожден под поручительство Чингиса Валиханова.

1867 — умирает любимый сын Кудайберды. Издано «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств», согласно которому все земли казахов объявлялись собственностью Российской империи.

1868 — издан указ об окончательном подчинении казахов русским законам.

1871 — по наставлению Кунанбая его сын Ыскак становится волостным управителем.

1873, осень — в возрасте 88 лет скончалась Зере, мать Кунанбая. Объявляет родственникам о желании идти в Мекку, чтобы совершить хадж.

1874—1875 — отправляется из Семипалатинска в Мекку. Строит там гостевой дом для бесплатного проживания паломников-казахов.

1875, 28 января — Абай становится волостным управителем Коныр-Кокше-Тобыктинской волости.

1880 — Кунанбай выдвигает в волостные управители Шакарима.

1885, август — умирает в возрасте 81 года. Похоронен в Акшокы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава первая. С именем великого хана 14
Глава вторая. Дорога предков к дому 24
Глава третья. Благословение Кенгирбая 34
Глава четвертая. Стезя молодого батыра 43
Глава пятая. Рождение бия 53
Глава шестая. Код справедливости 63
Глава седьмая. Самостояние родоправителя 74
Глава восьмая. Во благо рода и семьи 86
Глава девятая. Опаленные ханским огнем 100
Глава десятая. Будни сообщества 112
Глава одиннадцатая. Степь и конгресс 125
Глава двенадцатая. Метафизика родовой идентичности 136
Глава тринадцатая. У основания мечети 149
Глава четырнадцатая. Вышедший из народа хан 164
Глава пятнадцатая. Планида старшего султана 177
Глава шестнадцатая. Поминки по Ускенбаю 191
Глава семнадцатая. Генетика трагедии степи 203
Глава восемнадцатая. Страсти по Кодару 216
Глава девятнадцатая. Этос степного «феодала» 228
Глава двадцатая. Рождение мифа 240
Глава двадцать первая. Бремя ответственности 252
Глава двадцать вторая. Возвращение 264
Глава двадцать третья. Священный круг семейных уз 277
Глава двадцать четвертая. Бий неподкупной честности 290
Глава двадцать пятая. Выбор истинного пути 304
Глава двадцать шестая. Дом, который построил дед 318
Глава двадцать седьмая. Осень патриарха 329
Глава двадцать восьмая. Вместо эпилога 341

Послесловие 345

Основные даты жизни и деятельности Кунанбая Ускенбаева 349

Сыдыков Е. Б.

С 95 Кунанбай / Ерлан Сыдыков. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 351[1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1815).

ISBN 978-5-235-04346-6

Есть в истории личности, судьба которых удивительным образом отражает характер эпохи. Жизнь Кунанбая Ускенбаева, отца казахского поэта и мыслителя Абая Кунанбаева, деда философа и поэта Шакарима Кудайбердиева, опосредует казахскую историю всего XIX века, поскольку олицетворяет собой родовую структуру управления в традиционном обществе в переломный для всех казахов период перехода от родовых, общинных отношений к зависимому состоянию в структуре Российской империи. Но не менее значимо и то, что он жил в гуще людей, мечтал об их счастье, был всегда рядом с ними во всех важных событиях, касавшихся жителей казахской степи. Во всех его мыслях, волнениях, деяниях, свершениях отражались узловые проблемы и события эпохи, необратимо повлиявшие на судьбу народа.

Книга известного историка Ерлана Сыдыкова представляет собой наиболее полное и достоверное жизнеописание самобытного и яркого деятеля казахской истории и адресована широкому кругу читателей как в Казахстане, так и за его пределами.

УДК 821.512.122(092)
ББК 83.3(5Каз)-8

знак информационной продукции **16+**

Сыдыков Ерлан Батташевич
КУНАНБАЙ

Редактор **В. В. Эрлихман**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 14.10.2019. Подписано в печать 21.10.2019. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1915850.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04346-6

Ерлан Сыдыков

Сыдыков Ерлан Батташевич (родился в 1956 году в Семипалатинске) — доктор исторических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, Казахской академии образования им. Ы. Алтынсарина, Казахстанской Национальной академии естественных наук. Ректор Семипалатинского университета им. Шакарима, с 2011 года – ректор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.

Кунанбай Ускенбаев — не только отец великого казахского поэта и мыслителя Абая Кунанбаева, но и своеобычная, исключительная личность в казахской истории. Его жизнь вмещает, по сути, историю всего XIX века не только потому, что он вышел из народа и занял, не имея благородного происхождения, должность старшего султана огромного по территории округа. Но еще и потому, что он жил чаяниями народа, был всегда рядом с ним не столько по долгу главы рода, сколько по велению сердца, которое и есть дух самого народа.

ISBN 978-5-235-04346-6

9 785235 043466 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ